

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ**
Карельский научный центр РАН

**ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

**Петрозаводск
2014**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики
Карельского научного центра
Российской академии наук

**ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

Петрозаводск
2014

УДК 332.122
ББК 65.049(2Рос.)
О-76

О-76 **Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона /** Под общей ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 490 с.

ISBN 978-5-9274-0667-8

В коллективной монографии представлены основные результаты научных исследований сотрудников Института экономики Карельского научного центра РАН, полученные в 2010–2013 годах в рамках научно-исследовательских тем и проектов.

Основные научные результаты, представленные в коллективной монографии, включают в себя вопросы методологии изучения региональных социально-экономических систем, исследования места, которое занимают приграничные регионы в меняющемся национальном и мировом экономическом пространстве. Особое внимание в книге уделено различным подходам к типологии регионов, социально-экономическим и институциональным особенностям, присущим приграничным регионам России, а также факторам, ограничениям и направлениям их модернизации. В качестве отдельного блока, носящего прикладной характер, рассмотрены направления совершенствования социально-экономической политики как на уровне региона, так и на уровне муниципального образования.

Книга предназначена для научных работников, занимающихся исследованиями в области региональной экономики, аспирантов, студентов, обучающихся по экономическим специальностям, а также для специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

УДК 332.122
ББК 65.049(2Рос.)

ISBN 978-5-9274-0667-8

© Коллектив авторов, 2014
© Институт экономики КарНЦ РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Ю.В. Савельев)	5
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	8
1.1. Регион как объект исследования (О.В. Толстогузов)	8
1.2. Направления совершенствования методологии исследования региональных социально-экономических систем в условиях глобализации и регионализации (Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов, И.В. Чубиева)	26
1.3. Методические подходы к измерению социально-экономических и трансформационных процессов в регионе и их совершенствование (Р.В. Белая, М.В. Дьяконова, Г.Б. Козырева, Л.М. Кулакова, Е.А. Михель, Т.В. Морозова, Ю.В. Савельев, М.В. Сухарев, О.В. Толстогузов)	49
ГЛАВА 2. ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В МИРОВОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	71
2.1. Социально-экономическое развитие и конкурентоспособность регионов в условиях глобализации и регионализации (Ю.В. Савельев)	71
2.2. Подходы к типологии регионов. Место и функции приграничных регионов в условиях глобализации (Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов, М.В. Морошкина)	91
2.3. Социально-экономические особенности приграничных регионов (П.В. Дружинин, Т.А. Кодолова, Т.В. Кухарева, Е.Г. Немкович, О.В. Толстогузов)	134
2.4. Институциональные особенности приграничных регионов (Т.В. Морозова, Г.Б. Козырева)	173
ГЛАВА 3. ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	193
3.1. Экономические факторы модернизации и социально-экономического развития северных приграничных регионов (Л.И. Розанова, Е.А. Прокопьев, С.В. Тишков, О.В. Толстогузов, О.В. Поташева, А.Е. Курило)	193

3.2. Смешанные факторы и ограничения модернизации и социально-экономического развития северных приграничных регионов (П.В. Дружинин, Г.Б. Козырева, Т.В. Морозова, Е.В. Молчанова, Г.Т. Шкиперова)	241
3.3. Неэкономические факторы и ограничения модернизации и социально-экономического развития северных приграничных регионов (П.В. Дружинин, Е.В. Молчанова, Г.Т. Шкиперова)	275
ГЛАВА 4. НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧЬЯ	310
4.1. Парадигма современной модернизации и системная модель модернизации макро- и мезоэкономического субъекта (Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов)	310
4.2. Особенности трансформации и модернизации экономического пространства (Н.Г. Колесников, О.В. Толстогузов, А.А. Шишкин)	319
4.3. Модернизация и совершенствование структуры экономики (Е.А. Прокопьев, О.В. Толстогузов, Е.Г. Немкович, А.И. Шишкин)	366
4.4. Особенности трансформации общества (Г.Б. Козырева, Т.В. Морозова, Е.А. Михель, М.В. Дьяконова)	377
ГЛАВА 5. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА	403
5.1. Основные направления совершенствования региональной экономической политики и повышения конкурентоспособности региона (Ю.В. Савельев)	403
5.2. Совершенствование стратегического планирования в муниципальных образованиях (Е.В. Журнель, О.В. Толстогузов)	437
5.3. Стратегический выбор экономической специализации периферийного муниципального образования (Е.В. Журнель)	451
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Ю.В. Савельев)	466
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	468

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономические процессы, геополитические и технологические изменения и преобразования, наблюдаемые сегодня на глобальном и национальном уровнях, довольно сильно отражаются на российских регионах. Являясь структурными частями национальной экономики, и одновременно, выступая в качестве экономических и политических субъектов на международном уровне, регионы играют важную роль в экономике Российской Федерации. Эта роль регионов определяется тем, что они все больше берут на себя функции встраивания национальной экономики и международные экономические системы, выступая в качестве субъектов микрорегионализации. При этом особую роль в процессах микрорегионализации играют приграничные регионы страны.

Может показаться, что эта самостоятельная экономическая роль регионов по мере углубления процесса централизации управления, финансовых и экономических ресурсов, наблюдаемого сегодня в стране, с одной стороны, и осложнения геополитической ситуации, введения разного рода внешнеторговых ограничений и санкций, с другой стороны, постепенно сжимается. С этим нельзя согласиться, поскольку в этих условиях наоборот больший масштаб приобретают прямые контакты и взаимодействия приграничных регионов соседних стран между собой. Кроме того, в этих условиях появляется необходимость ускорения процессов модернизации экономики регионов, пока действуют разного рода внешнеторговые ограничения и есть возможность воспользоваться различными инструментами государственной поддержки для развития импортозамещающих производств и развития инновационного сектора экономики.

Для того, чтобы выбрать правильные подходы и стратегии модернизации и повышения конкурентоспособности конкретного региона, необходимо сначала всесторонне изучить его особенности и потенциал развития. Насколько он полно он используется на сегодняшний день, какие существуют дополнительные возможности?

Ответы на эти вопросы дает комплексная социально-экономическая диагностика региона. Отдельным вопросом для исследования является совершенствование методических подходов к измерениям социально-экономических изменений и тех трансформационных процессов, которые происходят в регионе.

К сожалению, часто важные стратегические решения на уровне региона принимаются исходя либо из текущей ситуации, либо из анализа динамики развития региона за предшествующие периоды. Ни тот, ни другой подходы не позволяют учесть появляющиеся новые факторы, способные оказать влияние на развитие региона и выступающие своеобразными драйверами преобразований в экономической и социальной сферах. Если рассматривать существующие и новые факторы и ограничения, оказывающие (или способные оказать) влияние на процессы модернизации и трансформации экономики и общества в регионе, то их следует подразделять на экономические, неэкономические и институциональные, поскольку механизм их влияния может существенно различаться. Как правило, при комплексной диагностике региона с целью выработки стратегических решений, направленных на его модернизацию и социально-экономическое развитие, часто недооцениваются институциональные факторы. Между тем, именно эта группа факторов может выступать как в качестве сильных катализаторов изменений, так и в качестве серьезных ограничений, препятствующих реализации даже идеальной с экономической точки зрения стратегии развития региона.

Помимо понимания сути социально-экономических и политических процессов, происходящих сегодня в стране и мире, знания факторов, особенностей и потенциала развития региона, а также способности выработать механизмы, которые позволили бы использовать их в полной мере, для выработки и успешной реализации долгосрочной стратегии развития и модернизации региона важно понимать какие изменения должны быть внесены в организационно-управленческие механизмы, чтобы они могли инициировать нужные изменения в социально-экономической среде. Сделать это не так просто, поскольку существует серьезный разрыв между стратегическими целями, ожидаемыми результатами и качеством и ограничениями той институциональной среды, в кото-

рой приходится реализовывать стратегию. Поэтому важным аспектом при выработке и реализации региональной (и муниципальной) стратегии является параллельное совершенствование инструментов социально-экономической политики.

Этим и многим другим актуальным вопросам посвящена данная коллективная монография, подготовленная сотрудниками Института экономики КарНЦ РАН по результатам научных исследований, проведенных в 2010–2013 годах. В данной работе зафиксированы, в частности, промежуточные результаты, полученные по научным темам, выполняемым институтом в рамках государственного задания по программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук, которые дополнены многочисленными прикладными результатами, полученными в рамках хозяйственных работ и проектов. Это позволило отразить в книге не только научно-теоретические подходы к решению проблем приграничных регионов, но также и иллюстрировать их практически примерами и кейсами, что, безусловно, повышает практическую значимость данной коллективной монографии.

Коллективная монография подготовлена следующими сотрудниками Института экономики КарНЦ РАН: Р.В. Белой (раздел 1.3), П.В. Дружинином (разделы 2.3, 3.2, 3.3), М.В. Дьяконовой (разделы 1.3, 4.4), Е.В. Жирнелем (разделы 5.2, 5.3), Т.А. Кодоловой (раздел 2.3), Г.Б. Козыревой (разделы 1.3, 2.4, 3.2, 4.4), Н.Г. Колесниковым (раздел 4.2), Л.М. Кулаковой (раздел 1.3), А.Е. Курило (раздел 3.1), Т.В. Кухаревой (раздел 2.3), Е.А. Михелем (разделы 1.3, 4.4), Е.В. Молчановой (разделы 3.2, 3.3), Т.В. Морозовой (разделы 1.3, 2.4, 3.2, 4.4), Е.Г. Немковичем (разделы 2.3, 4.3), О.В. Поташевой (раздел 3.1), Е.А. Прокопьевым (раздел 3.1), Л.И. Розановой (раздел 3.1), Ю.В. Савельевым (введение, разделы 1.2, 1.3, 2.1, 2.2, 4.1, 5.1, заключение), М.В. Сухаревым (раздел 1.3), С.В. Тишковым (раздел 3.1), О.В. Толстогузовым (разделы 1.1, 1.2, 2.2, 2.3, 3.1, 4.1, 4.2, 4.3, 5.2), И.В. Чубиевой (раздел 1.2), А.А. Шишкиным (раздел 4.2), А.И. Шишкиным (раздел 4.3), Г.Т. Шкиперовой (разделы 3.2, 3.3).

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

1.1. Регион как объект исследования

Регион как объект исследования, имеет пространственное, экономическое, социальное, технологическое и иное измерение, представляется в виде сложной социально-экономической системы. Основополагающим методологическим подходом к изучению региона является системный подход и его частные разновидности (применительно к изучению конкретных частей, характеристик и свойств региона как целостной системы – синергетический, геосистемный, воспроизводственный, геополитический, генетический, пространственно-временной и др. подходы).

Подходы к описанию, структуре и свойствам региона как объекта исследования различаются в экономической географии и региональной экономике. Если в рамках теорий и концепций экономической географии ключевое внимание уделяется пространственным характеристикам региона и связанным с ними формам проявления его свойств как целостной пространственной категории, то в рамках многих теорий и концепций региональной экономики ключевое внимание может уделяться различным аспектам функционирования региона как целостной социально-экономической системы.

Так, в зарубежной региональной экономической науке сегодня сложилось несколько основных направлений (и соответствующих им теорий), определенным образом различающихся по подходам к описанию, исследованию структуры и свойств регионов:

1. Направление, связанное с изучением экономического пространства (и регионов, как его структурных частей). Данное направление представлено следующими теориями и концепциями:

© О.В. Толстогузов

теорией поляризации экономического пространства и полюсов роста (Ф. Перру, Ж. Будвиль), концепцией «центр–периферия» (Г. Мюрдаль, А. Хиршман, Дж. Фридман), теорией региональной экономики (У. Айзард); теорией агломераций (Ж. Оттавиано, Т. Табучи) и др.

2. *Направление, связанное с изучением особенностей территориальной организации экономики и движения факторов производства.* Данное направление представлено следующими теориями и концепциями: теорией международной торговли и географической экономики (П. Кругман, М. Фуджита), теорией «нового» роста (П. Ромеро), теорией циклического движения факторов производства (Э. Венаблеса), теорией промышленных кластеров (М. Портер), концепцией региональных кластеров (М. Энрайт), моделями региональных кластеров С. Резенфельда, П. Маскелла, М. Лоренца, концепцией взаимодействия кластера и цепочки добавления стоимости (Дж. Хамфри, Э. Шмитц), теорией промышленных районов (А. Маршалл), теорией (итальянских) промышленных округов и концепцией территориальных производственных систем (Д. Мэйя, Н. Гросжан, Э. Маркусен), и др.

3. *Направление, связанное с изучением экзогенных и эндогенных источников экономического роста.* Данное направление представлено следующими теориями и концепциями: теорией «нового» роста (П. Ромеро), моделями влияния технологических изменений (П. Агион, П. Хауитт, Ж. Гроссман, Е. Хелпман), моделями международной торговли и распространения технологий (Р. Барро-Салаи-Мартин, С. Базу, Д. Вейл, Р. Лукас, Дж. Зейр, Дж. Вентура), теорией случайного роста (Дж. Эллисон, Е. Глэйзер, Т. Холмса, Дж. Стивенс), моделью пространственных лагов регионального роста (Л. Инн), концепцией технико-экономической парадигмы (К. Фримэн), концепцией «индекса качества» экономической деятельности (Э. Райнерт) и др.

4. *Направление, связанное с изучением роли инновационных и технологических факторов в развитии регионов.* Данное направление представлено следующими теориями и концепциями: теорией пространственной «диффузии» инноваций (Т. Хагерстранд, П. Хаггет), концепцией экономики обучения (Б.-О. Лундваль, Б. Йонсон), концепцией региональной инновационной системы

(Б. Асхайм, И. Изаксен), моделью инновационного регионального роста (А. Андерсон, Дж. Манцинен); теорией инноваций (технического прогресса) (М. Кремер, Дж. Хансен, Е. Прескотт, О. Галор, Д. Вейл, С. Джонс) и др.

5. *Направление, связанное с использованием институционального подхода к изучению особенностей регионального развития.* Данное направление представлено следующими теориями и концепциями: теорией транзакционной экономики и концепцией сетевого общества (О. Уильямсон), концепцией информационализма и информационного общества (М. Кастельс), социологическими теориями об информационном обществе (Кэтц, О. Уильямс) и др.

В отличие от зарубежных школ, существенно отличающихся между собой по используемой методологии, масштабам и свойствам объекта и предмета исследования, в российской региональной экономической науке существует достаточно хорошо ощутимый методологический консенсус между различными научными школами, который заключается не только в близости используемой научной методологии региональных экономических исследований, но и в определенной унификации и преемственности базовых понятий и подходов. При этом в российской региональной экономической науке также можно выделить ряд направлений, имеющих свои особенности в части подходов к описанию, исследованию структуры и свойств регионов: *теоретическое направление региональной экономики и региональной политики* (А.Г. Гранберг, В. Ивченко, Б. Лавровский, В. Лексин, П.А. Минакир, О.С. Пчелинцев, А.И. Татаркин, А. Швецов, Б. Штульберг и др.); *экономико-географическое направление* (С.А. Артоболовский, М.Д. Гагарский, Н.М. Межевич, А. Плясов, А. Трейвиш, М. Шарыгин и др.); *направление экономического федерализма* (С.В. Валентей, О. Коломийченко, В. Лексин, А. Лавров, Л. Олех, А. Швецов); *направление стратегического территориального управления* (А. Гранберг, Б. Жихаревич, В. Лаженцев, В. Лексин, П. Минакир, И.Сигов, В. Рохчин и др.).

Кроме вышеперечисленных зарубежных и российских направлений, школ и теорий, разработке методологических подходов к исследованию региона и регионального развития посвящены также работы следующих зарубежных и российских ученых, которые не в полной мере вписываются в те направления, которые указаны

выше: И. Валлерстайна, Дж. Дьюкинга, Дж. Прескотта, Дж. Скотта, Дж. Фридмана, Х. Хотума, Е. Авдокушина, А. Богатунова, Л. Вардомского, Е. Дондовой, В. Колосова, Э. Кочетова, Н. МIRONENKO, Л. Новокшенова, А. Неклессы, М. Пивоварова и др.

Таким образом, вышеперечисленные современные направления и теории позволяют всесторонне исследовать особенности пространственной и структурной организации региона, проблему межрегиональной дифференциации и неравенства, а также другие проблемы регионального развития. А потому они являются основой научной основы изучения закономерностей развития регионов, их взаимодействия и формирования единого экономического пространства.

Ключевым фундаментальным понятием в региональной экономической науке является, естественно, понятие «регион», а также связанные с этим понятием иные категории и их интерпретации в зависимости от особенностей целей, задач и предмета исследования. В широком смысле термин регион воспринимается как социально-экономическая система, интерпретируемая в разных таксономических построениях применительно к пространственным характеристикам: область, район, территория и др., подчеркивающих тот или иной акцент, ту или иную сторону совокупности социальных, экономико-географических, исторических или иных условий, выделяемых путем районирования или зонирования, проявляющихся в результате процесса регионализации географического, экономического и экономико-географического пространства.

В общем случае под регионом понимается определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов [Алаев, 1983]. Так регионом может считаться крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой [Некрасов, 1975]. При этом в качестве важнейшего базового критерия выделения региона выступает *общность народнохозяйственных задач* – совокупность используемых или намечаемых к

эксплуатации природных богатств, исторически сложившаяся структура хозяйственной деятельности или плановая структура экономического развития. Кроме того, одним из важнейших критериев выделения региона является *критерий целостности* (разновидностью данного критерия является *критерий законченности (завершенности) воспроизводственных циклов*) [Новоселов, 1999]. Третьим неотъемлемым критерием для выделения региона является такой критерий как *исторически сложившаяся и экономически обусловленная система расселения* [Гранберг, 2000].

Таким образом, основываясь на вышеназванных критериях, регион представляется собой сложный территориально-экономический комплекс [Долятовский, 1994] (социально-экономическую целостность), характеризующуюся: 1) определенной структурой производства, концентрацией населения, рабочих мест, духовной жизни [Бильчак, Захаров, 1998], 2) целостным механизмом с локальной воспроизводственной системой [Шнипер, 1979], 3) частью единой системы производительных сил и производственных отношений [Шнипер, 1991] с законченным циклом воспроизводства и специфическими особенностями социальных и экономических процессов [Маршалова, Новоселов, 1998]. Регион является самодостаточным социально-экономическим организмом, находящимся в единстве со своей средой [Олех, 1998], который характеризуется также и иными дефинициями в соответствии с представлениями авторов [Некрасов, 1978; Гутман и др., 2005; Лапин, 2006; Барбаков, 2007; Лексин, 2003; Иванов, 2009] и нацелен на решение внутренних проблем, связанных с использованием территориальных ресурсов для решения задач на основе самообеспечения [Гутман и др. 2002].

Структурный состав региона, по мнению О. Коломийченко и В. Рохчина [Рохчин, 2003], определяется комбинацией следующих элементов: природных ресурсов, окружающей среды, внешней экономической сферы, населения, экономики, финансов, социальной сферы, непроизводственной сферы, инфраструктуры, системы управления, – которые могут быть агрегированы в блоки или экономическую, социальную и экологическую подсистемы [Ускова, 2009]. Рядом автором в состав региона также включаются общественная система, система обеспечения, экологическая система и комплексная система «природа – население – хозяйство» [Татаркин и др., 1999; Сигов, 2005].

Использование системного подхода применительно к региону позволяет эффективно разрабатывать систему научно-методологических понятий, а также комплекс взаимосвязанных методов и способов системного исследования региона [Системный анализ..., 1999]. В частности системный подход позволяет осуществить синтез признаков региона, который можно представить в виде следующей цепочки, наиболее полно описывающей и объединяющей различные свойства региона [Системный анализ, 1999]: экономико-географическое единство, административно-территориальная общность, территориально специализированная часть народного хозяйства страны, общая народнохозяйственная задача, использование однородных природных ресурсов, существование устойчивых связей между его частями и элементами, наличие условий для всего цикла воспроизводства определенной продукции, производственной специализация, повышения его эффективности, единство экономико-социальной и управленческой структур.

Для любого региона, как таксономической единицы пространства присуща история его формирования и развития, в ходе которой происходило постепенное усиление регионообразующих признаков. С точки зрения пространственного развития *процесс образования и дальнейшего развития региона представляет собой абсолютное преобладание процессов автономизации и дезинтеграции социально-территориальных общностей различного уровня*. Развитие и усиление этого процесса в исторической ретроспективе привело к возникновению явления *регионализации*. Регионализация выражается в объединении (или сближении) группы близко расположенных субъектов. Согласно Новому экономическому словарю, под регионализацией понимается «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион, оформление самостоятельности территориальных сообществ в социально-экономической и этнокультурной сферах [Новый экономический..., 2003]. При этом некоторые российские эксперты [Долгов, 1998 и др.] рассматривают регионализацию как своего рода глобализацию в ограниченных масштабах, проявляющуюся в том числе в экономической сфере. Экономический регионализм по мнению Н.М. Межевича [Межевич, 2007] представляет собой совокупность процессов

воспроизводства, базирующихся на специфике территориальной структуры экономики, культурных форм, природных и трудовых ресурсов. При этом надо учитывать социальную рефлексию, отгалкивающуюся от доминирующих на настоящий момент представлений об идентичности и чувстве территориальной общности [Российские регионы..., 2000].

С одной стороны, путем деления территории на регионы или районы (в терминах экономической географии процесс районирования представляет собой одну из разновидностей процесса таксонирования) выявляются и идентифицируются определенные таксоны, которые должны отвечать, по меньшей мере, следующим критериям [Шарыгин, Гагарский, 2005]:

- критерию специфичности каждого таксона;
- критерию единства и взаимной дополняемости таксонов;
- критерию целостности идентифицируемых (районируемых) элементов.

О тесной взаимосвязи указанных критериев говорит одной из определений региона, которое дал Э.Б. Алаев. Регион (район) – территория, которая по совокупности насыщающих ее элементов отличается от других территорий, не просто обладает единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, в то же время эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории [Алаев, 1983].

В любом случае в основе экономического района (в системе учетной статистической номенклатуры – региона) лежат не только политические границы (формирующие саму учетную единицу), но и в основе конфигурации ощущаются вполне осязаемые экономическое модели, характеризующиеся особенностями экономических процессов и свойствами локального экономического пространства, которое находится в непрерывном движении в зависимости от изменений спроса и предложения товаров и услуг [Моро-Дефарж, 1996]. В общем случае понятие региона может применяться для обозначения сопоставимых таксонов, а также любой территории, не подходящей по критериям к выделенным таксонам [Гладкий, Чистобаев, 2002].

Говоря об одном из ключевых регионообразующих признаков – экономической обособленности территорий – надо сказать, что он проявляется сразу на трех уровнях масштабирования – локальном,

национальном и международном. Так, в Докладе о мировом развитии за 2009 год для различия масштабов и возможности проведения сравнительного анализа применены термины район, страна и регион. Термин район обозначает «территорию» (как объект политики территориального развития) и отличается от термина регион, который в данном случае обозначает группу стран [Доклад о мировом..., 2009]. Однако в контексте дискуссии о социально-экономическом развитии целостных и специализированных частей национального экономического пространства в англоязычной литературе также часто употребляется термин регион (например, регион страны [World ..., 2009]). Из приведенных выше определений видно, что аналогичные смысл и трактовка данного термина является преобладающей в русскоязычной научной литературе.

Наряду с рассмотренными выше терминами, в современной региональной экономической науке все чаще встречаются новые понятия, например, «экономический регион» или «экономическая территория». Зачастую данный термин может означать любой географический район или юрисдикцию, по которым определяются статистические данные. Привязка субъектов к конкретной экономической территории определяется исходя из таких аспектов, как физическое присутствие и нахождение под юрисдикцией правительства данной территории [Международные рекомендации..., 2010]. В этом смысле в основу понятий «экономический регион» и «экономическая территория» заложена институциональная основа. Согласно ей, экономика региона состоит из всех институциональных единиц – резидентов конкретной экономической территории и нерезидентов, ведущих свою деятельность на этой экономической территории. Использование институционального подхода в терминологии и идентификации основного объекта исследования региональной экономики – региона, позволяет существенно расширить его рамки и ставит новые исследовательские задачи. Например, с точки зрения институционального подхода мы можем применительно к региональной экономике использовать термины *резидентная* и *нерезидентная экономика*. Резидентная экономика в этом смысле включает в себя производственную и коммерческую деятельность институциональных единиц, являющихся резидентами региональной экономики, имеющих центр экономических интересов в регионе и действующих в ней на посто-

янной основе. Кроме того, она включает в себя и результаты деятельности тех институциональных единиц – нерезидентов в той части, в которой они взаимодействуют с резидентами региональной экономики, включены или учитываются в валовом региональном продукте (ВРП).

Регион относится к территории уровня мезомасштаба и занимает переходное (промежуточное) положение между территориями уровня макромасштаба (национальной и мировой экономикой) и территориями уровня микромасштаба (уровень отдельного экономического агента или субъекта). Более того, как правильно заметил Н.М. Межевич [Межевич, 2003], категория регион не должна отождествляться исключительно с территорией. Считается, что территориальная составляющая является существенной для любого региона, поскольку является базисом для его формирования, существования и развития [Развитие..., 2006]. При использовании исключительно территориального подхода, регион – сводится, по сути, к определенной территории, отличающейся от других некоторыми признаками и обладающей целостностью и взаимосвязанностью составляющих ее элементов [Гранберг, 2000]. Соединяя территориальный подход с институциональным мы дополняем содержание понятия «регион» комплексом экономических агентов, взаимодействующих между собой и с другими территориальными комплексами [Минакир, 2006], а также его рассмотрением в качестве структурной части страны (области), отличающаяся от других областей совокупностью естественных и исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения [Новый..., 2003, 729]. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социально-культурного состава, особый характер политической организации общества и властных элит [Развитие..., 2006], а также влияние тенденций и новых форматов процесса регионализации.

Регион, как территория, определяется или выделяется по критерию однородности или подобности свойств, экономических, социально-политических и иных особенностей. В то же время экономи-

ческая обособленность может наблюдаться и внутри регионов. Процесс, в ходе которого идентифицируются субъекты территории, участвующие с различной интенсивностью в рамках какого-либо процесса развития, может быть назван *зонированием*, а выделение ареалов территорий, в которых наблюдаются различные аспекты данного процесса, может быть названо *ареализацией*. Таким образом, зона, подобно ареалу, характеризует отношение объектов (явлений, процессов) к территории. Но если для выделения ареала достаточно выявить наличие в пределах участка территории рассматриваемого признака (явления), то для выделения зоны важно определить интенсивность явления (признака) [Шарыгин, Гагарский, 2005]. В качестве функциональных зон выступают территории, для которых документами территориального планирования определены границы и функциональное назначение, в пределах которой возможен особый режим осуществления предпринимательской деятельности. Зонирование осуществляется на основе различия в специализации и обеспеченности территорий различными факторами и наличия возможностей для реализации комплексных и отраслевых проектов территориального развития, а также на основе выбора видов экономической деятельности, направленных на выпуск конкурентоспособных региональных продуктов. Таким образом, региональность так или иначе формирует организационную основу для экономики.

Центральным ядром любого региона, по мнению А. Гранберга [Основы региональной экономики, 2000] является его производственная специализация, а экономической основой и обоснованием регионального подхода является идея экономики рынков [Алле, 1995]. Регион выступает как *форма организации производительных сил территории* [Гранберг, 2000]. К этому следует добавить: *...и внутри- и межрегиональных обменов, а также системы распределения и действий механизмов регулирования экономики (системы региональных политик и институционального порядка)*. При этом выделение права распоряжения отмечено как системообразующий фактор, который сосредоточен в «решающих» центрах [Системный..., 1999]. В таком случае применимо рассмотрение региона в качестве *квазикорпорации*, поскольку помимо того, что регион – это субъект экономической деятельности, он еще и круп-

ный субъект собственности (региональной и муниципальной) [Челноков и др., 2002]. Поэтому на основе выделения особенностей формальных и неформальных институтов, определяющих экономический порядок и способ хозяйственного поведения экономических агентов в регионе, его отнесение к специфическому типу экономической системы имеет достаточные основания.

Причем, как уже было сказано выше, регион не является только географической категорией. Он представляет собой единицу организации процессов развития и воспроизводства, а также единицу, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на стабильных структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов, материала жизнедеятельности и производства и т. д. Кроме того, в силу институционального подхода региональная система обладает свойствами самоорганизации.

Зачастую регион воспринимается как административно-территориальная единица (в частности, субъект Российской Федерации). В качестве такового он определен в Указе Президента Российской Федерации «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» (1996 г.), где регион рассматривается как «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий». В этом смысле регион может совпадать с границами субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации [Основные..., 1996].

В подавляющем большинстве исследований при определении региона исследователи исходят из соответствия границ региона той или иной учетной единице (единицы территориально-политического устройства). В то же время регион должен обладать очевидными особенностями, поскольку он представляет естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ [Hurtell, 1995], обладает определенной целостностью воспроизводственного процесса, базирующейся на формировании межотраслевых структур с относительной замкнутостью производственного цикла [Социально-

экономическое ..., 1977], а также специализацией в системе межрегионального и международного разделения труда. В то же время в полной мере административно-территориальные единицы не удовлетворяют вышеприведенным определениям региона, поскольку их границы часто не совпадают с границами хозяйственных структур [Межевич, 2007].

Если территория демонстрирует определенную однородность производственных, ресурсно-инфраструктурных, экономических параметров, общую динамику социально-экономических связей, то в контексте управленческих задач ее можно считать регионом. В качестве главного критерия выделения региона может быть принят тезис Н. Некрасова [1978] об общности народнохозяйственных задач для определенной территории, основанной на относительно однородной совокупности используемых или намеченных к эксплуатации природных богатств в исторически сложившейся структуре экономического развития. К нему следует добавить непрерывность целевых функций и области применения используемых инструментов.

Таким образом, регион – это многофункциональная и многоаспектная социально-экономическая и географическая система, не обязательно являющаяся таксономической единицей. Регион представляет собой целостную систему, которая имеет экономическую, технологическую, институциональную и культурную составляющие [Развитие..., 2006], является сложной экономической системой, в состав которой входят функциональные зоны или точки роста, обладает признаками специализации, комплексности и управляемости [Шарыгин, Гагарский, 2005].

На основе рассмотренных концепций региона в качестве релевантных рассмотренным подходам классов объектов или парадигм, связанных с представлением региона можно выделить следующие:

– *Концепция административного региона* (модель используется в рамках неоклассического подхода и методологического индивидуализма, институционализма и методологического коллективизма). Включает в себя две модели:

1. Регион как квазигосударство (в данной модели делается политический акцент: в соответствии с конструкцией власти происходит аккумулярование определенных полномочий,

функций, финансовых средств на уровне региона в рамках принятой модели федерализма, имеется субъект управления – региональная элита и региональное правительство (множественный субъект) и объект – экономические процессы регионального масштаба как части национальной экономики).

2. Регион как квазикорпорация (в модели делается акцент экономический с маркетинговыми и управленческими элементами в рамках микроэкономического подхода).

– *Концепция рассмотрения региона как множества или группы индивидуальных субъектов*, действующих в региональной, т.е. ограниченной административными границами, институциональной среде (модель используется в рамках неинституционализма, методологического индивидуализма, микроэкономического подхода). Включает в себя две модели:

1. Регион как рынок (экономическая деятельность в рамках микроэкономического подхода).
2. Регион как социум (культурные, политические, социально – психологические и др. аспекты жизни регионального социума).

– *Концепция рассмотрения региона в качестве географического объекта как обособленной части экономического пространства* (модель используется в рамках теории экономического пространства, осуществляется учет не только материальных факторов, но и географических факторов, финансовых, в частности долговых обязательств и ликвидности).

Таким образом, при идентификации региона как объекта исследования его рассмотрение в качестве субъекта национально-территориального и административно-территориального деление имеет одинаково важное значение, поскольку и то и другое определяет характер экономических процессов и организации экономического пространства в соответствии с политической конфигурацией власти, бюджетного, экономического и фискального федерализма (т. е. с учетом разделения полномочий между центром и субъектами в налоговой, бюджетной сфере и управлении экономикой) [Межевич, 2007].

Для подчеркивания субъектности региона в рамках современных экономических исследований появились мезоэкономические концепции (концепции конкурентоспособности региона, нового

регионализма и федерализма, синергетики и др.), которые были вызваны активным увеличением роли городов и регионов в экономическом пространстве и актуализацией региональной политики вследствие обострения проблем периферий.

По мнению П.А. Минакира [2006], исследуя генезис и перспективы конкретной региональной социально-экономической системы, невозможно обойти вниманием ту пространственную среду, неотъемлемой частью и порождением которой эта региональная система (экономический регион) является. Нельзя игнорировать причины, вызвавшие региональную идентификацию, включая институциональные и психологические аспекты. Т. е. регион – это самодостаточный социальный организм, находящийся в единстве со своей средой, обладающий физико-географическими, культурно-цивилизационными, экономическими, культурно-историческими, политико-административными и правовыми свойствами и выступающий механизмом демократической федерации [Олех, 1998].

Следуя региональной концепции У. Айзарда [Айзард, 1966] и представляя регион как открытую экономическую единицу в пределах страны (как систему, в основе которой лежат свойства самоорганизации), к трем рассмотренным концепциям региона может быть добавлена еще одна – *концепция региона как открытой системы (или регион как экономическое пространство мезомасштаба)*, в соответствии с которой регион рассматривается как область с множеством пространственных единиц, выделенных в результате районирования, и являющаяся единым субъектом управления, обладающим свойствами самоорганизации.

При исследовании региона следует ясно понимать, что объектом изучения в первую очередь являются не хозяйствующие субъекты или экономические агенты, а именно отношения возникающие между ними, которые принято относить к категории экономических, протекающих в определенной совокупности допущений, осуществляемых субъектом исследования [Реймер, 2004]. Именно по данным показателям оценивается развитие региона, представляемого моделью целостной и самостоятельной системы в условиях современной экономики. К объектам исследования относятся также институты и механизмы регулирования (регулято-

ры) социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях, содержание (формулы) которых оказывают решающее влияние на темпы экономического развития региона. Исполнение институтов (т. е. их сила и мощность) имеет не меньшее значение, чем их качество. Самые лучшие институты не будут работать, если ими пренебрегает население, власть и бизнес. Это и есть главная особенность представления настоящего объекта и предмета исследований.

Особенность современной экономики обуславливает переход к информационному обществу, усиливающий роль интеллектуальных факторов производства по сравнению с ролью материальных факторов и традиционной рабочей силы. Данный аспект не получил еще достаточного теоретического осмысления и практической реализации. Происходящие в экономике перемены, внедрение новых стандартов качества управления требуют формирования новой системы управления и подготовки кадров с соответствующей квалификацией (уровнем знаний, умений и навыков). Учитывая информационную составляющую, современная экономика требует выработки способов и инструментов капитализации и управления капитализацией региона (т. е. превращения его ресурсов и возможностей в реальные активы) на основе выработки и внедрения системных инноваций [Савельев, 2010], а также усиления роли контроллинга в отношении резидентов и нерезидентов и институционального регулирования их взаимодействия.

В текущий момент система институтов, созданная для регулирования деятельности экономических агентов в регионе, не соответствует задачам инновационной экономики. Особенно это касается периферийных и сырьевых регионов. Во многом интересы сырьевой и инновационной экономики противоположны – требуется переходить к институциональному управлению, когда центральный субъект устанавливает систему институтов, стимулирующих популяцию экономических акторов, которые также становятся субъектами развития на своем иерархическом уровне. Поэтому задача модернизации экономики регионов требует, прежде всего, модернизации региональных институтов. Причем не отдельных институтов, а координированной модернизации всей институциональной системы. Эта задача ставит перед региональ-

ной экономической наукой ряд сложных теоретических вопросов о природе институциональной эволюции в регионах. К ним относятся:

- 1) выявление тех из действующих институтов, которые создают наибольшие помехи инновационным процессам;
- 2) выбор новых институтов взамен мешающих развитию, среди множества апробированных в мировой практике или конструирование новых институтов;
- 3) предсказание поведения общества и экономики в условиях действия тех или иных новых институтов;
- 4) проблема предсказания действия системы институтов, анализа взаимодействия институтов;
- 5) отработка модели взаимодействия институтов и культурного базиса общества.

Для российских регионов существует еще один, общий теоретический вопрос: В какой степени вообще можно говорить об управлении институтами в субъекте Федерации, который находится в общем законодательном поле государства и при этом подвержен влиянию внешней среды? На региональном уровне действует одновременно федеральное и региональное законодательства, а учитывая специфику периферийных регионов (в частности, приграничных), активно втянутых в систему международного разделения труда и региональные интеграционные процессы, также и международное законодательство, которое стало более активно действовать на территории России в связи с вступлением в ВТО. Поэтому, учитывая, что данные регионы, как правило, являются сырьевыми экспортерами, то чрезвычайно важно разработать меры по защите резидентов и по социальной защите населения, которые будут, не только эффективны, но при этом не будут усиливать протекционизм в торговых отношениях (например, требует серьезной модификации и аккуратного решения вопрос государственных закупок).

Таким образом, система национального и международного законодательства вместе с неформальными институтами образуют *региональную институциональную систему*. За счет того, что часть институтов (формальных и неформальных) является локальными, региональная власть имеет возможность управлять ре-

гиональной институциональной средой. Кроме того, региональные органы власти имеют возможность влиять на практику исполнения законов. Поэтому очевидно, что институциональное управление на уровне субъектов Российской Федерации вполне возможно, в том числе, в аспекте модернизации в отношении приграничных регионов, учитывая такой институт, как приграничное сотрудничество и такой экономический механизм как диффузия инноваций.

В новых условиях назрела задача формирования новой парадигмы управления социально-экономическим развитием регионов, в основу которого должен закладываться принцип его интеллектуализации. Кризисные условия хозяйствования, резкое сокращение внешнего спроса, дефицит ликвидности, обострение конкуренции регионов за инвестиционные ресурсы, необходимые для осуществления модернизации экономики, усиливающаяся дифференциация регионов и др. предполагают изменение приоритетов региональной политики и выбор функциональной модели региональной экономики с учетом новых возможностей и нового «портфеля» ресурсов развития, а также требований к скорости и качеству обработки информации и функционирования транзакционного сектора экономики. В основу такой (интеллектуальной) парадигмы управления социально-экономическим развитием регионов, должны закладываться инструменты, способные обеспечить адекватный ответ на следующие *вызовы внешней среды*:

- вызов экономической интеграции и глобализации (прежде всего в контекстах развития транспорта и связи, повышения открытости и прозрачности границ), приводящих к тому, что рынки приобретают глобальный характер;
- изменение акцентов в управлении экономическими системами, выражающийся в возрастании роли управления финансами и финансовой экономики, инструментально сфокусированного и настроенного на функцию рыночных ожиданий и капитализацию как конечную цель управления;
- цикличность развития экономических систем (волны разной интенсивности, амплитуды и частоты, порожденные внешними и внутренними причинами), создающая неопределенности (нестабильную экономику);

- активное развитие новой экономики («экономики знаний»), в элементы которой входят не только производство товаров и услуг с применением новых технологий, но и управленческие инновации, информационные технологии и т. д.;
- изменение организационных форм в условиях новой экономики, проявляющейся прежде всего в развитии сетевых структур и сетевого мышления под влиянием таких элементов как сотовые телефоны, компьютерные сети, Интернет и т. д.
- все более четко выраженные процессы дивергенции и конвергенции свойств экономического пространства, происходящие в силу формирования единого геоэкономического пространства (новая регионализация, диффузия экономических и социальных инноваций и другие пространственные процессы), под влиянием которых центральным инструментом сглаживания межрегиональной дифференциации развития становится сетевая форма территориальной организации хозяйства;
- формирование нового «портфеля» ресурсов регионального развития и новых подходов управления им, основанным на формировании и внедрении системных инноваций, ориентированных не только на генерацию знаний, но и на ускорении процесса внедрения идеи и инновационных решений;
- формирование информационного общества, проявляющегося не только в широком применении ИКТ, но и информатизации общественной жизни;
- интеллектуализация управления и повышение роли регионального научно-образовательного и инновационного комплексов, обеспечивающих инновационные процессы и воспроизводство уникальных управленческих решений на уровне региона, развитие сетевой формы территориальной организации хозяйства.

В новой модели управления социально-экономическим развитием региона акцент переносится на стратегическое управление и его информационно-технологическое обеспечение, которые должны быть нацелены на формирование и удержание уникальной позиции территории в глобальной экономике, а также на объ-

единение интеллектуальных усилий и высоких технологий. Стратегическое мышление акцентирует внимание на основной региональной идее, которая затем переводится на язык конкретной экономической стратегии, направленной на максимально полное использование возможностей самореализации региона, его человеческих и природных ресурсов, духовного потенциала, конкурентных преимуществ, на концентрацию усилий на модернизации за счет ускорения инновационного процесса.

1.2. Направления совершенствования методологии исследования региональных социально-экономических систем в условиях глобализации и регионализации

Изучение современных концепций и теорий развития экономики позволяет сделать вывод о сформировавшемся многообразии подходов к объяснению экономических отношений и процессов, к разработке регуляторов социальных и экономических процессов на всех уровнях управления (страна, регион, муниципальное образование). Причинами, побуждающими к их совершенствованию, являются появление новых факторов, действие которых приводит к усилению нестабильности и разбалансированности экономики, эффекты глобализации и обострения международной конкуренции, усложнения механизмов управления. В новых условиях в экономической науке идет поиск теоретической платформы для объяснения закономерностей становления и развития информационного общества, технологической и институциональной модернизации как всеобщего явления.

Методологию разделяют на три уровня по критерию ее общности: *всеобщая* (философия), *общенаучная* (логика, математика и др.), *частнонаучная* (методология какой-либо одной конкретной научной дисциплины). Экономическая наука, используя всеобщую и общенаучную (общую) методологию, также располагает своей частнонаучной (конкретно-научной) методологией.

Традиционно экономический объект представляют как многоукладную и многоуровневую систему, которую формируют и составляют взаимодействующие экономические агенты разного уровня и разной рыночной силы, экономические процессы,

потоки, институты и трансакции. Конкретно-научная методология, систематизирующая подходы, методы, принципы и процедуры экономических исследований, подразделяется по критерию структурного уровня на макроэкономический и микроэкономический подходы. В то же время сейчас интенсивно разрабатывается *синтетическая теория, в основу которой закладывается в том числе мезоэкономический подход, как особая система методов исследования экономического объекта мезоуровня – региона*. Данный подход не означает некоего срединного положения между макро- и микроэкономикой, а лишь подчеркивает и определяет специфику методологии экономических исследований в отношении региона.

Современные экономические исследования характеризуются, с одной стороны, углублением понимания фундаментальных закономерностей развития общества и хозяйственной деятельности различных агентов, с другой – попытками объединения разных теоретических концепций, реализующих системный подход к описанию сложных социально-экономических феноменов в экономическом пространстве. Общеизвестно, что системный подход в экономической науке формируется на методологической основе междисциплинарного синтеза концепций классической, институциональной, пространственной и нелинейной теорий экономики.

В настоящее время развитие экономики регионов тесно связано с глобализацией, которая ведет к формированию единого экономического пространства и ускорению инновационных процессов, в чем ключевую роль играют развитие ИКТ, глобальные сети передачи и обработки информации. Сегодня экономики стран, регионов и городов целесообразно рассматривать как специализированные части геоэкономической системы, а внутреннее пространство (размещение производительных сил и зонирование территории) – как часть единого экономического пространства. Поэтому в условиях глобализации в отличие от макроэкономических исследований целесообразно описывать территорию в приближении, отличном от приближения предприятия (микроэкономический подход) и государства (макроэкономический подход), а именно в приближении экономиче-

ского пространства (мезоэкономический подход) как совокупность или систему процессов или цепочек создания стоимостей. Причем увеличение концентрации цепочек создает благоприятные предпосылки для развития экономики региона в целом. В рамках такого системного подхода регион обладает свойствами временной зависимости, пространственной неоднородности и самоорганизации. Таковы гносеологические особенности исследования процессов развития регионов, которые накладывают ряд требований и ограничений в использование традиционных и новых методологических подходов.

Обоснованность системного подхода в региональных экономических исследованиях обусловлена не только системным характером самого объекта исследования (региона), но и системным характером, а нередко, противоречивостью тех факторов и процессов, которые влияют на состояние и динамичность региона. Например, современные процессы социально-экономического развития с одной стороны приобретают глобальный характер, а с другой стороны, происходит регионализация и поляризация развития. Вместе с тем противоречивость и, одновременно, взаимообусловленность глобализации и регионализации подчиняется общим законам синергии общественного развития. Более того, в экономическом плане усиление регионализации является необходимым условием и катализатором формирования контуров глобальных рынков, двигателем интеграционных процессов. Фундамент этого утверждения был заложен еще в ранних работах экономической школы меркантилистов, развит в классических работах А. Смита, Д. Риккардо, Э. Хекшера, Б. Улина и их последователей в рамках неоклассических экономических теорий, а также классических теорий размещения. Далее уже основательно подкреплен эмпирическими теориями регионального развития (в работах в Т. Поландера, У. Айзарда, Ф. Перру, Ж. Будвиля, Т. Хагерстранда, П. Хаггета, Э. Гувера, М. Портера, М. Энрайта и др.).¹ В их работах было наглядно показано, что

¹ Более подробно содержательные особенности теоретических разработок этих авторов, их вклад в формирование теории межрегиональной конкуренции рассмотрен Ю.В. Савельевым в книге «Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике» (2010 г.).

экономическая специализация, являющаяся комплексным результатом уникального сочетания факторов производства, природно-географических, социально-культурных и иных факторов, которыми обладает территория, служит основой системы международного разделения труда и предпосылкой для развития внешнеэкономических отношений стран и регионов. С этой точки зрения усиление специализации и использование региональных факторов развития, как в производственно-технологическом, так и в экономическом плане объективно ведет к усилению взаимосвязей и взаимозависимости национальных и региональных экономических систем. А, в свою очередь, правильность выбора сфер специализации, эффективность использования преимуществ в этих сферах деятельности, их встраивание в глобальные цепочки добавления стоимости во многом определяют конкурентоспособность экономики региона.

Для выяснения предпосылок и выделения движущих факторов регионализации и глобализации в процессе их исторического развития и на современном этапе, а также для изучения их влияния на социально-экономическое развитие региона необходимо подробнее остановиться на объяснении методологической позиции исследования.

Представляется, что процессы регионализации и глобализации, происходящие в современной мировой экономике, обладают проекцией на национальном, региональном и локальном (местном) уровнях. Учитывая их взаимозависимость и динамичность, можно утверждать, что они имеют под собой диалектическую и синергетическую основы. Диалектическая основа связана с подчинением этих процессов объективным закономерностям общественного развития (законам единства и борьбы противоположностей, переходу количества в качество и др.). Синергетическая же основа этих процессов, по мнению Ю.В. Гусарова [Гусаров, 2006], позволяет учитывать те их особенности, которые не поддаются (или не в полной мере поддаются) трактовке, исходя из диалектической точки зрения. Например, такие особенности глобализации и регионализации, как нелинейность, нестабильность, неустойчивость, цикличность, многовариантность, неопределенность и неоднозначность результатов и т. д.

При этом, как уже упоминалось выше, процессы глобализации и регионализации характеризуются противоречивостью, проявляющейся в одновременном наличии как эволюционных, так и коэволюционных изменений и тенденций. Следовательно, наличие диалектической и синергетической основ развития, взаимобусловленности и взаимовлияния процессов регионализации и глобализации, позволяет использовать соответствующие методологические концепции (подходы) к их исследованию – диалектический и синергетический подходы.

Наиболее привычный и доказавший свою эффективность диалектический подход составляет основу практически любой современной научной методологии (в частности, в рамках предложенного еще К. Марксом основного методологического подхода экономической науки – диалектического материализма). Однако и он сегодня нуждается в совершенствовании, в результате качественного изменения факторов производства. В частности, это касается снижения значимости фактора ручного труда в создании материальных продуктов (материальной стоимости), его фактической замены трудом машинным, и увеличения значимости интеллектуального труда и информации в создании стоимости (не обязательно выраженной материально).

С синергетическим подходом дело обстоит еще сложнее. Синергетика, рассматриваемая как *«междисциплинарное (или, вернее, трансдисциплинарное) направление научных исследований, задачей которого является познание принципов самоорганизации различных систем»* [Аршинов, 1999], получила научное признание и развитие во второй половине XX века. В связи с усложнением структуры и характера взаимодействия социально-экономических и производственно-технологических систем и процессов, а также в связи с формированием глобальной экономической системы, методологическая позиция и инструментарий синергетического подхода оказались в большей готовности (по сравнению с диалектическим подходом) воспринимать, исследовать и интерпретировать происходящие структурные изменения. С точки зрения преемственности с диалектикой *синергетический подход часто рассматри-*

ваются как развитие междисциплинарного использования основного подхода диалектики – системного подхода (главным образом, в системно-динамическом, нелинейном его аспектах) [Виннер, 1958].

Вместе с тем, синергетический подход привносит новые возможности и направления в исследование современных процессов экономического развития и взаимодействия социально-экономических систем. Прежде всего, это возможности исследования систем, их взаимодействия и происходящих внутри них процессов с использованием инструментария кибернетики, что позволяет исследовать и моделировать внутренние и внешние коммуникации, проблемы самоорганизации систем с использованием принципа обратной связи (принципа круговой причинности), как отрицательного (саморегулирующего) характера, так и положительного (самоусиливающего) характера [Гусаров, 2006].

Более детальное сравнение методологических позиций диалектического и синергетического подходов проведено Ю.В. Гусаровым в статье «Использование методологии экономической динамики при прогнозировании и стратегическом планировании» (Экономические стратегии, № 8, 2006) [Гусаров, 2006]. Им проведен глубокий содержательный анализ методологических позиций диалектического и синергетического подходов при исследовании процесса развития и взаимодействия социально-экономических систем. Основываясь на результатах анализа, сделанного Ю.В. Гусаровым, Ю.В. Савельевым сформулированы выводы о преимуществах и недостатках каждого из этих подходов в общеметодологическом плане. Представлены выводы и рекомендации об условиях и среде их практического применения, имеющие исключительную важность с точки зрения совершенствования методологии изучения региональных социально-экономических систем и их взаимодействия в условиях глобализации и регионализации (табл. 1.1).

Таблица 1.1

**Сравнение диалектического и синергетического подходов
при исследовании процесса развития**
(на основе: [Гусаров, 2006] с дополнениями Ю.В. Савельева)

Характеристики развития, как динамического процесса	Диалектический методологический подход	Синергетический методологический подход
Причины и движущие силы процесса развития	Единство и борьба противоположностей; противоречивость и разрешение противоречий; отрицание отрицания; переход количества в качество.	Неравномерность и непропорциональность; нелинейность; нестабильность и неустойчивость; неопределенность и неоднозначность; цикличность; эволюция и коэволюция.
Свойства (особенности) процесса развития	Детерминированность; случайность как форма проявления необходимости.	Вероятностная случайность; существование «всеа возможностей» и многовариантного выбора; множественная детерминированность в ряде областей системы; возможность резонансного эффекта.
Ключевые факторы и условия развития	Объективные и субъективные, внешние и внутренние факторы; закономерности и законы; тенденции.	Объективизация субъективного и субъективизация объективного; слабые воздействия; наличие «веера» аттракторов и возможных направлений развития; наличие энтропии; инверсия внутренних и внешних условий.
Формы и этапы процесса развития	Движение по спирали; переход от низшего к высшему; изменение как последовательность относительно устойчивых состояний; возможное наличие перерывов постепенности.	Накопление флуктуаций и отклонений; бифуркационные процессы, накладывающиеся друг на друга; фазовые переходы (в том числе самопроизвольные); наличие «ядер» («точек») роста; нелинейность и необратимость; самоорганизация.
Трактовка результатов развития	Изменение от простого к сложному с элементами движения (коррекции); воздействие изменений среды на субъектов изменений; движение вперед с сохранением достигнутых положительных результатов (совершенствование).	Появление сложного многоуровневого целостного субъекта, неравного сумме его структурных элементов (эффект синергии, основанный на неаддитивном характере сложения); появление новой неравномерности; несоответствие эффекта замыслам субъектов (информационной модели); неподвижное усложнение.

Продолжение табл. 1.1

Способы верификации результатов развития	Переход от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному; рефлексия как отражение объективных процессов; практика как основной критерий истины.	Непредсказуемость, неконкретность и многовариантность результатов; энтропийный подход; рационализм; редукционизм; коэволюционизм.
Основные принципы развития	Движение как форма существования материи (диалектический материализм).	Движение как неравновесный процесс с неаддитивными результатами.
Ориентация развития во времени и пространстве	Однонаправленное движение времени с неизменным характером и темпом; акцент на различия между пространством и временем.	Возможность субъективного и объективного изменения темпа времени, его восприятие и измерение через инвариант цикличности; темпоральность процессов; интеграция свойств времени и пространства (пространственно-временная парадигма в исследовании социально-экономических систем).
Основные подходы к управлению развитием	Управление как реализация функций планирования, организации, мотивации и контроля для достижения поставленных целей и разрешения противоречий экономических субъектов (классический подход менеджмента).	Управление как негэнтропийный процесс с целью упорядочивания эффектов деятельности отдельных элементов системы для получения качественно новых свойств и состояния всей системы, отличной от аддитивного сложения эффектов отдельных ее элементов.
Результаты сравнения		
Выводы о достоинстве и недостатке использования при управлении процессом развития	Достоинство: Внятная логика и последовательность реализации управленческой программы построенной на принципе детерминированности, учитывающей объективные тенденции и закономерности развития.	Достоинство: Замена управленческой программы как четкой последовательности действий на инструменты самоорганизации и адаптации системы к быстро изменяющимся недетерминированным условиям среды с учетом многовариантности путей развития.

Окончание табл. 1.1

	Недостаток: Низкая эффективность при отклонении процесса развития от объективных тенденций и закономерностей.	Недостаток: Отсутствие четкой логики, конкретности и последовательности действий по управлению развитием системы; многовариантность и альтернативность выбора путей и результатов.
Выводы об условиях и целесообразности применения	Целесообразно использование в условиях относительно стабильной среды, характеризующейся последовательностью и однозначностью результатов происходящих изменений.	Целесообразно использование в условиях нестабильной среды, характеризующейся действием разнонаправленных и вероятностных процессов, накладывающихся на множественность субъективных интересов.

Как видно из результатов логического анализа и сравнения диалектического и синергетического методологических подходов, представленных в табл. 1.1, несмотря на внешнюю их схожесть, существуют серьезные отличия, определяемые условиями их применения в исследовании процесса развития и взаимодействия социально-экономических систем. Очевидно, что в условиях глобализации, определяющей относительную либеральность стратегического выбора путей развития конкретной социально-экономической системы и форм ее взаимодействия с аналогичными системами, системами низшего и высшего порядков, на реализацию функции управления действует множество самых различных факторов. *В условиях многовариантности выбора, неопределенности развития и неоднозначности результатов реализации управленческой программы наиболее глубоко понять суть происходящих изменений в социально-экономической системе помогает синергетический методологический подход.* Следовательно, гораздо более привлекательным выглядят возможности использования данного подхода для исследования различных процессов взаимодействия региональных социально-экономических систем, концентрированно выражающихся в содержании и характере межрегиональной конкуренции и сотрудничества.

Попытаемся это показать, раскрыв особенности процесса социально-экономического развития региона с позиции синергетического подхода. В данном случае приоритетное использование данного подхода в исследовании особенностей развития и взаимодей-

ствия региональных социально-экономических систем определяется набором следующих их частных характеристик и особенностей:

Во-первых, динамичность и развитие следует рассматривать как одни из качественных и неотъемлемых характеристик системы (в данном случае – региональной социально-экономической системы), что требует соответствующего (системного) подхода.

Во-вторых, развитие региона характеризуется неравномерностью и непостоянством. Аналогично и сам процесс социально-экономического развития региона следует рассматривать как нелинейный процесс, подверженный влиянию множества факторов, сопровождающийся определенными флуктуациями и бифуркационными процессами.

В-третьих, развитие региона подчиняется законам цикличности и неустойчивости (т. е. для обеспечения устойчивого конкурентного преимущества субъект управления должен постоянно это преимущество совершенствовать в соответствии с изменениями во внешней среде, действием новых факторов и т. д.).

В-четвертых, процесс социально-экономического развития региона следует рассматривать как процесс, характеризующийся множественной детерминированностью применительно к разным сферам специализации и экономической деятельности региона; как процесс, характеризующийся наличием широкого «веера» аттракторов и направлений развития, сопровождающийся появлением «веера возможностей» и многовариантностью выбора.

В-пятых, в процессе реализации комплекса управленческих воздействий на процесс социально-экономического развития региона повышается способность региональной социально-экономической системы к самоорганизации (особенно в контексте процессов региональной интеграции), появлению эффекта синергии, как результата согласованных действий региона и его субъектов (в рамках регионального интеграционного объединения) на внешних рынках.

В-шестых, в процессе активного вовлечения региона и его экономических субъектов в систему международного и межрегионального разделения труда, в глобальные цепочки добавления стоимости на основе сужения и углубления его экономической специализации в полной мере могут проявляться явления редукционизма и коэволюционизма.

В-седьмых, управление процессом социально-экономического развития региона (как открытой системы) в условиях высокой конкуренции и динамики внешней среды, многообразия и изменчивости экономических и политических интересов, как правило, строится на основе упорядочивания эффектов деятельности отдельных элементов системы (принцип адаптивного управления). При этом целевой функцией такого адаптивного управления является получение качественно новых свойств, способствующих переходу системы в новое состояние (состояние, в котором она способна выдерживать конкуренцию с другими аналогичными системами).

Принимая во внимание особенности синергетического подхода в описании и исследовании развития, как динамического процесса, отраженные в табл. 1.1, можно сделать вывод, что процесс социально-экономического развития региона (а, следовательно, и процесс управления развитием) следует представлять в качестве динамического процесса. Вышеперечисленные частные характеристики и особенности процессов социально-экономического развития регионов и их взаимодействия однозначно говорят о том, что наиболее эффективным методологическим подходом к исследованию региона будет являться синергетический подход.

Вместе с тем, это не означает, что применительно к региону синергетический методологический подход отторгает методологический и методический аппарат диалектики. Он его частично поглощает, а частично дополняет и совершенствует, позволяя включить в исследовательскую программу изучение вопросов, связанных с цикличностью, нелинейностью и темпоральностью процессов развития и взаимодействия региональных социально-экономических систем, их фазовым переходом из одного состояния в другое под действием адаптационных механизмов к изменяющимся условиям внешней среды.

Таким образом, сравнение двух методологических подходов – диалектического и синергетического – в исследовании развития, как динамического процесса, позволило сформулировать и выделить основные положения и принципы двух подходов к управлению развитием региональных социально-экономических систем – *традиционного и инновационного подходов* (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Сравнение основных положений и принципов традиционного и инновационного подходов к управлению развитием региональных социально-экономических систем

Характеристики процесса управления	Традиционный подход	Инновационный подход
Методологическая основа	Диалектический методологический подход	Синергетический методологический подход
Суть процесса управления и его функции	Управление операциями (мотивация на выполнение конкретной операции, организация, планирование и контроль результатов)	Управление целями и образами видения будущего (мотивация всего процесса развития, самоорганизация и самоконтроль в достижении результатов)
Субъектность управления	Наличие конкретного субъекта управления	«Размытость» и множественность субъектов управления
Основной ресурс управления	Существующие доступные ресурсы и управление их текущей стоимостью	Доступные и потенциальные ресурсы и возможности (как ресурсы «будущего»), управление «будущей» стоимостью (ожиданиями от их использования)
Суть планирования	Детальный план (детализированная управленческая программа), реализуемый в четкой последовательности	Отсутствие четкого плана, учет цикличности и возможных отклонений (флуктуаций, бифуркаций, фазовых переходов и др.)
Эмпирическая база	Управление базируется на использовании своего и чужого опыта и существующих аналогов (бенчмаркинг)	Отсутствие опыта и существующих аналогов – уникальность и оригинальность управленческих решений
Логика управления	Линейность развития определяет последовательность реализации управленческой программы	Нелинейность развития определяет использование энтропийного подхода и рационализма в управлении
Однозначность результатов	Одна цель – одна стратегия – один результат	Одна цель – многовариантность стратегии – множественность результатов
Влияние факторов среды	Воздействие известных и общих факторов среды	Воздействие новых и специфических факторов среды
Управленческая модель	Развитие системы на основе адаптации своего и чужого положительного опыта (модель стандартизации)	Развитие системы на основе предвосхищения общих тенденций (модель лидерства)

Таким образом, видно, что от выбора методологической позиции во многом зависит эффективность и результативность самого процесса управления развитием региональной социально-экономической системы, а, следовательно, и репрезентативность результатов его исследования. Нельзя отрицать, например, воздействие на процессы развития регионов таких явлений, как цикличность и нелинейность, имеющих место в связи с этим различных флуктуаций и отклонений системы от заданной цели развития. Поэтому значимость синергетического подхода повышается по мере нарастания нелинейности процессов развития, усложнения структурной организации региональных социально-экономических систем в процессе их превращения в субъекты глобальной экономики. В т.ч. это касается и развития такого популярного на сегодняшний день направления экономической науки, как исследование экономической динамики и циклического развития, основная методологическая база которого была заложена еще учением о циклах Н.Д. Кондратьева и работами его последователей. Однако настоящий прорыв в теории циклов и исследованиях экономической динамики социально-экономических систем произошел в конце XIX – начале XX вв., и связан с трудами Дж.М. Кейнса, К. Маркса, П.А. Сорокина, М.И. Туган-Барановского, Й. Шумпетера и др. ученых [История экономических учений, 2004].

Идея использования синергетического подхода в региональных исследованиях не нова, и этому есть хорошо известные примеры. В частности, современные приложения теории промышленных комплексов, теории экономического пространства, теории национальной конкурентоспособности, концепций региональных и промышленных кластеров и других теоретических разработок таких авторов, как М. Портер, П. Кругман, Д. Мэйя, Дж. Арбия, Б. Робертс и А. Муррей и др., предполагают рассмотрение процессов регионального развития с позиции синергетической методологической концепции. В их рамках регион рассматривается не в его географических и административных границах, а в качестве сложной системы, включающей экономическую, технологическую и иные составляющие и являющейся частью систем более высокого уровня [Бияков, 2004; Портер, 2005; Krugman, 1995, 1996; Roberts, 2002].

Использование синергетического методологического подхода применительно к региону в условиях глобализации позволяет ввести в исследование гипотезу о влиянии процессов глобализации и регионализации на способности саморегулирования и саморазвития социально-экономической системы через достижение ею новых равновесных состояний, и эмпирически доказать ее. Понятно, что в этом случае в качестве функции такого нового равновесного состояния региональной системы следует рассматривать сохранения ею достигнутого уровня конкурентоспособности по сравнению с другими региональными системами. С этой точки зрения, учитывая изменчивый характер, сложность и неоднозначность результатов, к которым приводит развитие регионализации и глобализации, можно утверждать об их нелинейности и недетерминированности с одной стороны (в силу влияния большого числа разнообразных факторов), и о самоорганизующем влиянии на развитие региона как социально-экономической системы, с другой стороны. Для получения эффекта синергии в системе и импульса ее развития необходимо формирование условий для эффективного взаимодействия ее структурных элементов и подсистем, определяемых единой целевой установкой (целенаправленностью деятельности компонентов системы). Это требование следует рассматривать в качестве необходимого условия саморазвития и самоорганизации региональной социально-экономической системы [Фатхутдинов, 1999].

Сложность структурной и функциональной организации региональной социально-экономической системы проявляется в многообразии различных аспектов ее функционирования, возможных направлений развития, неоднозначности влияния факторов внешней среды на различные ее структурные элементы. В силу этого, синергетический методологический подход позволяет совместить методический аппарат ряда научных дисциплин и теорий в целях более полного отражения и изучения различных сторон и аспектов функционирования региональной социально-экономической системы, являющихся наиболее значимыми с точки зрения обеспечения ее конкурентоспособности и позитивной динамики экономического роста. С этой точки зрения наиболее важными являются два аспекта, на исследовании которых следует сосредоточиться в первую очередь:

1. Процесс преобразования организационных моделей и методов управления социально-экономическими процессами в регионе под влиянием глобализации и конкуренции и формирование на их основе целостной и гибкой региональной экономической политики, позволяющей максимально эффективно использовать потенциал эндогенного роста и внешние возможности развития региона.
2. Процесс преобразования структуры экономики региона (его воспроизводственной, территориальной и отраслевой структуры), как результат влияния глобализации и конкуренции, а также преобразования организационных моделей и методов управления социально-экономическими процессами.

Ответ на вопрос, почему именно эти аспекты необходимо рассматривать как приоритетные, заключается в следующем. Прежде всего, надо заметить, что вопросы, касающиеся совершенствования методов и инструментов управления социально-экономическими процессами в регионе представляются особенно актуальными в силу ряда причин. Во-первых, в России окончательно не сложилась системная модель региональной экономической политики (как в плане ее нормативно-правового обеспечения и стратегического видения, так и в плане стандартизированного набора инструментов ее реализации). Во-вторых, наблюдается значительная поляризация экономического развития, крайне высока дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития, которая и сегодня продолжает увеличиваться. Действие этих причин в совокупности еще более усиливает фрагментацию национального экономического пространства, являясь, по сути, прямым следствием несовершенства структуры экономики (в ее пространственном, воспроизводственном и социальном аспектах) и определенного несоответствия между объектом и субъектом управления.

В качестве примера можно привести следующие факты, демонстрирующие масштабы структурных диспропорций в российской экономике, к разрешению которых следует подходить именно с позиции синергетического методологического подхода:

1. *Колоссальные накопленные размеры неравенства доходов населения России и отсутствие эффективных механизмов распределения доходов.* Сегодня, дифференциация в доходах населения

(децильный коэффициент – ДК) составляет 16 раз, а с учетом скрытых доходов самой богатой группы населения – 30–50 раз (устойчивым положение в стране считается при ДК = 7–8) [Нигматулин Р., Нигматулин Б., 2009]. Результатом такого избыточного неравенства является снижение темпов экономического роста и стимулирование вывоза капитала из страны.

2. *Поляризация и фрагментация экономического пространства России; дифференциация субъектов РФ по уровню социально-экономического развития.* По оценкам ГНИУ «Совет по изучению производительных сил» (СОПС) разрыв в уровне социально-экономического развития субъектов РФ в 2004 году составил более 18 раз [Стратегии макрорегионов России..., 2006], а в 2009 г. по ряду оценок – уже около 30 раз. Сегодня эти диспропорции продолжают увеличиваться. Более 50% ВВП производится на 5% территории страны. Кроме того, ситуация усугубляется фактическим отсутствием и неэффективностью инструментов перераспределения доходов в рамках государственной региональной политики, которые были фактически заменены «преференциальным адресным подходом».

3. *Усиление сырьевой специализации экономики страны и новый «виток» протекционистской политики государства.* Сегодня очевидным приоритетом экономической политики остается топливно-энергетический комплекс (если в конце 80-х гг. XX в. ТЭК обеспечивал 30% доходов бюджета СССР и 18% доходов консолидированного бюджета, то сегодня, 54% и 32%, соответственно). Наблюдается подмена промышленной политики «ручным» управлением крупными активами. В отношении перерабатывающей промышленности нарастают протекционистские меры, снижающие ее конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Нерациональной выглядит также государственная поддержка заведомо убыточных, но социально значимых предприятий.

4. *Отсутствие целостной системы мер стимулирования и господдержки инновационной деятельности.* Усилия государства сосредотачиваются на поддержке лишь отдельных направлений и инновационных проектов и прикладных разработок при общем сокращении финансирования фундаментальной науки. Отсутствуют меры по созданию механизмов спроса на инновации со стороны бизнеса (прежде всего, системы долгосрочного кредитования)

[Модернизация экономики..., 2002]. Также на лицо несостоятельность крупных госкорпораций, как инструмента стимулирования спроса на инновации.

5. *Приоритет социальных целей краткосрочного характера над стратегическими целями создания «человеческого капитала».* Усилия государства, направленные на улучшение финансирования бюджетных выплат населению, никоим образом не связаны с изменением в приоритетах, структуре и механизмах финансирования, решая, зачастую, лишь текущие проблемы. Кроме того, в сфере политики по работе с молодежью вместо мер, способствующих созданию и закреплению «человеческого капитала» в регионах, преобладает «лидерская» модель поддержки, способствующая «вымыванию» талантливой молодежи и квалифицированных кадров из регионов. Результатом этого является усиление поляризации национального экономического пространства.

Это далеко не полный перечень фактов, характеризующих масштабы структурных диспропорций в России, и, в конечном счете, снижающих конкурентоспособность экономики российских регионов в долгосрочной перспективе. В этих условиях крайне актуальным вопросом является формирование принципиально новой системной модели экономики и управления в обществе. Модели, которая позволяла бы не только в полной мере учитывать линейные тенденции и объективные закономерности общественного развития, но и адекватно воспринимать разного рода отклонения, флуктуации и неравномерность развития, достаточно быстро адаптируясь к ним.² Формирование такой системной модели возможно лишь на основе синергетического методологического подхода.

Одним из важнейших направлений совершенствования методологии исследования региональных социально-экономических системы, динамики их развития и инструментов обеспечения глобальной конкурентоспособности является более активное использование методологии и методических инструментов экономической географии и институциональной экономики, также имеющих синергетическое методологическое основание. Это связано с тем, что

² Подобные модели и подходы к их практическому внедрению подробно рассмотрены в Главе 4 «Направления модернизации и новые формы организации хозяйства и общества в условиях приграничья».

регион рассматривается как объект мезоэкономики и субъект экономического пространства, в котором осуществляется взаимодействие различных экономических агентов. Чтобы усилить «пространственный» аспект в изучении регионов и понимании мотивов действий экономических агентов в условиях высокой дифференциации пространственного развития и уровней социально-экономического развития российских регионов *необходим переход от «модели агента» (основанной на концепции общего равновесия и условиях гомогенного пространства, находящегося в стационарном состоянии) к «модели среды»*. Последняя позволяет рассматривать регион и его развитие в условиях гетерогенного и динамичного пространства. Гетерогенность выражается в дивергенции свойств экономического пространства и разной концентрации экономических характеристик, которые могут усиливаться или ослабляться из-за наложения свойств. В частности использование «модели среды» позволяет объяснить эффект концентрации (масштаба), диффузию инноваций, перелив капитала, миграционные процессы, а также кооперативные явления, возникающие в результате усиления нелинейных связей и резких изменений характеристик пространства. В этих бифуркационных точках, как правило, происходят системные переходы.³

Суть идеи, связанной с переходом от «модели агента» к «модели среды» предельно проста. Если в рамках первой модели экономическое пространство – *это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними* (населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные территории, транспортные и инженерные сети и т. д.) (определение А. Гранберга), то в рамках второй модели экономическое пространство – *это экономический ландшафт с некоторым распределением ресурсов в зависимости от конъюнктуры и местоположения* (определение П. Кругмана). Если в этом ландшафте «перепады высот» означают величину ренты, то в таком случае это своего рода «...силовое поле, порождаемое агентами и их взаимосвязями» (определение Ф. Перру).

³ Примером подобного системного перехода может быть последний глобальный финансово-экономический кризис, когда глобальная экономическая система вдруг резко поменяла свои свойства и стала существенно иной.

Эволюция экономической системы и экономического пространства происходит от фрагментарности (от системы вертикальных связей) к формированию целостной среды (сформированной из вертикальных и горизонтальных связей, причем сформированных не по принципу технологической необходимости, а по иным принципам). Неоклассическая и другие традиционные экономические теории используют в качестве объекта познания стационарные равновесные системы, в которых невозможно объяснить эволюции системы. Если основываться на предположении, что экономические системы являются заведомо сложными и не являются равновесными, то требуются методы, описывающие неравновесные системы. Поэтому взамен макроэкономического и микроэкономического равновесия целесообразно использовать мезоэкономический подход, основанный на *гипотезе локального равновесия*. Суть ее заключается в том, что изменение концентрации экономических процессов и цепочек создания стоимости в ограниченной области экономического пространства может влиять на эффективность экономической системы в целом (в т.ч. увеличение их концентрации создает благоприятные предпосылки для развития не только экономики региона в целом, но и для макрорегиона, в состав которого он входит).

Экономическое пространство выполняет системообразующую функцию – организует экономическую среду как интегрированную систему процессов и обеспечивает экономическое развитие территории, оно синхронизирует последовательность событий и определяет характер протекания экономических процессов и эффективность размещения материальных и нематериальных факторов и ресурсов в регионе. В частности, развивая концепцию эффекта масштаба (концентрации), которая может быть представлена в виде пространственной модели, полагаем, что в основе развития региона и реализации экономических процессов на территории лежат самоорганизационные свойства экономического пространства. В результате коллективных действий или самоорганизации (проявляющейся в транзакциях) пространственный порядок обретает определенную форму, образуя зоны разной упорядоченности (в отношении способов извлечения территориальной ренты, имущественных прав, действий и взаимодействий агентов, характера и приоро-

ды их согласованности). В качестве примера такой формы может быть упомянут кластер. Причем с точки зрения изучения экономического пространства *под кластером (как разновидностью формы экономической организации пространства) следует понимать группу территориально близких (технологически и институционально) и еще как-то связанных агентов, представляющих в совокупности в экономическом пространстве сильную концентрацию экономической деятельности и роста капитала, большую плотность транзакций, а также область повышенной ренты в ландшафте экономического пространства.*

С подобным достаточно новым пространственным подходом к изучению региона, факторов и источников его социально-экономического развития, тесно связан *институциональный подход* (также имеющий синергетическую методологическую основу), позволяющий детально изучить источники и механизмы процесса саморегулирования и саморазвития региона. Саморазвитие территории обеспечивается согласованностью действий участников территориального развития, «соединительными усилиями всех субъектов, присутствующих на данном экономическом пространстве» [Бочко, 2010]. Этот процесс, как и его отдельные элементы требуют формирования определенной институциональной среды (правил игры), определяющей новый экономический порядок и форматы институциональных контрактов (действенных соглашений). Действующее законодательство, регулирующее деятельность экономических субъектов (в т. ч. на региональном уровне), содержит значительное число диспозитивных норм, позволяющих разработать и внедрить такие действенные соглашения или контракты. Таким образом, в результате действий агентов экономическое пространство предстает как система контрактов и неформальных соглашений между экономическими агентами, реализующими имущественные и неимущественные права посредством экономических процессов. При этом устанавливаются коллективные связи, которые со временем институционализируются (т. е. структура пространства усложняется и упорядочивается). Именно они, в конечном итоге, определяют эффективность экономического пространства в части получения ренты и осуществления транзакций.

Согласно принятым допущениям в результате процесса самоорганизации коллективными действиями решается проблема издержек. Транзакционные издержки снижаются по мере роста интенсивности сделок и увеличения скорости заключения сделок. Следовательно, в условиях эффективной информационной системы, обеспечивающей минимальность потерь и множество транзакций, формируются цепочки устойчивых связей и контрактов и возникают эффективные сетевые проекты. Если имущественные права четко определены, то аллокация ресурсов (соответствующая структуре производства) будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности согласно теореме Р. Коуза. Следовательно, при минимуме транзакционных издержек восприимчивость к инвестициям, долгосрочным контрактам будет наибольшей.

Эмпирически доказано, что общество вынужденно тратить ресурсы на установление оптимального режима транзакций и транзакционных издержек, посредством установления институциональных условий. Измерителем этих усилий общества служит, например, занятость в сфере оптовой и розничной торговли, а также занятость в государственном и муниципальном секторах – это ресурсы которые тратятся на обмен и создание транзакционных благ. С точки зрения транзакционной экономики пространство, являя собой экономическую реальность, определяет величину и время запаздывания транзакции. Исходя из вышесказанного, должны быть внесены коррективы в концепцию эффекта масштаба (концентрации). А именно, при увеличении сложности транзакций и большой плотности экономического пространства (являющегося системой контрактов) должна возникать объективная необходимость возникновения новых фирм и новых проектов.

Следовательно, в процессе управления *развитием региональной социально-экономической системе территориальное и стратегическое планирование должны быть направлены на сознательное формирование и организацию экономического пространства на тех или иных принципах, институционально и ресурсно обеспечивая и поддерживая сеть долгосрочных контрактов.* При этом территориальное и стратегическое планирование развития региона имеет еще одну важную функцию – объединение и синхронизация

действий собственников в целях снижения транзакционных издержек (как показывает мировая практика такие производственные отношения между объединившимися собственниками снижают транзакционные издержки по сравнению с рыночным способом связей). Эта мысль впервые была высказана Р. Коузом, а на практике (на которую тот прямо ссылался) была попытка осуществить ее в рамках советской плановой системе (речь в данном случае идет о совнархозах).

Таким образом, исходя из синергетического методологического подхода, экономика региона как территориально-общественная система, образованная под воздействием различных факторов и имеющая особенный генезис, представляется как совокупность всех институциональных единиц (резидентов конкретной экономической территории, нерезидентов, ведущих свою деятельность на ней и находящихся во взаимодействии друг с другом). При этом сумма резидентов – это еще не есть экономика территории, поскольку нет синергетического эффекта; сумма статистических показателей также не характеризует особенности экономического порядка. Конечное состояние или изменение состояния региональной экономической системы зависит не только от внешних условий (макроэкономических, институциональных и иных факторов), но и от внутреннего состояния системы. Причем оно определяется характером системного взаимодействия элементов системы.

Появление и сила синергетического эффекта от реализации намеченной стратегии развития региона во многом зависят от того, насколько правильно определены и интерпретированы основные функции региона, которые он выполняет в рамках макрорегиональной, национальной и международной экономических систем. Функции любой системы (в т. ч. региональной) состоят в не столько во внутренней логике сохранения системы, поддержания ее структуры и упорядоченности, сколько объективно обусловлены внешней средой. В качестве примера можно рассмотреть и идентифицировать функции приграничного региона.

Приграничные регионы (территории) выполняют особую роль, определяемую их значением для безопасности и обеспечения связности экономики страны с внешними экономиками. Поэтому они обладают специфическими особенностями. Главным фактором,

обуславливающим специфику приграничья, является географическое положение. В соответствии с рассмотренной выше «моделью среды» регион создаёт своё «силовое поле», которым воздействует как на агентов (резидентов и нерезидентов), действующих на его территории, так и на внешнюю среду. Географическое положение отражает значение и предназначение региона во взаимодействии с другими (внешними) территориальными единицами и предопределяет функции региона («функции места»). А. Минц и В. Преображенский [Преображенский, 1970] под «функцией места» понимают некоторую часть географического пространства (административно-территориальную единицу страны), несущую определенную функцию в жизнедеятельности общества и удовлетворяющую соответствующую потребность в его жизнеобеспечении.

Учитывая особенность приграничных регионов, в их рамках происходит взаимодействие двух групп функций: *функции границы и функции приграничья*. В качестве функций границы различают контактную, барьерную и фильтрующую. К функциям приграничности относят следующие функции: геополитическую и идеологическую, контактную, посредническую, буферную, внешне-транзитную и внешнеэкономическую, производственную или торговую (зависит от таможенного режима), транзитную или транспортную (зависит от таможенной и транспортной инфраструктуры и логистики), социальную (трансферт и внедрение стандартов жизнеобеспечения), культурную, демографическую (включает функцию трансформации системы расселения и функцию влияние миграции).

Для периферийной приграничной системы огромное значение имеют приграничные функции. Та или иная приграничная функция показывает, какую роль региональная социально-экономическая система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена в качестве составной части и которая является для нее внешней средой. С учетом этого очевидно, что импульс к развитию приграничной региональной социально-экономической системы может быть сгенерирован как внутренним состоянием системы, так и может придти из внешней среды (может быть вызван внешними факторами). Т. е. если среда посредством внешних факторов вызвала изменение функции системы, то это

приводит к изменению структуры системы и связей, вызывает смену механизма ее функционирования, а также подталкивает к развитию системы. Поэтому в рамках исследования региональных социально-экономических систем и выработки инструментов их развития особое место должно отводиться идентификации функций региона, которые в свою очередь, должны закладываться в систему государственной региональной политики, обеспечивая ее системный характер и связность экономического пространства.

1.3. Методические подходы к измерению социально-экономических и трансформационных процессов в регионе и их совершенствование

Иерархическое строение экономического пространства предполагает наличие разнообразных связей между его уровнями: прямых, обратных, координационных, генетических и функциональных. Поэтому важной задачей в плане измерения социально-экономических и трансформационных процессов, происходящих в регионе и выявления причин происходящих изменений является поиск адекватных инструментов измерения характера и прочности связки различных уровней экономического пространства, путей распространения импульсов развития и его торможения.

Проблема поиска инструментов изучения взаимосвязи микро- и макроуровней экономики рассматривалась еще Дж. М. Кейнсом и П. Самуэльсоном, рядом других классиков экономической теории. В последние годы особое внимание данной проблематике уделялось в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (под рук. А. Гранберга). Научная задача заключается в синтезе понятийного аппарата и методологий естественных, технических и общественных наук, моделировании взаимодействий разных видов пространств и обобщении теоретических результатов в виде системного подхода, основанного на междисциплинарном синтезе, позволяющем представить совокупность экономических процессов как слож-

© Р.В. Белая, М.В. Дьяконова, Г.Б. Козырева, Л.М. Кулакова, Е.А. Михель,
Т.В. Морозова, Ю.В. Савельев, М.В. Сухарев, О.В. Толстогузов

ную динамическую систему, обладающую географическим, экономическим и институциональным измерениями.

Такой системный междисциплинарный подход к исследованию региональной социально-экономической системы позволяет решить задачу согласования уровней и предполагает развертывания исследований по трем направлениям, являющихся, по сути, основными векторами измерения социально-экономических и трансформационных процессов в регионе и предъявляющих требования к выбору самих измерителей:

- системное или пространственно-временное направление (включает измерители процессов трансформации экономического пространства и эволюции социально-экономической системы в пространстве и времени);
- структурное направление (включает измерители процессов структурной трансформации экономики и ее качества);
- поведенческое направление (включает измерители, нацеленные на выявление и изучение моделей поведения агентов и трансформации институтов).

Соответствующими конечными результатами исследований региональной социально-экономической системы в рамках этих трех направлений являются следующие:

- новые модели (формы) организации производительных сил, размещения факторов производства и научные основы региональной социально-экономической политики;
- новые (структурные) модели экономики (используемые для прогноза и имеющие критические параметры развития экономики и социума);
- новые модели самоуправления и самоорганизации сообщества.

На основе комбинирования трех рассмотренных выше направлений (векторов измерения социально-экономических и трансформационных процессов в регионе) может быть предложены следующая общая схема использования системного междисциплинарного подхода к исследованию региональной социально-экономической системы:

1. Установление семантической определенности системы, ее общих и индивидуальных (специфических) свойств в контексте достижения цели, стоящей перед системой и выполняемых ею функций.

2. Исследование структуры системы, включая ее декомпозицию (выделение всех уровней) и структурных элементов, изучение структуры подсистем и особенностей элементов системы, характера их взаимосвязей, исследование функций, которые они выполняют в системе, рассмотрение подсистем в их взаимосвязи.
3. Исследование воспроизводственного процесса – анализ «входа» в систему (ресурсного обеспечения, факторов и возможностей) и «выхода» (конечного продукт) из нее, а также функциональный анализ подсистем в контексте их участия в воспроизводственном процессе; синтез результатов с целью формирования выводов об уровне организованности системы.
4. Типология систем на основе оценки уровня их организованности и особенностей их поведения; определение системных критериев эффективности системы.
5. Исследование блока управления системой и формирование рекомендаций в области совершенствования блока управления.

Целью измерения социально-экономических и трансформационных процессов, происходящих в регионе, является своевременное, достоверное и целостное представление региона как объекта исследования, закономерностей его развития и дифференциации экономического пространства, а также прогноз его развития в зависимости от действий различных субъектов управления. Поиск источников информации требует проведения экономического и иных анализов экономических процессов, сконцентрированных и осуществляющихся на территории региона. При измерении социально-экономических и трансформационных процессов, происходящих в регионе, возникает ряд вопросов. По каким показателям можно сравнить динамику одномерных показателей разных объектов (например, регионов, представляющих единицы пространственной номенклатуры, в то же время не являющихся изолированными или полностью самостоятельными системами)? Как, например, это имеет место быть при рассмотрении товарных рынков, не ограниченных административными границами, и регионом, понимаемым как субъект РФ, обладающим к тому же урезанными политическими функциями и ограниченным статусом самостоя-

тельного экономического агента (нет исключительного права на подавляющую часть земельных и природных ресурсов и средств производства). Какова должна быть логика исследования, чтобы «...используя выверенные методологии анализа показателей и сравнения тенденций, оценить текущее экономическое, социальное или финансовое состояния объекта исследования» [Реймер, 2004]? Какими показателями можно руководствоваться из всей совокупности статистических данных в целях принятия стратегических решений?

Интеграция в мировое экономическое пространство требует применения систем показателей, позволяющих в соответствии с принятыми стандартами объективно оценивать экономический рост и прогнозировать программные параметры. В качестве индикаторов могут выступать разные показатели. Так МВФ использует порядка десяти показателей, МБРР – более 20. В систему показателей региона (выделенного в соответствии с номенклатурой пространственных единиц), как правило, включают такие, как ВРП, инфляция, темпы роста потребительских цен, индекс промышленного производства, инвестиции в основной капитал, занятость, уровень регистрируемой безработицы и др.

С точки зрения системного подхода прогнозирование социально-экономического развития отдельного региона не может в современных условиях рассматриваться в качестве надёжного инструмента при решении вопросов экономического и социального развития регионов. Поэтому помимо измерения экономического роста проводится изучение ситуации на предприятиях реального сектора, рынке труда, строительстве, торговле, транспорте, агропромышленном комплексе, исследуется состояние финансовой системы, банковского сектора, анализируются итоговые показатели регионального бюджета, состояние кредитного рынка, а также проводят социологические измерения отношения населения к сложившейся ситуации и изучают связанные с этим возможные социальные осложнения.

Наряду с такой детальной и многоаспектной оценкой внутренней среды аналогичной оценке должна быть подвергнута внешняя среда (особенно это важно для приграничного региона, находящегося в зоне интенсивного влияния внешних факторов). В частно-

сти, применительно к приграничному региону в исследовании должно быть представлено описание его приграничных функций и дана оценка возможностей социально-экономического развития с точки зрения влияния факторов внешней среды, формирующих возможности и проблемы для развития региональной экономики. В частности при исследовании проблем и возможностей экономического развития региона исследованию должны подвергаться следующие группы факторов, имеющие большое значение для реализации функций региона:

- *общие факторы* (географическое и геополитическое положение территории, демографический потенциал, природно-климатические условия);
- *факторы пространственного развития* (особенности пространственной организации системы расселения, инфраструктуры, каркас развития территории, ее специализация в территориальном разделении труда);
- *факторы ресурсной обеспеченности* (природные условия и обеспеченность природными ресурсами, рекреационный потенциал, экологические условия и состояние окружающей среды);
- *факторы социально-экономического развития* (факторы производства, производственный и финансовый капитал, «ресурсы развития») и *социальные активы* (социально-политическая стабильность, уровень развития государственно-частного партнерства, трудовые ресурсы и их квалификация, социальная инфраструктура, качество социальной среды).
- *факторы институционального развития* (качество институциональной среды, качество институтов).

Большое значение при анализе социально-экономического развития и процессов трансформации региональной социально-экономической системы имеет количественная оценка исследуемых процессов, выявление факторов, влияющих на их протекание, определение степени их влияния. При этом рассматривается разный подход к измерению характеристик объектов и процессов в экономической системе, типы шкал, используемых для измерения характеристик объектов (номинальная, порядковая, интервальная и относительная). При этом используются следующие методы:

- *метод абстрагирования* (исключение явлений, носящих случайный характер, при исследовании процессов в экономике региона);
- *метод аппроксимации и обобщения* (упрощение экономической действительности до некоторого числа существенных взаимосвязей, составляющих основу социально-экономической системы);
- *математический метод* (описание изучаемых экономических явлений при помощи математических знаков и символов);
- *методы прогнозирования*, основанные на различных операциях вычисления и процедурах, вытекающих из опыта и интуиции специалистов;
- *методы экспертных оценок* (индивидуальные – метод интервью, аналитический метод, метод написания сценария; коллективные – метод коллективной генерации идей, метод Дельфи, метод комиссий и др.);
- *методы статистического и статистико-временного анализа* (дисперсионный и ковариационный анализ, корреляционный анализ, регрессионный анализ, анализ временных рядов, факторный анализ, кластерный анализ изучение совокупности экономических явлений и объектов, однородных в некотором существенном положении, во временном периоде);
- *методы экономического анализа* (балансовый метод, нормативный метод, программно-целевой, институциональный и др.), направленные на системное изучение и оценку влияния факторов на региональное развитие;
- *метод форсайта* (систематический, совместный процесс построения видения будущего, нацеленный на повышение качества принимаемых в настоящий момент решений); форсайт нацелен на научно-техническое развитие и проектирование на основе оценки долгосрочных перспектив развития;
- *методы стратегического анализа* (методы SWOT, PEST, LOTS, GAP-анализа, метод декомбинационного анализа и др.), направленные на комплексный анализ внешней и внутренней среды с целью выявления и обоснования желательных перспективных траекторий развития системы;

- *метод индексов* – это одни из основных методов измерений, принятых в мировой практике (можно назвать следующие наиболее часто используемые индексы: индекс экономической свободы, индексы развития институтов, деловой активности, потребительских ожиданий, уровня и качества жизни, темпов инфляции, государственного долга, безработицы, темпов экономического роста, степени вовлеченности в мировую экономику и др.);
- *методы социологических измерений* (отслеживание состояния общественного мнения по актуальным вопросам отношения населения к сложившейся ситуации и изучение связанные с этим возможные социальных осложнений); методы используются для изучения ситуации на предприятиях реального сектора, рынке труда, строительстве, агропромышленном секторе и т. п.

Особенности измерения экономических процессов в регионе.

Комплексный анализ экономического состояния и процессов экономического развития региона включает в себя следующие составляющие:

- анализ учетной (статистической, балансовой и кадастровой) информации с выделением долгосрочных трендов и влияющих факторов (статистические или стохастические методы, оценка индексов и ВРП);
- экономический анализ причин роста и факторов производства (экономико-математические методы и моделирование производных величин, группировка множеств и функционально-стоимостной анализ);
- агрегирование факторов и декомпозиция экономического роста (комбинирование методов, составление интегральных величин).

Анализ учетной информации сам по себе не имеет самостоятельного значения, а присутствует только как этап решения той или иной задачи. Поэтому на нем не стоит останавливаться подробно.

Особенность применения макроэкономического подхода к региону основывается на допущении сходства (согласно теории подобия) отдельного территориального образования и национальной

экономики (когда экономика территории – таксономической единицы – воспринимается как уменьшенный аналог национальной экономики), что дает основание для применения методов и показателей макроэкономических теорий. Макроэкономические показатели являются агрегированными, обобщающими статистическими характеристиками территориальной социально-экономической системы, получаемых путем стандартизированных процедур, соответствующие официальной номенклатуре пространственных единиц, принятой в стране. Только в этом случае можно использовать утвержденные и связанные между собой процедуры анализа региональной социально-экономической системы, которые дают возможность, используя апробированные методики анализа показателей и сравнения текущих тенденций, оценить текущее социально-экономическое состояние территориальной социально-экономической системы.

В европейской практике применяется универсальная классификация пространственных единиц для сбора региональной статистики и сравнения показателей (*Nomenclature of Territorial Units for Statistics*): *NUTS 1*, *NUTS 2*, *NUTS 3*. Индекс 1 соответствует крупному региону (макрорегиону или стране), индексы 2 и 3 отражают двухуровневую административную систему, принятую в большинстве стран (земли и округа в Германии, регионы и департаменты во Франции, регионы и провинции в Италии и т. д.).

В России действует следующая номенклатура пространственных единиц: страна (Российская Федерация), федеральный округ, субъекты Федерации (регионы), муниципальные образования. Наиболее надежная информация формируется на уровне национальной экономики, поскольку из торговых деклараций и иных документов, обязательно требуемых при пересечении границы, можно получить достаточно точную статистическую информацию о международной торговле и других хозяйственных сделках, чего не хватает для анализа внутренних экономических процессов.

С точки зрения учета признаков специализации, комплексности и управляемости наиболее «проблемными» являются субъекты Федерации и муниципальные образования (причем осуществление анализа состояния муниципальных образований представляет в России особую трудность в виду фактического отсутствия муни-

ципальной статистики). Из статистического учета фактически исключаются поселения, поскольку отсутствуют соответствующие статистические показатели и методики, адекватно отражающие экономическую деятельность на их территориях. Подобная используемая номенклатура пространственных единиц может привести (и приводит) к искажению и неточности информации. Однако эти единицы включают в себя зоны интенсивного развития, по показателям которых определяется и в рамках которых осуществляется региональная экономическая политика. Территория административной единицы покрывает зону (или зоны), где сконцентрирована экономическая деятельность. Например, в четверти стран мира (включая и Россию) более половины национального дохода производится в зонах, занимающих менее 5% территории страны [Доклад о мировом..., 2009]. Та же ситуация наблюдается и на других уровнях. Конечно, существуют и совместные проекты, в частности еврорегионы или иные зоны приграничной торговли, однако они представляют собой частный случай и требуют специального исследования.

Поскольку непосредственным объектом региональной экономической политики являются в первую очередь именно функциональные зоны с повышенной концентрацией экономической деятельности, то можно сделать вывод, что характеристика регионов во многом совпадает с интегральной характеристикой зон. Именно в таком аспекте следует рассматривать регионы, выделенные административным способом. Т. е. одновременно регионы могут рассматриваться как территории, определяемые в метрических (статистических) показателях и как совокупность зон с повышенной плотностью экономической деятельности, влияющих на концентрацию, соответствующие градиенты и транзитность (пропускную способность) «внезонавого» регионального экономического пространства.

Таким образом, для совершенствования и повышения точности оценки социально-экономического состояния региона актуальной задачей является совершенствование учетной политики, предполагающее дополнение комплекса показателей, используемых в рамках «территориального подхода», показателями и результатами стратегического анализа. Необходимо четко понимать особенно-

сти позиционирования региона в геоэкономической системе, глобальном культурном, институциональном, информационном пространстве. При этом понимание несовершенства институтов и построения «институциональных атласов», определение системы регуляторов социально-экономического развития региона становятся важнейшими задачами стратегического анализа.

Для совершенствования и повышения точности оценки социально-экономического состояния региона требуется решить следующие проблемы теоретического и методического характера:

- необходимо в рамках существующих теорий пространственной и региональной экономики разработать концептуальную экономико-географическую (пространственную) модель, учитывающую особенность объекта исследования и специфические требования к управлению данным объектом;
- требуется обоснование концепцию региональной экономической политики в условиях «новой экономики»;
- необходимо восполнить методическую недостаточность стратегического регионального анализа как основы выбора стратегии и обеспечения целевых функций в новых условиях;
- необходимо отработать организационные и институциональные аспекты реализации новой региональной модели и соответствующих ее частных концепций.

Одним из основных методов анализа социально-экономического состояния региона является многомерный экономический анализ. Он представляет собой системное изучение и оценку влияния факторов на региональное развитие как совокупность приемов обработки и переработки показателей социальных и экономических процессов, происходящих на территории региона. В то же время методологической особенностью многомерного экономического анализа применительно к региону является то, что он одновременно является способом исследования региона и основанием для разработки управленческих решений и сценариев социально-экономического развития региона.

При многомерном анализе социально-экономического состояния регионов с целью получения сопоставимых результатов вместо измерения множества переменных параметров целесообразно использовать ряд внешних индикаторов, характеризующих различ-

ные аспекты функционирования региональной социально-экономической системы, а также матрицы и коэффициенты, показывающие связи между объектами. При этом универсальным инструментом уточнения теоретических представлений о структуре связей между разными аспектами изучаемых социально-экономических процессов является анализ структуры матрицы коэффициентов связи между рассматриваемыми признаками региональной социально-экономической системы [Миркин, 1985].

Применительно к региональным экономическим исследованиям многомерный анализ сталкивается с одним серьезным препятствием в сфере практического использования. Прежде всего, имеются в виду трудности, связанные с описанием сложной внутренней зависимости между случайными величинами, способными оказывать существенное влияние на состояние региональной экономики и социума. Поэтому при исследовании региона многомерный анализ не является самодостаточным и направлен на формирование в основном предварительных выводов, вспомогательных утверждений при решении задач мониторинговых исследований региона.

Особенности измерения социальных процессов в регионе.

Важным элементом региональных исследований является отслеживание состояния общественного мнения по актуальным вопросам. Социологические исследования, телефонные горячие линии, информационные центры и другие формы налаживания обратной связи с населением являются источником неоценимой информации. Именно они должны давать субъектам управления сведения о том, насколько чувствительные изменения происходят в жизни людей, какой характер (позитивный или негативный) они носят, а также в каком направлении следует двигаться дальше, обеспечивая механизм обратной связи. Рекомендации и замечания граждан, как показывает практический опыт, всегда конкретны и обычно носят частный характер. Поэтому задача аналитиков вычленив из этого информационного массива проблемы, носящие действительно стратегический характер, и учесть их при определении управленческих решений.

Встраивание в систему управления социально-экономическим развитием региона механизма обратной связи предполагает осуществление следующих мероприятий:

- проведение регулярных социологических исследований социально-экономической жизни региона;
- мониторинг общественного мнения жителей по разным вопросам;
- проведение серии фокус-групп с представителями целевой аудитории;
- исследование и работа в области общественных связей.

Для достижения поставленных целей и решения задач специалистами обычно делается акцент на сочетании следующих количественных и качественных методов социологических исследований с целью наиболее эффективной и полной интерпретации их результатов:

- метод широкомасштабного анкетного опроса (опрос проводится по многоступенчатой квотной выборке в соответствии с половозрастной структурой; для более глубокого качественного анализа исследуемых проблем количественный инструментарий должен быть дополнен качественными методами);
- метод фокус-групп (состоит в проведении профессиональным ведущим (модератором) серий групповых интервью (обсуждений) с участниками группы (респондентами) по заранее подготовленному плану (вопроснику) с использованием демонстрационных и тестовых материалов);
- метод экспертных оценок (опрос респондентов, обладающих достаточными знаниями в какой-либо области, или экспертов, специалистов; данный метод используется для выявления наиболее сложных аспектов исследуемых проблем).

Особенности измерения состояния и трансформации институтов в регионе. Методики оценки состояния и трансформации институциональной среды достаточно хорошо отработаны на страновом уровне. Применительно к регионам проблема изучена гораздо слабее. В частности, отсутствуют общепризнанные индикаторы, институциональные индексы для регионов России не вычисляются на систематической основе и не публикуются. Количество научных работ о влиянии региональной системы институтов на готовность к модернизации экономики регионов также крайне невелико.

Для большого количества стран (около 180) ежегодно рассчитывается индекс экономической свободы, для ряда стран – индекс институтов, индекс деловой активности, индекс потребительских ожиданий, уровень и качество жизни, темпы инфляции, государственный долг, норма безработицы, темпы экономического роста, степень вовлеченности в мировую экономику, объем золотовалютных резервов, объем теневой экономики, состояние природной среды и экология. Поэтому разработка методов оценки качества институтов, как условия модернизации на региональном уровне, является весьма актуальной. В то же время, это достаточно сложная задача – экономические институты (законы и общепринятые правила поведения в бизнесе) не оказывают непосредственного влияния на экономику, они регулируют поведение экономических акторов, которое затем уже опосредованно оказывает влияние на экономические переменные.

В настоящее время разработан комплекс измеримых параметров, пригодных для оценки качества институтов. Это все основные экономические переменные, а также величины, получаемые путем социологических опросов. Проблема использования экономических переменных для оценки эффективности институтов состоит в том, что на них влияет множество других факторов. Использование дополнительных данных, полученных с помощью социологических методов, позволяет корректировать воздействие неинституциональных факторов.

Оценка модернизационных возможностей и возможностей экономического роста в российских регионах должна основываться на исследовании *качества институциональной среды*, в которой предприниматели и домохозяйства реализуют свои стратегии развития. Обзор литературы, показал, что важнейшим условием национальной модернизации и социально-экономического развития является создание институциональной среды, организующей экономическое развитие. Условия для успешной реализации стратегии экономического развития и модернизации региона создают почву для формирования агентов или «выгодоприобретателей». Качественная институциональная среда взаимосвязана и взаимообусловлена с качественной социальной средой, которая создает предпосылки для формирования «критической массы» агентов

экономического развития и модернизации, способных реализовывать свои стратегии развития. Высокое качество и эффективность институтов являются главными критериями готовности региона к реализации модернизационных стратегий и повышению международной конкурентоспособности на основе изменения «качества экономического роста».

В практическом плане для построения институциональной структурной модели региональной социально-экономической системы в условиях модернизации и усиления конкуренции требуется выполнение следующих последовательных шагов:

- провести компаративный анализ институциональных систем различных регионов мира, поиск наиболее эффективных институтов и их комбинаций;
- построить региональную модель собственности;
- разработать математические модели эволюции региональной системы институтов в условиях модернизации.

При построении институциональной структурной модели региональной социально-экономической системы используется следующий инструментарий исследования:

- Институциональный анализ процессов принятия решения со стороны домохозяйств и предпринимателей по реализации стратегий развития.
- Социологические количественные и качественные методы, которые позволяют получить эмпирическую базу исследования, включающую:
 - формализованные интервью домохозяйств;
 - полуформализованные и неформализованные глубинные интервью предпринимателей;
 - инновационные семинары по типу фокус-группы с представителями разных социальных групп – предпринимателей, самозанятых, молодежи, безработных.
- Экономико-статистический анализ с привлечением многомерного анализа данных (кластерный, факторный анализ, методика баз знаний) используется для построения типологий и классификаций экономического поведения субъектов хозяйственной деятельности (домохозяйств и предпринимателей).

Надо заметить, что *качество институтов* в регионе характеризуется комплексом экономических и социологических переменных и проявляется через социально-экономические показатели региона, поведение участников экономического процесса, восприятие субъектами социальной реальности. Для измерения качества институтов используются анамнестический и диагностический концептуальные подходы. *Анамнестический подход* изучает историю явления, процесса или предшествующие тенденции, куда относятся «динамические ряды», (количественный и качественный срезы). *Диагностический подход* связан с анализом новой социальной реальности (структура, связи, отношения) через типологическое разнообразие явлений и процессов (многомерный количественный и качественный анализ).

Сама процедура оценки качества институтов в регионе представляется как многоэтапная, предполагающая как решение задач методологического и методического характера, так и задач, связанных непосредственно с оценочной работой. В частности, можно выделить следующие этапы:

- выбор и обоснование методологического подхода и разработка самой методики оценки качества институтов и институциональных систем (среды) региона (с учетом его специфики, например, периферийности и приграничности);
- выбор инструментария измерения институциональной среды (методы, модели, индикаторы, источники информации);
- проведение оценки качества региональных институтов, действующих в экономике, социальной сфере, управлении, политике.

Выработка и апробация методики оценки качества региональных институтов позволяет решить такие важные научно-методологические задачи как:

- выработка и обоснование подхода к формированию эмпирических систем с использованием комплекса методов сбора информации (документальных, статистических, экономико-социологических, методов мониторинга и обратной связи, панели предприятий и домохозяйств);
- построение адекватных числовых (и математических) систем с отношениями с использованием методов обработки и анализа

данных, позволяющих выявить динамику и тенденции, направления дифференциации, провести классификацию и типологию, разработать соответствующие экономико-математические модели экономических и социальных систем и процессов.

При оценке качества региональных институтов в качестве факторов, способствующих их модернизации и институциональному развитию приграничного региона, необходимо рассматривать следующие:

- развитие инновационных социальных технологий в регионе (коммуникативного планирования, инструментов делиберативной демократии, методологии построения «мягких» систем и др.);
- наличие законодательной базы, способствующей созданию благоприятных институциональных условий для развития эффективной экономики (защиты прав собственности, налоговых льгот для малого и среднего бизнеса, системы государственных гарантий для инвесторов, доступных кредитов, снятия административных барьеров и т. п.);
- формирование лоббистских групп, заинтересованных в развитии региона (в т.ч. наличие согласованных групп интересов – региональных, интеллектуальных и бизнес-элит);
- повышение уровня институционального доверия (наличие долгосрочной положительной динамики, например, за последние 10 лет);
- наличие эффективной институциональной среды, включающей наличие и использование деловых практик, институциональной уверенности, социальной ответственности;
- рост человеческого капитала (включая социальные инвестиции, рост демографического потенциала, повышение здоровья и уровня образования населения);
- улучшение качества жизни населения;
- наличие предпосылок для перехода к инновационной экономике (наличие основ для формирования и развития региональных инновационных систем – наличие инфраструктуры, агентов, законодательной базы и др.).

В качестве основных критериев при оценке качества институтов целесообразно использовать следующие критерии:

- мощность и уровень конкуренции институтов;
- интенсивность законотворческих процессов, периодичность обновления и сферы их приложения;
- состояние публичных институтов (права собственности, институционального доверия, правовой дисциплины, прозрачности государственной политики);
- состояние социальных институтов, регулирующих отношения в социальной сфере (включая состояние социально-демографического потенциала, рынков труда, развитие образования, здравоохранения, социальной защиты);
- уровень социального благополучия в регионе (включая состояние и процессы трансформации системы расселения региона (численность и состав населенных пунктов, людность), наличие и уровень социальных девиаций – маргинализации, криминализации, люмпенизации, социального сиротства, социально значимых заболеваний и т. п.).

Наряду с вышеперечисленными (ключевыми) критериями в методику оценки качества региональных институтов целесообразно включить также ряд вспомогательных специфических критериев, позволяющие учитывать специфические особенности конкретного региона (например, характеризующие особенности потребительского поведения, предпринимательской культуры и др.). Только в этом случае результаты оценки качества региональных институтов будут характеризоваться объективностью и репрезентативностью (вместе с тем, сравнительная оценка качества институтов в различных регионах должна проводиться по ключевым критериям).

Рассмотрим подробнее особенности применения некоторых из вышеперечисленных критериев и их влияния на общие результаты оценки качества институтов в регионе.

Наиболее важным оценочным критерием является комплексный критерий мощности и конкуренции институтов. Известно, что простейшая институциональная система состоит из комплекса институтов, обеспечивающих правила для всех основных видов деятельности людей, а также институтов, поддерживающих исполнение базовых институтов. Так, например, есть развитая подсистема институтов собственности, обеспечивающих права собственности на землю, лес, интеллектуальные объекты, акционерную собствен-

ность и так далее. Для каждого вида деятельности предусмотрен свой институт, области действия которых не пересекаются. Но в реальности существуют более сложные варианты, когда одна и та же деятельность может регулироваться разными институтами. Например, в России малые предприятия имеют право сами выбирать, по какой схеме будет осуществляться их налогообложение – по общей или, так называемой, «упрощенной». В результате возникает определенная конкуренция институтов, которая может перерасти в прямое их противоборство. Так, неформальный институт часто оказывался сильнее формального, невзирая на строгое предписание последнего (например, в случае нарушения контрактов в 90-е годы XX столетия предприниматели часто обращались не в судебные инстанции, а в криминальные структуры, к так называемой «крыше»).

Для адекватной оценки мощности и конкуренции институтов на уровне региона требуется найти научное обоснование для ответа на вопрос: Какой институт будет действовать в том случае, если действия попадают в общую для них зону? Очевидно, чаще всего часть людей будет прибегать к одному институту, а часть – к другому, так что можно говорить о вероятности того или иного выбора. Распределение вероятностей будет определяться функцией от параметра, который можно назвать мощностью института:

$$E_i = F(p_1, p_2, \dots, p_k),$$

где: E_i – вероятность обращения к институту i , p_i – мощность i -того института

Очевидно, что мощность институтов определяется общественными усилиями, направленными на их поддержание. Эти усилия (в соответствии с трудовой теорией стоимости) оцениваются общественно необходимым временем, затрачиваемым на исполнение этих институтов. Во многих случаях эти затраты можно оценить через общественные расходы на органы правопорядка. Поэтому для практического решения вопроса требуется получить информацию о сумме затрат на поддержание этих институтов и о частоте обращения к ним экономических агентов. Еще один важный источник информации – это статистика судебной практики, из которой можно получить распределение частоты применения разных законов.

Кроме статического распределения случаев применения конкурирующих институтов, очевидно, существует динамика этого распределения. Ясно, что сразу после введения нового института частота обращения к нему будет незначительной. Эту динамику сравнительно просто исследовать на примере упрощенного налогообложения.

Критерий интенсивности законотворческих процессов, периодичности обновления и сферы их приложения характеризует динамику институтов и крайне важен с точки зрения исследования модернизационных процессов в регионе. Построение классификации законотворчества на основе массива законов может быть осуществлено с использованием компьютерных справочных правовых систем «Консультант Плюс», «Кодекс» и др. При проведении классификации следует применять многоступенчатую выборку, например:

- из всего множества документов с помощью фильтра отбираются те, которые содержат в тексте слово «Карелия»;
- далее выделяются базовые институты регионального действия (Законы Республики Карелия);
- затем выделяются дополнительные постановления и указы;
- далее выделяются другие документы (приказы министерств и ведомств, распоряжения, инструктивные и разъяснительные письма и т. д.).

Классификация строится на основе анализа распределения законов и других актов органов государственной власти по соответствующим темам. Оценивается интенсивность законотворчества, периодичность, а также распределение по направлениям деятельности власти (бюджетная политика, тарифная политика, вопросы управления государственной собственностью, вопросы местного самоуправления, административная политика, социальная поддержка и социальное обеспечение, политика в сферах образования, здравоохранения, внедрение информационных технологий и т. д.). Результатом подобного анализа является *структурная модель институциональной эволюции региона*, разработанная с учетом социальных когнитивных механизмов.

Такие критерии, как состояние публичных институтов, социальных институтов, регулирующих отношения в социальной сфере, а также состояние социального благополучия в регионе оцени-

ваются на основе эмпирических данных комплексных экономико-социологических обследований предприятий и домохозяйств.

Оценка качества социальной среды в регионе операционализируется через исследование экономического поведения домохозяйств и предпринимателей, включающего стратегии адаптации населения к изменяющимся условиям, экономическую активность населения, карьерные стратегии молодежи, предпринимательские стратегии, деловые практики бизнеса. Типологии экономического поведения домохозяйств и предприятий, отражают его качественное и количественное разнообразие, включая весь спектр поведенческих типов – от эффективных до деструктивных. По реальному поведению населения и предпринимателей, которое соизмеряется с эталоном «активной, мотивированной на повышение социального и трудового статуса» жизненной стратегии, определяется и оценивается степень готовности населения к модернизационным стратегиям.

Основываясь на результатах оценки качества социальной среды и оценке качества институтов, проводимой в Институте экономики КарНЦ РАН⁴, в настоящее время качество социальной среды в Республике Карелия, характеризуемой как приграничный периферийный регион, имеет не вполне удовлетворительные характеристики, отражающие среди распространенных практик адаптации и экономической активности, доминирование малоэффективных и неоптимальных моделей поведения, что в настоящее время препятствует формированию эффективных модернизационных стратегий региона.

Наряду с оценкой качества социальной среды в регионе важные результаты с точки зрения исследования трансформационных процессов, происходящих в региональной экономике и социуме, дает *оценка типологического разнообразия экономического поведения потенциальных агентов модернизации (домохозяйств и бизнеса)*, которая осуществляется в рамках микроэкономического подхода. Использование результатов типологизации позволяет выявить все многообразие распространенных социальных практик домохо-

⁴ Обобщенные результаты оценки качества институтов и качества социальной среды представлены ниже, в разделах 2.4 и 4.3.

зайств и бизнеса (от инновационных до деструктивных) и в результате получить количественную оценку качества региональной институциональной среды. Методика операционализируется через следующие направления институционального анализа:

1. Анализ трансформации и качества частных институтов, включая:

- анализ корпоративной этики (ее рассмотрение в контексте становления и развития предпринимательской культуры);
- анализ социальной ответственности бизнеса.

2. Анализ экономического поведения хозяйствующих субъектов региона в разных системах экономических отношений и выявление выигранных стратегий с подразделением их на:

- экономические стратегии (сырьевые, диверсификация, кластеризация, инновационные);
- модели инвестирования (бизнес – инвестор; инновационный инвестор – венчурный инвестор; бизнес – банк (кредит, лизинг, клиринг)).

3. Анализ динамики (за последние 20 лет) социальных институтов, связанных с адаптацией населения к рыночным условиям, включая анализ по следующим частным направлениям:

- демографическое поведение;
- модели накопления человеческого капитала;
- экономическое поведение домохозяйств (предпринимательская активность, инвестиционное поведение, поведение на рынке труда);
- потребительское поведение;
- качество и уровень жизни;
- социальные сети, социальный капитал.

Методика оценки типологического разнообразия экономического поведения потенциальных агентов модернизации (домохозяйств и бизнеса) включает комплекс составных частей, операционализирующих основные методологические позиции исследования: идентификацию проблемной ситуации, постановку гипотезы исследования, выбор инструментария исследования и методов сбора, изречения, обработки и анализа эмпирических данных (как правило, они уже в полном объеме заложены в современные автоматизирован-

ные системы обработки данных, например, SPSS, STATA, и т. п.), выбор и обоснование способов эмпирической проверки (подтверждения) гипотезы.

Для получения качественных результатов диагностики институциональной среды региона и выработки адекватных мер и предложений по повышению качества институтов важно в исследованиях сочетать статистические (количественные) и гуманитарные (качественные) методы. Первые позволяют выявить весь спектр разнородных социально-деятельных групп населения, типов реального и гипотетического экономического поведения, а также оценить количественно степень их распространенности. Вторые позволяют провести глубинное исследование типичных представителей (предпринимателей, безработных, руководителей предприятий, представителей реальных и потенциальных фермерских и крестьянских хозяйств и др.), а также с их помощью (что более важно) корректируются содержательные гипотезы о существовании различных типов экономического сознания и поведения как способа адаптации к изменяющейся институциональной среде.

Таким образом, получение наиболее полного представления о всей совокупности происходящих в регионе социально-экономических и трансформационных процессах во многом зависит от полноты используемой системы измерения, которая должна основываться на междисциплинарном подходе и синтезе различных методов и методик, одновременно, обеспечивая сопоставимость и репрезентативность получаемых с их помощью результатов. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, к сожалению, эта область региональных исследований сегодня проработана в неполной мере и сама по себе проблематика, связанная с методологией региональных измерений, является интереснейшей и важней предметной областью для исследования.

ГЛАВА 2

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В МИРОВОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Социально-экономическое развитие и конкурентоспособность регионов в условиях глобализации и регионализации

Процесс глобализации, затрагивающий, главным образом, отраслевые и национальные рынки, следует рассматривать в качестве объективного результата третьей промышленной революции и смены парадигмы экономического развития, глубоко затронувшей структуру производства, распределения и потребления общественных и материальных благ. Глобализация породила множество новых факторов, заставила искать новые подходы в управлении и обеспечении конкурентоспособности микроэкономических (отдельным товарам, фирмам и отраслям) и макроэкономических субъектов (регионов и стран). Объективным результатом развития глобализации следует считать тенденцию регионализации, начавшую активно проявляться во второй половине XX века. Регионализация – это процесс производный от глобализации, заключающийся в объединении и реализации согласованной политики стран и регионов. Если на практике глобализация проявляется через глобализацию рынков и интернационализацию предпринимательской деятельности (интернационализацию на микроуровне, выражающуюся через рост и расширение деятельности транснациональных корпораций), то регионализация – через развитие региональных интеграционных процессов (интернационализацию на мезо- и макроуровне). Рассмотрим процессы глобализации и регионализации более подробно с позиции механизмов их влияния на конкурентные отношения между макроэкономическими субъектами и конкурентоспособность приграничных регионов.

Особенности процесса глобализации и его влияние на конкурентоспособность стран и приграничных регионов. Широкая экспансия капитала (преимущественно в форме финансового корпоративного капитала), сопровождающая процесс глобализации, не только способствует переходу экономических отношений на глобальный уровень, но и изменяет схемы распределения мирового богатства и экономического потенциала между странами и регионами. В этих условиях одним из важных факторов, определяющих конкурентоспособность территории, становится способность встраиваться в эти схемы, создавая привлекательные условия для расширенного воспроизводства капитала, постепенно увеличивая собственную роль и значимость в этих схемах, генерируя новые схемы (пользуясь терминологией М. Портера, – цепочки добавленной стоимости (ЦДС)) на основе имеющихся внутренних ресурсов и возможностей.

Объективные процессы усложнения общественной структуры и взаимоотношений в условиях глобализации создают предпосылки для преобразования подходов и методов управления, повышения их адаптивности к изменениям факторов внешней среды. Они требуют преобразования организационных моделей управления практически на всех уровнях, начиная с моделей корпоративного управления и заканчивая уровнем региональных интеграционных структур. В частности, акцент в преобразовании организационных моделей управления все больше смещается на необходимость активного развития горизонтальных связей на основе децентрализации и делегирования управленческих полномочий, повышения самостоятельности и автономности структурных подразделений, формирования сетевых структур управления и передачи управленческой информации.

В геоэкономическом плане глобализация способствует углублению следующих процессов, оказывающих непосредственное влияние на конкурентоспособность и социально-экономическое развитие территорий [Бузгалин, 2007, с. 212–213]:

- всемирному разделению труда, углубляя экономические противоречия между странами 1-го и 3-го миров, а также международному разделению труда, сужая и углубляя сферу экономической компетенции стран и регионов;

- формированию «частичного работника», направляя прогресс в руло роста не «универсальности», а профессионализма, что способствует смещению приоритета в развитии от гуманистических ценностей к ценностям технократического характера (формирование «общества профессионалов»⁵);
- развитию и углублению сегментации рынка рабочей силы, отражающейся на затруднении перехода специалиста из одной профессионально-квалификационной группы в другую;
- доминированию производства «частичного продукта», не являющегося в своей вещественности конечной потребительской стоимостью, а выступающего в качестве таковой только в совокупности с другими «частичными продуктами» и услугами по технической поддержке их эксплуатации и т. д.

Надо заметить, что процесс глобализации и формирования тотального рынка (связанный во многом с экспансией глобального корпоративного капитала) оказывает влияние на усиление территориального разделения труда, приводя к неоднозначным и, нередко, противоречивым результатам. Он создает условия для повышения глобальной конкурентоспособности транснациональных корпораций, одновременно, сужая сферу компетенции местных производителей и территориальных субъектов. Они, в свою очередь, вынуждены создавать различные экономические блоки и союзы (т. е. включаться в процесс регионализации), различные преграды в виде тарифных и нетарифных внешнеторговых ограничений. Так, характер конкурентных отношений между экономическими субъектами, включая территории, в условиях глобализации во многом определяется типом международного разделения труда, в рамках которого экономический субъект взаимодействует с другими субъектами, и соответствующим ему типом специализации, определяющим, в свою очередь, инструменты и механизмы осуществления конкурентных отношений (табл. 2.1).

⁵ Данная проблема достаточно глубоко анализируется А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым.

Таблица 2.1

**Взаимосвязь типов международного разделения труда,
типов специализации и конкурентных отношений**

Тип МТР	Тип специализации	Уровень конкурентных отношений	Субъект конкурентных отношений	Инструменты регулирования конкурентных отношений
Общее международное разделение труда	Отраслевая специализация	Гипермакроуровень, макроуровень, мезоуровень	Отрасли, страны, регионы, группы компаний	ГАТТ, межгосударственные и межрегиональные соглашения, отраслевые стандарты, межфирменные соглашения
Частное международное разделение труда	Предметная (товарная) специализация	Макроуровень, мезоуровень, микроуровень	Страны, регионы, компании	ГАТТ, межгосударственные и межрегиональные соглашения, межфирменные соглашения
Единичное международное разделение труда	Технологическая («подетальная») специализация	Мезоуровень, микроуровень	Регионы, компании	Межрегиональные и межфирменные соглашения, договоры специализации (аутсорсинга)

Как видно из таблицы 2.1, в современных условиях регионы становятся непосредственными участниками конкурентных отношений, принимая участие в рамках всех трех типов международного разделения труда, практикуя и развивая на своей территории фактически все типы специализации. На уровне мировой экономики это способствует углублению глобализации и, одновременно, создает условия для взаимоувязывания отдельных региональных рынков, регионов, производителей и индивидуумов, по сути, снижая их автономность. В этих условиях любая глобальная ЦДС будет иметь локальную проекцию, как и местные цепочки будут связаны с глобальными системами производства и распределения продукции. Подобное взаимопроникновение экономических процессов, усиление зависимости рынков, производителей, регионов и стран следует рассматривать в качестве главной результирующей особенности процесса глобализации, приводящей к смене парадигм управления и предъявляющей новые требования к конкурентности и конкурентоспособности территорий.

Очевидно, что интенсивное развитие всех рассмотренных типов специализации создает сильные предпосылки для изменения форм

и методов осуществления конкурентных отношений не только между производителями, но и между территориальными субъектами (особенно, что касается приграничных регионов). В данном случае, примером одной из тенденций этого в глобальном масштабе является то, что *конкуренция все больше уступает место различным формам взаимовыгодного сотрудничества*.

Надо также сказать, что и глобализация, и преобразование под ее действием моделей поведения стран и регионов, подходов и методов управления отражаются на изменении пространственных диспропорций и факторов развития регионов. В качестве таковых следует выделить следующие:

- Усиление концентрации экономической активности. Например, примерно в четверти стран, в т. ч. в России более половины национального дохода производится на площади, занимающей менее 5% территории страны. Более половины мирового валового продукта производится на 1,5% площади территории Земли, на которой проживает $\frac{1}{6}$ населения мира.
- Развитие экономики стран (регионов) в большей степени зависит от следования стратегии, ориентированной (или навязываемой) извне, согласно которой передовые регионы стран должны конкурировать и торговать со всем миром, по сути, переводя основной акцент в конкуренции территорий с международного на межрегиональный уровень.
- Усиление внутренней пространственной дифференциации в уровне социально-экономического развития развивающихся стран, которая в современных условиях существенно более высокая, чем в индустриальных странах на ранних этапах развития капитализма.
- Сокращение значимости пространственного фактора в экономических отношениях и расстояний между регионами, обеспечивающееся за счет повышения мобильности рабочей силы, развития коммуникаций, транспортных систем, перевода значительной части экономических отношений (особенно транзакций на рынке капитала и финансовом рынке) в виртуальную сферу.

Еще одним значимым аспектом влияния процесса глобализации на преобразование конкурентных отношений и социально-эконо-

мическое развитие регионов (наряду с рассмотренными выше) является усиление значения информации, как управленческого ресурса и, зачастую, как источника создания стоимости. Интенсификация информационного обмена в конечном счете приводит к развитию «информационного общества». Характерными особенностями и преобладающими тенденциями развития данной формы общественного устройства становятся следующие (на основе: [Стрелец, 2006, с. 6–7]):

- постепенная смена форм пространственной организации производства, когда на смену его пространственной концентрации для достижения эффекта от масштаба приходит внедрение распределенных производственных процессов и создания «частичных продуктов»;
- трудно различимой становится национальная принадлежность различных благ в результате углубления единичного типа международного разделения труда и усиления соответствующего ему типа специализации – технологической специализации, приводя к развитию глобальных цепочек добавления стоимости и активизации процессов перераспределения общественных благ и капитала между странами;
- постепенная смена системы ценностей, где ведущими мотивирующими факторами деятельности компаний на рынке, а также территориальных субъектов становятся не достижение экономических и стоимостных показателей, а наиболее полное удовлетворение потребностей человека и достижение целей социального характера, что следует рассматривать как результат перехода от массового спроса к его индивидуализации;
- в результате взаимного переплетения и взаимозависимости экономических и социальных процессов усиливается роль и значение международных организаций, наднациональных институтов и органов регулирования, нередко носящих виртуальный или сетевой характер;
- интенсивное развитие реальных и виртуальных социальных сетей, способствующих развитию интенсивного информационного обмена и снижению информационной асимметрии на товарных рынках и рынках услуг и др.

В этих условиях коренным образом меняются роль и экономические функции регионов. Сегодня общепризнанным является то, что регионы начинают играть крайне важную роль в мировом экономическом развитии, в результате чего на первый план выходит межрегиональная конкуренция и экономическое взаимодействие (сотрудничество) регионов, а не конкуренция между отдельными странами или производителями. В частности, выделены механизмы, способные превратить регион в важнейшую единицу развития в условиях глоболизирующей экономики. Они формализованы в рамках моделей и эмпирических исследований ряда экономических теорий, в т. ч. в теориях новой экономической географии Пола Кругмана и теории институциональной экономики. Также в качестве подтверждения этого можно привести следующие слова Майкла Портера: «...в новых условиях глобализации регион становится ключевой единицей, т.к. именно в локализованных территориях создается значительная доля добавленной стоимости всех стран, и региональные условия во многом определяют конкурентоспособность производимых товаров». [Григорьев. 2008, 83–98].

С начала 1990-х годов в науке утверждается теория межрегиональной конкуренции, базирующаяся на теории эндогенного экономического роста [Савельев, 2010]. Регион в этом смысле следует рассматривать как источник роста, ориентированный на внутренние ресурсы регионального сообщества (предпринимательство, творческий потенциал, местную идентичность, экономические институты и др.). При этом выявление этого источника роста и создание условий для его эффективного использования нередко зависит от соответствующих возможностей и предпосылок внешней среды. Зачастую такие *внутренние скрытые источники роста становятся очевидными на фоне развития конкурентных отношений*, когда территориальный субъект вынужден активно искать факторы и инструменты, которые позволили бы обеспечить уникальность его предложения, дифференцировать его от аналогичных предложений других территориальных субъектов.

Современной спецификой экономического взаимодействия и конкуренции регионов является то, что в условиях глобализации практически полностью поменялся ее характер. Сегодня на глобальном уровне практически во всех секторах рынка господствует

монополистическая конкуренция, поддерживаемая процессами углубления международного разделения труда через соответствующие типы специализации, производственное и коммерческое кооперирование. Эти процессы затрагивают не только производителей, каждый из которых стремится все более дифференцировать ассортимент производимых продуктов и услуг, но и регионы, каждый из которых либо уже занял свое место в глобальных цепочках добавления стоимости, либо стремится это сделать. В силу развития повсеместной дифференциации (в частности, известные специалисты в области маркетинга – Джек Траут и Стив Ривкин – назвали современную эпоху «эпохой дифференциации» [Траут, 2007а, 2007б]) *характер конкуренции изменяется от внешней конкуренции к конкуренции внутренней*. Если первая изначально предусматривает наличие внешнего соперника, то вторая складывается между различными подходами и способами управления, организационными потенциалами территорий и способами использования имеющихся экономических ресурсов.

Особенности процесса регионализации и его влияние на развитие и конкурентоспособность стран и регионов. Под регионализацией понимается «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями и государствами, входящими в один регион; возникновение региональных объединений государств» [БЭС, 2003]. По своему содержанию регионализация и региональные интеграционные процессы, выступающие в качестве ее механизмов, представляют собой переплетение, взаимопроникновение и сращивание воспроизводственных процессов стран, входящих в один регион. На основании этого, регионализация нередко рассматривается как особый способ организации и структуризации воспроизводственных процессов в мировой экономике.

В отличие от глобализации, в экономическом отношении процесс регионализации представляет собой переструктуризацию пространства, приводящую к формированию новых интегрированных субъектов мировой экономики, основанных на выстраивании новой структуры отношений между странами и регионами, в основу которых, в свою очередь, заложены взаимные соглашения и уступки. В данном случае новая структура экономических отношений между странами, формирующаяся в рамках регионального объеди-

нения стран, обусловлена, также как и глобализация, углублением специализации территорий, увеличением их значимости в глобальной воспроизводственной системе. В подтверждение этому можно привести парадокс известного футуролога и социального философа Джона Нейсбита, который раскрывая противоречивость процессов глобализации и регионализации, тем не менее, говорит об их взаимообусловленности: *«Чем выше уровень глобализации экономики, тем сильнее ее мельчайшие участники»* [Нейсбит, 2003].

С управленческой точки зрения регионализация – это процесс перераспределения властных компетенций, передача функций с национального на региональный уровень, появление новых институциональных форм, отвечающих новой роли регионов в процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровнях [Регионализация, 2012]. На уровне мировой экономики процесс регионализации заключается, главным образом, в создании и развитии региональных интеграционных структур, качественно преобразующих существующие формы и способы осуществления международных экономических отношений.

В экономической литературе принято выделять ряд предпосылок, необходимых для запуска процесса регионализации (для начала региональных интеграционных процессов между странами или их регионами) [Ломакин, 2002, с. 65]:

- близость уровней социально-экономического развития и степени рыночной зрелости интегрирующихся стран (регионов);
- географическая близость интегрирующихся стран (регионов) и желательное наличие общих границ;
- общность экономических и иных проблем, стоящих перед странами (регионами) в области развития, финансирования, регулирования экономики, повышения конкурентоспособности, политического сотрудничества и др.;
- демонстрационный эффект (распространение положительных структурных сдвигов в экономиках стран, вступивших в региональное интеграционное объединение, на стимулирование интеграционных процессов в других странах или их присоединение к уже существующим интеграционным объединениям);

- «эффект домино» (после того, как большинство стран региона становятся членами интеграционного объединения, другие страны ввиду изменения устоявшейся внешнеторговой конъюнктуры, также вынуждены вступать в данное или аналогичное объединение), отражающийся на динамике процесса регионализации и проявлении его кумулятивного эффекта [Лисоволик, 2007, с. 32].

Основные цели региональной экономической интеграции, как правило, связаны с повышением общей конкурентоспособности экономик стран или регионов, вступающих в интеграционный процесс, либо с достижением определенных целевых показателей конкурентоспособности отдельных отраслей или сфер деятельности (не только экономических, но и политических). Как правило, на практике выделяются пять основных целей региональной интеграции, на основании которых можно провести определенную классификацию созданных и функционирующих в мировой экономике региональных интеграционных объединений [Ломакин, 2002, с. 67]:

- расширение масштабов экономики и рынков, сокращение транзакционных издержек, привлечение прямых иностранных инвестиций;
- создание благоприятной внешнеполитической среды, укрепление взаимопонимания и сотрудничества в политической, военной, социальной и других целях;
- решение задач экономической и торговой политики, укрепление договорных позиций стран, участвующих в многосторонних переговорах в рамках ГАТТ/ВТО, создание более стабильной основы для взаимной торговли;
- содействие структурной перестройке экономики, подключение стран (регионов), формирующих рыночную экономику к региональным торговым соглашениям стран (регионов) с более высоким уровнем экономического развития;
- поддержка молодых перспективных отраслей национальной или региональной экономики посредством создания для них более широкого рынка, чем региональный или национальный рынки.

Таким образом, можно сделать вывод, что в результате региональной интеграции отдельные страны (регионы) создают между

собой благоприятные условия для торговли и движения факторов производства, что отражается на повышении общего уровня конкурентоспособности их экономик и способствует развитию их экономического сотрудничества. Основными инструментами регионализации на уровне стран являются преференциальные торговые соглашения, соглашения о сотрудничестве в торгово-экономической сфере и разного рода взаимные уступки, приводящие впоследствии к формированию таможенного союза, зоны свободной торговли и других, более глубоких, институциональных форм интеграции.

Процесс регионализации на начальных этапах осуществляется чаще всего через создание (совместное учреждение) зон свободной торговли или свободных экономических зон. Они представляют собой территориально-хозяйственные комплексы, ориентированные на интенсивное развитие процессов интеграции в систему международного разделения труда и привлечение иностранных инвестиций. В соответствии с «Международной конвенцией об упрощении гармонизации таможенных процедур», принятой 18 мая 1973 г., под свободной экономической зоной (или, в соответствии с международной терминологией, зоной «франко») понимается «часть территории страны, находящаяся за пределами национальной таможенной территории, и поэтому не принадлежащая обычному таможенному контролю и налогообложению (принцип таможенной и налоговой экстерриториальности)» [Международная конвенция, 1999]. В большинстве развитых стран зоны «франко» являются главными инструментами включения национальных экономик в международное разделение труда и глобальный рынок, через развитие процессов микрорегионализации (о ее сущности и отличии от регионализации будет сказано ниже).

Наряду с приведенными выше, существуют и другие взгляды на процесс регионализации. В частности, здесь надо упомянуть точку зрения на этот процесс с позиции эволюционной экономики. Так, Ю.Ф. Лукин в монографии «Великий передел Арктики» [Лукин, 2010, с.55] определяет регионализацию как «...процесс последовательных эволюционных демократических изменений, направленных на усиление роли регионов, местных сообществ в жизни социума, на децентрализацию государства, разделение функций

управления между различными уровнями власти от муниципалитетов, самоуправляемых общин внизу до международных организаций и глобальных институтов в планетарном масштабе». При этом, как отмечает Ю. Лукин, *региональный уровень при этом становится базовым звеном в существующей иерархии управления*, занимая промежуточное положение между надгосударственным уровнем и локальным самоуправлением. В отношении тенденций регионализации на глобальном уровне он замечает, что с точки зрения цивилизационного развития «...глобальный социум как бы постепенно расслаивается на автономные части – региональные социумы, самоуправляющиеся общины, не совпадающие часто с административно-государственными границами» [Лукин, 2010, с.59], что также говорит о существенном повышении значимости регионов в системе мирохозяйственных отношений.

Рассматривая особенности процесса регионализации, Я. Лисоволик в [2007, с. 28] отмечает, что «...региональные интеграционные блоки сами по себе уже являются результатом компромисса между рыночными силами глобализации и старой системой национальных экономических систем. С одной стороны, благодаря регионализму мировая торговая система преодолевает территориальные ограничения отдельных стран, но с другой – региональные факторы остаются значительным препятствием на пути к полномасштабной либерализации. В этом случае территориальный фактор продолжает играть роль своего рода фактора производства, который способствует оптимизации вовлечения экономических ресурсов в хозяйственный оборот».

Таким образом, с этой точки зрения, следует выделять как *положительный, так и отрицательный эффект от регионализации* (региональной интеграции) для развития международных экономических отношений. Что же касается возможных эффектов с точки зрения обеспечения конкурентоспособности территориальных субъектов (стран и регионов), вступающих в процесс регионализации, то здесь надо понимать, что активное включение в этот процесс может сопровождаться как выгодами и новыми возможностями для развития региона, так и вполне ощутимыми угрозами. В частности, для регионов, вступающих в процесс регионализации, в качестве такой угрозы может быть угроза остаться с неразвитой

инфраструктурой и низким уровнем квалификации рабочей силы вне глобальных сетей. В качестве же возможности можно рассмотреть то, что усиление специализации в рамках региональных интеграционных структур создает основу для концентрации производства и экономии от масштабов производства в рамках сегментов рынка, в которых даже мелкие игроки могут найти свою нишу.

Основываясь на анализе различных подходов и точек зрения к оценке значимости процесса регионализации для мировой и национальной экономик, можно сделать вывод, что его значение выражается в существенно возросшей роли регионов и региональных объединений в международных экономических отношениях. Более того, выступая в качестве относительно новых и динамичных субъектов международных экономических отношений, регионы оказывают влияние на преобразование их структуры и механизмов реализации (особенно организационно-правовых механизмов). В свою очередь, процесс преобразования международных экономических отношений способствует также эволюции качественных характеристик процесса регионального экономического развития. Ввиду этого, количественный рост региональных интеграционных группировок в мировой экономике в сочетании с качественным преобразованием самого процесса регионального экономического развития получило название *нового регионализма* [Лисоволик, 2007, с. 29].

Влияние процесса регионализации на конкурентоспособность региональной экономики (как и национальной экономики, а также экономики ряда государств, вступающих в региональную интеграционную группировку) связано с наличием, так называемых, *динамических* и *статических эффектов* от данного процесса, выделенных канадским экономистом Я. Вайнером [Лисоволик, 2007, с. 29–30]. Суть динамического эффекта состоит в том, что региональная интеграция создает условия для более рационального использования факторов производства и роста инвестиций в долгосрочном периоде. Суть статического эффекта заключается в частичной смене специализации во внешнеэкономической деятельности и изменении структуры потребительского спроса в результате региональной интеграции в краткосрочной перспективе. Как указывается

Я.Д. Лисоволиком [Лисоволик, 2007], в основе статического эффекта лежат эффекты создания и отклонения торговли:

- *эффект создания торговли* – переориентация внутреннего спроса с отечественных товаров на более эффективные импортные товары в результате устранения или снижения таможенных пошлин в процессе региональной интеграции;
- *эффект отклонения торговли* – переориентация внутреннего спроса с товаров, произведенных вне региональной интеграционной группировки на товары, произведенные внутри нее (возможно менее эффективные).

В обоих случаях наблюдается ценовая конкуренция между товарами, основанная на изменении внешнеторговых ограничений, приводящая к замещению одних товаров на внутреннем рынке другими. При этом надо понимать, что в любом случае статический эффект в краткосрочном периоде оказывает влияние на снижение конкурентоспособности. В первом случае – на снижение конкурентоспособности отечественных товаров и производителей (при этом в целом экономика страны (региона) выигрывает в результате роста благосостояния населения). Во втором случае – на снижение общей конкурентоспособности всей региональной интеграционной структуры в результате снижения благосостояния населения, выплачивающего более высокие цены за менее эффективные товары [Лисоволик, 2007, с. 30]. Но, как уже было указано выше, в долгосрочной перспективе за счет проявления динамического эффекта влияние региональной интеграции на повышение конкурентоспособности стран и регионов, вступающих в нее, а также производителей и продукции оказывается положительным.

Динамические эффекты регионализации и их влияние на глобальную конкурентоспособность, а также конкурентоспособность самих региональных интеграционных группировок достаточно хорошо исследованы и формализованы в макроэкономических моделях П. Кругманом [Krugman, 1991; Fujita, 2001]. В частности, им показано положительное влияние региональной интеграции на конкурентоспособность и благосостояние стран и регионов в случае создания «естественных группировок». То есть, интеграционных структур в рамках одного континента при географической

близости расположения стран (группировок стран в рамках «естественных» географических границ), которые в меньшей степени сопряжены с эффектом отклонения торговли [Лисоволик, 2007, с. 34–35]. Причем он же эмпирически доказывает, что положительное влияние регионализации проявляется, главным образом, на начальных стадиях интеграции – при заключении преференциальных торговых соглашений, создании таможенного союза и зоны свободной торговли [Krugman, 1991]. Главным же критерием эффективности и конкурентоспособности таких региональных интеграционных структур является умеренность в территориальной экспансии. Важно не выходить в своем расширении за «естественные» географические границы, за пределами которых цели политической регионализации начинают превалировать над экономическими целями, что, в свою очередь, грозит резким ростом издержек и усилением влияния эффекта отклонения торговли на конкурентоспособность субъектов, участвующих в регионализации. В данном случае, ярким негативным примером этого является Европейский Союз (особенно после включения в процесс интеграции слабых в экономическом отношении стран Восточной Европы, интенсивность взаимовыгодной торговли с которыми у традиционных стран-участниц ЕС достаточно низкая, а издержки на стимулирование их экономического развития и сохранение политической стабильности высокие).

Что же касается «неестественных группировок», распространяющихся в пределах нескольких континентов, в рамках которых интенсивность взаимной торговли между странами и регионами невысока, то они в существенно большей степени сопряжены с действием эффекта отклонения торговли. Как результат – снижение их общей конкурентоспособности в результате роста издержек (прежде всего, транзакционных издержек). Поэтому здесь напрашивается вывод, что глубина интеграционных процессов должна быть обратно пропорциональной размеру региональной интеграционной структуры. Например, при создании масштабных региональных интеграционных структур (североамериканская зона свободной торговли – НАФТА, ЕвразЭС и др.) положительное влияние на их развитие будут оказывать лишь первичные стадии интеграционного процесса, не затрагивающие всей глубины внутрен-

них экономических процессов и политик (как правило, наиболее эффективной формой интеграции в этом случае оказывается заключение преференциальных торговых соглашений). Более глубокие формы интеграции будут способствовать проявлению эффекта отклонения торговли и приводить к снижению эффективности и конкурентоспособности всей региональной интеграционной структуры.

Таким образом, основываясь на выводах П. Кругмана, можно констатировать, что *процесс регионализации способен оказывать положительное влияние на рост конкурентоспособности стран и регионов, вступающих в него, во-первых, в случае, если интенсивность взаимной торговли между ними достаточно высока и, во-вторых, до определенных географических пределов роста региональной интеграционной группировки (до достижения ею своих «естественных» географических границ).*

В научной экономической литературе, исследующей вопросы развития мирового хозяйства, процессы глобализации и регионализации, принято выделять в рамках регионализации процесс и тенденции *микрорегионализации*. К ним относят процессы роста взаимодействия между регионами отдельных стран, которые в условиях глобализации становятся все более активными и самостоятельными участниками международных экономических отношений [Лисоволик, 2007, с. 44]. Естественно, такая новая роль и повышение экономической самостоятельности регионов в масштабе мировой экономики оказывает очень сильное воздействие на преобразование форм и инструментов межрегиональной конкуренции, а также предъявляет новые требования и условия для обеспечения конкурентоспособности региона на глобальном рынке.

Надо заметить, что между регионализацией и микрорегионализацией можно выделить не меньше противоречий, чем между глобализацией и регионализацией. Если регионализация по многим позициям выступает как инструмент противодействия глобализации экономики, то *микрорегионализацию следует рассматривать скорее как процесс, способствующий либерализации и «втягиванию» национальной экономики в систему мирохозяйственных отношений и глобальный рынок.* Так, в частности,

Я.Д. Лисоволик отмечает, что в случае с микрорегионализацией «...масштабы либерализации ограничиваются определенным кругом регионов в рамках отдельной страны, что фактически выражается в целенаправленной фрагментации внутринационального экономического пространства в целях интеграции «привилегированного» региона в систему мирохозяйственных связей» [Лисоволик, 2007, с. 45].

Микрорегионализация путем переноса сотрудничества с национального на субнациональный уровень, позволяет развивающимся странам получить доступ к перспективным направлениям экономического развития и ресурсам. На практике это означает, что путем создания благоприятных условий для интеграции своего региона в систему мирохозяйственных связей страна способна встроиться в глобальные ЦДС, получить от этого достаточный стимул для развития своей экономики и повышения конкурентоспособности. Это связано с тем, что сам по себе микрорегионализм представляет собой также и инструмент активизации взаимодействия на уровне отраслей и отдельных предприятий. Причем его эффективность в этом случае тем выше, чем выше уровень монополизации рынков и степень концентрации технологически взаимосвязанных отраслей и предприятий не только в пределах региона, вступающего в процесс микрорегионализации, но и в пределах всей национальной экономики. А потому микрорегионализм, как инструмент повышения конкурентоспособности и развития региона, способен выступить в качестве катализатора, способствующего формированию и развитию региональных производственных кластеров, их вовлечению в международные производственные, финансовые и торговые сети.

В качестве практических инструментов микрорегионализации можно рассматривать создание свободных экономических зон (о них уже было сказано выше), интенсивное развитие целевых проектов приграничного сотрудничества, инфраструктурных проектов и проектов социально-культурного взаимодействия, частичную либерализацию внешней торговли и др. В конечном счете, при достижении критической массы подобных проектов, микрорегионализация может переходить в качественно новое состоя-

ние, характеризующееся созданием неких «краевых активных зон» между странами. Примером таких зон могут служить евро-регионы, создаваемые на границах стран Европейского Союза с третьими странами.

В любом случае, независимо от способов микрорегионализации, ее следует рассматривать в качестве важного инструмента повышения конкурентоспособности и экономического развития региона (а через него и конкурентоспособности национальной экономики) и включения в глобальные ЦДС. Причем ее значимость будет лишь увеличиваться, поскольку «...в процессе глобализации регионы будут играть все более важную роль в мировой экономике, по мере того, как национальные государства теряют свои полномочия по отношению к региональным и глобальным институтам...» [Breslin, 2003, с.19].

Таким образом, обобщение особенностей глобализации и регионализации (микрорегионализации), а также учет основных тенденций их развития позволяет дать развернутую характеристику различных аспектов этих процессов, как двух противоположно направленных, но, тем не менее, тесным образом взаимосвязанных и обуславливающих друг друга тенденций общественного развития. Такое тесное взаимодействие этих процессов создает благоприятные условия и возможности для развития регионов (особенно приграничных) и стимулирования межрегиональной конкуренции и сотрудничества (различных форм региональной экономической интеграции), формируя множество дифференцированных рыночных ниш даже для малых регионов, не способных достаточно «громко» заявить о своих конкурентных преимуществах и интересах на глобальном уровне.

По мнению многих авторов, тесное взаимодействие и синергия развития этих процессов приводит к тому, что «...уже сегодня можно наблюдать некоторые контуры трансформации регионализма в глобализм» [Лисоволик, 2007, с. 39]. Даже если рассмотреть качественные характеристики этих процессов, то можно увидеть, что их целевые функции во многом схожи; различаются лишь механизмы и способы достижения целей. В частности, такая характеристика процессов глобализации и регионализации, исходя из их целевых функций, представлена в табл. 2.2.

Таблица 2.2

Основные характеристики целевых функций и особенностей процессов глобализации и регионализации
(на основе: [Лукин, 2010, с.44–45])

Целевые функции	Глобализация	Регионализация
Повышение эффективности экономики и использования ограниченных ресурсов на основе углубления международного разделения труда	Углубление международного разделения труда на основе интеграции национальных экономик, их вовлечения в мировую хозяйственную систему и развития производственного кооперирования	Усиление специализации и углубление международного разделения труда на основе создания региональных интеграционных структур и снижения транзакционных издержек на их внутренних рынках
Стимулирование развития международной торговли и либерализация рынков	Повышение взаимосвязи и взаимозависимости национальных и региональных экономических систем на основе глобальной либерализации рынков и снижения торговых и иных барьеров	Ориентация на обеспечение самодостаточности, усиление протекционизма за счет методов тарифной и нетарифной защиты рынков в отношении третьих стран при внутренней либерализации рынков
Стимулирование процессов интернационализации экономики	Интернационализация экономики на основе усиления роли и значимости транснациональных корпораций в мировых воспроизводственных процессах (интернационализация на микроуровне)	Интернационализация экономики за счет создания региональных интеграционных структур как инструмент повышения конкурентоспособности регионов и противостояния интересам ТНК (интернационализация на мезо- и макроуровне)
Решение масштабных проблем, которые не под силу отдельным государствам	Объединение усилий, ресурсов для адекватных ответов на глобальные вызовы и проблемы	Интеграция ресурсов и усилий на уровне регионов и стран для решения региональных проблем
Повышение конкурентоспособности и развитие конкурентных отношений	Коммуникационная целостность, мобильность факторов производства, транспарентность, унификация экономических процессов, как факторы глобальной конкурентоспособности	Возрастание роли регионов и стран в развитии общества, поддержка и развитие национальной и традиционной культуры, как уникальные факторы конкурентоспособности
Повышение эффективности управления и формирование новых управленческих институтов	Интернационализация управления путем передачи полномочий на надгосударственный уровень, снижение роли государственного суверенитета	Смещение управленческих функций на уровень региона или региональной интеграционной структуры

Ориентация на созданной новой стоимости	Формирование глобальных цепочек добавления стоимости на основе интернационализации бизнеса	Концентрация наиболее конкурентоспособных цепочек добавления стоимости на уровне региона
Развитие финансовой инфраструктуры, повышение эффективности и стабильности финансового рынка	Долларизация мировой экономики и смещение в развитии мирового финансового рынка в сторону однополярности	Создание закрытых валютных блоков и формирование предпосылок для развития полицентрического финансового рынка

Понятно, что здесь отражены далеко не все целевые функции, а лишь наиболее значимые из них. Ведь глобализация и регионализация – это далеко не случайные процессы, а объективный результат длительной эволюции общественно-политических и экономических отношений. Поскольку их развитие и способы осуществления далеко не всегда выгодны и оптимальны с точки зрения интересов национальных государств, их объединений и регионов, то это переводит экономические отношения, возникающие между субъектами мирового хозяйства, из экономической плоскости в политико-экономическую плоскость. А потому и свойство конкурентоспособности, регионов как субъектов мировой экономики следует рассматривать как категорию комплексную, многофакторную.

Это еще раз доказывает то, что для исследования роли и функций регионов в современной глобальной экономике, мотивов принятия экономических решений и инструментов обеспечения их глобальной конкурентоспособности уже недостаточно методологии, используемой в рамках только лишь классической, неоклассической или институциональной экономических теорий. Междисциплинарность самого предмета исследования требует новых методологических подходов, синтеза методик и методического инструментария различных теоретических направлений и дисциплин (о чем, собственно, уже говорилось достаточно подробно в первой главе). Однако использование методологии междисциплинарного синтеза к исследованию роли и функций регионов в современной глобальной экономике для различных типов регионов, обладающих своей спецификой, также требует обоснования и дифференци-

рованного подхода. Для того, чтобы понять на какие методологические подходы и методики делать акцент при исследовании того или иного региона необходимо четко идентифицировать объекты исследования (регионы) посредством их типологии. Поэтому далее сосредоточимся на рассмотрении подходов к типологии регионов, уделив особое внимание месту приграничных регионов в них.

2.2 Подходы к типологии регионов. Место и функции приграничных регионов в условиях глобализации

Суть и методологические особенности типологии регионов. Конкретизация и содержательная интерпретация категории «регион», выделение его свойств и характеристик, а также иных специфических особенностей осуществляются в процессе проведения типологии и выделения определенных типов регионов. То есть регион – это понятие типологического характера, его содержание во многом определяется особенностями государственной политики, поскольку проблемное экономическое районирование осуществляется, прежде всего, для государственного регулирования территориального развития. Поэтому целесообразно категорию «регион» рассматривать в виде части экономического пространства (об этом уже говорилось в первой главе), выделенной по критерию целостности и общности по ряду признаков (в том числе непрерывности целевых функций и области применения инструментов управления). Если регион определяется как объект управления, то типология регионов должна носить «управленческий» контекст, отражая как внешние и внутренние аспекты и факторы, поддающиеся и не поддающиеся прямому управлению и регулированию.

Как одна из универсальных процедур научного познания, типология опирается на поиск научных способов идентификации изучаемых объектов в зависимости от их сходства и различия по наиболее существенным признакам, свойствам, функциям с целью их упорядоченного описания. Вместе с тем, при типологии регионов надо помнить, что особенность построения типологии схожих групп регионов должна определяться спецификой и закономерностями последних.

Типология регионов (как один из основных методов научного изучения последних) должна предполагать как проведение теоретической, так и прикладной типологии, которые должны взаимно дополнять друг друга, позволяя не только ставить, но и проверять научные гипотезы. В данном случае целью теоретической типологии является системное описание множества объектов (регионов), изучение отдельных сторон и свойств региона, создания его идеализированного образа или модели. Целью же прикладной типологии является создание информационной основы для возможности выработки и принятия решений в сфере управления региональным развитием.

Типология регионов может основываться на разных показателях. Например, типология по уровню производства ВРП на душу населения, по инвестиционному потенциалу, по величине денежного дохода на душу населения и т. д. В то же время типология не должна идти вслед макроэкономическому взгляду, в соответствии с которым выделяются лидеры (например, регионы – производители большой доли мирового рынка и ВВП) и регионы, отстающие от лидеров и практически невидимые в макроэкономическом измерении. Это пример эмпирической типологии.

Министерство экономического развития РФ проводит комплексную оценку регионов и группировку субъектов РФ по уровню развития – в соответствии с интервальной шкалой значений макроэкономических показателей. В соответствии с этим подходом выделяются следующие группы регионов: регионы с высоким уровнем развития; регионы с уровнем развития выше среднего; регионы со средним уровнем развития; регионы с уровнем развития ниже среднего; регионы с низким уровнем развития; регионы с крайне низким уровнем развития. Такая группировка позволяет в общем плане дифференцировать меры регулирующего воздействия на развитие той или иной группы регионов. Вместе с тем, очевидно, что эта группировка носит формальный характер и не способна определить повестку дня (приоритеты) региональной политики. Попадание в проблемную группу и, соответственно, причисление региона к объектам региональной политики должны определяться генезисом региона, распределением его важнейших экономических показателей и влияющими на это распределение факторами.

Для того, чтобы подтвердить несостоятельность и невозможность использования данной типологии для выработки системы мер региональной политики, рассмотрим следующий пример. Можно выделить ряд регионов, для которых значение показателя ВРП в расчете на душу населения существенно превосходит средний российский уровень. Так, в настоящее время в России по данным Минэкономразвития РФ больше половины добавленной стоимости производится в 13 субъектах РФ с высоким уровнем социально-экономического развития. В состав этой группы регионов входят: города Москва и Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Нижегородская и Самарская области, Пермский и Краснодарский края, республики Башкортостан и Татарстан, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. На их территории собирается около 65% всех налогов и сборов в России. Почти 70% совокупного ВРП этой группы производится в г. Москве – 36,8% от объема ВРП этой группы, Московской области – 7,1%, г. Санкт-Петербурге – 6,3%, Ханты-Мансийском автономном округе – 19,5% (данные на 2007 г.). Очевидно, что неравенство регионов по величине ВРП на душу населения в России будет не сокращаться, а возрастать. Феномен высокого ВРП северных регионов объясняется тем, что на их территории сконцентрированы предприятия по добыче нефти, газа, алмазов, золота, цветных и редких металлов, дающих наибольшую выручку на одного работающего. Здесь наиболее тяжелые природно-климатические условия, наивысшая стоимость жизни. В то же время в этих регионах наблюдается рост безработицы и интенсивный отток населения. В результате возникает парадокс – первенство по ВРП на душу населения и тяжелое социальное положение оказываются совместимыми. Это должно служить предостережением от фетишизации рассматриваемого экономического индикатора [Гранберг, 1999].

Исходя из понимания того, что типология служит инструментом изучения межрегиональной дифференциации, следует, что она должна идти после идентификации проблемного поля и классификации проблем, определяя совокупность регионов с типичными проблемами и механизмами их решений. Только в этом случае типология будет работать на результат и может служить эффективным механизмом для выбора соответствующих инструментов

управления. Поэтому далее будем придерживаться взгляда в отношении типологии регионов с точки зрения дифференциации их позиции в национальном экономическом пространстве и их конкурентоспособности. Для этого рассмотрим два подхода к типологии регионов – *типологии регионов на основе оценки их конкурентоспособности и типологии периферийных регионов в условиях глобализации.*

Типология регионов России на основе оценки их конкурентоспособности⁶

Практика реализации региональной экономической политики показывает, что приоритет в использовании естественных факторов (первичных конкурентных преимуществ) способствует развитию, как правило, узкой специализации региона и размещению на его территории отдельных «звеньев» ЦДС, подконтрольных зарубежным или инорегиональным субъектам. Часто в регионе размещаются «звенья» ЦДС, связанные с добычей ресурсов и производством «частичных» продуктов на основе подетальной специализации и аутсорсинга. Приоритетное использование создаваемых факторов (вторичных конкурентных преимуществ) способствует диверсификации экономики региона за счет создания условий для концентрации технологически взаимосвязанных «звеньев» ЦДС, генерации новых («резидентных» для региона) цепочек [Савельев Ю.В., 2010].

Для того, чтобы выбрать оптимальную региональную стратегию максимально учитывающую особенности региона и возможности его развития, необходимо проанализировать на каких факторах конкурентоспособности основывается экономика российских регионов. На основе результатов такого анализа могут быть предложены типовые стратегии модернизации, позволяющие регионам раскрыть неиспользуемый потенциал и повысить отдачу от тех факторов, уже вовлеченных в оборот. Для проведения такого анали-

⁶ Более подробно данная типология представлена: Савельев Ю.В. Обоснование и выбор стратегий повышения конкурентоспособности российских регионов // Федерализм. 2001. № 4(64); Saveliev Yu. Regional Economic Policy and Structural Changes in the Economies of Russian Regions // Regional Research of Russia, 2013, Vol. 3, N. 3. P. 211–220.

за необходимо выработать четкие критерии, в соответствии с которыми все регионы можно разбить на ряд отличных друг от друга внутренне однородных групп. Поэтому в основу такой типологии российских регионов целесообразно заложить два параметра:

1. Используемые факторы конкурентоспособности. Для оценки данного параметра может быть предложен такой показатель как «отношение доли видов экономической деятельности (ВЭД) с высокой добавленной стоимостью (ДС) к доле ВЭД с низкой ДС в ВРП по субъектам РФ и его сравнение с аналогичным среднероссийским значением». Чтобы определить доли ВЭД с высокой и низкой ДС в ВРП необходимо их разделить на две группы, различающиеся относительным размером создаваемой ДС (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Разделение видов экономической деятельности по относительному размеру создаваемой ими добавленной стоимости (на основе ОКВЭД)

Виды экономической деятельности с низкой долей добавленной стоимости	Виды экономической деятельности с высокой долей добавленной стоимости ⁷
Раздел А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»	Раздел D «Обрабатывающие производства» Раздел F «Строительство»
Раздел В «Рыболовство. Рыбоводство»	Раздел G «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования»
Раздел С «Добыча полезных ископаемых»	Раздел H «Гостиницы и рестораны» Раздел I «Транспорт и связь»
Раздел Е «Производство и распределение энергии, газа и воды»	Раздел J «Финансовая деятельность» Раздел K «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» Раздел O «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг»

Такая группировка ВЭД основана на типологии отраслей по экономическому назначению производимой продукции, предложенном еще К. Марксом [1967, С. 441–453] и широко используемой при анализе воспроизводственной структуры экономики региона [Региональная стратегия..., 1998, С. 14–36]. Понятно, что

⁷ В данную категорию не включены виды экономической деятельности, связанные с выполнением социальных обязательств и функций государства (разделы L, M и N ОКВЭД).

подобная группировка носит условный характер, но, тем не менее, она позволяет выделить базовые секторы экономики, производящие продукцию промежуточного потребления, и перерабатывающие секторы и сферу услуг, производящие продукцию конечного потребления, либо создающие ДС в сфере обращения. Конкурентоспособность первых зависит от естественных факторов (наличия и доступности ресурсов); вторых – от создаваемых факторов.

2. Размер доходов, генерируемых используемыми факторами конкурентоспособности. Для оценки данного параметра может быть использован такой показатель как «размер ВРП на душу населения по субъектам РФ и его сравнение со среднероссийским размером ВРП на душу населения».

Анализ регионов осуществлен на основе официальных данных Росстата. В целях объективности получения результатов и снижения возможного влияния краткосрочных (конъюнктурных) факторов при проведении типологии при расчете использованы среднегодовые значения указанных показателей за 5-летний период (2006–2010 гг.) (табл. 2.4).

Таблица 2.4

**Среднегодовые значения показателей, используемых
для проведения типологии субъектов РФ**

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Отношение доли ВЭД с высокой ДС к доле ВЭД с низкой ДС (среднее значение за 2006–2010 гг.)	Среднегодовой ВРП на душу населения за 2006–2010 гг., руб.
Российская Федерация (из суммы субъектов)		3,63	215314,24
1	Алтайский край	2,78	99872,38
2	Амурская область	2,91	159143,58
3	Архангельская область	1,77	232700,44
4	Астраханская область	4,78	121656,66
5	Белгородская область	1,77	188240,68
6	Брянская область	4,41	89645,88
7	Владимирская область	5,73	114987,00
8	Волгоградская область	3,35	138567,90
9	Вологодская область	7,67	198175,98
10	Воронежская область	4,00	111571,18
11	Еврейская авт. область	3,16	138555,68
12	Забайкальский край	3,03	117460,82

Продолжение табл. 2.4

13	Ивановская область	4,71	74687,72
14	Иркутская область	3,84	177042,02
15	Калининградская область	3,63	168802,76
16	Калужская область	5,43	135404,76
17	Камчатский край	1,10	242901,04
18	Кемеровская область	1,56	179325,08
19	Кировская область	4,17	99085,40
20	Костромская область	2,77	109531,82
21	Краснодарский край	4,04	146731,54
22	Красноярский край	5,23	271837,20
23	Курганская область	3,59	103073,00
24	Курская область	1,17	131732,50
25	Ленинградская область	5,15	222404,78
26	Липецкая область	7,34	190983,24
27	Магаданская область	0,97	265090,52
28	Москва	31,62	635046,88
29	Московская область	10,53	206974,40
30	Мурманская область	2,13	246809,38
31	Нижегородская область	10,16	157112,84
32	Новгородская область	6,12	161256,78
33	Новосибирская область	5,02	152491,60
34	Омская область	5,82	162047,86
35	Оренбургская область	0,75	192181,28
36	Орловская область	3,95	107779,26
37	Пензенская область	4,50	94442,46
38	Пермский край	3,38	197973,52
39	Приморский край	4,31	164736,44
40	Псковская область	5,55	99679,12
41	Республика Кабардино-Балкария	2,10	67977,94
42	Республика Карачаево-Черкессия	1,54	71821,84
43	Республика Сев. Осетия-Алания	2,80	82365,54
44	Республика Адыгея	2,67	79230,32
45	Республика Алтай	1,61	85212,78
46	Республика Башкортостан	2,97	159740,30
47	Республика Бурятия	3,83	120227,30
48	Республика Дагестан	3,43	73758,50
49	Республика Ингушетия	3,00	41714,08
50	Республика Калмыкия	0,86	68181,98
51	Республика Карелия	2,70	163904,96
52	Республика Коми	1,32	303784,52
53	Республика Марий Эл	2,79	89983,54
54	Республика Мордовия	3,15	100197,80

Окончание табл. 2.4

55	Республика Саха (Якутия)	0,96	307373,92
56	Республика Татарстан	1,76	221484,94
57	Республика Тыва	2,07	75944,64
58	Республика Хакасия	2,01	136997,10
59	Ростовская область	3,95	118943,62
60	Рязанская область	4,09	120419,68
61	Самарская область	3,75	189295,60
62	Санкт-Петербург	21,96	271937,02
63	Саратовская область	2,19	115701,66
64	Сахалинская область	0,77	661205,42
65	Свердловская область	7,26	197179,30
66	Смоленская область	4,06	113892,90
67	Ставропольский край	3,01	92054,50
68	Тамбовская область	3,66	104821,64
69	Тверская область	4,33	129410,46
70	Томская область	1,66	229033,24
71	Тульская область	6,81	126664,06
72	Тюменская область	0,68	872460,34
73	Удмуртская Республика	1,44	144918,02
74	Ульяновская область	4,41	107733,14
75	Хабаровский край	3,93	195476,18
76	Челябинская область	7,01	165677,42
77	Чеченская Республика	2,91	46063,16
78	Чувашская Республика	4,65	105327,66
79	Чукотский авт. округ	0,70	594714,38
80	Ярославская область	7,83	155471,76

В результате анализа выделены *четыре типа регионов*, различающиеся по используемым факторам конкурентоспособности и генерируемым ими доходам (табл. 2.5):

1. *Первый тип* – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на естественных факторах конкурентоспособности и характеризуется низкими душевыми доходами (регионы с сырьевой специализацией, и, как правило, моноотраслевой структурой экономики).

2. *Второй тип* – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на естественных факторах конкурентоспособности и характеризуется высокими душевыми доходами (регионы с сырьевой и, как правило, моноотраслевой специализацией, обла-

дающие стратегическими природными ресурсами и выгодным географическим положением).

3. *Третий тип* – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на создаваемых факторах конкурентоспособности и характеризуется низкими душевыми доходами (старопромышленные регионы с низкоэффективной и затратной структурой экономики).

4. *Четвертый тип* – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на создаваемых факторах конкурентоспособности и характеризуется высокими душевыми доходами (регионы, специализирующиеся на видах деятельности, занимающих «верхние» звенья ЦДС, где создается основной объем ДС).

Таблица 2.5

Матрица типологии регионов

		Факторы конкурентоспособности	
		естественные факторы	создаваемые факторы
Доходы	высокие	ТИП II Сырьевые регионы, обладающие стратегическими ресурсами и выгодным экономико-географическим положением	ТИП IV Регионы с эффективной структурой экономики, специализирующейся на высокотехнологичных и сервисных отраслях
	низкие	ТИП I Регионы с сырьевой и, как правило, моноотраслевой специализацией экономики	ТИП III Старопромышленные регионы с неэффективной и затратной структурой экономики

На рис. 2.1 представлены результаты типологии российских регионов. Так, по первому показателю к регионам с низкими доходами отнесены те, у которых среднегодовой размер ВРП на душу населения ниже среднероссийского значения – 215,3 тыс. руб./чел. (к регионам с высокими доходами – соответственно, выше). По второму показателю к регионам, использующим преимущественно естественные факторы конкурентоспособности, отнесены те, у которых значение коэффициента, отражающего отношение доли ВЭД с высокой ДС к доле ВЭД с низкой ДС в среднегодовом размере ВРП ниже среднероссийского значения (<3,63). К регионам, использующим создаваемые факторы – со значением выше среднероссийского (>3,63).

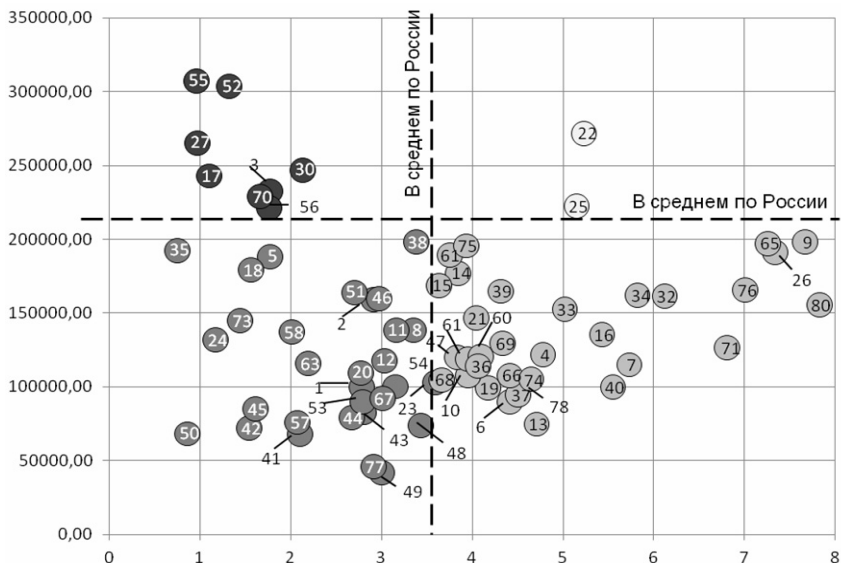

Рис. 2.1. Типология российских регионов на основе оценки их конкурентоспособности (нумерация субъектов РФ представлена в соответствии с табл. 2.5)

Анализ полученных результатов показал, что на их основе можно не только сделать выводы о сравнительной конкурентоспособности конкретного региона, но и оценить пространственные диспропорции в распределении добавленной стоимости в общероссийском масштабе (рис. 2.2), «качество» региональной экономической политики в каждом конкретном субъекте РФ, а также выявить ЦДС, имеющие важное значение для обеспечения конкурентоспособности страны.

Так, полученные результаты показывают, что для более 50% российских регионов (относящихся к I и II типам) присуща сырьевая специализация. В структуре их ВРП преобладают ВЭД, составляющие «нижние» звенья ЦДС, которые зачастую связаны лишь с добычей, обогащением и первичной переработкой сырья и характеризуются незначительным объемом создаваемой ДС в расчете на рыночную стоимость единицы готовой продукции (за исключением ряда регионов, относящихся ко II типу). В регио-

нах, относящихся к III типу, сосредотачиваются, главным образом, «средние» звенья ЦДС, связанные с переработкой сырья и производством среднетехнологичной металлургической продукции, продукции тяжелого и общего машиностроения, химического комплекса и нефтехимии, агропромышленного комплекса, пищевой и легкой промышленности. Вместе с тем, негативное влияние на конкурентоспособность регионов, отнесенных к этому типу, оказывают несовершенство воспроизводственной структуры их экономики, высокая степень износа основных производственных фондов предприятий, определяющих специализацию региона. Результатом является высокая себестоимость продукции, обуславливающая ее низкую конкурентоспособность. Высокой конкурентоспособностью обладают лишь немногие субъекты РФ, отнесенные к IV типу, благодаря тому, что на их территории размещаются верхние «звенья» ЦДС, концентрирующие существенную часть ДС, создаваемой в сфере производства конечных продуктов и в сфере обращения.

Рис. 2.2. Карта конкурентоспособности российских регионов (нумерация субъектов РФ представлена в соответствии с табл. 2.5)

Понятно, что в группу регионов IV типа вошли столичные центры – г. Москва и Санкт-Петербург, а также Красноярский край и Ленинградская область. Промежуточное положение между III и IV типами занимает Вологодская область. Отнесение этих субъектов Федерации к данному типу объясняется двумя факторами. Во-первых, на их территории размещаются управленческие центры крупных вертикально-интегрированных компаний и финансово-промышленных групп (ФПГ), составляющих основу промышленных районов (в советской экономико-географической школе их ядром выступали территориально-производственные комплексы – ТПК). Так, в Красноярском крае подобные структуры работают в топливно-энергетическом комплексе (Роснефть, ФПГ «СУЭК»), металлургии (ФПГ «Интеррос», ФПГ «Базовый элемент», группа «Евраз»), машиностроении и химическом комплексе. В Вологодской области таким структурообразующим элементом является ОАО «Северсталь». Во-вторых, в секторах экономической специализации этих регионов в полной мере реализуется принцип целостности воспроизводственного процесса, основанный, в свою очередь, на целостности соответствующих энергопроизводственных циклов и налаженных межотраслевых связях. Например, энергометаллургический комплекс на юге Красноярского края (Красноярская ГЭС, Красноярский алюминиевый завод, Ачинский глинозёмный комбинат и Красноярский металлургический завод) или Норильский промышленный район на севере края.

Ленинградская область, в отличие от Красноярского края и Вологодской области, характеризуется более совершенной воспроизводственной структурой экономики, в которой высока доля секторов, связанных с производством высокотехнологических видов продукции. Существенный вклад в их производство вносят: судостроение (ОАО «Выборгский судостроительный завод», ОАО «Пелла», и др.), автомобиле- и вагоностроение (ЗАО «Форд Мотор Компани», ЗАО «Тихвинский сборочный завод «Титран-Экспресс»), энергетическое машиностроение и приборостроение (ОАО «Завод «Буревестник», ОАО «Севзапмонтажавтоматика», ОАО «Завод «Ладога», ОАО «Электроцит», ООО «Катерпиллар-Тосно»); нефтеперерабатывающие и коксохимические производства (ОАО «ПО «Киришинефтеоргсинтез», ОАО «Сургутнефтегаз»,

ОАО «Завод «Сланцы»); химический комплекс (ООО ПГ «Фосфорит», ОАО «Хенкель–Эра», ЗАО «Волховский химзавод», ООО «Нокиан Тайерс» и др.), целлюлозно-бумажная промышленность и лесохимия (группа «Илим», ОАО «Светогорский ЦБК», ОАО «Выборгская целлюлоза», ОАО «Сясьский ЦБК» и др.), многочисленные предприятия пищевой промышленности, развитая портовая инфраструктура, осуществляющая внешнеторговые и транзитные функции.

Таким образом, анализ показывает существенные диспропорции в пространственном распределении ДС в стране, отражающиеся на налоговом потенциале регионов, размерах и структуре доходов региональных бюджетов, дифференциации доходов населения. Очевидно, что такое положение дел (вместе с усилением концентрации доходов и полномочий в федеральном центре) лишь усугубляет существующие диспропорции и усиливает поляризацию национального экономического пространства страны, «закрепляет» сырьевую специализацию многих регионов и способствует миграционному оттоку населения.

Результаты проведенной типологии российских регионов позволяют не только оценить их конкурентоспособность и идентифицировать внутреннее проблемное поле и возможности (потенциал) развития регионов, но они также представляют собой базу для *оценки эффективности региональной экономической политики*.

Для выработки эффективной региональной стратегии повышения конкурентоспособности необходимо четко понимать, на каких факторах конкурентоспособности (естественных или создаваемых) и каких конкурентных преимуществах (первичных или вторичных) она должна основываться. Как уже было сказано выше, естественные факторы (данные от природы и сформировавшиеся в процессе длительного развития территории) являются основой для формирования первичных конкурентных преимуществ. Создаваемые факторы (являющиеся результатом реализации целенаправленной политики) – основа для формирования вторичных конкурентных преимуществ. К первичным факторам могут быть отнесены следующие: наличие природных ресурсов, технические и экономические условия их добычи; выгоды географического положения; наличие удобных для использования земельных участков; благопри-

ятные агроклиматические и туристско-рекреационные условия; численность, структура и качество трудовых ресурсов и пр. К вторичным факторам могут быть отнесены следующие: научно-инновационный потенциал; возможности для производственного кооперирования; имидж региона; развитие инфраструктуры; инвестиционный климат и пр.

Оценка «качества» региональной экономической политики определяется на основе оценки направленности и динамики происходящих структурных изменений в экономике региона. Использование при проведении анализа и типологии регионов статистических данных за 5 лет (2006–2010 гг.) позволило проследить структурные изменения в экономике субъектов РФ, которые происходили в течение этого периода. Субъекты РФ характеризуются разнонаправленными изменениями в структуре их ВРП, происходящими с различной динамикой (табл. 2.6). Почти 74% российских регионов характеризуются крайне незначительными изменениями в структуре их экономики (для них в течение 5 лет изменение отношения доли ВЭД с высокой ДС к доле ВЭД с низкой ДС составило менее 1). Тем не менее, в структуре экономики остальных 26% российских регионов в течение данного периода произошли существенные изменения, имевшие как положительный, так и отрицательный вектор. Так, произошло заметное увеличение доли ВЭД с высокой ДС в структуре ВРП таких регионов как Владимирская (+1,51), Ивановская (+2,32), Калужская (+1,53), Тамбовская (+1,43), Тульская (+1,53) области, Приморский край (+1,54), Республики Ингушетия (+2,0), Мордовия (+1,50) и Чечня (+1,94). Очевидно, что существенное положительное влияние на трансформацию структуры ВРП этих субъектов РФ оказали реализованные в последние 5–7 лет крупные проекты по созданию новых видов производств (создание автомобилестроительного кластера в Калужской области, создание особой экономической зоны инфраструктуры для проведения саммита АТЭС в Приморском крае, формирование химического кластера Тульской области, сеть индустриальных парков Ивановской области и др.). Увеличение доли ВЭД с низкой ДС произошло в Иркутской (-1,35) и Сахалинской (-1,22) областях, Красноярском крае (-4,36) и г. Москве (-9,54). Основными причинами роста доли ВЭД с низкой ДС стал рост объе-

мов производства в сырьевых базовых секторах экономики. Для г. Москвы – рост объемов производства и поставок продукции по виду экономической деятельности «Производство и распределение энергии, газа и воды» (раздел «Е» ОКВЭД). Динамика структурных изменений в экономике ряда из перечисленных выше субъектов РФ в сочетании с изменением общего объема ВРП (в сопоставимых ценах) отражены на рис. 2.3.

Таблица 2.6

Результаты оценки направленности и динамики структурных изменений в экономике субъектов РФ⁸

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Изменение отношения доли ВЭД с высокой ДС к доле ВЭД с низкой ДС					Динамика изменения структуры ВРП за 2006–2010 гг.
		2006	2007	2008	2009	2010	
В среднем по Российской Федерации		3,41	3,79	3,9	3,52	3,52	+0,11
1	Алтайский край	2,89	3,07	3,03	2,38	2,51	-0,38
2	Амурская область	2,99	3,3	3,32	2,35	2,61	-0,38
3	Архангельская область	2,17	2,07	2,16	1,24	1,22	-0,95
4	Астраханская область	4,96	4,92	5,83	4,16	4,05	-0,91
5	Белгородская область	1,77	1,64	1,7	2,1	1,66	-0,11
6	Брянская область	3,92	4,68	5,03	4,14	4,3	-0,38
7	Владимирская область	5,18	5,55	5,45	5,76	6,69	+1,51
8	Волгоградская область	3,16	3,45	3,5	3,05	3,58	+0,42
9	Вологодская область	7,54	7,86	9,36	6,51	7,06	-0,48
10	Воронежская область	4,28	3,81	3,74	3,52	4,65	+0,37
11	Еврейская авт. область	3,57	3,31	2,87	2,74	3,31	-0,26
12	Забайкальский край	2,86	3,12	3,51	3,31	2,33	-0,53
13	Ивановская область	3,61	4,09	5,02	4,89	5,93	+2,32
14	Иркутская область	4,39	4,63	3,87	3,26	3,04	-1,35
15	Калининградская область	2,55	3,2	4,06	3,91	4,43	+1,88
16	Калужская область	4,66	5,12	5,88	5,3	6,19	+1,53
17	Камчатский край	1,01	1,13	1,27	0,96	1,13	+0,12

⁸ В таблице жирным шрифтом выделены субъекты РФ, характеризующиеся наибольшей динамикой структурных изменений и отраженных на рис. 2.3.

Продолжение табл. 2.6

18	Кемеровская область	1,81	1,74	1,47	1,55	1,22	-0,59
19	Кировская область	3,2	4,34	4,6	4,17	4,52	+1,32
20	Костромская область	2,25	3,02	3,17	2,6	2,83	+0,58
21	Краснодарский край	3,71	4,08	3,66	4,29	4,48	+0,77
22	Красноярский край	6,83	7,03	5,13	4,68	2,47	-4,36
23	Курганская область	2,97	3,3	3,67	3,55	4,46	+1,49
24	Курская область	1,01	1,08	1,18	1,35	1,21	+0,20
25	Ленинградская область	5,62	4,88	4,8	5	5,44	-0,18
26	Липецкая область	7,55	7,23	7,44	5,83	8,66	+1,11
27	Магаданская область	0,97	0,94	1,09	0,97	0,89	-0,08
28	Москва	33,93	39,78	33,56	26,45	24,39	-9,54
29	Московская область	9,39	13,29	12,29	9,3	8,4	-0,99
30	Мурманская область	2,46	2,7	1,68	2,03	1,77	-0,69
31	Нижегородская область	10,05	10,58	11,18	8,87	10,13	+0,08
32	Новгородская область	5,48	6,5	7,08	6,61	4,94	-0,54
33	Новосибирская область	5,02	5,65	5,06	4,07	5,3	+0,28
34	Омская область	5,96	6,5	6,21	4,97	5,44	-0,52
35	Оренбургская область	0,68	0,83	0,82	0,72	0,72	+0,04
36	Орловская область	3,93	4,3	4,29	3,52	3,71	-0,22
37	Пензенская область	3,94	4,96	4,99	3,73	4,88	+0,94
38	Пермский край	2,84	3,38	3,98	3,33	3,35	+0,51
39	Приморский край	3,65	4,09	4,58	4,14	5,1	+1,45
40	Псковская область	4,88	6,16	5,71	5,54	5,44	+0,56
41	Респ. Кабардино-Балкария	1,93	2,09	2,16	2,21	2,12	+0,19
42	Респ. Карачаево-Черкессия	1,76	1,58	1,56	1,41	1,38	-0,38
43	Респ. Сев. Осетия-Алания	3,51	3,38	2,34	2,31	2,47	-1,04
44	Республика Адыгея	2,71	2,37	2,3	2,91	3,06	+0,35
45	Республика Алтай	1,53	1,58	1,6	1,66	1,67	+0,14
46	Республика Башкортостан	2,53	2,63	2,86	3,01	3,81	+1,28
47	Республика Бурятия	3,53	4,44	3,91	3,91	3,35	-0,18
48	Республика Дагестан	2,7	3,12	3,37	3,91	4,03	+1,33
49	Республика Ингушетия	1,37	4,01	2,83	3,42	3,37	+2,00
50	Республика Калмыкия	0,88	0,77	0,89	0,9	0,85	-0,03
51	Республика Карелия	2,53	2,51	2,44	3,64	2,38	-0,15

Окончание табл. 2.6

52	Республика Коми	1,31	1,57	1,24	1,33	1,15	-0,16
53	Республика Марий Эл	2,32	2,89	2,88	2,56	3,31	+0,99
54	Республика Мордовия	2,54	2,83	2,96	3,36	4,04	+1,50
55	Республика Саха (Якутия)	0,82	0,92	0,97	1,29	0,78	-0,04
56	Республика Татарстан	1,44	1,64	1,88	1,77	2,09	+0,65
57	Республика Тыва	1,81	1,92	1,89	2,44	2,3	+0,49
58	Республика Хакасия	2,38	2,55	1,96	1,48	1,66	-0,72
59	Ростовская область	3,95	4,38	3,87	3,91	3,64	-0,31
60	Рязанская область	3,76	4,73	3,8	3,65	4,52	+0,76
61	Самарская область	4,01	4,15	4,18	3,1	3,29	-0,72
62	Санкт-Петербург	22,32	22,68	23,39	19,55	21,87	-0,45
63	Саратовская область	2,23	2,21	2,22	2,17	2,13	-0,10
64	Сахалинская область	1,68	0,56	0,67	0,49	0,46	-1,22
65	Свердловская область	7,04	8,41	7,86	6,56	6,44	-0,60
66	Смоленская область	3,44	4,2	4,46	3,96	4,23	+0,79
67	Ставропольский край	2,64	2,72	3,07	3,47	3,13	+0,49
68	Тамбовская область	3,21	3,52	3,29	3,62	4,64	+1,43
69	Тверская область	4,38	4,27	4,89	4,12	3,99	-0,39
70	Томская область	1,56	1,79	1,49	1,81	1,66	+0,10
71	Тульская область	5,91	7,46	6,94	6,3	7,44	+1,53
72	Тюменская область	0,58	0,63	0,71	0,72	0,75	+0,17
73	Удмуртская Республика	1,45	1,39	1,43	1,42	1,5	+0,05
74	Ульяновская область	3,75	4,71	4,6	4,44	4,53	+0,78
75	Хабаровский край	3,56	4,13	4,36	3,56	4,05	+0,49
76	Челябинская область	6,67	7,98	7,58	5,98	6,86	+0,19
77	Чеченская Республика	1,77	2,37	3,45	3,23	3,71	+1,94
78	Чувашская Республика	3,87	5,38	5,37	4,01	4,61	+0,74
79	Чукотский авт. округ	1,18	0,99	0,52	0,47	0,36	-0,82
80	Ярославская область	7,32	8,28	8,4	7,56	7,57	+0,25

Таким образом, основываясь на результатах проведенного анализа, можно сделать вывод, что «качественная» региональная экономическая политика должна обеспечивать рост объемов ВРП в сочетании с положительными структурными сдвигами в экономике региона, характеризующими постепенное увеличение доли ВЭД с высокой ДС. Из всех субъектов РФ, приведенных в табл. 2.6, к таковым могут быть отнесены лишь немногие: Владимирская, Ивановская, Калужская и Калининградская области, Приморский край, Республики Дагестан и Ингушетия.

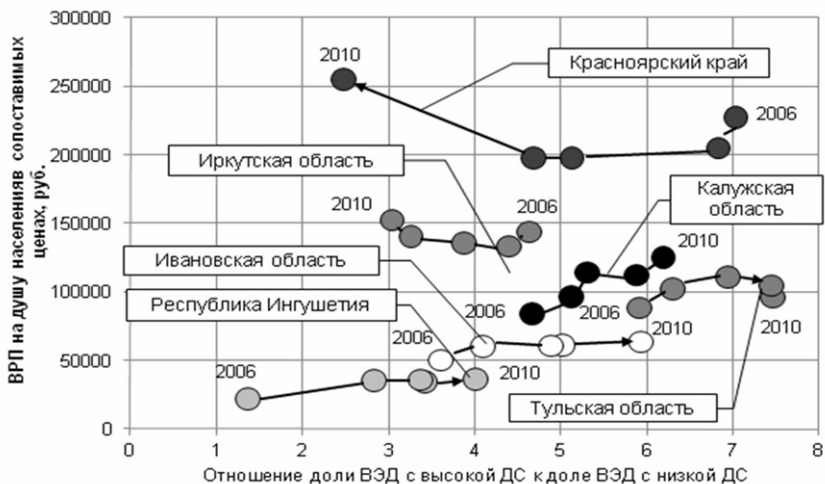

Рис. 2.3. Оценка направленности и динамики структурных изменений в экономике ряда субъектов РФ (Калужской, Ивановской, Иркутской, Тульской областей, Красноярского края и Республики Ингушетия)

Чтобы переломить сложившиеся тенденции необходимо кардинальное переосмысление роли и функций регионов в воспроизводственных процессах в национальном и мировом масштабах. Требуется не только «перезагрузка» системы стратегического планирования в регионах, но и повышение деловой активности и заинтересованности бизнеса в благоустройстве и развитии территорий. *Только на основе системной модернизацией, затрагивающей воспроизводственную структуру экономики региона, могут быть предложены стратегии повышения конкурентоспособности регионов, в полной мере учитывающие региональные особенности и тенденции развития мировой экономики.* Прикладное значение рассмотренной типологии в том и состоит, что на ее основе могут быть разработаны варианты стратегии, наиболее полно учитывающей особенности региона и позволяющей выбрать оптимальные пути структурной модернизации.

Поскольку наиболее конкурентоспособным (из числа рассмотренных типов регионов) является IV тип, то суть структурной политики для регионов I, II и III типов, состоит в создании условий

для их трансформации в IV тип. При этом стратегия повышения конкурентоспособности для каждого типа регионов будет своя (рис. 4). Для перехода к IV типу могут быть предложены три типовые стратегии: 1) *стратегия специализации и формирования «резидентных» ЦДС*; 2) *стратегия диверсификации и встраивания во внешние ЦДС*; 3) *комбинированная стратегия*. Особенности применения каждой из этих стратегий подробно рассмотрены в разделе 5.2. На их основе разработаны пошаговые алгоритмы и методические рекомендации их применения.

Используя результаты проведенной типологии регионов и анализа эффективности реализуемой региональной экономической политики в регионах, относящихся к разным типам, попытаемся вычленить приграничные регионы для того, чтобы более подробно обосновать их место и роль в современной экономической действительности и далее, использовать полученные данные для выработки инструментов управления и регулирования их социально-экономическим развитием.

Как показатели результаты анализа подавляющее большинство приграничных регионов относятся к I и III типам (табл. 2.7). К первому типу отнесены 18 приграничных субъектов РФ. Как правило, это регионы, слабо развитые в экономическом отношении, характеризующиеся преимущественно сырьевой специализацией экономики. К этой группе отнесены большинство республик Северного Кавказа, а также ряд приграничных субъектов Уральского федерального округа, Восточной Сибири и Дальнего Востока. На Северо-Западе России к этой группе отнесена лишь Республика Карелия. Для большинства этих субъектов длительное время действовало естественное ограничение их социально-экономического развития – отнесение значительной части их территорий к приграничной зоне, в которой была резко ограничена либо вообще запрещена хозяйственная деятельность. Кроме того, большинство из этих приграничных регионов удалены от центров экономического развития, что также создавало естественное ограничение для их развития.

Таблица 2.7

**Группировка приграничных субъектов РФ по результатам
оценки конкурентоспособности**

Субъект Российской Федерации	Отношение доли ВЭД с высокой ДС к доле ВЭД с низкой ДС (среднее значе- ние за 2006–2010 гг.)	Среднегодовой ВРП на душу на- селения за 2006– 2010 гг., руб.
I тип		
Алтайский край	2,78	99872,38
Амурская область	2,91	159143,58
Белгородская область	1,77	188240,68
Еврейская авт. область	3,16	138555,68
Забайкальский край	3,03	117460,82
Курганская область	3,59	103073,00
Курская область	1,17	131732,50
Оренбургская область	0,75	192181,28
Республика Кабардино-Балкария	2,10	67977,94
Республика Карачаево-Черкессия	1,54	71821,84
Республика Сев. Осетия-Алания	2,80	82365,54
Республика Алтай	1,61	85212,78
Республика Дагестан	3,43	73758,50
Республика Ингушетия	3,00	41714,08
Республика Карелия	2,70	163904,96
Республика Тыва	2,07	75944,64
Ставропольский край	3,01	92054,50
Чеченская Республика	2,91	46063,16
II тип		
Магаданская область	0,97	265090,52
Мурманская область	2,13	246809,38
Камчатский край	1,10	242901,04
Сахалинская область	0,77	661205,42
Томская область	1,66	229033,24
Тюменская область	0,68	872460,34
Чукотский авт. округ	0,70	594714,38
III тип		
Астраханская область	4,78	121656,66
Брянская область	4,41	89645,88
Воронежская область	4,00	111571,18
Калининградская область	3,63	168802,76
Краснодарский край	4,04	146731,54
Омская область	5,82	162047,86
Новосибирская область	5,02	152491,60

Окончание табл. 2.7

Приморский край	4,31	164736,44
Псковская область	5,55	99679,12
Республика Бурятия	3,83	120227,30
Ростовская область	3,95	118943,62
Смоленская область	4,06	113892,90
Хабаровский край	3,93	195476,18
Челябинская область	7,01	165677,42
IV тип		
Ленинградская область	5,15	222404,78

Ко второму типу отнесены лишь 7 приграничных субъектов РФ, которые располагают значительными объемами стратегических видов природных ресурсов и значительными объемами их добычи и первичной переработки (при сравнительно низкой численности населения, в результате которой они характеризуются высокими душевыми показателями ВРП). В основном, к этой группе отнесены приграничные регионы, расположенные в Западной и Восточной Сибири, Дальнем Востоке.

К третьему типу отнесены 14 приграничных субъектов РФ. Преимущественно, это индустриальные регионы, имеющие в своем составе крупные промышленные центры и узлы, основу которых составляет перерабатывающие предприятия, а также предприятия, входящие в состав единых технологических цепочек, связанных с добычей и комплексной переработкой ресурсов. Между тем, промышленный базис экономики ряда приграничных субъектов, отнесенных к этой группе, формировался в 50–60 гг. XX века и был ориентирован на создание и развитие межреспубликанских (между бывшими союзными республиками) ТПК и технологических цепочек. После распада СССР эти субъекты испытывали экономические трудности, связанные с разрывом логистики поставок сырья и продукции, вынуждены были осуществить «перезагрузку» логистики, которая сопровождалась процессом перепрофилирования и частной сменой экономической специализации региона.

К четвертой группе отнесен лишь один приграничный регион – Ленинградская область, экономика которой ориентирована на обслуживание и использование экономического потенциала Санкт-

Петербургского мегалополиса, на переработку и транспортировку энергоносителей (нефти и природного газа), а также на интенсивное развитие внешнеэкономических связей с Финляндией.

Оценка «качества» региональной экономической политики в приграничных регионах показывает, что почти половина из них (18 из 40) характеризуется негативными тенденциями в изменении структуры ВРП (табл. 2.8). То есть, происходит увеличение доли ВЭД с низкой добавленной стоимостью в структуре ВРП при одновременном снижении доля ВЭД с высокой добавленной стоимостью. Из 40 оцениваемых приграничных субъектов РФ 12 – показывают фактическое отсутствие положительной динамики в изменении структуры ВРП. То есть, за 5 анализируемых лет произошедшие структурные изменения характеризуются значениями коэффициента, отражающего отношение доли ВЭД с высокой добавленной стоимостью к доле ВЭД с низкой добавленной стоимостью, менее 0,5.

Таблица 2.8

Результаты оценки «качества» региональной экономической политики в приграничных субъектах РФ

Субъект Российской Федерации	Изменение отношения доли ВЭД с высокой ДС к доле ВЭД с низкой ДС					Динамика изменения структуры ВРП за 2006–2010 гг.
	2006	2007	2008	2009	2010	
Алтайский край	2,89	3,07	3,03	2,38	2,51	-0,38
Амурская область	2,99	3,3	3,32	2,35	2,61	-0,38
Астраханская область	4,96	4,92	5,83	4,16	4,05	-0,91
Белгородская область	1,77	1,64	1,7	2,1	1,66	-0,11
Брянская область	3,92	4,68	5,03	4,14	4,3	0,38
Воронежская область	4,28	3,81	3,74	3,52	4,65	0,37
Еврейская авт. область	3,57	3,31	2,87	2,74	3,31	-0,26
Забайкальский край	2,86	3,12	3,51	3,31	2,33	-0,53
Калининградская область	2,55	3,2	4,06	3,91	4,43	1,88
Краснодарский край	3,71	4,08	3,66	4,29	4,48	0,77
Красноярский край	6,83	7,03	5,13	4,68	2,47	-4,36
Курганская область	2,97	3,3	3,67	3,55	4,46	1,49
Курская область	1,01	1,08	1,18	1,35	1,21	0,20

Окончание табл. 2.8

Ленинградская область	5,62	4,88	4,8	5	5,44	-0,18
Магаданская область	0,97	0,94	1,09	0,97	0,89	-0,08
Мурманская область	2,46	2,7	1,68	2,03	1,77	-0,69
Новосибирская область	5,02	5,65	5,06	4,07	5,3	0,28
Омская область	5,96	6,5	6,21	4,97	5,44	-0,52
Оренбургская область	0,68	0,83	0,82	0,72	0,72	0,04
Приморский край	3,65	4,09	4,58	4,14	5,1	1,45
Псковская область	4,88	6,16	5,71	5,54	5,44	0,56
Респ. Кабардино-Балкария	1,93	2,09	2,16	2,21	2,12	0,19
Респ. Карачаево-Черкессия	1,76	1,58	1,56	1,41	1,38	-0,38
Респ. Сев. Осетия-Алания	3,51	3,38	2,34	2,31	2,47	-1,04
Республика Алтай	1,53	1,58	1,6	1,66	1,67	0,14
Республика Бурятия	3,53	4,44	3,91	3,91	3,35	-0,18
Республика Дагестан	2,7	3,12	3,37	3,91	4,03	1,33
Республика Ингушетия	1,37	4,01	2,83	3,42	3,37	2,00
Республика Карелия	2,53	2,51	2,44	3,64	2,38	-0,15
Республика Тыва	1,81	1,92	1,89	2,44	2,3	0,49
Ростовская область	3,95	4,38	3,87	3,91	3,64	-0,31
Сахалинская область	1,68	0,56	0,67	0,49	0,46	-1,22
Смоленская область	3,44	4,2	4,46	3,96	4,23	0,79
Ставропольский край	2,64	2,72	3,07	3,47	3,13	0,49
Томская область	1,56	1,79	1,49	1,81	1,66	0,10
Тюменская область	0,58	0,63	0,71	0,72	0,75	0,17
Хабаровский край	3,56	4,13	4,36	3,56	4,05	0,49
Челябинская область	6,67	7,98	7,58	5,98	6,86	0,19
Чеченская Республика	1,77	2,37	3,45	3,23	3,71	1,94
Чукотский авт. округ	1,18	0,99	0,52	0,47	0,36	-0,82

Наряду с рассмотренными выше типологией регионов и возможностями практического использования ее результатов представляется важным и интересным более подробно рассмотреть иные подходы к типологии регионов, в основу которых, например, закладывается критерий периферийности, а также то, каким образом он отражается на особенностях структуры экономики регионов и их пространственных характеристиках.

Подходы к оценке свойства периферийности и типологии периферийных регионов в условиях глобализации⁹

В основу исследований различных свойств регионов и свойств экономического пространства в условиях глобализации закладываются различные теоретико-методологические модели. Благодаря работам Ф. Перру, Г. Мюрдаля, П. Кругмана и др. [Грицай и др., 1991; Myrdal, 1957; Krugman, 1991, 1994, 1995] в последние 30 лет широкое распространение и применение получила модель «центр-периферия», в рамках которой важнейшее значение имеет явление концентрации экономической деятельности и расстояние до центра. Модель «центр-периферия» была сформулирована в рамках теории регионального роста (более известной как теория «полюсов роста») Ф. Перру, концепции неравенства и теории кумулятивного роста Дж. Фридмана, концепции мировых систем И. Валлерстейна, концепции региональной геополитики С. Коэна и других схожих концепций. Она задает определенный стиль и формат взаимоотношений центральных и периферийных регионов, находящихся на различном уровне экономического, политического и технологического развития. В соответствии с данной моделью неравномерность развития вызывает диспаритет центра и периферии [Friedmann, 1964, 1966]. Традиционно центр представляют как географическое место (точку) с высоким уровнем развития, которая определяет положение таксона, с меньшим уровнем развития – периферию.

В соответствии с прикладным инструментарием использования модели «центр-периферия» и с целью выявления факторов, действующих на положение регионов в экономическом пространстве, в Институте экономики КарНЦ РАН было проведено исследование пространственной организации экономики и дифференциация российских регионов путем их группировки. Для этого применялся факторный анализ, направленный на исследование закономерностей изменения дисперсии экономических показателей и оценку размерности переменных путем исследования корреляционных матриц.

⁹ Более подробно данная типология представлена: Толстогузов О.В. Стратегия периферийного региона в условиях ограничения информации: методология, теория и практика. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010.

Основное предположение факторного анализа заключается в том, что корреляционные связи между большим числом наблюдаемых переменных определяются существованием меньшего числа гипотетических наблюдаемых факторов. Для анализа корреляционной матрицы применялся метод *максимального правдоподобия* и метод *варимакс* для вращения выделенного векторного пространства. В результате анализа по представленной выборке осуществлено «сжатие пространства», выделено три значимых независимых фактора, объясняющих более 55% дисперсии наблюдаемых переменных:

Первый фактор (30% дисперсии) связан с денежной массой, расходами консолидированного бюджета субъекта РФ, стоимостью кв. метра жилья и др.

Второй фактор (15% дисперсии) – производственный, выступающий измерителем экономического роста и ассоциирующийся с такими показателями как объем ВРП на душу населения и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников.

Третий фактор (10% дисперсии) – социальная нагрузка, определяемая уровнем безработицы, младенческой смертностью, долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, площадью жилых помещений на одного жителя.

Группировка регионов отражена на диаграмме рассеивания переменных и наблюдений на оси факторов. Координатами служат коэффициенты корреляции с факторами (факторные нагрузки). В частности, на рис. 2.4 представлены такие группировки (нечеткие множества, выделенные методом простой факторной структуры). Критерий простой факторной структуры позволяет графически отразить группы переменных. Мерой близости или критерием формирования кластера является расстояние между объектами. В данном случае использовались два критерия: пороговое значение (равное 1/2 максимального значения фактора) и вероятность попадания в «центр» кластера (равная 0,75).

На основе анализа дифференциации регионов выделены 4 их группы:

1. *Развитые регионы* (для этой группы регионов значимым является влияние 1-го и 2-го факторов). К этой группе относятся: гг.

Москва и Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области. Ближние к ним значения критерия имеют Красноярский и Краснодарский края, Республика Башкортостан. Главным образом, это регионы с развитыми торговой и транзитной функциями.

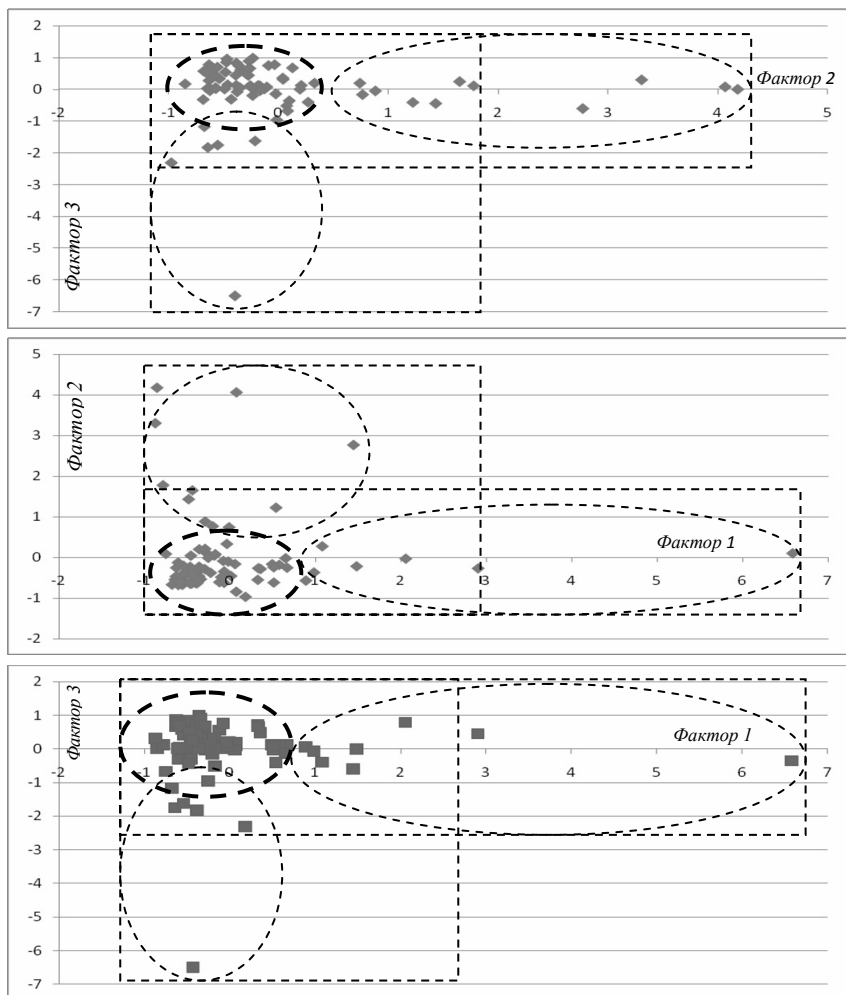

Рис. 2.4. Группировка регионов России, и оценка их положения в факторном пространстве

2. *Ресурсодобывающие регионы*, в которых реализуются крупные промышленные проекты (для этой группы значимым является влияние производственного фактора). К этой группе относятся: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский и Ханты-Мансийский автономные округа, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия). Близкие значения имеют Республика Коми, Тюменская и Мурманская области. Главным образом, это регионы с потенциальными торговой и транзитной функциями.

3. *Депрессивные регионы*, которые по многим показателям отстают от среднероссийского уровня (для этой группы регионов значимым является влияние фактора социальной нагрузки). К этой группе относятся: республики Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и Тыва. Пограничные значения имеют республики Калмыкия и Бурятия. Главным образом, это регионы с негативной социальной функцией.

4. *Остальные периферийные регионы*, обладающие специфическими проблемами и комплексом общих проблем (в частности, недостаточным инновационным развитием).

Первые три группы является сегодня целевыми в рамках реализуемой в России макроэкономической политики. Однако не они должны определять повестку дня региональной политики. Скорее четвертая группа регионов более подходит для этого.

Вместе с тем, если мы говорим о периферийных регионах, то следует учитывать не только их отличие от первых трех групп, но и довольно значительную внутригрупповую дифференциацию. Очевидно, что периферия не является однородной массой. И. Валерстайн еще в 1984 году ввел понятие «полупериферия», как промежуточного звена между центром и периферией, сочетающего черты последних. Периферия также разделяется на внутреннюю (тесно связанную с центром) и внешнюю (слабое влияние центра), ближнюю и дальнюю и т. д. В экономическом районировании часто применяется понятие «ядро», за которое принимается участок таксона, в котором значительно выражены признаки последнего: плотность, интенсивность экономической деятельности [Шарыгин, 2005].

Четвертая группа (периферийных) регионов характеризуется отсутствием влияния факторов на распределение. Очевидно, это связано с тем, что действие факторов сглаживается внешним влия-

нием (влиянием глобальных рынков) или наличием специфических внутренних факторов. Эту группу составляют регионы, обладающие специфическими проблемами. К таковым, в частности, относятся приграничные регионы, активно вовлекаемые в мировую экономику посредством процессов микрорегионализации. С точки зрения эффективной интеграции России в мировую экономику *именно эта группа регионов, обладающая ярко выраженной приграничной функцией, должна формировать повестку дня региональной политики.*

По мнению Т. Лебедевой [2007] расстояние экономического пространства, т. е. транспортные и транзакционные издержки, влияет на его функционирование и является одним из главных критерием разграничения центра от периферии (помимо характеристик экономического роста, интенсивности экономических связей и мобильности факторов производства). В соответствии с моделью «центр-периферия» и соответствующей политикой централизма в управленческом аспекте центр (ядро) является субъектом управления, а периферия – объектом управления. Центр рассматривается как регион, контролирующий материальные, финансовые и информационные потоки, соответственно применяющий наиболее развитые технологии и производственные процессы с доминированием нематериальных факторов, владеющий более совершенными формами организации труда и формирующий полный инновационный цикл «от идеи до практики». Он является поставщиком интеллектуальных ресурсов, в нем происходит генерация и внедрение инноваций. В то же время периферия – регион, в котором ощущается недостаток вышеназванных атрибутов, в частности отсутствует полный цикл «знание – практика». Зачастую такой регион является исключительно поставщиком сырьевых ресурсов.

В соответствии с рассматриваемой моделью центр и периферия связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы. В этой связи важным шагом в развитии теории размещения производительных сил стали исследования процессов создания и распространения инноваций (диффузии инноваций). Благодаря возможностям своего рынка, ядро (передовой регион с высокой плотностью экономической активности) создает мотивацию для привлечения предприятий и рабочей силы в центр. Стрем-

ление уменьшить расходы, связанные с расстоянием, или снижает пространственное «трение» или приводит в движение людей, предприятия и идеи за счет которого менее развитые регионы вовлекаются в национальную систему производства. Мобильность населения повышает конкуренцию за рабочие места в районах с высокой производительностью и снижает ее в районах с низкой производительностью. В конечном итоге данное обстоятельство способствует сближению (конвергенции) уровней жизни на территории.

В то же время, согласно теории поляризованного развития, периферия получает импульс от центра благодаря мобильности факторов производства и диффузии инноваций. Такой подход служит хорошим теоретическим основанием колонизации периферии, направленной на «выкачивание» природных ресурсов. Однако если учитывать иные факторы, например, факторы международного влияния, национально-культурные и миграционные факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на приграничную периферию, то особенности управления развитием периферийных приграничных регионов требуют проведения специальных комплексных исследований.

Особенность периферии, обусловлена также еще и тем, что заселенность и обустройство территории в России тесно взаимосвязаны. Так, освоенность пространства автодорожной сетью в Европе и США характеризуется высоким значением (соответственно, 1500 км / 1000 кв. км и 682 км / 1000 кв. км), в то время как в России – всего 37 км. По регионам разброс данного параметра чрезвычайно велик.

Если при выработке государственной региональной политики в России во главу угла ставить задачу снижения чрезвычайно высокой дифференциации национального экономического пространства и необходимость решения комплексных региональных проблем, создавая для регионов так называемые «окна развития», то становится очевидным, что *действительным объектом государственной региональной политики в первую очередь являются периферийные регионы* (в то время как в «ядре» решаются проблемы национального уровня). Задача управления в отношении «ядра», обладающего безусловной субъектностью, представляется очевид-

ной. В то же время в управленческом аспекте из-за разного рода неопределенностей наибольший интерес представляют периферийные территории (включая проблемные, депрессивные и приграничные периферийные регионы).

Ряд авторов (например, А. Гильберт и Дж. Гаглер [Gilbert, Gugler, 1982]) обращают внимание на замкнутость модели «центр-периферия», в результате чего наблюдается определенная недооценка внешних факторов на развитие территории, что говорит о том, что применение этой модели на практике требует ее корректировки и доработки. В частности, крайне важной является задача идентичности периферии и сложной зависимости периферии от центра, которая требует применения разных методик и научных дисциплин (как это полагают Н. Хансен и др. [Hansen et al, 1990]). Необходимо включать в анализ помимо методических подходов, используемых в региональной экономике, методические подходы и методики таких научных дисциплин, как геополитика, культурология, а также обязательно надо учитывать сложившуюся практику территориального стратегического планирования. Тем более важен такой междисциплинарный подход в условиях «новой регионализации», происходящей сегодня.

«Новая регионализация» создает новые центры экономической деятельности, прокладывает новые маршруты товарных, финансовых и информационных потоков, размывает прежние границы и формирует новые. Например, в России происходит не только ослабление влияния региональных политических групп в контексте происходящих политических, экономических и административных реформ, но и усиливается экономическая, политическая и проектная подчиненность периферии центру, сопровождающаяся потерей субъектности в принятии стратегических решений (фактически, сегодня происходит разрушение «зонтичного» принципа управления на уровне региона). Негативными последствиями подобных преобразований являются потеря региональной сущности и специфики в решении экономических и экономико-политических задач, потеря контроля над территорией (за исключением распределения некоторых природных ресурсов). Более того, происходит не столько потеря субъектности управления территорией, сколько изменение ее формы (в контексте развития новой экономики и появления новых возможностей на региональном уровне управления).

С учетом вышеизложенного *свойство периферийности* может быть определено следующим образом – сущностное свойство, возникающее в контексте задачи управления в связи с наличием ряда ограничений, в частности, система управления периферии принимает решения на основе неточной и неполной информации о внешней среде. В этом случае под *периферийным регионом* следует понимать самоопределяющуюся в некоторых внешних и внутренних контекстах территориальную организацию, характеризующуюся определенной субъектностью управления в условиях существенных ограничений, ростом экономических рисков в совокупности с институциональными рисками и недостаточностью ресурсов в решении общих и частных проблем региона.

Таким образом, согласно данной трактовке, категория «периферийные регионы» определены в рамках классификации пространственных единиц как менее развитые по критериям социально-экономического развития и выделенные в класс проблемных регионов, идентифицированных в соответствии с учетной номенклатурой (субъекты РФ) или экономическим зонированием. В соответствии с различными формами проявления описанного выше свойства периферийности может быть предложен комплексный подход к типологии периферийных регионов, основанный на ряде частных подходов, в основу которых заложены конкретные критерии классификации.

Например, в «Докладе о мировом развитии – 2009: Новый взгляд на экономическую географию» предложен критерий классификации регионов по расстоянию до крупных мировых рынков и прозрачности границ (доступности рынков). В соответствии с этими критериями можно выделить следующие типы регионов:

- регионы, расположенные вблизи крупных рынков и тесно вовлеченные в мировой и национальный рынок;
- регионы, удаленные от крупных рынков, но включенные в них;
- регионы, слабо вовлеченные в мировой или национальный рынки ввиду разных ограничительных факторов, снижающих доступность рынков.

В работе «Север и Арктика в пространственном развитии России» периферийность предложено рассматривать в рамках следующих концепций, каждой из которых соответствуют свои критерии классификации [Север и Арктика ..., 2010]:

1. *Освоенческая концепция.* Исходит из того, что периферийность возникает как объективное явление, вызванное неравномерностью заселения, удаленностью, слабой инфраструктурной обустроенностью территории. В ее основу заложена модель неравномерности развития Дж. Фридмана, в соответствии с которой классификация включает в себя следующие типы регионов: регионы – ядра, растущие регионы, пионерные регионы нового освоения и депрессивные регионы.

2. *Рентная концепция.* Основывается на том, что одним из главных показателей периферийности является размер ренты положения или позиционной ренты (влияющей на расходы на транспорт, мобильность факторов производства и населения). Например, в рамках данной концепции Т. Е. Дмитриевой сделан вывод об «отрицательной ренте Севера» [Дмитриева, 2005].

3. *Управленческая концепция.* Согласно ей, периферия характеризуется трудностями и заданными внешними правилами в определении самостоятельной (автономной) политики, трансляционной структурой регионального управления, выраженной в первую очередь в отсутствии внятной позиции (стратегии) у региона.

4. *Диффузно-инновационная концепция.* В рамках данной концепции (в основе которой лежит теория «диффузии инноваций» Т. Хагерстранда и П. Хаггета) периферии предоставляется определенный шанс для развития за счет создания условий для диффузии и трансферта инноваций [Пилясов, 2009]. Поэтому оценка периферийности в данном случае может основываться на показателях, характеризующих уровень инновационного развития и интенсивность трансферта технологий и инноваций.

5. *Депривационная концепция.* Данная концепция предложена Т. Е. Дмитриевой [2004] и исходит из того, что периферия представляет собой пространственную эксклюзию или исключение (выпадение) определенной территории из нормальных условий жизнедеятельности и процесса регионального развития. В этом случае для оценки периферийности могут быть использованы те же показатели, что и для региона, находящегося в «нормальных» условиях.

По нашему мнению, данные подходы к группировке периферийных регионов, хотя и позволяют рассмотреть различные сторо-

ны проявления свойства периферийности, но все же являются недостаточными, поскольку не позволяют сфокусироваться на объекте региональной политики. Поскольку понятие «регион» означает не просто территорию или ее часть, а несет в себе именно управленческий аспект, то и сама типология должна носить аналогичный управленческий контекст, отражая как внешние, так и внутренние стороны организации управления территорией.

Для комплексной оценки дифференциации российских регионов и выявления причин дифференциации используется *индекс периферийности*. На основании результатов проведенных расчетов выделены регионы, которые можно отнести к периферийным и для которых выход со своей продукцией на внутренний рынок затруднен. Так, например «индекс периферийности» для Республики Карелия – 141%, Ленинградской области – 145%, Мурманской области – 186% (выше, чем во многих регионах Западной Сибири), Калининградской области – 178%. Для азиатских приграничных регионов он намного выше – от 188% – для Республики Алтай до 392% – для Хабаровского края [Дружинин, 2005].

Понятно, что периферийное положение региона отражает, прежде всего, его положение относительно других российских регионов и центров развития. Географическое положение региона оказывает существенное влияние, прежде всего, на развитие региональной промышленности, ввиду ограничений для выхода продукции на российский рынок. В результате удаленные территории при выходе на российский рынок со своей продукцией имеют высокие транспортные расходы, что существенно сужает рынки сбыта, и тем самым, уменьшает потенциальный объем производства. В результате, от географического положения региона в немалой степени зависит уровень конкурентоспособности продукции на российском рынке. С другой стороны, уменьшение объема производства снижает уровень доходов населения, объективным результатом чего может быть увеличение миграционного оттока в более благополучные регионы, что неизменно приводит к сокращению численности населения на данной территории. В свою очередь, уменьшение численности населения сужает рынок сбыта и тем самым ограничивает возможности развития производства на территории и еще больше снижает показатели социально-экономического развития. Таким образом, чем яр-

че проявляется свойство периферийности региона, тем менее конкурентоспособна его продукция, тем меньше объем и размер доступного регионального рынка товаров и услуг.

Комплексное исследование проблемы влияния периферийного положения региона на развитие его экономики и инвестиционную привлекательность предполагает разработку специальной математической модели, которая позволяет учесть максимально возможное число факторов и силу их влияния. В частности, может быть предложена модель, которая на основе статистической информации (прежде всего, динамики среднечеловеческих показателей), характеризующей регионы и оценке расстояния между ними, определяет степень доступности российского рынка для отдельных регионов. Другим показателем, используемым в данной модели, характеризующим результаты экономической деятельности, является численность населения данного региона и соседних регионов (данный показатель определяет объем регионального рынка).

В рамках предлагаемой модели для анализа степени удаленности регионального рынка от других российских регионов, используется методика, которая рассчитывает удаленность регионов на основании географических координат (широты и долготы), а также расстояния между региональными столицами:

$$L_{i,j} = \sqrt{(112 * (\Delta sh_{i,j})^2 + 65 * (\Delta dol_{i,j})^2)},$$

где: $sh_{i,j}$ – широта i и j регионов; $dol_{i,j}$ – долгота i и j регионов; $\Delta sh_{i,j}$ – разница по широте региональных центров i и j регионов; $\Delta dol_{i,j}$ – разница по долготе региональных центров i и j регионов; $112 * (\Delta sh_{i,j})$ – расстояние между регионами по широте в километрах (1° широты – около 112 км); $65 * (\Delta dol_{i,j})$ – расстояние между регионами по долготе в километрах (1° долготы – 65 км).

Кратчайшее расстояние между двумя региональными центрами (в км) было получено на основе специальных исследований. Оно носит условный характер и может быть в дальнейшем уточняться, но для поставленных в работе задач этого вполне достаточно.

На основе информации, характеризующей регионы и оценке расстояния между ними, построена модель, оценивающая степень доступности российского рынка для отдельных регионов («индекс периферийности» регионов):

$$R_i = \frac{\sum_j L_{i,j} N_j}{\sum_i N_i}$$

где: i, j – регионы; L_{ij} – расстояние между регионами; N_i – объем регионального рынка i -го региона (численность населения); $\sum N_i$ – объем всего рынка (численность населения регионов).

Индекс периферийности, рассчитанный по российским регионам в динамике за период 1991–2010 гг., позволяет сформировать группы регионов и исследовать их изменения (рис. 2.5–2.7). На диаграммах представлена зависимость показателя на душу населения ВРП в российских регионах от уровня их доступности. При оценке использованы доступные результаты исследований и статистические данные сборника «Регионы России».¹⁰ Для получения значений показателя ВРП за рассмотренный период была использована методика, предложенная в работе Н. Михеевой [Михеева, 2000], в которой статистика ВРП по российским регионам рассчитана по методологии СНС – 1993 в текущих ценах.

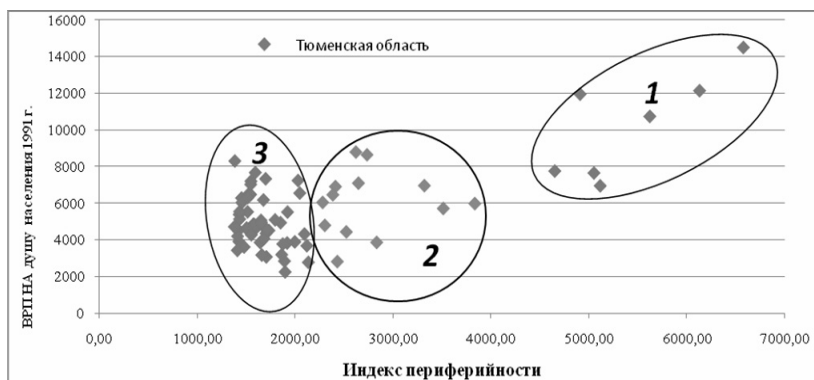

Рис. 2.5. Группы российских регионов по показателю «индекс периферийности» и ВРП на душу населения 1991 г. (без учета показателей по гг. Москве и Санкт-Петербургу)

¹⁰ Положение осложняется тем, что для проведения сравнительного анализа российских регионов необходимо наличие статистических данных с начала исследования. Показатель ВРП по регионам появляется в статистических справочника только с 1994 г. Данные ВРП за 1990–1994 гг. были получены на основании исследований Н. Михеевой (2000). Показатель ВРП в 1997–2000 гг. был оценен на основе официально опубликованных статистических данных.

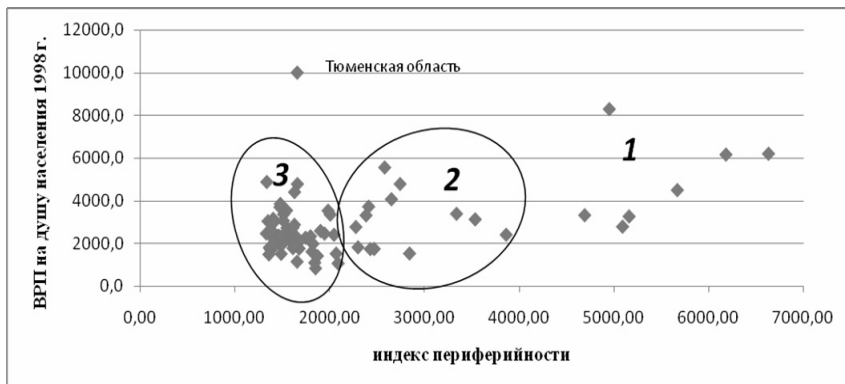

Рис.2.6. Группы российских регионов по показателю «индекс периферийности» и ВРП на душу населения 1998 г. (без учета показателей по гг. Москве и Санкт-Петербургу)

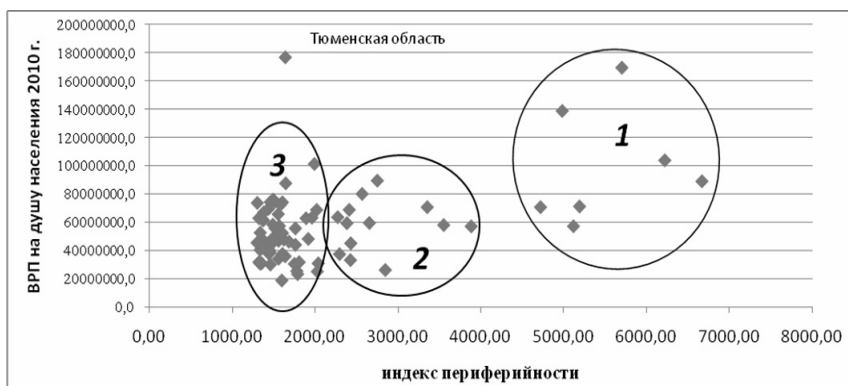

Рис. 2.6. Группы российских регионов по показателю «индекс периферийности» и ВРП на душу населения 2010 г. (без учета показателей по гг. Москве и Санкт-Петербургу)

В результате удалось для решения исследуемых задач сформировать методику создания массивов статистических данных по российским регионам для проведения анализа регионального развития. В частности, проведенный анализ позволил выделить несколько групп регионов в зависимости от исследуемых показателей:

- *Группа 1* – это регионы, являющиеся периферийными и имеющие высокое значение ВРП на душу населения. К данной группе относятся регионы Дальневосточного федерального округа, которые помимо значительной удаленности от центральных регионов России имеют еще и существенный природно-ресурсный потенциал;
- *Группа 2* – это регионы, которые имеют усредненное значение по исследуемым показателям. В данную группу вошли регионы, имеющие сравнительные преимущества с точки зрения развития экономики и поставки продукции на внутренний рынок и существенную удаленность от Федерального центра. Например, Мурманская область, являющаяся северным приграничным регионом, попавшая в данную группу, является территорией достаточно удаленной от Федерального центра. Однако, особенности ее географического положения (приграничность, приморское положение, высокий транзитный потенциал) обеспечивают для нее сравнительные преимущества для динамичного развития экономики.
- *Группа 3* – это регионы, расположенные в центральной части России и характеризующиеся достаточно хорошей доступностью для других региональных рынков.

Как видно из рис. 2.5–2.7., из общего массива регионов явно выпадает Тюменская область, отличающаяся высоким показателем ВРП на душу населения.

Таким образом, по результатам проведенной оценки периферийности регионов и анализа зависимости объема и динамики ВРП на душу населения от значения индекса периферийности можно выделить следующие группы регионов, имеющие разные интервальные значения индекса периферийности (табл. 2.9).

Проведенный анализ и группировка регионов по показателям ВРП на душу населения и индексу периферийности показал сохранение устойчивого состояния российских регионов в динамике с 1991 по 2010 гг. Долговременно сохраняющееся постоянство российских регионов в рассмотренной классификации позволяет сделать вывод о том, что на протяжении всего исследуемого периода рыночных преобразований процесс экономического развития российских регионов был достаточно стабилен. *Регионы, которые*

имели существенные преимущества в экономическом развитии, сохраняют их на протяжении всего периода реформ, а депрессивные регионы остаются таковыми при любой интенсивности рыночных реформ, поскольку не выступают непосредственным объектом региональной политики.

Таблица 2.9

**Группировка российских регионов по показателю
«индекс периферийности»**

Значение индекса периферийности (R_i)	Субъекты Федерации
5000 < R_i	Камчатская область, Магаданская область, Сахалинская область, Республика Якутия, Амурская область, Хабаровский край, Приморский край
2500 < R_i < 5000	Читинская область, Республика Бурятия, Иркутская область, Республика Тува, Республика Алтай, Калининградская область, Алтайский край, Новосибирская область, Томская область, Кемеровская область, Республика Хакасия, Красноярский край, Мурманская область.
1000 < R_i < 2500	Республика Калмыкия, Р. Карачаево-Черкесская, Республика Адыгея, Псковская область, Республика Карелия, Республика Кабардино-Балкария, Вологодская область, Костромская область, Калужская область, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Брянская область, Ивановская область, Чувашская республика, Владимирская область, Ярославская область, Пензенская область, Смоленская область, Республика Дагестан, Омская область, Воронежская область, Саратовская область, Волгоградская область, Ставропольский край, Тюменская область, Пермская область, Самарская область, Челябинская область, Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Белгородская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Архангельская область, Калининградская область, Новгородская область, Астраханская область, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Удмуртская республика, Кировская область, Оренбургская область, Ульяновская область, Курганская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Московская область, Краснодарский край, Ростовская область, Свердловская область.

Как уже говорилось выше, периферийные (и прежде всего, приграничные) регионы в гораздо большей степени подвержены влиянию процессов глобализации и регионализации. Процесс глобализации и связанные с ней структурные и экономические перемены вызвали увеличение уровня конкуренции, с которой сталкиваются российские регионы. Но глобализация также предоставила новые возможности выхода на крупные рынки других территорий (стран и регионов) для конкурентоспособных производителей и товаров, и возможности получения выгоды от более эффективного производства товаров и услуг в других местах (т. е. использования сравнительных преимуществ, которыми обладают территории). С этой точки зрения, выделенные в рамках проведенного исследования группы регионов, отражают особенности сложившейся в России формы территориальной организации экономики, определяющие привлекательность территорий для бизнеса, активность хозяйствующих субъектов и конкурентоспособность регионов. Вместе с тем, результаты анализа показали отсутствие зависимости между показателем ВРП на душу населения и индексом периферийности. Географическое положение российских регионов и существующий потенциал социально-экономического развития территорий существенно не влияет на изменение положения уровня регионального развития.

В этих условиях результаты группировки регионов могут быть полезны с точки зрения поиска и выбора дальнейших путей развития российской экономики и ее перехода на инновационный путь развития. Проведенный анализ еще раз убедительно показывает, что при оценке потенциала развития региона необходимо исходить не только из текущего социально-экономического потенциала региона, но и в полной мере учитывать мировые и российские тенденции и сценарии развития макроэкономической среды. Поэтому далее рассмотрим *параметры, отражающие интеграцию регионов в мировую экономику*.

Таковыми параметрами являются: экспорт (X_s), импорт (X_n) и доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций (I). Для того, чтобы сравнение регионов было более объективным, указанные показатели целесообразно привести к безразмерной удельной величине следующим образом:

$$X_{э,и} = \frac{x_{э,и}}{V} \cdot 100\%$$

$X_{э,и}$ – экспорт и импорт в стоимостном выражении, V – объем отгруженной продукции в стоимостном выражении, $x_{э,и}$ – соответствующий удельный показатель, отражающий величину потоков экспорта и импорта по сравнению с общим объемом произведенной продукции в регионе.

На рис. 2.8. и 2.9 представлен некий «портрет» регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – то, как они интегрированы в мировую экономику (условно корректная оценка интеграции и «профиль интеграции»).

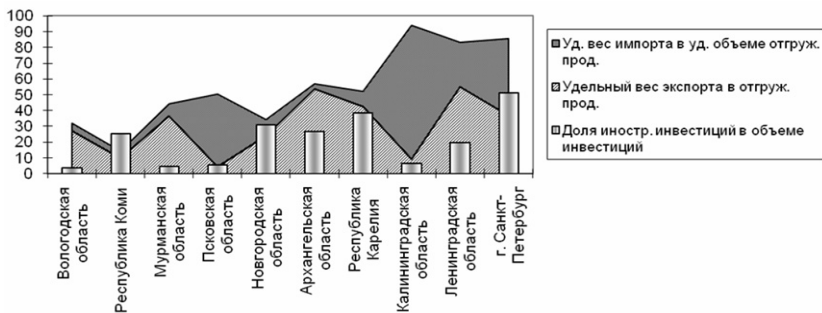

Рис. 2.8. Условно корректная оценка интеграции регионов СЗФО в мировую экономику (по оси ординат отложены величины $\Delta = x_э + x_и$ и I , в %)

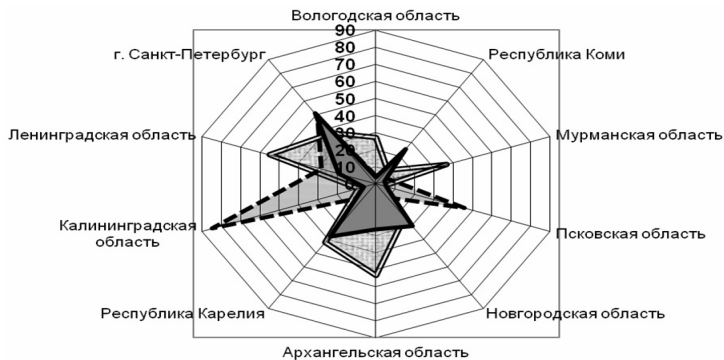

Рис. 2.9. «Профиль интеграции» регионов СЗФО в мировую экономику (= удельный вес экспорта в отгруженной продукции ($x_э$); -- удельный вес импорта в объеме отгруженной продукции ($x_и$); - доля иностранных инвестиций в объеме инвестиций (I))

Из представленных на диаграммах данных видно, что такие регионы как Республика Карелия, Ленинградская и Архангельская области, г. Санкт-Петербург по весу удельных показателей в отношении отгруженной продукции и доле иностранных инвестиций оказались в числе наиболее встроенных в мировую экономику. Особый случай представляет собой Калининградская область, которая в большей степени выполняет роль не потребителя продукции, а транзитной территорией – т. е. фактически является «воротами» для товарных потоков на российский рынок. Псковская область также частично выполняет транзитную функцию, хотя в гораздо меньшем объеме (следовательно, характеризуется существенно меньшей степенью интеграции ее экономики в мировую экономику).

Надо заметить, что при оценке степени интеграции региона в мировую экономику важно учитывать институциональные особенности регионов, включая учет имеющихся международных соглашений и их выполнение. С учетом полноты данной информации периферийные регионы можно дифференцировать по степени их структурной и институциональной открытости и вовлеченности в международные контакты (табл. 2.10). В этом случае периферийные территории можно разделить на две группы, каждая из которых будет, в свою очередь, включать несколько типов (всего – 5) регионов:

1. *Глубинная территория или глубинный (внутренний) регион.* Данная группа включает в себя два типа регионов:

- экспортный регион с развитым крупномасштабным экспортным производством, привлекательным для российских и иностранных инвесторов (тип 1);
- регион с ограниченной открытостью и с экономикой, обращенной в основном на внутренний рынок (тип 2);

2. *Рубежная (контактная) территория или приграничный регион.* Данная группа включает в себя три типа регионов:

- граничная область, изолированная от процессов глобализации или слабо вовлеченная в мировую экономику (ввиду сильной буферной функции границы или иных институциональных ограничений) (тип 3);
- краевая активная зона с развитой контактной функцией (приграничный регион, вовлекающий в процесс преобразо-

вания прилегающие к нему глубинные регионы, с развитой приграничной торговлей, внешнеторговой деятельностью (тип 4);

- трансграничный регион (интегрированные сопредельные территории с развитыми договорными отношениями и иными институтами приграничного сотрудничества) (тип 5).

Таблица 2.10

Распределение субъектов СЗФО по типам периферийных регионов (г. Санкт-Петербург – агломерация и центр СЗФО), 2009 и 2011 гг.

Субъекты СЗФО	ВРП, тыс. руб., (2009)	ВРП, тыс. руб., (2011)	Объем отгруз. товаров собствен. производства, тыс. руб. (2009)	Экспорт, тыс. руб., (2009)	Импорт, тыс. руб., (2009)	Инвестиции, тыс. руб. (2009)	Доля иностранных инвестиций, % (2009)	Тип региона	Специализация
Республика Карелия	180,3	223,0	109,5	46,5	10,4	28,7	38,3	5	П
Республика Коми	310,8	484,9	257,2	24,9	11,1	113,9	25,0	2	П
Архангельская область	237,7	361,0	182,5	97,7	5,6	52,6	26,8	1	П
Вологодская область	245,7	264,2	214,1	57,9	10,2	45,7	3,7	2	П
Калининградская область	193,7	243,6	197,9	18,0	167,7	57,1	6,3	5	Т
Ленинградская область	235,6	326,5	240,2	131,8	67,4	118,6	19,4	4-5	П, Т
Мурманская область	258,1	329,0	161,9	58,8	12,3	49,4	4,5	3	П
Новгородская область	180,3	236,0	141,7	34,0	14,1	57,8	30,7	1	П
Псковская область	106,7	152,9	61,2	2,6	28,1	18,7	5,4	3-4	Т
г. Санкт-Петербург	308,9	420,6	239,1	87,6	116,4	70,6	51,0	–	П, Т

К пятому типу из числа регионов СЗФО относятся Калининградская, Ленинградская области и Республика Карелия. Учитывая исключительное (эксклавное) положение Калининградской области и ту особенность, что Ленинградская область является ареалом Санкт-Петербургского мегалополиса, то наибольший интерес для исследования представляет отдаленная от мегалополиса приграничная периферия, активно вовлеченная в глобальные обмены, такая как Республика Карелия.

Место и роль регионов в мировом и национальном экономическом пространстве во многом является проекцией их конкурентоспособности, их способности занимать и удерживать определенные рыночные ниши и позиционировать себя во внешней среде так, чтобы обеспечить условия для наиболее полного и эффективного использования внутренних ресурсов и внешних возможностей для социально-экономического развития региона. Известно, что задача обеспечения конкурентоспособности зачастую связана с необходимостью модернизации экономики региона и носит комплексный характер. Поэтому ее решение связано с реализацией структурной политики в регионе (тем более, когда мы говорим о повышении конкурентоспособности сырьевых и старопромышленных регионов или регионов с неэффективной и затратной структурой экономики), в основу которой должна быть заложена модернизационная стратегия. Особенности модернизационной стратегии будут показаны ниже – в четвертой и пятой главах. Детально они продемонстрированы на примере Республики Карели, как типичного приграничного региона, относящегося к 1-му типу по конкурентоспособности и 5-му типу по открытости экономики и встроенности в мировую экономическую систему.

Получив представление о месте и роли российских периферийных и приграничных регионов в национальной и мировой экономике, рассмотрев и апробировав подходы к типологии регионов, далее целесообразно сосредоточиться на характеристике социально-экономических особенностей приграничных регионов в условиях глобализации, трансформации функций границы, а также в условиях происходящих процессов трансформации структуры их экономики и социума. Но перед этим необходимо прокомментиро-

вать задачи и направления, которые закладывались в основу исследовательской программы, связанной с изучением приграничных регионов и изменений функций границы.

Исследование проводилось по двум направлениям. Первое направление связано с выявлением роли приграничных регионов в структуре экономических связей и экономическом взаимодействии соседних стран. Ключевым вопросом был: Являются ли приграничные регионы реципиентом выгод, возникающих в связи с развитием трансграничной торговли и усилением потоков инвестиций, или же они лишь выполняют транзитную функцию? Очевидно, что исполнение преимущественно транзитной функции является худшим сценарием для приграничного региона, поскольку способствует его вытеснению из ЦДС и, таким образом, способствует усилению поляризации экономического пространства. Второе направление исследований связано с изучением зависимости объёма, структуры и характера приграничного взаимодействия от географического положения региона. В частности, было проведено исследование интенсивности приграничного взаимодействия регионов в зависимости от их удалённости от центров экономической активности.

2.3. Социально-экономические особенности приграничных регионов

Под приграничными регионами следует понимать территории государства, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Главным фактором, обуславливающим специфику приграничья, является его географическое положение.

На сегодняшний день общая протяженность государственных границ РФ составляет 60 933 км, в том числе 38 807 км – это границы, проходящие по морским акваториям. Из 82 субъектов Федерации у 47-ми одна из границ совпадает с межгосударственной границей, проходящей по морю, суше или рекам. Большая часть периметра морских границ приходится на арктические моря

© П.В. Дружинин, Т.А. Кодолова, О.В. Толстогузов

(19,7 тыс. км) с небольшим по объему или практически отсутствующим международным судоходством. Из общей протяженности российских границ (как сухопутных, так и проходящих по рекам и озерам) 22 125 км приходится на границы со следующими государствами: Норвегия и Финляндия (более 6%), Польша и страны Балтии (около 5%), Белоруссия и Украина (15%), Грузия и Азербайджан (более 5%), Казахстан (34%), Китай, Монголия, КНДР (34%).

При движении на восток от Республики Карелия по приполярным регионам до Чукотского автономного округа, затем на юг до Еврейской автономной области и далее на запад до Алтайского края плотность населения в приграничных субъектах РФ существенно ниже среднероссийской (8,4 чел./кв. км). Исключение составляет лишь Приморский край (11,8 чел./кв. км).

По данным Росстата в 2011 г. плотность населения менее 6 чел./кв. км (минимальная плотность до 0,1 чел./кв. км наблюдается в Чукотском автономном округе) составляла в 20 приграничных регионах (от 11 до 25 чел./кв. км – в 12 регионах, от 30 до 45 чел./кв. км – в 6 регионах). Наиболее высокая плотность населения от 50 до 120 чел./кв. км была в 8 регионах юго-западной части РФ (табл. 2.11). Несмотря на то, что Санкт-Петербургский мегалополис с численностью населения 4 млн. 953 тыс. чел. имеет плотность населения 3 538 чел./кв. км, в целом приграничный пояс из субъектов РФ относится к наименее заселенной части России.

У большей части приграничных субъектов РФ объем ВРП на душу населения ниже среднего по стране уровня – у 32 из 47 регионов (табл. 2.11).

Среди рассматриваемых регионов наиболее высокий показатель ВРП на одного жителя приходится на Сахалинскую область (1203269 руб.). При пересчете ВРП этой области в доллары по паритету покупательной способности, равном в 2011 г. 18,5 руб. за доллар США, он составит в расчете на одного жителя 65042 долл. У находящегося на 6 месте г. Санкт-Петербурга этот показатель равнялся 22732 долл. В 16 приграничных субъектах РФ ВРП на душу населения не превышает 10 тыс. долл., в том числе в четырех менее – 6 тыс. Наименьшее значение этого показателя 3241 долл. характерно для Республики Ингушетия.

Таблица 2.11

**Социально-экономические характеристики
приграничных регионов РФ, 2011 г.**

Приграничные регионы	Погранич- ные страны	Населе- ние, тыс. чел.	Плот- ность насе- ления, чел./кв . км	ВРП на 1 жите- ля, руб.	Объем внешне- торгового оборота на душу на- сел., \$ тыс.	Доля на- селения с доходами ниже про- житочно- го min, %
Архангельская область	морская граница	1213	2,1	361023,9	4,253	14,4
Ненецкий авто- номный округ	морская граница	42	0,2	–	79,401	7,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	морская граница	537	0,7	–	5,641	7,5
Красноярский край	морская граница	2838	1,2	419507	4,001	18,1
Республика Саха (Якутия)	морская граница	956	0,3	504678,9	4,990	18,6
Чукотский авто- номный округ	морская граница	51	0,1	883353,2	3,649	9
Камчатский край	морская граница	320	0,7	351348,4	2,239	19,2
Магаданская область	морская граница	155	0,3	483229,2	0,920	13,9
Хабаровский край	морская граница, КНР	1342	1,7	298996,1	2,049	15,8
Сахалинская область	морская граница	495	5,7	1203268,9	34,623	11,9
Приморский край	морская граница, КНР, КНДР	1951	11,8	279994	3,929	15,7
Еврейская автон- омная область	КНР	175	4,8	208338,5	0,412	20,1
Амурская область	КНР	821	2,3	271092,5	0,920	20,4
Забайкальский край	КНР, МНР	1100	2,5	188848,7	0,688	18,9
Республика Бурятия	МНР	956	2,8	159221	0,947	20,1

Продолжение табл. 2.11

Республика Тыва	МНР	309	1,8	109446,4	0,022	30,6
Республика Алтай	КНР, МНР, Казахстан	209	2,2	127593,1	0,643	18,6
Алтайский край	Казахстан	2407	14,3	139362,7	0,393	22,6
Новосибирская область	Казахстан	2687	15,1	215485,3	1,356	16,5
Омская область	Казахстан	1975	14,0	227103,6	0,461	12,7
Тюменская область	Казахстан	3460	2,4	1192066	18,499	13
Курганская область	Казахстан	896	12,5	151582	0,535	18,5
Челябинская область	Казахстан	3480	39,3	223105,2	2,283	10,8
Оренбургская область	Казахстан	2024	16,4	273135,6	1,613	14,4
Самарская область	Казахстан	3214	60,0	258995,2	2,865	15,2
Саратовская область	Казахстан	2509	24,8	169948,9	0,999	17,3
Волгоградская область	Казахстан	2595	23,0	191824,8	1,844	15,1
Астраханская область	Казахстан, морская граница	1015	20,7	168459,9	0,919	14,2
Республика Калмыкия	морская граница	287	3,8	99999,2	0,251	35,8
Республика Дагестан	Азербай- джан, Грузия, морская граница	2931	58,3	111907,7	0,231	8,3
Республика Ингушетия	Грузия	430	119,6	61804,1	0,054	18,5
Республика Северная Осетия – Алания	Грузия	709	88,6	119861,1	0,349	12,6
Республика Кабардино-Балкария	Грузия	859	68,7	105459,6	0,191	15,3
Карачаево-Черкесская Республика	Грузия	475	33,2	104204,4	0,603	18,8

Окончание табл. 2.11

Краснодарский край	Грузия, морская граница	5284	70,0	233913,7	2,809	13,5
Ростовская область	Украина, морская граница	4260	42,2	178500,6	2,430	15,2
Воронежская область	Украина	2332	44,66	191652,4	1,022	17,3
Белгородская область	Украина	1536	56,7	333502	6,832	8,6
Курская область	Украина	1122	37,4	207690,8	1,762	10,4
Брянская область	Белоруссия, Украина	1264	36,23	141682,8	1,175	12,6
Смоленская область	Белоруссия	981	19,7	186619,2	1,753	17,3
Псковская область	Белоруссия, Латвия, Эстония	667	12,0	152857,8	2,155	16,7
Ленинградская область	Эстония, Финляндия, морская граница	1734	20,7	326473	13,371	13
г. Санкт-Петербург	морская граница	4953	3538	420551,9	10,918	9,1
Республика Карелия	Финляндия	640	3,5	222955,8	2,778	15,7
Мурманская область	Норвегия, Финляндия, морская граница	788	5,4	329027,5	4,243	13,6
Калининградская область	Польша, Литва, морская граница	947	62,7	243833,6	12,291	12,7
РФ		143056,4	8,4	316626,6	5,7	12,7

В 2011 г. объем внешнеторгового оборота на душу населения превысил среднероссийский показатель только у 8 приграничных субъектов. Среди них выделяются экспортеры продукции ТЭК – Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Тюменская,

Ленинградская, Сахалинская области, экспортер металлов и изделий из них – Белгородская область. Санкт-Петербург и Калининградская область выделяются объемами импорта.

К наиболее бедным субъектам РФ из 47 приграничных регионов относятся 11, в которых доля населения с доходами ниже прожиточного уровня существенно выше, чем в среднем по России.

В общем виде показатели таблицы 2.11 отражают то, что *в условиях рыночной экономики приграничные территории по-прежнему остаются удаленными от российского рынка, а также практически лишены значительных экспортных ресурсов*. Происходит процесс сужения экономического пространства, что в свою очередь все в большей степени влияет на социально-экономическое состояние и численность населения приграничных регионов. Для российских регионов существует почти прямо пропорциональная зависимость объема экспорта и суммарного оборота организаций региона, линейная регрессия имеет коэффициент корреляции $R=0.96$. У регионов с невысоким уровнем развития экономики, имеющим объемы экспорта товаров до 500 млн. долл. даже небольшой рост экспорта связан со значительным ростом оборота организаций. При большем объеме экспорта его наращивание существенно меньше влияет на рост оборота организаций региона.

Для российских приграничных регионов проводился анализ взаимосвязи доли экспорта товаров в обороте организаций и темпов экономического роста в межкризисный период. В 1999 г. зависимости практически нет, но уже в 2000 г. наблюдается прямая зависимость – чем выше доля экспорта, тем выше темпы роста ВРП. В дальнейшем вид зависимости изменился, и за период с 2000 г. можно выделить две закономерности: если доля экспорта превышает 20%, то существует прямая зависимость, если меньше – зависимость обратная (чем больше доля продаж на российском рынке – тем выше темпы роста экономики региона).

На экономику приграничных субъектов оказывает влияние фактор приграничности, который при современных вызовах становится возможностью для международных интеграционных процессов в развитии регионов, а при определенных условиях становится конкурентным преимуществом перед другими регионами РФ. Развитие национальной экономики является важным фактором. Нема-

ловажным также является экономическое развитие регионов сопредельных государств. Большая часть остальных прилегающих к границам РФ приграничных территорий этих стран является менее развитыми по сравнению с остальными их территориями. В результате, межгосударственные границы проходят по менее развитой периферийной части РФ и соседних с ней стран. В то же время необходимо использовать развитость сопредельных стран с СЗФО. В этом заключается особенность западной приграничной периферии. Кроме того надо использовать богатую европейскую практику приграничного сотрудничества и институциональные особенности приграничных территорий.

Российские регионы действуют в едином правовом поле с европейскими партнерами на основе ратифицированной Россией в 2002 году Рамочной конвенции Совета Европы о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980 г., и действующего по сегодняшний день Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, которые определяют основные принципы развития международного и приграничного сотрудничества и имеют большое значение для развития приграничных связей российских регионов, содержат принципы оценки перспективных направлений сотрудничества. Сотрудничество направлено на выработку согласованных решений общих проблем в сферах экономики, занятости, транспорта, телекоммуникаций, туризма, культуры и образования, здравоохранения и социального обеспечения, пространственного планирования, охраны окружающей среды.

Глобализация подвергает ориентированную на экспорт экономику приграничного региона большим рискам. Общемировой тенденцией последних десятилетий является постепенная либерализация внешнеторговых связей с понижением тарифных ставок и сокращением нетарифных ограничений, которые с вступлением России в ВТО являются мощным фактором, определяющим экономику приграничных регионов. Глобальный кризис наглядно продемонстрировал как влияние неустойчивой ценовой конъюнктуры, отразившейся на спаде экономики приграничных регионов, так и недостаточность трансграничного сотрудничества и внутреннего потребления, в совокупности создающих в регионах повышенные

хозяйственные риски. В результате ослабляется связность экономического пространства, в меньшей степени используется контактная функция границы (что чрезвычайно важно в условиях глобальной экономики).

В связи с усилением дифференциации территорий, проявляющейся в разных темпах экономического развития регионов, глобализация проявляется и в поляризации экономического пространства: формировании агломераций и отставании периферии (особенно приграничной) в инновационном развитии. *На сегодняшний день сложилось глубинное внутриматериковое размещение экономики страны, это с одной стороны, а с другой, – бедность и социальное неблагополучие большинства приграничных регионов.* Приграничный пояс, как на уровне местного самоуправления, так и на уровне субъектов РФ относится к наименее заселенной части России. В массе приграничные регионы относятся к наиболее бедным субъектам РФ – более чем у половины из них доля населения с доходами ниже прожиточного минимума была больше, чем в среднем по России. Вследствие этого приграничный пояс в среднем сегодня является менее развитым и экономически более депрессивным, чем схожие по уровню освоенности глубинные территории. Если сравнивать со странами ЕС, то уровень развития экономики и качества жизни в приграничных территориях Северо-Запада России ниже, чем в сопредельных регионах. Таким образом, *сегодня пояс приграничных субъектов РФ представляет собой своего рода структурный барьер, препятствующий эффективному вхождению России в мировую экономику.*

Поскольку именно эти регионы (особенно приграничные) в сильнейшей степени выражают асимметрию экономического пространства, то именно они должны являться объектом федеральной региональной политики, а не мегалополисы. В таком случае можно говорить о совместимости максимизации экономической эффективности макроэкономики и минимизации межрегиональной дифференциации и развития экономического пространства страны.

Российское экономическое пространство неоднородно, среди российских регионов можно выделить центры, характеризующиеся высоким уровнем инновационной активности, более продвину-

той отраслевой структурой экономики и относительно высоким уровнем менеджмента, что позволяет им динамично развиваться. Центры привлекают ресурсы периферийных территорий и реализуют новые проекты, которые создают условия и для развития соседних регионов. Созданные и впервые освоенные в них инновации распространяются затем в другие регионы. Активными зонами часто становятся сначала центры (как правило, мегалополисы), а затем территории контакта с внешним миром, с более развитыми странами, получающие новую информацию, знания, технологии, навыки. Приход достижений более развитых стран, их адаптация к специфическим условиям государства в дальнейшем ведет к их диффузии на соседние территории.

Особое место занимают приграничные и приморские регионы, обычно являющиеся периферийными в рамках своего государства. Активно участвуя во взаимодействии соседних государств, как коммуникационные районы, получая информационные ресурсы, знания, они могут стать трансграничными регионами, краевыми активными зонами, вовлекающими в процесс преобразований прилегающие к ним глубинные регионы [Мартынов, 2000; Приграничные ..., 2000].

Наиболее заметное влияние трансграничное сотрудничество оказало на приграничные регионы, и в РФ с работ В. Колосова, Л.Б. Вардомского, Б.Б. Родомана и Н.М. Межевича началось их активное исследование. В 90-х годах основное внимание уделялось трансграничному сотрудничеству ЕС и России (А.Аланен, А. Барковский, Е.П. Башмакова, В.Е.Емельянов, Х.Ескелянен, У.Кивикари, А.Пааси, В.С. Селин, В.Тикканен, Л. Файлай, В.А. Шлямин, Р. Юкарайнен и другие) и изменений в экономике сопредельных регионов. Реформы в России способствовали активизации связей азиатских регионов, которые анализировались в работах М.В. Александровой, С. Бреслина, В.И. Ишаева, П.А. Минакира, Н.Н.Михеевой, Г. Розмана, Ю.Ф.Флоринской, И.Черной и других. В основном рассматривались проблемы внешнеэкономической деятельности, сотрудничество в гуманитарной сфере, и меньше внимания уделялось анализу взаимного изменения структуры экономики сопредельных регионов и возможностям формирования трансграничных кластеров. Постепенно все больше внимания на-

чинает уделяться взаимоотношениям со странами СНГ и анализу влияния новой границы как нового барьера [Вардомский, 2002; Флоринская, 2003; Чернова, 2005 и др.]. Также анализируются вопросы развития трансграничного сотрудничества, его систематизации и построению математических моделей для исследования происходящих процессов и оценке их влияния на развитие экономики регионов, а также отдельным проблемам, в частности сотрудничеству в инновационной сфере.

До начала рыночных реформ приграничное положение (контактная функция) слабо влияло на динамику и структуру экономики российских регионов. Приграничные российские территории из-за прежней закрытости границ и периферийного положения были слабо связаны с соседними регионами других стран. Их предприятия были в основном ориентированы на внутренний рынок, причем обычно не на ближайшие регионы. Например, вблизи финской границы в Карелии не строились перерабатывающие предприятия. Развивались заготовка древесины (вдоль границы была построена железная дорога, по которой лес вывозился во внутренние районы на переработку) и добыча щебня и блоков. Перерабатывающая промышленность в приграничных районах была представлена оставшимися после «зимней войны» на бывшей финской территории небольшими лесоперерабатывающими предприятиями. Лишь в 80-х годах было построено крупное предприятие – Костомукшский ГОК по добыче железной руды. В то же время переработка древесины осуществлялась в морских портах на Белом море для экспорта в Европу [Шлямин, 2002]. Структура экономики Карелии в конце 80-х годов принципиально не отличалась от соседних регионов, экспортировалась незначительная часть продукции. Но в 90-х годах положение стало меняться, регион получил возможность использовать приграничное положение.

В настоящее время приграничное положение для некоторых регионов стало важнейшим фактором развития. Традиционно граница является линией раздела законов, власти, собственности и традиций, барьером для движения товаров, денег, миграции населения и культурного влияния. Лишь для загрязняющих веществ пересечение границы не является проблемой. В некоторых случаях граница становится отчуждающей из-за политических или природ-

ных особенностей. И соответственно такие приграничные регионы, являющиеся в своих странах периферийными, медленно развиваются [Вардомский, 2000].

По мере роста проницаемости границы выделяют следующие основные функции границы – барьерные, фильтрующие (пропускаются одни потоки и не пропускаются другие) и контактные [Scott, 2002] (о чем уже говорилось выше). Причем в последнем случае возникают предпосылки для различного рода объединительных процессов и могут возникать трансграничные регионы, включающие регионы разных стран. Функции границ изменяются во времени, в зависимости от перемен в граничащих странах и других факторов.

На севере, юге и востоке границы РФ являются в значительной степени барьером, причем не только из-за политических причин, но и из-за отсутствия транспортной инфраструктуры. В расположенной южнее Псковской области, граничащей со странами Балтии, плотность автодорог существенно выше, чем в Карелии и Мурманской области. Также и на китайской границе – отсутствие дороги из Алтайского края в Китай увеличивает затраты при внешнеторговых операциях в полтора раза [Проблемы, 2003].

Соседние регионы разных стран часто существенно отличаются по своим характеристикам – демографическим (количеству, структуре и темпам роста населения), экономическим (наличию и видам природных ресурсов, состоянию инфраструктуры, конкурентоспособностью и уровнем развития экономики), социальным (уровнем образования, доходам населения и степени развития социальной инфраструктуры) и политическим (степенью централизации и демократизации, законодательством). Эта разница и институциональные барьеры создают проблемы для сотрудничества. В то же время, имея разные природные ресурсы, структуру экономики, предпринимательский опыт, традиции, финансовые и трудовые ресурсы, регионы могут, сотрудничая, дополнять друг друга и уменьшать разъединяющие их барьеры [Вардомский, 2002, Zimmerbauer, 2011].

Приграничные регионы, расположенные у труднопреодолимого барьера, как правило, малонаселенные, с небольшой долей городского населения, относительно невысокими доходами населения, с

высоким уровнем безработицы, слабым развитием инфраструктуры и предпринимательства. Они обычно имеют значительную долю сельского хозяйства и сырьевого сектора, особенно непосредственно вдоль границы, их экономика в целом устарела. Некоторое положительное влияние оказывает присутствие большого числа различных государственных структур, контролирующих приграничную зону и увеличивающих объем регионального рынка, включая таможенные органы и систему охраны границы. Но наличие большого числа военных объектов ограничивает возможности развития бизнеса и не способствует привлечению инвестиций. *Подобные регионы оказываются отстраненными от государственной политики, их экономические интересы слабо учитывает центральная власть. Они оказываются периферийными и в экономическом, и в политическом смысле.*

В качестве негативного влияния границы надо отметить, что при значительной дифференциации соседних территорий одновременно с активизацией легальных связей, происходит еще более быстрый рост нелегальных. В слаборазвитом регионе ускоренно развивается криминальный бизнес, не требующий больших инвестиций, предпринимательского опыта, образования и трудовых навыков. Его величина зависит от асимметрии в законодательстве, экономическом развитии и от деятельности государственных органов власти. Более быстрое становление рыночных институтов, ускоренное развитие предприятий отстающего региона и как результат – уменьшение разницы цен и доходов постепенно приводят к становлению эффективного легального бизнеса. Надо отметить, что медленное уменьшение дифференциации даже при укреплении границы не ведет к снижению криминальной трансграничной деятельности, как например в граничащих с США районах Мексики, и в какой-то степени на российско-казахской границе.

В то же время как показывает европейская практика, соседние регионы разных стран часто дополняют друг друга, в процессе интеграции возрастают их экономические связи, происходит усиление местных властей, и постепенно ослабляются зависимости от центральных регионов, формируются единые общественные и предпринимательские структуры, действующие по обе стороны границы, увеличивается переток ресурсов [Артемова, 2010]. Пред-

приятия по обе стороны границы, получая необходимые им ресурсы (инвестиции, технологии, знания, ноу-хау, трудовые ресурсы, сырье, полуфабрикаты и комплектующие) значительно повышают уровень конкурентоспособности (в том числе друг друга) и выходят на новые рынки.

Приграничное положение может способствовать более быстрому развитию экономики региона при постепенном уменьшении барьерной роли границ и усилении предпринимательских, образовательных, научных, культурных и гуманитарных связей между соседними регионами, становлении взаимодействия региональных и муниципальных властей. Прежде всего, растет объем внешней торговли и увеличивается перемещение товаров через границу, что способствует развитию экспортных отраслей промышленности. Появляется больше возможностей для экспорта конкурентоспособной продукции местных предприятий, ввозятся более дешевые и качественные импортные товары, получает доходы обслуживающая экспорт и импорт инфраструктура, возникают новые местные, совместные и иностранные предприятия, работающие на рынки соседних стран. Движение товаров способствует развитию территории – вкладываются средства в инфраструктуру, возникают и развиваются обслуживающие фирмы.

Надо отметить, что высокие требования к качеству продукции в более развитой стране могут способствовать повышению уровня производства в менее развитой. Первоначально, из периферийной территории обычно вывозится сырье и промежуточные товары, организуется сборка изделий из комплектующих, и лишь затем с ростом опыта и квалификации, и при создании благоприятных условий для бизнеса – возможно производство конечной продукции при наличии необходимых факторов производства и высокой экономической ренты. Надо отметить, что при низкой ренте, высоких административных барьерах и налогах на производство, как показывает российская практика, продолжится экспорт сырья, причем значительная часть экспорта будет нелегальной [Аран, 2005].

С открытием границы через нее активизируется перемещение финансовых средств и создание предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ). Для крупных фирм не имеет особого значения расстояние от границы, им важен объем рынка. Для малого бизне-

са проще создавать предприятия вблизи границы, что требует сравнительно небольших затрат. Например, малые финские фирмы в 90-х годах создали более 250 предприятий в приграничной Карелии, которые работали, хотя и недолго, на местный и финский рынок. К сожалению, барьеры для малого бизнеса оказались слишком велики, возникло множество проблем, а доходы этих фирм оказались меньше ожидаемых [Громцев, 2000].

В то же время, крупные фирмы могут создавать в приграничных регионах соседнего государства предприятия, работающие на рынок этого государства. Необходимо лишь создание привлекательных условий. Бизнес из Азии может быть заинтересован в проектах ориентированных на европейский рынок, для карельского приграничья в первую очередь на скандинавский рынок. При определенных условиях вблизи финской границы могут быть созданы предприятия с участием фирм из Кореи, КНР или других азиатских стран. Необходимы привлекательные условия, информационное обеспечение и активность региональных властей. В Калининградской области уже к 2005 г. действовало более 30 предприятий с китайским капиталом [Гареев, 2005].

С перемещением средств может быть связано и перемещение технологий, создание предприятий на новом технологическом уровне. Современные технологии могут способствовать росту конкурентоспособности приграничных территорий менее развитых стран, структурной перестройке их экономики, хотя и будут создавать некоторые проблемы, возможно в области занятости.

Со снижением барьеров увеличивается перемещение через границу людей. Большинство таких поездок связано с туризмом и способствует развитию сферы услуг, и увеличению доходов приграничных регионов. Кроме того, специалисты могут выезжать в соседнюю более развитую страну на учебу, временную работу или на постоянное место жительства, что также способствует увеличению финансовых потоков. В каких-то случаях это связано с потерями для менее развитого региона, но часть выехавших возвращается и с ними приходит новый опыт, знания и навыки. В то же время в менее развитую страну временно могут приезжать для работы специалисты из соседних стран, что также способствует накоплению новых знаний и информации.

Оказание технической помощи, передача опыта и документации, участие в совместных проектах, обучение специалистов, научное сотрудничество могут оказать существенное влияние на экономику менее развитого региона. Приобретение опыта, знаний и информации, связанное с обретением рыночного и технологического опыта создает потенциальные возможности повышения уровня менеджмента и для ускорения развития приграничных регионов РФ, появляются условия для появления инновационных фирм и изменения структуры регионального бизнеса.

В результате сотрудничества могут возникать трансграничные регионы, которые можно определить как части территорий двух или нескольких соседних стран, которые составляют социально-экономическую систему, характеризующуюся схожей природой, постоянными трудовыми и культурно-бытовыми связями населения, тесным переплетением бизнеса, науки и социальной сферы, взаимосвязанной инфраструктурой [Joenniemi, Sergunin, 2011]. Способствуют их развитию общие исторические, этнические и культурные традиции и корни населяющих данную территорию народов, близость языков, единые природные объекты и ресурсы [Емельянов, 2005]. Для реализации потенциала трансграничного сотрудничества необходимы определенные условия. Либерализация внешнеэкономической деятельности является лишь одним из них. Важнейшее – наличие таможенной инфраструктуры, прежде всего МАППов со всем необходимым оборудованием, обслуживающих их фирм и банков. Необходимы региональные структуры, государственные и общественные, которые участвовали бы в регулировании трансграничных связей, активный и влиятельный местный бизнес [Labrianids, Vogiatzis, 2011].

Наибольших вложений требует развитие производственной инфраструктуры – подходящих к границе автомобильных и железнодорожных дорог, наличие аэропортов, мостов, вокзалов, обустроенных водных путей и портов. На интенсивность и качество связей оказывает влияние и развитие социальной инфраструктуры (учреждения образования, здравоохранения и культуры), а также правоохранительной системы и службы спасения. Интенсивность развития инфраструктуры зависит от заинтересованности государственных органов и более развитого региона.

В ходе развития сотрудничества происходит процесс медленной эволюции от неформальных связей и контактов на местном уровне к более структурированным формам политики, к созданию специальных институтов. Формирование различных трансграничных ассоциаций привело к появлению еврорегионов. Их создание позволило усилить поддержку приграничного сотрудничества и привело к переосмыслению политической, экономической и культурной роли приграничных регионов, созданию механизмов решения ежедневных проблем сотрудничества на разных административных уровнях и выявлению новых возможностей для развития сопредельных территорий [Межевич, 2009].

В России необходима более активная государственная политика по отношению к приграничным регионам. Примером могут быть Эстония и другие государства Балтии, где низкие налоги и административные барьеры способствовали созданию предприятий, ориентированных на экспорт в развитые страны. Как показал Н.М. Межевич активность региональных и муниципальных властей способствует более успешному развитию экономики регионов, но при отсутствии целенаправленной государственной политики эффективность действий субфедеральных властей невелика [Межевич, 2002]. Успешное развитие Калининградской области было связано со специальными федеральными законами, которые позволили развивать в области импортозамещающие производства [Федоров, 2007].

Проблема сырьевой ориентации российской экономики и связанные с ней негативные явления и последствия особенно ярко проявляются в регионах, богатых природными ресурсами, но не обладающих запасами нефти и газа. К ним относится большинство регионов Сибири Дальнего Востока. Для регионов, граничащих с КНР, казалось бы, пути совершенствования региональной экономической структуры должны быть связаны с возможностями трансграничного сотрудничества, учитывая бурный экономический рост соседней страны [Глазырина, Колесникова, Монич, 2010]. Однако проведенный анализ показал, что в большинстве регионов, граничащих с КНР показатели темпов роста ниже общероссийских и нет оснований считать, что приграничное положение регионов, было существенным фактором роста экономики. Эконо-

мическая политика КНР направлена на стимулирование импорта в страну необработанных лесоматериалов. При пересечении границы России с КНР расходы российских экспортеров пиломатериалов, связанные с пересечением границы, а также с дальнейшим движением груза по территории Китая, значительно превышают аналогичные расходы, которые несут экспортеры круглого леса. Эти расходы связаны с налогами и сборами, действующими в соответствии с законодательством КНР. Кроме того, значительная часть лесного сектора находится в тени, по оценке Глазыриной И.П. примерно 90% [Глазырина, 2012].

Важным для приграничных регионов сектором является туризм, который можно рассматривать как один из путей диверсификации экономики ресурсного региона и увеличения численности нерезидентов и, в конечном счете, увеличения концентрации потребителей и капитала. Государственная политика в сфере туризма ориентирована на развитие внутреннего туризма, как на приоритетное направление, развитие которого создаст предпосылки для развития въездного туризма. Но пока преобладает выездной туризм, например, для Забайкальского края, к количеству выехавших в КНР количество въехавших составляет 1.5%, а количество российских туристов – 5%. Бурное развитие китайского приграничья можно объяснить различием в политике России и Китая в поддержке развития приграничных городов. Основным фактором этого различия, по оценке Глазыриной И.П., стали принципы использования доходов от приграничного сотрудничества в России и Китае. Китайское правительство пошло по пути инвестирования этих доходов в развитие приграничных населенных пунктов, тогда как в России все таможенные доходы изымаются в федеральный бюджет и не используются для развития приграничных регионов [Глазырина, 2012].

Растущий товарооборот с Китаем показывает успешное развитие двухстороннего сотрудничества, но лишь для китайской стороны, поскольку его значительную его часть составляют сырьевые товары: руды металлов, древесина и продукты ее первичной переработки, нефть и нефтепродукты, рыба, недревесные ресурсы леса. Подобное сотрудничество с северо-восточными регионами КНР продолжится и в будущем, как это отражено в «Программе сотруд-

ничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009 – 2018 годы)», что прямо противоречит заявленным целям новых стратегий регионального развития Дальнего Востока и Сибири. Представленный в Программе вариант сотрудничества носит не партнерский, а ярко выраженный колониальный характер [Глазырина, 2012].

Анализируя исследования российских приграничных регионов можно сделать вывод, что *при соседстве с высокоразвитой страной в менее развитой стране быстрее всего развиваются активно контактирующие с внешним миром столичные и приграничные (приморские) регионы, но только в том случае, если создаются благоприятные условия для развития, в частности низкие налоги и административные барьеры*. Если государственная политика способствует уменьшению барьерной роли границ, прежде всего в сфере экономики, то активность сотрудничества растет, и экономика приграничных регионов, все более тесно переплетаясь и находя свою нишу в глобальной экономике, может ускоренно развиваться [Морозова, 2006].

В переходный период вследствие либерализации внешнеэкономической деятельности условия для экономического развития приграничных регионов изменились, стало больше возможностей для поиска новых рынков, установления новых связей (Селин, 2002). В результате часть предприятий смогла переориентироваться на внешний рынок, в приграничных регионах было создано значительное количество ПИИ, население приобрело возможность за счет приграничной торговли получать дополнительные доходы. Реализация предоставленных приграничным положением возможностей зависит от российской и региональной экономической политики. Трансграничное сотрудничество способствует активизации предпринимательской деятельности [Кравцова, 2007].

Рыночные реформы дали возможность приграничным регионам использовать свое ставшее выгодным географическое положение, активно развивая внешнеэкономические связи для снижения негативного влияния общего кризиса на свою экономику [Шлямин, 2007]. Хотя надо отметить, что финансовые возможности большинства территорий невелики и не позволяют решать социальные

проблемы. Кроме того, открытие границы часто приносит много негативных явлений, особенно в первый период. Анализ показывает, что инвестиции приходят в приграничные регионы, но часто перерабатывающие производства размещаются вдали от границы, а вблизи ее развивается только добывающий сектор, поставляющий сырье на переработку в развитые и быстроразвивающиеся страны.

Региональные власти, увлекаясь протекционизмом, стараются ограничить на свой рынок доступ товаров из других регионов, что создает дополнительные проблемы для предприятий периферийных регионов, которые постепенно теряют российский рынок. Особенно сложное положение у азиатских регионов, что сказалось и на их показателях.

Для отдельных регионов серьезной проблемой является сложность использования приграничного положения из-за малозаселенности территории и отсутствия инфраструктуры. Развитие таможенной инфраструктуры, строительство дорог и создание МАП-Пов способствует быстрому развитию приграничного сотрудничества и преобразованиям ближайших поселений, которых мало и пока слабо влияет на более отдаленные поселения. Интенсивное развитие приграничных регионов Китая (в Синьцзян-Уйгурский автономном районе темп экономического роста достигал 11%) слабо влияет на приграничные российские регионы в первую очередь из-за отсутствия дорог между Россией и Китаем [Бэкман, 1998]. В то же время на границе с Казахстаном количество таможенных постов в несколько раз меньше количества дорог, что способствует нелегальной деятельности.

Создание еврорегионов не привело к существенным результатам. Пока можно говорить лишь о попытках приблизиться к пониманию такого феномена, как еврорегионы, поскольку законодательная база позволяет пока, что лишь имитировать на своей территории европейские модели. Можно выделить следующие проблемы создания и функционирования существующих еврорегионов: бюрократизированность структур еврорегионов; слабая финансовая база и малая инициативность и недостаточность полномочий местной власти. Для России основной проблемой является жесткая система централизованного управления [Ковалев, 2007].

Решение данных проблем может привести к ускорению развития трансграничных территорий, созданию на них новых видов деятельности, активной структурной перестройке, как это происходило в других странах [Костюнина, 2008].

Приграничные регионы являются одновременно и периферийными для национального рынка. Спад в экономике России при ее огромных размерах и ускоренном росте транспортных тарифов поставил периферийные регионы, особенно азиатские, в очень сложное положение. Периферийное положение сильно сказалось на динамике основных показателей социально-экономического развития, поскольку развитие внутреннего рынка, начавшееся с начала XXI века слабо повлияло на приграничные регионы. Вашанов А. отметил, что доля убыточных предприятий в большинстве приграничных регионов выше, чем в РФ, в ВРП на душу населения – ниже [Приграничное ..., 2012].

Структуру экономики приграничных регионов определило то, что российские власти в 90-х годах не проводили активной экономической политики, не уделяли должного внимания структурной политике и созданию необходимых институтов, и в результате промышленность РФ стала ориентироваться на внешний рынок сырьевых ресурсов (добыча и экологически вредная их первичная переработка). Укрепление позиций на этом наиболее доступном для российских предприятий рынке не требовало больших усилий ни от предприятий, ни от руководства страны. Поэтому основными экспортерами стали нефте- и газодобывающие регионы, и регионы с развитой цветной металлургией. Тюменская, Томская, Иркутская области, Красноярский край и Республика Хакасия экспортировали в 1997 г. от 40% до 50% объемов промышленного производства.

Многие приграничные регионы ориентированы на экспорт сырья. Экономика «старых» приграничных регионов стала ориентированной на добычу и экологически опасную переработку природных ресурсов. В приграничных регионах доля металлургии, электроэнергетики, топливной, лесозаготовительной, целлюлозно-бумажной промышленности и рыболовства составляет от 60% до 80% всего промышленного производства. В лесном экспорте в Китай доля необработанных лесоматериалов доходила до 95%. Спад

ВРП до середины 90-х годов в европейских приграничных регионах и части азиатских был меньше, чем в РФ в целом. Быстро рос экспорт, и потеря внутреннего рынка частично компенсировалась активизацией внешнеэкономической деятельности. В отдаленных азиатских регионах потери были больше, и снижение ВРП оказалось более значительным. Больших инвестиций в основные фонды для переориентации не требовалось, и инвестиционный спад в большинстве приграничных регионов превышал средний по РФ [Межевич, 2002].

Девальвация рубля создала благоприятные условия для роста экспорта и доходов от него. Приграничные регионы воспользовались предоставленной возможностью и развивались быстрее РФ. В некоторых из них объем инвестиций за два года удвоился, а в большинстве он рос быстрее, чем в РФ. Лишь в граничащих с Монголией слабо развитых Тыве и Бурятии инвестиционный спад продолжился. До реформ внешнеэкономическая деятельность наибольшее влияние оказывала на европейские приграничные регионы. Поэтому после либерализации внешнеэкономической деятельности доля экспорта быстрее росла у азиатских регионов, увеличившись в среднем в 11 раз, а у европейских – в среднем в 7 раз.

В 90-х годах поставки приграничных регионов на экспорт возросли и соответственно сократились на внутренний рынок [Прозрачные ..., 2002]. В 2000-х годах увеличение экспорта произошло и за счет роста производства, и за счет переориентации части предприятий с внутреннего на внешний рынок. В Калининградской области особые условия привели в XXI веке к росту производства за пять лет в два раза, а инвестиций – в четыре раза за счет импортозамещения при небольшом росте экспорта. Азиатские приграничные регионы после девальвации почти не уменьшили поставок на внутренний рынок, а в среднем за 90-е годы они сократились в 3.3 раза при росте экспорта в 6.3 раза. Видимо развитие приграничной инфраструктуры и наличие свободных мощностей позволило более успешно использовать эффект от девальвации рубля, прежде всего относительное снижение транспортных расходов [Трансграничный, ... 2010].

Для ухода от модели развития приграничных регионов как сырьевого придатка сопредельных более развитых или быстрораз-

вивающихся регионов по одному виду сырья – лесному были увеличены экспортные тарифы. Отдельные положительные изменения произошли, но в целом модель сохранилась [Глазырина, 2012].

Граничащие с Россией регионы северных стран, как правило, являются наиболее отсталыми в своих государствах. С Калининградской областью граничат наименее развитые территории Польши и Литвы. Граничащие с Карелией и Мурманской областью финские коммуны имеют ВВП на душу населения примерно на четверть ниже, чем в среднем по Финляндии и более медленно развиваются. Реформы в России привели к некоторому оживлению в восточной Финляндии, но только два региона восточной Финляндии имеют положительное влияние от своего приграничного положения.

Аналогичная ситуация складывается и в приграничных регионах восточной части России. Растет количество китайских ПИИ в РФ и российских в Китае, но лишь незначительная их часть связана с приграничными регионами [Валиулин, 2004]. Две трети китайских ПИИ расположены в г. Москве и Московской области и за пять лет их количество выросло в 2,5 раза. В большинстве приграничных регионов изменений не происходит. В 2003–2004 гг. инвестиции из Китая в экономику приграничных регионов не превышали 0,5% от всех иностранных инвестиций [Хузиятов, 2005]. Быстрому развитию приграничных регионов способствует принятие не только концепций, но и законов, введение льгот, стимулирующих трансграничное сотрудничество, вложение средств в развитие инфраструктуры и др., как это происходит в Китае. Успех также зависит от потенциала государства, наличия ресурсов и возможности их перемещения в приграничные регионы [Прозрачные ..., 2002].

Целью становления, развития и совершенствования трансграничной региональной деятельности на российском Дальнем Востоке является *создание единого пространства с экономиками сопредельных регионов стран Северо-Восточной Азии*. «Встроенность» в подобное пространство может привести к эффективному использованию имеющихся ресурсов, прежде всего, для структурных преобразований в экономике и повышения уровня жизни населения, что сделает жизнь в регионе более привлекательной для рос-

сиян и изменит демографическую ситуацию. Развитие трансграничного регионального сотрудничества на Дальнем Востоке станет определяться отдельными прорывами России в двусторонних и многосторонних экономических и политических отношениях [Шинковский, 2004, Минакир, 2000].

Более развитому региону требуются определенные дешевые ресурсы, и он может способствовать перетоку знаний и информации для повышения качества требуемых ресурсов. Быстро развивающемуся региону необходимы ресурсы и он может финансировать увеличение потока этих ресурсов. Соответственно граничащие с Норвегией, Финляндией и Китаем регионы могут успешнее развиваться. Более слаборазвитые регионы имеют более дешевые ресурсы, и это может способствовать развитию российских регионов, созданию на их основе относительных преимуществ (но только в том случае, если они имеют необходимый потенциал, и нет преград для сотрудничества, связанных с военными конфликтами или географическими особенностями).

Для большинства «новых» приграничных регионов появление границы создало пока больше проблем, чем возможностей. Для многих из них разрыв в уровне экономического развития сопредельных регионов невелик. Уровень экономического развития «новых» приграничных регионов пока слабо связан с их приграничным положением. Надо отметить, что регионы, доля экспорта в страны СНГ из которых выше, чем у РФ и регионы с более высокими темпами роста ВРП, чем в среднем по РФ практически не совпадают. Отсюда можно сделать вывод, что более быстрый рост ВРП связан с внутренним российским рынком, но возможна связь уровня ВРП на душу населения и доли товарооборота с сопредельными регионами СНГ [Прозрачные ..., 2002].

Приграничное положение пока не оказывает существенного влияния на развитие регионов, граничащих со странами СНГ и Балтии. Но постепенно формирование границы как барьера будет завершено, и все больше она будет играть контактную роль. Уже сейчас организовано несколько еврорегионов. Смоленская область видимо будет участвовать в формировании новой активной зоны, в которую будут включены Витебская и Могилевская области, а также и Минск. На границе с Украиной активизируются связи Белго-

родской и Харьковской областей, создан объединяющий их евро-регион «Слобожанщина», что также может способствовать созданию активной зоны развития, объединяющей территории двух стран [Прозрачные ..., 2002], уже несколько лет успешно работает и развивается еврорегион «Донбасс» (Ростовская область, Донецкая и Луганская области).

Анализ развития российских приграничных регионов показал, что трансграничное сотрудничество стало важным фактором развития их экономики, оказывавшим неодинаковое влияние в различные периоды реформ на разные регионы. Приграничные регионы имеют потенциал для более успешного развития, изменения их роли в формирующихся трансграничных кластерах, где они пока являются за редким исключением поставщиками сырья. Большинство приграничных регионов имеют возможность за счет активизации трансграничного сотрудничества и региональной политики более успешно развиваться, формировать зоны с повышенной предпринимательской и инновационной активностью, но без адекватной федеральной политики в них консервируется устаревшая структура экономики. Требуется более активная и направленная федеральная политика по отношению к приграничным регионам, которая может ускорить развитие не только их, но и соседних регионов и будет способствовать модернизации экономики России в целом.

Сегодня в региональной политике доминирует макроэкономический подход, который практически лишает будущего «неперспективные» по критерию добавленной стоимости территории. В то же время, не соперничая с агломерациями по величине добавленной стоимости, инвестициям и расходам домохозяйств, *периферийные приграничные территории несут ответственность за экономическую безопасность (в контексте стратегии страны и глобальных экономических проектов) и за освоение территории в условиях формирующихся глобальных экономических проектов и реализуют важную миссионерскую роль в контексте стратегии пространственного развития России.*

Такое новое экономическое явление, приводящее к изменению роли и функций приграничного региона в мировой и национальной экономике, представляет собой новую, интересную и важную

предметную область экономических исследований. Очевидно, что такая активная роль приграничных регионов в мировой и национальной экономике является основой и причиной акцентирования внимания на социально-экономическом и пространственном развитии приграничной периферии и усилению межрегионального, приграничного и трансграничного сотрудничества регионов. Политика в отношении приграничных регионов должна выстраиваться в контексте императива национальной безопасности. Миссия приграничного региона – это не просто контроль над ресурсами территории в условиях возрастания конкуренции. Она приобретает чрезвычайную важность в контексте идеологической функции приграничного региона.

В рамках модели центр-периферийных взаимодействий приграничный регион – это периферия, которая является объектом планирования двух центров. Часто она является оспариваемой территорией. Этот спор обострился в виде конкуренции за человеческие ресурсы. Миссия приграничного региона состоит и в том, чтобы ретранслировать через сознание граждан свои национальные государственные смыслы. Сегодня эта функция недооценивается, даже более того к сожалению наблюдается рост периферийного сознания у самой России.

Таким образом, на основе результатов проведенного анализа можно сделать вывод, что социально-экономическая ситуация в большинстве приграничных субъектов РФ характеризуется большей напряженностью, чем в среднем по России. Причинами этого являются: удаленность многих приграничных субъектов от центров экономического развития, отсутствие в пределах многих приграничных регионов крупных производственных комплексов и предприятий, являющихся центрами создания добавленной стоимости, существующие ограничения, связанные с развитием внешнеэкономической деятельности и приграничной торговли (которые для многих приграничных регионов могли бы стать серьезным стимулом для развития). В целом можно сделать вывод, что в условиях существующей концепции государственной региональной политики Российской Федерации приграничные регионы рассматриваются как периферийные дотационные территории (многие из которых выступают в качестве поставщиков сырья). Требуется

дифференциация государственной региональной политики в отношении приграничных регионов, которая позволит стимулировать социально-экономическое развитие приграничных регионов, формируя на их основе «краевые» активные зоны, создавая привлекательные условия для углубления процессов региональной экономической интеграции и микрорегионализации, «втягивания» России в систему международного разделения труда (в том числе за счет создания условий для формирования трансграничных производственных и сервисных кластеров и зон территориального, способных выступить в качестве перспективных объектов для привлечения иностранных инвестиций) [Савельев Ю.В., 2010].

Принципами региональной политики в отношении приграничных регионов (региональных социально-экономических систем) должны выступать:

- системность и единство политики;
- сочетание централизации и автономности;
- учет интересов центра и особенностей регионов;
- субсидиарная ответственность регионов и центра;
- объектность и предметность политики (в качестве таковой может быть то, что на полигоне проблемных территорий осуществляется отработка важных типовых задач, выявляются источники развития и механизмы встраивания регионов в геоэкономическое пространство).

Усложнение процессов управления в условиях нестабильной экономики и возрастания влияния внешней среды предъявляет новые требования к принципам разработки и реализации планов развития региона, особенно в контексте глобализации и интеграции, а также межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации. В частности условия периферии предполагают для воспроизводства качества жизни высокого уровня точечное использование территории и практическое включение периферии в глобальные процессы. Особенно интересен случай, когда центров более чем один, а периферия – одна. Тогда несколько разных конкурирующих центров охватывают одно пространство пересекающимися маршрутами потоков при ориентации на разные ресурсы территории или непересекающимися линиями при ориентации на разные ресурсы территории.

Социально-экономические особенности Республики Карелия (как приграничного региона 1-типа по конкурентоспособности и 5-го типа по открытости и встроенности в мировую экономику)

Республика Карелия как приграничный регион обладает проблемами социально-экономического развития, типичными для периферийных приграничных регионов, граничащих с ЕС (или тяготеющих к зоне экономического влияния ЕС) и имеющих интересы в ЕС. То есть, интересы региона в большей части завязаны на торговлю и взаимодействие со странами ЕС, причем большей частью в форматах ВТО. Экспортная и инвестиционная направленность Северо-Запада России и его составных частей (таких как г. Санкт-Петербург, Ленинградская область и Республика Карелия) ориентируется на взаимодействие с ЕС. При этом Карелия является площадкой для отработки форм и методов взаимодействия приграничных территорий. Поэтому полученные выводы и предложенные механизмы вовлечения региональной экономики в глобальные обмены являются обобщенными, поскольку в них огромную смысловую нагрузку имеет именно глобальный аспект решаемых проблем и механизмов их решений. Речь идет о применении системы мер в рамках новой региональной политики и действующих соглашений (рамочная конвенция Совета Европы о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС и др.).

Трудовой потенциал Республики Карелия характеризуется, как незначительный (из 670 тыс. человек населения занято примерно 350 тыс. человек) и неравномерно распределенный по территории. Более 2/3 населения проживает в южных районах Карелии и г. Петрозаводске, где концентрируются более квалифицированные кадры.

Миграция является важнейшим фактором. Карелия с 19 века является местом ссылки. Увеличение населения почти в два раза в 30-е годы прошлого века вызвано строительством Беломоро-Балтийского канала, поскольку выживших строителей оставляли на поселение. Промышленные стройки во второй половине 20 века (Кондопожский и Сегежский ЦБК, Костомукшский ГОК и др.) и заселение отошедших к СССР бывших финских территорий увеличили население региона. Миграция в XX веке привела в Карелию

представителей разных этнических групп. В составе уникальной северной общности людей живут русские и карелы, вепсы и финны, белорусы и украинцы, а также немногочисленные диаспоры татар, грузин, армян, азербайджанцев. Самой многочисленной этнической группой данной северной общности являются русские – 76,6%. Общее число карелов, финнов и вепсов составляет около 12%, белорусов – 5,3%. Сегодня перемещения населения, влияющие на концентрацию и распределение квалифицированных кадров, определяются следующим потоками:

- внутренние перемещения вследствие продолжающейся урбанизации (в основном в Петрозаводск);
- миграционные потоки:
 - выбывающие в Санкт-Петербург или зарубежье (в основном молодежь (до 3/4 потока) в целях учебы или трудоустройства после получения диплома о высшем образовании);
 - прибывающие из других регионов России и из близкого зарубежья (в основном низкоквалифицированные кадры).

Серьезную озабоченность для Карелии (и других периферийных приграничных регионов) вызывает отток человеческого капитала, причем наиболее его квалифицированной, конкурентоспособной части. Медленные темпы отраслевых сдвигов отражает не только отсутствие структурной реформы, но и ожидаемый трудный переход от сжимающегося к растущему рынку труда. Однако процесс этот протекает медленнее, чем это было на этапе сокращения занятости. Требуется выработка комплекса мер, направленных на структурный сдвиг и наращивание темпов концентрации рабочих мест за счет миграции. Масштабные изменения структуры занятости повлекут за собой затраты, компенсирующие издержки, связанные с территориальным перемещением трудовых ресурсов. Люди следуют за открывающимися рабочими местами, и это позволяет предположить, что миграция продолжится. Будет продолжаться за счет миграции концентрация рабочих мест (в крупных городах).

Особенностью Карелии (как и другой любой периферии) является обстоятельство, имеющее чрезвычайно важное значение для выработки региональной стратегии, а именно качество населения или его ключевые компетенции. Население республики известно

как толерантная, образованная, поликультурная общность людей, образовавшаяся в результате сплава эмигрантов. Карелия – территория с древней историей и культурой, родина эпоса «Калевала», объединяющего две Карелии: российскую и финскую. Она является частью пространственной структуры не только российского, но и североевропейского общества. Ее население демонстрирует умение жить в северных суровых условиях в гармонии с природой, выражающееся, в частности, в модели многофункционального экологического Карельского дома – особой организации жизненного пространства.

В отличие от других регионов сырьевой периферии Северо-Запада России, интенсивно теряющих население (см., например, прогнозы населения СЗФО, сделанные в работе [Доктрина, 2001]), в Карелии пока не происходит потери этнокультурной и социальной идентичности. Историко-культурные и природно-климатические условия жизни позволяют в целом устойчиво воспроизводиться.

Применительно в Карелии, ее важным преимуществом является то, что сегодня можно обсуждать перспективу новой модели освоения территории, поскольку качество человеческого капитала в Карелии пока не накладывает системные ограничения и не является препятствием при смене специализации региона. Безусловно, важны существующие маршруты прокладываемых коридоров по территории Северо-Запада, однако еще более важны системные преимущества республики, выражающиеся в качестве человеческого капитала. Именно развитие человеческого капитала является базой для поиска ответа на сложившиеся вызовы и целью гуманитарного проектирования развития региона.

Влияние границы и приграничного сотрудничества на экономику региона характеризуется как общими чертами, присущими для большинства приграничных регионов, так и имеет свои специфические черты (во многом это зависит от территориальной глубины, на которую распространяется приграничное сотрудничество). В частности, территориальная глубина сотрудничества может различаться, и трансграничное сотрудничество охватывает приграничное (сотрудничество граничащих друг с другом муниципальных образований разных стран), сопредельное, которое включает сотрудничество граничащих друг с другом регионов разных стран и

собственно трансграничное (неконтактное), охватывающее сотрудничество не граничащих друг с другом регионов разных стран. В зависимости от уровня приграничного сотрудничества муниципальных образований используются несколько эволюционных моделей, описывающих три типа взаимодействия, отличающихся по содержанию и интенсивности [Межевич, 2002; Морозова, 2006].

В европейских странах приграничное сотрудничество охватывает ближайшие к границе муниципальные образования, расположенные в пределах 15 км от таможенных пунктов. Но в РФ на таком расстоянии от границы часто отсутствуют поселения и живут только обслуживающие границу сотрудники таможенных и охраняющих границу федеральных служб. В Карелии вблизи международных автомобильных пунктов пропуска (МАПП) есть только одно поселение, еще два – рядом с пунктами упрощенного пропуска (ПУП), но через них идет только экспорт древесины.

К локальным зонам сотрудничества относятся региональная столица (реализуются образовательные, медицинские, гуманитарные и инновационные проекты, осуществляются инвестиции в торговлю и сферу услуг), приграничные муниципалитеты, имеющие МАППы (развивается торговля и сфера услуг) и муниципалитеты, имеющие необходимые для сопредельного региона природные ресурсы (происходит модернизация существующих и строительство новых предприятий на основе современных технологий). Если для развития региональной столицы более важны другие факторы, то для остальных приграничность может стать определяющим фактором. Промышленные и транспортные центры региона, расположенные вдали от границы, меньше интересны для сотрудничества, лишь введение ограничений на экспорт сырья может способствовать развитию в них перерабатывающих производств. Фактически сотрудничество позволяет раскрыть и усилить тот потенциал, который есть у территории, без наличия определенных ресурсов и собственной активности результативность сотрудничества невелика.

Активная внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия значительно повлияла на темпы роста и структуру ее экономики. В отдельные годы более 70% производимой промышленной продукции экспортировалось, а в докризисный 2007 г. экспорт то-

варов составил 24% от всего оборота карельской экономики. При этом в Карелии наибольший объем накопленных иностранных инвестиций приходится на ресурсные муниципальные образования [Приграничное ..., 2011].

Экономика Карелии достаточно сильно зависит от мировой экономики. Колебания основных экономических показателей и доходов бюджета в 90-х и 2000-х годах в значительной степени определялись колебаниями цен и спроса на лесопродукцию и металлы, и решениями федеральных властей по регулированию трансграничного сотрудничества. Быстрый рост экспорта происходил в 1993–1995 гг., затем последовал спад экспорта и с 2000 г. рост возобновился, вплоть до финансово-экономического кризиса 2008 г.

Наиболее активные связи установились с соседней Финляндией (табл. 2.12). Первоначально установились гуманитарные связи, затем начался стабильный рост экспорта, лишь значительное падение цен на лесопродукцию и дефолт 1998 г. прерывали эту тенденцию. Доля экспорта в Финляндию традиционно высока, в отдельные годы превышала треть всего карельского экспорта, но в последние годы она стала немного убывать. В докризисный период в Финляндию вывозилось примерно 20% производимой в Карелии промышленной продукции [Приграничное... , 2011]. Сокращение экспорта в Финляндию почти в два раза привело к тяжелым последствиям для экономики Карелии в 2009 г.

Таблица 2.12

Основные показатели торговли РК с Финляндией, млн. долл.

Показатели	1996	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Внешнеторговый оборот	198,4	209,6	412,2	535,2	510,1	289,3	301,7	252,1
Экспорт	152,5	170,5	331,0	389,3	368,9	212,2	223,0	187,7
Импорт	45,9	39,1	81,1	145,9	141,2	77,1	78,7	64,4

В 90-х годах в структуре промышленности Карелии происходили значительные сдвиги. Сжатие российского рынка привело к существенному снижению потребности в продукции многих отраслей, и промышленное производство упало почти в два раза. Наибольшее снижение производства было в машиностроении, промышленности строительных материалов, деревообрабатывающей

и легкой промышленности. Но продукция нескольких отраслей оказалась востребована за пределами РФ, и спад в них был незначителен. Произошло смещение структуры экономики к увеличению доли добывающих отраслей и производств, негативно воздействующих на окружающую среду, продукция которых оказалась конкурентоспособной в Финляндии и других странах ЕС.

Наиболее существенным оказалось влияние на развитие лесозаготовительной промышленности, поскольку основная часть ее продукции экспортировалась в Финляндию. Необработанная древесина оказалась важнейшим экспортируемым товаром, ее доля в отдельные годы в общем объеме экспорта из Карелии в Финляндию превышала 50%, и спад начался лишь в 2007 г. с вводом повышенных пошлин (табл. 2.13).

Таблица 2.13

Товарная структура экспорта в Финляндию

Показатели	2005	2009	2010	2011	В % к итогу				
					2005	2008	2009	2010	2011
Всего, млн. долл.	331	212	223	188	100	100	100	100	100
Минеральные продукты	70,8	0,1	3,5	6,9	21,4	0,03	0,05	1,6	3,7
Древесина и изделия из нее	193	138	161	135	58,4	59,6	64,9	72,2	71,9
Продукция целлюлозно-бумажного производства	26,4	23,2	14,6	20,4	8,0	7,6	10,9	6,5	10,9
Машиностроительная продукция	15,6	38	30	4,3	4,7	25,5	17,9	13,5	2,3

В структуре экспорта в Финляндию до 60% занимала древесина и продукция из нее. Экспорт обработанных лесоматериалов увеличивался до 2005 г., затем рост приостановился. Тем не менее, Финляндия является основным потребителем карельских пиломатериалов (до 15% годового производства) и на развитие отрасли в последние годы заметное влияние оказал рост поставок на финский рынок [Приграничное ..., 2011]. Почти весь экспорт необработанной древесины из Карелии направляется в Финляндию (табл. 2.14). Карелия экспортировала в Финляндию до 80% заготавливаемой древесины, а в объеме потребляемого в Финляндии сырья доля Ка-

релии – примерно 5%. Фактически западная часть Карелии стала частью финского лесного кластера, поставляя сырье для финских лесоперерабатывающих предприятий. Лишь в последние несколько лет в Карелии появились современные деревообрабатывающие производства и немного выросли поставки пиломатериалов и другой продукции из древесины в Финляндию.

Таблица 2.14

Доля экспорта РК в Финляндию, %
(от общего объема экспорта данного товара)

Показатели	1996	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Лесоматериалы необработанные	93,6	95,0	97,6	99,2	99,6	99,6	99,9	99,3	98,9
Лесоматериалы обработанные (пиломатериалы)	20,2	29,1	28,6	28,7	32,5	29,1	44,5	55,1	54,0
Сульфатная целлюлоза	23,4	21,0	18,2	17,5	15,3	10,1	7,7	9,1	5,9
Бумага, картон и изделия из них	9,7	6,0	6,3	5,3	8,0	4,7	4,8	3,3	4,5

Рост экспортных пошлин уменьшил экспорт необработанных лесоматериалов и для компенсации данных потерь необходимы вложения серьезных инвестиций. Заготовка древесины снизилась, поскольку внутренние российские цены низкие и поставки на российские предприятия для части приграничных предприятий убыточны.

Экспорт важен для развития черной металлургии (до половины всех экспортных поставок), производства бумаги и целлюлозы и машиностроения. Рост экспорта железорудных окатышей (доля Финляндии составила 48% в 2005 г.) способствовал увеличению производства в г. Костомукше, но в кризис экспорт практически прекратился и поставки были переориентированы на внутренний рынок (в рамках ОАО «Северсталь» – на Череповецкий металлургический комбинат [Приграничное..., 2011]). Рост экспорта продукции машиностроения связан с созданием в Костомукше на Северо-Западе Карелии предприятий, включенных в финский машиностроительный кластер (PKG Group). По большинству других товаров доля экспорта в Финляндию падала и была относительно невелика.

На другие отрасли экономики связи с Финляндией оказали меньшее влияние, хотя из общего объема экспорта услуг на долю Финляндии приходится 57%. Экспорт услуг невелик – 2.1 млн. долл. в 2011 г., в основном услуги железнодорожного транспорта и около 66,6% составляют туристические услуги, и их объем немного растет (табл. 2.15). Приграничное положение способствует развитию отдельных муниципальных образований вблизи МАППов, обслуживание туристов, потоков экспорта и импорта дает дополнительные доходы территориям и развивает сферу услуг [Приграничное..., 2011].

Таблица 2.15

Объемы экспорта и импорта услуг РК с Финляндией
(по видам услуг, млн. долл.)

Виды услуг	Экспорт услуг								
	1998	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Услуг всего	3,2	1,8	1,4	2,1	2,8	2,1	1,5	2,4	2,1
в т.ч.:									
транспортные	1,4	0,4	0,7	1,2	1,9	1,2	0,6	0,8	0,7
туристские	0,2	0,5	0,7	0,9	0,9	0,9	0,95	1,7	1,4
	Импорт услуг								
Услуг всего	13,6	6,1	6,2	5,1	9,6	4,5	8,9	38,7	43,6

Объемы импорта услуг финских фирм колебались, составляя 41–49% в последние годы от всего импорта услуг [Приграничное..., 2011]. Но в 2010 и 2011 гг. резко вырос объем услуг водного транспорта, что связано с перерегистрацией крупной фирмы.

В структуре импорта около 50% составляет машиностроительная продукция. Поставки из Финляндии составляют более четверти всего карельского импорта и половины импорта машиностроительной продукции (табл. 2.16).

Соответственно около 10% машин и оборудования поставленных на предприятия республики – финские, причем в развивающиеся после значительного спада в начале 90-х годов отрасли – деревообработку и машиностроение, что способствует их модернизации (табл. 2.17) [Приграничное ..., 2011].

Таблица 2.16

Товарная структура импорта из Финляндии

Показатели	2005	2010	2011	В % к итогу					
				2005	2007	2008	2009	2010	2011
Всего, млн. долл.	81,1	78,7	64,4	100	100	100	100	100	100
Продовольственные товары сырье	9,2	14,5	19,7	11,3	12,1	14,2	23,1	18,4	30,6
Минеральные продукты	3,0	0,3	0,9	3,7	1,2	1,9	2,7	0,4	1,4
Продукция нефтехимического комплекса	9,7	5,4	2,1	11,9	10,9	15,1	8,9	6,9	3,3
Черные и цветные металлы и изделия из них	2,7	0,6	0,8	3,3	2,5	2,8	2,2	0,8	1,2
Древесина и изделия из нее	0,4	0,1	0,.	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2
Продукция целлюлозно-бумажного производства	5,4	5,0	5,9	6,6	6,4	8,8	6,0	6,4	9,2
Машиностроительная продукция	46,1	47,3	27,7	56,8	62,4	52,5	51,6	60,1	43,0

Таблица 2.17

Доля импорта РК из Финляндии

(от общего объема импорта данного товара, в натуральном выражении)

Показатели	1996	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Черные металлы и изделия из них	4,7	44,0	46,8	22,3	25,5	11,7	13,1	26,9	13,7	–
Сульфатная целлюлоза	30,5	10,7	100	100	83,3	100	95,9	27,5	32,6	–
Котлы, машины, промышленное оборудование	23,0	40,9	55,0	15,4	31,6	31,7	31,5	20,7	36,0	18,8
Электрооборудование	6,0	38,7	68,9	75,5	65,4	53,1	58,9	74,1	58,6	28,5
Автомобили грузовые	33,1	33,3	35,2	39,5	28,1	25,8	13,3	20,0	7,7	–

Импорт услуг, как и экспорт, нестабилен, в последние годы он увеличился (табл. 2.15). В 90-х годах имевшие более совершенные технологии финские фирмы самостоятельно заготавливали древесину в Карелии, то постепенно модернизация карельских предприятий и переход их на современные технологии привели к значительному уменьшению присутствия финских фирм. Объем работ строительных фирм достаточно стабилен, на нем не сказалась даже девальвация рубля. Надо отметить высокую долю в 2006–2007 гг. услуг в области права, маркетинга и инженерных (до 20%). Видимо вновь, как и в начале 90-х годов, оказался востребован финский опыт и знания.

Финские фирмы были не слишком заинтересованы в модернизации карельской экономики. Отраслевая структура экономики близка, одни и те же природные ресурсы, лишь технологические различия огромны. Упор был сделан на передачу опыта и небольшие инвестиции в лесное хозяйство и лесозаготовительную промышленность. В 2001 г. 15% сеянцев ели и сосны выращены в теплицах по финской технологии с закрытой корневой системой, дающей более высокую приживаемость. Уже в 1999 г. доля сортиментной вывозки составила в Карелии 25%, а в 2007 г. достигла 71%.

В 90-х годах более 55% ПИИ в РК создали финские предприниматели, но за редким исключением (лесозаготовительная фирма «Ладенсо»), вложения не превышали нескольких тысяч долларов. В РК пришел малый финский бизнес – ведение дел вблизи границы не требует больших затрат на перемещения людей и грузов, при необходимости можно быстро приехать в фирму, часть населения знает финский язык. Такой бизнес ориентирован в основном на местный рынок, а не на создание фирмы для выхода на европейский или российский рынок. Подобные предприятия конкурировали с карельскими, некоторое время они имели преимущество. Но постепенно местный бизнес приобретал необходимый опыт, новое оборудование и вытеснял образованные финнами фирмы.

Финские инвестиции в 90-х годах были незначительны, а в XXI веке они быстро росли и в 2007 г. достигли 53 млн.долл., причем увеличивались и взносы в капитал, и кредиты [Приграничное ..., 2011]. В общем объеме инвестиций в экономику Карелии их доля невелика – до 7%, но среди иностранных существенна, и важна для развития отдельных отраслей, прежде всего машиностроения (табл. 2.18).

Таблица 2.18

Поступление иностранных инвестиций в Карелию

Показатели	1998	1999	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Иностранные инвестиции, млн. долл.	5,1	15,5	22,2	40,7	74,5	288	157,5	110,5	238,7	89,0	424,3
в т. ч.: из Финляндии	0,08	0,3	0,2	14,7	12,1	28,2	52,9	28,6	40,1	13,9	34,0
Доля от иностранных инвестиций, %	1,6	2,0	1	36,2	16,2	9,8	33,6	25,9	16,7	15,6	8,0
Доля от всех инвестиций, %	0,1	0,3	0,1	3,2	2,3	4,5	7,3	3,2	6,5	1,9	3,4

Во вложениях в деревообработку и машиностроение не слишком заинтересован российский бизнес. Карельское лесное сырье дороже, чем в других регионах России, ситуация с сырьем напряженная, поскольку лесоперерабатывающие предприятия республики потребляют его больше, чем заготавливается в республике. В такой ситуации выгодней строить предприятия в более отдаленных от границы регионах, что соответственно может привести к уменьшению поставок древесины в Карелию. Карельские машиностроительные предприятия имеют устаревшее оборудование и дефицит инженерных кадров и квалифицированных рабочих. Поэтому вложения финских фирм в эти отрасли способствовали их развитию в 2000-х годах и росту конкурентоспособности (табл. 2.19). В результате в машиностроении доля экспорта в последние годы достигала 30%, а в 1990 г. экспортировалось лишь 11% производимой продукции.

Таблица 2.19

Структура финских инвестиций по видам экономической деятельности, млн. долл.

Показатели	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Всего	12,1	52,9	28,6	40,0	13,9	34,0
лесозаготовки	0,7	3,0	8,5	4,8	3,4	6,2
обработка древесины и производство изделий из дерева	5,1	40,2	15,6	30,8	10,4	21,5
производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона	0	0,6	–	–	–	–
производство электрооборудования, электронного оборудования	0,15	0,2	0,001	0,1	–	–
оптовая и розничная торговля	3	2,8	1,8	1,9	0,03	6,3
операции с недвижимым имуществом и предоставление услуг	3	4,4	0	0,2	0,1	0,04

В то же время быстрый рост инвестиций с конца 90-х годов не привел к заметным технологическим изменениям и появлению принципиально новых видов продукции. Пока не удалось привлечь финские инвестиции в развитие в РК высоких технологий. Самые крупные ПИИ работают в лесозаготовительной промышленности, лесопилении и в машиностроении (трудоемкие сборочные операции), они принесли новые технологии, но не в самые современные

отрасли. Эти технологии в РК не развиваются, не модернизируются, поскольку нет соответствующих научных и проектных организаций, а значит, и нет пока условий для саморазвития.

Финские вложения в основную для Карелии отрасль – ЦБП невелики, более привлекательными оказались торговля и операции с недвижимостью, но и для их развития вложенные средства оказались незначительны в сравнении с российскими инвестициями. Можно сказать, что Карелия находится в начале второго этапа развития приграничных регионов [Дружинин, 2005].

В 1997 году Финляндия выступила с инициативой «*Северного измерения*», программой обеспечения интересов североευропейских стран ЕС во взаимодействии с Россией. Целью программы было заявлено улучшение координации действий, предпринимаемых на Севере Европы различными субрегиональными организациями. Северное измерение – это, прежде всего, политика ЕС, направленная на эксплуатацию Севера, выполняемая при помощи программ по развитию инфраструктуры и добычи полезных ископаемых с целью нахождения значения региона Севера в принятых измерениях. Последние представляют не что иное, как установившиеся системы мировоззрения, политической, экономической и пространственной практики. В 1998 г. был создан еврорегион «Карелия» в составе Республики Карелия и региональных союзов коммун Восточной Финляндии.

Большое значение для развития РК имеют международные проекты, реализуемые на ее территории, особенно после создания Еврорегиона «Карелия». Они оказывают влияние на различные отрасли экономики республики, на образование и здравоохранение, на сельское хозяйство, на туризм и лесное хозяйство. За время действия договора об основах отношений и соглашения между правительствами РФ и Финляндии о сотрудничестве в приграничных регионах Карелия и Финляндия совместно осуществили более 300 проектов. По Программе приграничного сотрудничества на 2001–2006 гг. были реализованы 52 проекта. С 2010 г. работает Программа приграничного сотрудничества «Карелия» с бюджетом 46,4 млн. евро, по ней реализуются проекты по развитию предпринимательства, информационных технологий, творческих индустрий, по экологии и другим сферам.

В 2007 г. власти столицы Карелии – Петрозаводска и столицы сопредельной Северной Карелии – Йоэнсуу представили друг другу свои стратегические документы, начали их обсуждение и активизировали контакты предпринимателей. Новые проекты были связаны не только с традиционными видами сотрудничества (деревообработка, туризм и машиностроение), но и с новыми, например, медиа-бизнесом.

Научные и образовательные проекты, выполнявшиеся ПетрГУ в рамках трансграничного сотрудничества, привели к созданию финскими корпорациями Metso и Nokia в ПетрГУ структур, проводящих исследования по их заказам и заказам других финских и российских фирм, совместно с подразделениями этих корпораций, прежде всего, в сфере информационных технологий. Опыт реализации данных проектов привел к созданию сотрудниками ПетрГУ ряда инновационных фирм.

В ходе реализации проектов передается профессиональный опыт и технологические знания, организуется учеба, в результате специалисты получают возможность преодолеть отставание от развитых стран в навыках работы с современным оборудованием, в отдельных случаях получают его, появляется возможность создания новых производств товаров и услуг. В итоге все эти проекты, решая с разной степенью успешности частные задачи, способствуют перетоку рыночного опыта, знаний, навыков и информации, росту предпринимательской активности и помогают повышению уровня менеджмента, низкий уровень которого является одной из главных проблем сдерживающих развитие экономики российских регионов.

Приграничные территории за счет активных контактов предпринимателей имеют некоторые преимущества. Большинство крупных и малых фирм сотрудничали с иностранными, прежде всего финскими фирмами, что сказалось на уровне менеджмента. В Карелии реализовывались проекты TACIS, Баренц-программы и других программ, ведется активная внешняя торговля, специалисты и студенты обучаются и проходят стажировки в Финляндии и в других странах, есть более благоприятные условия для совместной деятельности и общения менеджеров и специалистов. Менеджерам приходилось не только набирать опыт на практике, но и учиться, чтобы их фирмы были конкурентоспособны.

Таким образом, Карелия, активизировав сопредельное сотрудничество в инновационной сфере, может ускорить структурные сдвиги в экономике. Отдельные приграничные регионы имеют более высокий инновационный потенциал и за счет трансграничного взаимодействия могут его существенно нарастить, став частью трансграничных активных зон. Но успешность их формирования в значительной степени зависит от федеральной политики, которая может повлиять на их развитие и на местоположения ядра этих зон.

2.4. Институциональные особенности приграничных регионов

Институциональные системы в современной России за последние 20 лет подверглись не просто существенным трансформациям. Произошла их радикальная перестройка в связи с тем, что в ситуации глубокого кризиса экономической, политической и идеологической подсистем общества и в условиях жесткого давления со стороны мировой системы российские элиты были вынуждены пойти на вашингтонский консенсус. Смена модели развития сопровождалась глубокими социальными потрясениями. К настоящему времени российское общество как новая мегасистема начала приобретать отдаленно напоминающие рыночные очертания.

Вместе с тем нужно учитывать, что Россия представляет из себя сложный конгломерат разнообразных по геополитическим, экономическим и природным характеристикам территорий и регионов, которые и создают социальную ткань общества. Одним из важнейших геополитических факторов является приграничное положение. Приграничные регионы России в формате новой мировой динамики представляют из себя модельные площадки для новых социальных экспериментов.

Наблюдающееся в последнее время явление «трансграничные регионы» коснулось и России. И это именно тот социальный эксперимент, который имеет вполне успешный мировой опыт, например, Мексика. По сути и Евросоюз также является таким примером. Идеология трансграничных регионов выражается в следующем. Имеющие общую границу с разными экономическими характеристиками регионы могут оказывать взаимовыгодное влияние

друг на друга. Более благополучные в социально-экономическом отношении регионы создают для сопредельных депрессивных регионов институциональные режимы максимального социально-экономического благоприятствования. То есть создаются льготные налоговые, таможенные и т. п. режимы для успешного развития бизнеса, что впоследствии ведет к повышению уровня и качества жизни населения. А менее успешные регионы в свою очередь предоставляют территории для реализации крупномасштабных бизнес- и социальных проектов.

Поддержка ЕС приграничного сотрудничества обусловлена многими стратегическими целями. В их числе возможность открытия новых рынков, интересы европейской безопасности, политической стабильности и экономической сплоченности, возможность избежать негативных последствий конкуренции между регионами и, в преддверии вступления в ЕС государств Восточной Европы, развитие национальных / региональных экономик в постсоциалистических странах. Для достижения этих целей поощряется создание различных межгосударственных органов с обязательствами координировать приграничное сотрудничество. Особенно приветствуется создание еврорегионов и трансграничных ассоциаций местных самоуправлений [Скотт, 1999].

В 2000 г. на формальном уровне Карелия включилась в процесс трансграничной регионализации. Объединение трех региональных союзов Финляндии (Северная Карелия, Кайнуу и Северная Остерботния) и Республики Карелия, получившим название еврорегион «Карелия», является в некотором роде «прообразом» трансграничного региона. Мировая практика трансграничного сотрудничества предполагает взаимодействие между равноценными партнерами. В случае с Республикой Карелией формирование экономических связей, к сожалению, пока связано с неравноценностью положения его участников. Продолжается давление на лесной бизнес со стороны сопредельной Финляндии. Подобная ситуация может привести к деструктивным воздействиям на социально-экономическую устойчивость региональной экономики, в частности к экстенсивным формам лесозаготовки, к эмиграции квалифицированной рабочей силы в нецивилизованных формах, импорту низкотехнологичного оснащения, экспорту капиталов и т. п.

Вместе с тем в контексте вступления России в ВТО данные процессы могут быть в некоторой степени смягчены. Основанная цель ВТО – заложить основу свободной торговли без элементов протекционизма как на национальном, так и на международном уровне. Главная задача деятельности ВТО заключается в установлении для всех стран мира общих правил и процедур, касающихся как можно большего числа групп продуктов и услуг в пределах торговли [Птичников, 1999].

Карелия является активным участником внешнеэкономических связей. Она входит в состав Регионального Совета Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) и в 2005-2007 гг. являлась его председателем, а также в еврорегион «Карелия», образованный совместно с тремя региональными союзами Финляндии. Республика Карелия активно осуществляет международное сотрудничество с Финляндией, Швецией и Норвегией на уровне двусторонних связей республики с губерниями и союзами коммун, на уровне муниципалитетов, организаций и граждан. Этому способствует значительное количество пунктов пропуска (международный воздушный пункт пропуска «Петрозаводск», три международных автомобильных пункта пропуска, два международных железнодорожных пункта пропуска, 8 пунктов упрощенного пропуска).

В 1998 г. был создан еврорегион «Карелия» в составе Республики Карелия и региональных союзов коммун Восточной Финляндии. Еврорегион Карелия – это население – 1,4 млн. человек, общая площадь – 264 тыс. кв.км. Цель проекта – выравнивание стандартов развития приграничной инфраструктуры на территориях, прилегающих к границе Финляндии и России посредством трансграничного сотрудничества и создания нового механизма взаимодействия на границах ЕС и России за счет внешних источников финансирования, прежде всего ЕС. Проекты, осуществляемые в рамках Еврорегиона, демонстрируют уникальный опыт приграничного взаимодействия соседних территорий. Развитая приграничная и таможенная инфраструктура, а также проекты, осуществляемые в рамках «Еврорегиона Карелия», демонстрируют положительный опыт приграничного взаимодействия соседних территорий. Карелия является давним и активным участником программ Совета Министров Северных стран и Баренцева сотрудничества, осуществ-

вляла в 2005–2007 г.г. функции председателя Регионального Совета Баренцева Евро-Арктического региона. В 2003 г. Республика Карелия признана Европейским регионом года.

Формирование трансграничного региона определяется, в конечном счете, программами экономического взаимодействия и хозяйственной практикой [Межевич, 2007]. Увеличение границы между Россией и ЕС после расширения Евросоюза поставило вопрос об интенсификации приграничного сотрудничества. Новая фаза укрепления сотрудничества со странами, граничащими с ЕС, началась с принятия в 2007 году Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП), который включает в себя компонент, непосредственно нацеленный на приграничное сотрудничество, и который охватывает период с 2007 по 2013 год. Совместные с российскими регионами проекты осуществляются в рамках программ (цит. по тексту «Приграничное сотрудничество в рамках ЕИСП» на сайте Представительства ЕС в России): *Коларктик* (северно-западные регионы России и северные регионы Финляндии, Швеции и Норвегии); *Еврорегион Карелия* (Республика Карелия; Финляндия; *Регион Балтийского моря (BSR III B)* (Россия; Белоруссия; Германия; Дания, Эстония, Финляндия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Швеция); *Юго-Восточная Финляндия – Россия* (Ленинградская область и Санкт-Петербург); *Эстония Латвия/Россия; Польша/Литва/Россия; Регион Черного моря* (Россия; Армения, Азербайджан; Болгария; Грузия; Греция; Молдавия; Румыния; Турция; Украина.

Трансграничное сотрудничество поддерживается ЕС посредством программ (за последние 20 лет в этом направлении было реализовано более тысячи проектов в рамках программ ИНТЕРРЕГ и ТАСИС / трансграничное сотрудничество). Реализован крупный проект *Developing EXcellence (DEX)*, направленный на расширение сотрудничества между региональными органами власти Центральной Финляндии (Ювяскюля) и Северо-Запада России (инициатор – МЦСЭИ «Леонтьевский центр» и Правительство Ленинградской области) в сфере разработки и реализации региональных стратегий и программ поддержки предпринимательства на основе использования новых инструментов ЕС – программ Добрососедства.

Карелия, не просто как приграничный с ЕС регион, а как трансграничный регион, может использовать свой шанс при вступлении России в ВТО. Причем, чтобы не продолжить путь сырьевого придатка, чтобы не стать сырьевой провинцией ЕС, региональная власть и региональный бизнес должны выработать единую систему правил для успешной реализации деятельности.

Близость экономически и технологически передового ЕС к России представляет собой хороший стимул для развития приграничных регионов страны. В соответствии с «Торгово-экономической стратегией Финляндии по отношению к России» Россия в ближайшие годы становится «основным двигателем экономического роста Финляндии», а сама Финляндия позиционирует себя как посредник между российским и европейским бизнесом. В тоже время в системе международного разделения труда сложилась определенная ситуация: Россия поставляет сырье, а Финляндия развивает рынок новых технологий. Финские лесопромышленники активизируют экспансию на территорию России, скупают лесозаготовительные компании, получая заодно и леса, находящиеся у компаний в аренде. Например, Stora Enso стала владельцем тихвинской компании «Русский лес», Metsaliitto Group приобрела подпорожский «Прогресс», UPM-Куммене купила Тихвинский комплексный леспромхоз. По оценке Лесопромышленной конфедерации, сегодня в аренде у аффелированных с североевропейскими лесопромышленными корпорациями лиц находится около 40% лесных территорий Ленинградской области. В тоже время, как отмечает Г. Бударин [2009], приграничное сотрудничество в Ленинградской области локализовано на сравнительно небольших территориях вдоль государственной границы с Финляндией (Выборгский район и г. Светогорск) и Эстонией (Кингисеппский и Сланцевский районы, Ивангород). При всей важности приграничного сотрудничества для Ленинградской области оно не претендует на статус локомотива развития регионального экономического развития, в отличие от Карелии и Калининградской области.

И все-таки Еврорегион Карелия – это амбициозная попытка сделать социальный эксперимент. Но в реальности проект пока, к сожалению, во многом остался декларацией о намерениях. Причиной этому является огромная разность в институциональных

системах двух стран. Для получения реального эффекта для обеих сторон требуется тонкая институциональная настройка, то есть приведение их законодательств к единой системе координат. Это долгий путь. Ведь Россия по Нортю является обществом с порядком ограниченного доступа к экономической и политической деятельности. Она еще находится на пути к порядку открытого доступа. А это значит, что элита здесь сохраняет свое право на ренту через отказ (или сдерживание) на применение насилия. В таких условиях сохраняется извечное институциональное проклятье России – пресловутая власть-собственность. Это в свою очередь препятствует формированию эффективного собственника как в малом, так и крупном бизнесе. А это значит, что системы с разными институциональными матрицами (по Кирдиной) не смогут в обозримом будущем выстроить единой системы мотивации и консенсуса интересов для представителей двух сторон. То есть идеология трансграничных регионов для России пока слабо реализуема. В данном контексте и проект вступления России в ВТО несколько опережает события.

Приграничное сотрудничество стало важной составляющей жизни местных сообществ, расположенных вблизи границы [Периль, 2006]. Наиболее высокий объем приграничного сотрудничества наблюдается в Калининградской области (в силу особого геополитического положения), Карелии, Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге. Так, Республика Карелия испытала огромное влияние границы как на экономику приграничного региона [Громцев, 2004], так и на изменение поведения социальных групп [Морозова, 2006]. Карелия является одним из уникальных приграничных регионов, имеющих самую протяженную границу с ЕС. Вдоль границы с Финляндией, а, следовательно, и Европейским Союзом, в Карелии расположены 7 муниципальных образований – Лоухский, Калевальский, Муезерский, Суоярвский и Лахденпохский районы, а также г. Костомукша и г. Сортавала с подчиненными им населенными пунктами. Данные районы имеют различную протяженность вдоль границы – наибольшую Муезерский, Суоярвский и Калевальский, Лоухский районы, в отличие от территорий г. Костомукша, г. Сортавала, Лахденпохского района. Густота поселенческой сети, количество проживающего населения, его

плотность имеют более высокие характеристики на территории г. Сортавала и населенных пунктах, в Лахденпохском районе (табл. 2.20).

Таблица 2.20

Общая характеристика приграничных административно-территориальных образований РК, 2010 г.

Административно территориальные образования РК	Территория, тыс. кв. км.	Население, тыс. чел.	Плотность населения, чел./кв.км.	Количество населенных пунктов		
				город	п.г.т.	сел.н.п.
Лоухский район	22544	17,6	1	–	3	26
Калевальский национальный район	13316	9,7	0,7	–	1	8
Костомукшский городской округ	4046	30,4	7,5	1	–	6
Муезерский район	17760	15,0	0,8	–	1	23
Суоярвский район	13739	21,6	1,6	1	–	25
Сортавальский городской округ	2190	33,3	15,2	1	2	47
Лахденпохский район	2210	15,5	7,0	1	–	49

Представленные данные отражают ряд особенностей этих территорий:

- на территории приграничья расположены как самые крупные по площади (Лоухский), так и самые компактные (Лахденпохский, территория г. Сортавала) административно-территориальные образования Карелии, что обуславливает различную плотность населения и экономическую освоенность территории;
- особое место в территориальной структуре приграничья занимают г. Костомукша и г. Сортавала с отнесенными к ним населенными пунктами – они наиболее густонаселенны и урбанизированы. Остальные муниципальные образования, по численности наличного и постоянного населения, характеризуются наименьшими показателями в республике;
- более половины всего населения приграничья проживает в сельской местности, населенные пункты которой достаточно дифференцированы по численности проживающего населе-

ния. По своей функциональной принадлежности это лесные, сельскохозяйственные поселки, станции, хутора, местечки, поселки городского типа;

- численность населения, проживающего на территории приграничных районов, сократилась за десятилетний период более чем на 10 тыс. человек. На всех территориях наблюдается естественная убыль населения, особенно выраженная среди сельского населения.
- одной из особенностей характера воспроизводства населения является отрицательное сальдо миграции (превышение численности выбывших над численностью прибывших), показатели которого выше, чем в целом по Карелии, особенно это характерно для Суоярвского, Муезерского районов и г. Сортавала.

Особенности административно-территориальной структуры приграничных районов Карелии обуславливают специфику их экономического развития, связанную в первую очередь с сырьевой ориентацией. Так, ведущая роль в экономике Лоухского района принадлежит лесному сектору и горной промышленности. Основные направления в экономике Калевальского района составляют лесозаготовка и лесопереработка. Металлургия, деревообработка, строительство – основные промышленные сферы приложения труда населения г. Костомукша. Экономика Муезерского района на 99% формируется лесозаготовительной отраслью. Доля лесопромышленного комплекса в общем объеме промышленности Суоярвского района составляет более 95% процентов. Экономическое положение Лахденпохского района определяют предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности. Промышленный потенциал территории г. Сортавалы представлен предприятиями черной металлургии, лесной и деревообрабатывающей, пищевой, легкой, полиграфической и промышленностью строительных материалов. Одним из ключевых позиций территории Сортавалы является международный пункт пропуска в пгт Вяртсиля.

В целом экономическая карта приграничной полосы Карелии не отличается большим разнообразием по своей структуре. Это в основном монопромышленная экономика с низкой инвестиционной привлекательностью и с сырьевой экспортной ориентацией, слабое

сельское хозяйство и недостаточно развитая сфера услуг. Почти все территории обладают природным и культурным потенциалом для развития различных видов туризма, в том числе сельского.

Наибольшей экономической активностью и инвестиционной привлекательностью отличаются г. Костомукша и территории Карельского Приладожья (г. Питкяранта, Лахденпохский район, г. Сортавала), где активно развивается малый бизнес в сфере услуг, туризма, торговли, транспорта и связи. Это связано с функционированием международных пунктов пропуска. Роль этих пунктов пропуска в последнее время значительно возросла из-за активизации внешнеэкономической деятельности России со Скандинавией.

Экономическая жизнь республики долгие годы основывалась на экспорте необработанного природного сырья, что создавало региону соответствующий имидж на западном рынке. Граница со всеми ее атрибутами была гарантом государственной безопасности. Пограничная зона играла роль «железного занавеса». Карелия как приграничная территория долгое время оставалась закрытой не только для иностранцев, но и для граждан СССР. Жесткая граница, контролируемые экспортные бизнес-операции и минимальные личные контакты – вот схема, в которой существовала Карелия почти до конца 80-х годов прошлого века. Начавшиеся в середине 80-х годов гуманистические процессы, связанные с культурными и научными обменов стран, обусловили на приграничных территориях Карелии и Финляндии волну этнического и ностальгического туризма. Некоторый плюрализм в экономических отношениях позволил появиться «прообразам» предприятий с участием иностранного капитала (СП). Все эти процессы сопровождалась активизацией международных контактов, как на государственном, так и на личном уровнях.

Экономическая либерализация в России и ее регионах и сопутствующая ей трансформация внутреннего рынка все более замыкали ориентирование бизнеса Карелии (особенно лесного) на экспорт сырья. С одной стороны, снятие государственного контроля, свобода выбора рыночных партнеров, наличие упрощенных пунктов пропуска; с другой стороны, утрата позиций на внутреннем российском рынке явились факторами, которые усилили стратегию расширения международного сотрудничества в экономиче-

ском поведении карельского бизнеса. Открывшиеся возможности выхода предприятий на непосредственные экономические связи с зарубежными партнерами, увеличило количество активных субъектов трансграничной деятельности в регионе. Они развивают интеграционные связи, успешность которых становится мощнейшим фактором, влияющим уже в свою очередь на региональную экономику и на развитие местных сообществ. За последние пятнадцать лет в систему международного взаимодействия оказались вовлеченными основные социальные субъекты не только регионально-го, но и муниципального уровней. А приграничное положение Республики Карелия стало одним из мощнейших побудительных факторов к становлению и поиску новых нетрадиционных форм организации социальной и хозяйственной жизни муниципальных сообществ.

Рассматривая развитие муниципальных и местных сообществ Карелии через теорию границы [Guzzini, 2000], можно наблюдать их эволюцию и оценивать степень трансграничности международных связей и отношений, в которые они включились и которые могут стать одним из путей выхода на устойчивое социально-экономическое развитие. В рамках теории границ представлен ряд *эволюционных моделей*, отражающих уровень развития трансграничных отношений. Применительно к местным сообществам Республики Карелия эти модели можно определить следующим образом.

Первая модель (пре-модерн). Характеризует ситуацию, когда сообщество живет достаточно закрытой жизнью. Международные связи и взаимодействия происходят на локальном уровне, строго регламентированы, распространены в рамках ограниченного круга слабо пересекающихся гомогенных социальных групп. И, несмотря на изменившиеся внешние условия в настоящее время, социум таких локальных территорий сохраняет некую индифферентность, продолжая по инерции воспроизводить модели поведения, сложившиеся под влиянием пресса пограничного режима. Здесь сказывается специфика закрытой в прошлом приграничной территории, где всего 10 лет назад отменили режим пограничной зоны. Отсутствие пунктов пропуска способствует сохранению таких моделей поведения со стороны населения. И хотя активное развитие ностальгического туризма, который получил распространение практи-

чески во всей Карелии, является важным фактором влияния на жизнь социума, на таких территориях это влияние носит эпизодический характер. Настроения настороженности в связи с появлением «чужих» (не важно, туристы это или бизнесмены), все еще в некоторой степени проявляются. Несмотря на то, что локальные сообщества уже включились в новый социальный процесс, новые формы взаимодействия и его новые сферы (например, туризм) граница очень неоднозначно (это целый спектр настроений и ожиданий) воспринимается на уровне всех социальных групп муниципальных образований [Морозова, 2006].

Вторая модель (модерн). На локальных приграничных территориях происходит постепенная эволюция международных связей, выражающаяся в расширении сфер взаимодействий и состава участвующих в них социальных групп. Граница перестает локализовать международные взаимосвязи в рамках гомогенных сообществ. Упрощается система установления и закрепления контактов. Представители приграничных территорий вовлекаются в более широкие сферы сотрудничества, выходя за рамки узко частных или профессиональных форм. При этом внешнее регулирование и некоторая система ограничений сохраняется. Приграничные территории Карелии оказались в ситуации расширения системы предложений и инициатив со стороны зарубежных партнеров, адресованных различным социальным группам: предприятиям (прежде всего заготовительным, добывающим), учреждениям социальной сферы (школам, больницам, территориальным органам содействия занятости, и т. п.), муниципальным и местным администрациям, общественным организациям. На этой стадии приближения к другой культуре в местных сообществах Карелии наблюдается распространение, даже всплеск ожиданий и надежд реальных результатов по улучшению жизни, активизации бизнеса, формирования гражданских институтов [Морозова, 2006].

Третья модель (пост-модерн). Происходит процесс децентрализации международного сотрудничества, которое приобретает форму трансграничной кооперации. Расширяется спектр сфер взаимодействия, процесс инициирования контактов широко представлен обеими граничащими сторонами, контакты выходят за пределы узких областей взаимодействия, вовлекая в свою «ворон-

ку» соседние области, а также распространяются на все более расширяющийся круг социальных субъектов. Все более условными становятся ограничительные функции границы. Объективно обусловлены и дискутируются вопросы безвизового пересечения границы для ряда социальных групп, увеличения пунктов пересечения границы, в том числе упрощенного пересечения. Формируются устойчивые культурные толерантные образы, включающие элементы другой культуры, другой системы ценностей [Морозова, 2006].

Сегодня на территории Карелии можно наблюдать все три эволюционные модели границы, хотя в чистом виде ни одна из них явно не выражена. Кроме того, движение в сторону пост-модерна – пока лишь только наметившаяся тенденция. Вместе с тем менее чем за два десятилетия Карелия прошла путь от полной закрытости границы до развивающихся в настоящее время форм трансграничного сотрудничества.

Российские муниципалитеты как субъекты приграничного сотрудничества в настоящее время еще не достаточно мобильны. Несмотря на декларированные права на это сотрудничество, полномочия муниципалитетов размыты, профессиональный уровень муниципальных управляющих в сфере приграничных контактов не достаточен. Кроме того, на уровне муниципалитетов пока еще не сформирован менталитет, адекватный цивилизованному уровню межстрановых партнерских отношений. Об этом свидетельствуют результаты исследования проблем трансграничного развития приграничных территорий Карелии, реализованные в рамках нескольких исследовательских проектов¹¹.

В обследование были включены различные социальные группы: представители муниципальной власти (управляющие, руководители отделов, ведущие специалисты), представители бизнеса,

¹¹ «Развитие особо охраняемых природных территорий в приграничных районах РК», проект TACIS ENVRUS 9704, 1999; «Биосферный заповедник – модель устойчивого развития» на примере Суоярвского региона» 1999–2000, проект TACIS, IMSEDIGISTSP РК 9803/094; «Основные стратегические направления социально-экономического развития города Сортавала на 2001–2005 гг.», 2000; «Экологический туризм на службе развития Муезерского района и усиления охраны природы» (TSPF/0302/0062), 2003–2004, проект Tacis CBC Small Project Facility; «Border Research, EU & Russia», 2002–2004.

представители общественности и местных активистов и жители территорий. Каждая социальная группа отвечала как на общие для всех, так и на специфические с учетом статусной принадлежности вопросы специально разработанного полужоформализованного и неформализованного интервью. Схема интервью касалась особенностей и перспектив развития территории, институциональной роли той или иной социальной группы в трансграничном сотрудничестве, влияния границы на жизнь муниципального сообщества в целом, а также на отдельные социальные группы, в частности позитивные стороны и угрозы, сопровождающие международное сотрудничество.

Для получения количественных оценок качественной эмпирической информации интервьюирования (в частности оценки трансграничного воздействия на развитие локальных территорий) использован дискурсивный анализ, наиболее часто применяемый в практике социологических и политологических исследований [Ядов, 1987]. Дискурсивный анализ – это инструмент для изучения путей, способов, которыми политическая реальность формулируется посредством дискурса (набора идей, доводов, смыслов) и, следовательно, путей ее понимания людьми [Дука, 1998]. Дискурсивный анализ позволяет статистически достоверно установить, на какую область жизнедеятельности сельского сообщества трансграничный фактор оказывает наибольшее воздействие.

Дискурсивный анализ, реализованный в исследовании, включает два компонента: систему сфер международной деятельности, а также систему дискурсов. Применительно к задаче исследования влияния приграничного фактора на формирование альтернативных стратегий развития сельских сообществ использована следующая система сфер международной деятельности:

- экономические взаимодействия;
- взаимодействия по осуществлению и развитию различных форм безопасности;
- социальные взаимодействия;
- территориальное развитие.

Система дискурсов, используемая в исследовании, включает четыре основные группы смыслов – интересов:

- утилитарно-хозяйственный интерес с экономической доминантой;
- интересы государственной безопасности;
- интересы развития гражданского общества;
- частные интересы и моральные ответственности.

Дискурсивный анализ проведен на основе данных интервьюирования более чем 60 представителей различных муниципальных сообществ Республики Карелия (табл. 2.21).

Таблица 2.21

Сравнительный количественный анализ практик трансграничного сотрудничества в разных муниципальных сообществах РК (%)*

Муниципальные сообщества	Сферы сотрудничества					Дискурсы				
	Экономическая	Развитие форм безопасности	Социальная	Территориальное развитие	Всего	Утилитарно-хозяйственный интерес	Интересы государственной безопасности	Интересы развития гражданского общества	Частные интересы	Всего
г. Петрозаводск	32,8	14,1	39,0	14,1	100,0	36,9	12,6	34,7	15,8	100,0
Муезерский район	28,5	3,6	60,8	7,1	100,0	33,3	–	44,5	22,2	100,0
Районы Северного Приладожья	18,5	20,4	40,7	20,4	100,0	33,3	16,7	31,5	18,5	100,0
ИТОГО	28,3	12,6	45,8	13,3	100,0	33,3	11,7	6,7	18,3	100,0

* Заполнение таблицы осуществлено в относительных единицах – в %, за 100% принято количество ответов в опросном листе. Техника заполнения опросного листа допускала множественность ответов.

Среди обследованных территорий подробнее следует остановиться на трех «case-study» группах. Во-первых, это столица республики – г. Петрозаводск, практически сконцентрировавший в себе элиту муниципальной власти, бизнеса и общественности регионального уровня, поэтому он включен в обследование приграничных территорий в качестве референтного участника. Такой

контекст предполагает наличие на данной территории наиболее продвинутых моделей трансграничного сотрудничества. По диапазону сфер возможного и реального взаимодействия, уровню профессионализма и компетенции муниципальных чиновников и характеру трансграничных связей г. Петрозаводск занимает лидирующее среди других муниципальных образований положение. При этом следует иметь в виду, что удаленность от границы и близость региональной власти в некотором роде сдерживает здесь процесс формирования сообщества, толерантного идеям международной кооперации и интеграции.

Среди рассматриваемых сфер международного сотрудничества наибольший перевес наблюдается в сферах социального и экономического взаимодействия, на долю которых приходится 39,0 и 32,8% ответов респондентов г. Петрозаводска (см. табл. 2.21), что подтверждается частотой контактов и реализованных проектов, в которых участвуют различные социальные группы муниципального сообщества. Это вполне соответствует позиции и мнениями большинства респондентов по вопросам трансграничного сотрудничества: среди исследуемых дискурсов доминирует утилитарно-хозяйственный интерес с экономической доминантой, а также интересы развития гражданского общества (36,9% и 34,7%, соответственно). Управленческие решения и конкретные шаги в данной сфере не расходятся с доминирующим общественным мнением. Таким образом, г. Петрозаводск представляет собой унифицированную модель трансграничного взаимодействия, больше соответствующую состоянию *modern*, что наиболее отчетливо иллюстрирует среднестатистическую тенденцию, наблюдаемую в Республике Карелия в целом.

Наибольшее отклонение от общей картины демонстрирует Муезерский район. Здесь среди сфер международной деятельности отчетливо доминирует социальная сфера, на которую приходится более 60 % ответов респондентов – это в основном проекты и контакты в области образования, культуры, молодежной политики, экологических и природоохранных инициатив. Среди наиболее актуальных для сельских муниципалитетов выделяются социальные проекты: охрана прав детей, взаимодействие женских движений с местной властью, связи молодежи Карелии и Финляндии. Но, не-

смотря на актуальность социальных проектов, не происходит институционализации уже востребованных инициатив, что выражается в отсутствии разработанных и действующих на уровне муниципалитетов программ социального трансграничного взаимодействия. Тем не менее, совместная проектная деятельность, участие в семинарах и конференциях стала почвой для выстраивания приоритетов в этой области. Не случайно наибольший перевес в позиции всех социальных групп территории имеет дискурс, связанный со значением границы как фактора активизации гражданских инициатив (44,5% ответов).

Экономическое взаимодействие оценивается респондентами Муезерского района также достаточно высоко, о чем свидетельствует распространенность утилитарного дискурса, вобравшего треть всех ответов. Респонденты связывают свою позицию с расширением интеграции России с Западом, конечно, если одновременно не будет «утеряна» самобытность России. Расширение ЕС и НАТО, вступление России в ВТО, по мнению респондентов, могут оказать серьезное влияние на перспективное развитие трансграничных контактов Карелии. Это влияние связано, как считают респонденты, с появлением дополнительных финансовых возможностей и расширением экономических связей, а также активизацией программ технической помощи.

Еще одна особенность представителей Муезерского района проявилась в высокой, по сравнению с другими территориями Карелии, роли границы в контексте влияния на частную жизнь жителей. В количественных оценках по отношению к другим обследованным территориям доля этого дискурса выше примерно в 1,5–2 раза. Это, возможно, связано с надеждами и ожиданиями новой жизни со стороны местного сообщества в условиях отсутствия социального комфорта (сельские территории особенно остро испытывают состояние социального отчуждения в условиях современной социально экономической ситуации). Тем не менее, данное обстоятельство пока еще не стало фактором, влияющим на формирование нового имиджа территории. Не случайно здесь распространенность международного сотрудничества в сферах регионального развития и развития форм безопасности чрезвычайно мала (7,1% и 3,6%, соответственно). Суженная модель трансграничной коопера-

ции, которую демонстрируют Муезерский муниципалитет, связана с рядом обстоятельств – отсутствием пунктов пропуска, а также исторически обусловленной «закрытостью» территории. Соответственно, дискурс, связанный с интересами государства в ответах респондентов вообще не представлен.

Таким образом, можно говорить о существовании на территориях Муезерского муниципалитета сложной переходной модели трансграничного сотрудничества, совмещающей элементы *пре-модерна* и *модерна*.

Особенность муниципальных образований, расположенных на территории Северного Приладожья (а это третий тип «case-study» территорий по характеру трансграничных связей) состоит в их приграничном положении и функционировании пункта пропуска. Это обстоятельство является основным фактором, определяющим более интенсивный характер трансграничных связей, по сравнению с другими муниципальными сообществами. Еще одним фактором, отражающим специфику приладожских территорий Карелии, является историко-культурная однородность с приграничными финскими территориями, что на определенном историческом этапе предопределило как интенсивность, так и структурное разнообразие трансграничных контактов и связей. Кроме того, также наблюдается вовлеченность в эти контакты широких социальных слоев местного сообщества – от представителей местной администрации до представителей бизнеса и отдельных граждан.

В отличие от других обследованных территорий в Приладожье со стороны социума наблюдается особый взгляд на проблему интересов государства, отражающийся, во-первых, самой высокой по сравнению с другими территориями долей соответствующего дискурса (16,7% ответов). Во-вторых – самыми высокими параметрами международной активности в сфере государственных форм безопасности: «жестких» и «мягких» – 20,4% ответов респондентов. Внутренняя неоднородность этого дискурса характеризуется двумя особенностями. Одна из них, которая является доминирующей, аккумулирует внимание на границу как на институт, контролирующий и регламентирующий трансграничную кооперацию. Здесь представлены такие проблемы, как непрозрачность таможенных правил и инструкций, большие очереди на пропускном пункте,

высокие таможенные пошлины на грузы, товары, в том числе на социально значимые, не оперативность таможенных операций. Вторая особенность дискурса проявляется в оценках влияния приграничного положения и трансграничного взаимодействия на экономическую и социальную жизнь местного сообщества. Эти оценки отражают те опасности приграничного положения, которые связаны с распространением деструктивных процессов международного экономического и социального взаимодействия: вывоз сырья, нарушения экологических норм природопользования, вытеснение на рынок труда квалифицированной рабочей силы, наркомания, проституция, эпидемиологические угрозы, и т. п. Следует отметить, что многими респондентами отмечена неготовность экономики России, и Карелии к открытию границ в части отсутствия необходимых структур, позволяющих быстро реагировать на возможные последствия и изменения, происходящие в экономике, промышленности.

Недостаточно высоко по сравнению с другими приграничными территориями Карелии представлен в позициях местного сообщества приладожских территорий уровень звучания дискурса гражданского общества, что объясняется остротой и доминированием экономических проблем российского общества, недостаточно развитой практикой функционирования гражданских институтов. Кроме того, российское общество, пройдя 12-летний период строительства демократии, накопило значительный арсенал не свершившихся надежд и ожиданий, что на местном уровне проявилось в некотором разочаровании от трансграничного сотрудничества в области формирования гражданского общества. Не случайно многие респонденты отмечают низкую результативность и отсутствие разнообразных ресурсов для продолжения и устойчивого развития проектных идей и инициатив. Вместе с тем результаты исследования позволяют говорить о формировании на территории Северного Приладожья наиболее продвинутой модели трансграничного сотрудничества, которая имеет элементы *пост-модерна*.

В целом, анализ результатов исследования позволил выявить различные модели трансграничной кооперации, представленные на территории отдельных муниципальных образований Республики Карелия, которые характеризуются следующими особенностями:

- интенсивностью трансграничной кооперации, проявляющейся в количестве контактов и формировании устойчивых связей;
- структурным разнообразием трансграничной кооперации, проявляющимся в множественности сфер сотрудничества (муниципальное управление, бизнес, образование и обучение, социальная сфера, гуманитарная помощь, стратегии развития территории, культурные, этнические и профессиональные связи, и т. п.);
- структурным разнообразием трансграничной кооперации, проявляющимся в множественности характера, уровня ожиданий, а также смыслов от этих контактов, которые распространены в местных сообществах (представлены как разовые, утилитарные, частные интересы, так и интересы в области социально-экономического, гуманитарно-культурологического и гражданского развития);
- эволюцией представлений местного социума о роли границы – от жесткой и тотальной охраны до селекции в форме мягкой безопасности, т. е. от «пограничной закрытой зоны» до «открытой для цивилизованных контактов территории»;
- эволюцией форм трансграничных контактов – от побратимских связей (начала 90-х годов) до цивилизованных форм партнерства в виде устойчивых институционализированных связей.

Таким образом, дискурсивный анализ позволил вскрыть современные тенденции развития трансграничного сотрудничества на уровне муниципальных сообществ Республики Карелия, а также актуализировал поиск новых форм трансграничного взаимодействия, охватывающих как все новые сферы и области, так и все новые социальные группы, вовлеченные в это сотрудничество.

Местные сообщества приграничья Карелии оказались в уникальной ситуации – помимо внутри российских трансформационных процессов, они стали непосредственными участниками инновационных международных инициатив. Основная идея трансграничного сотрудничества – выравнивание экономического и социального статусов сообществ, включающихся в систему партнерских отношений. В таких условиях актуализируется вопрос: Оста-

нутя ли местные сообщества Карелии в роли «сырьевых придатков», периферийных территорий, или, воспользовавшись благоприятными трансграничными условиями, мобилизуют свой внутренний ресурс и выйдут на альтернативные инновационные стратегии развития? Такой сценарий предполагает снижение зависимости местных сообществ не только от внутренних административно-территориальных границ, но и непосредственно от государственной границы. Эти процессы должны проходить в контексте трансграничного регионализма. И тогда встает еще три важных вопроса: По какому типу будет формироваться политика трансграничного сотрудничества со стороны западного партнера? Будет ли она нацелена на раскрытие внутреннего потенциала приграничных сообществ и создание условий для его реализации? Готова ли региональная власть поддержать этот социальный эксперимент и создать адекватные условия для апробации инновационных стратегий развития приграничных сообществ?

В ситуации нахождения консенсуса между местными сообществами и западным партнером ключевым фактором становится институционализация процесса кооперации и выработка такой региональной социально-экономической политики, которая была бы направлена на максимально возможное использование факторов приграничного положения и снижение возникающих ограничений (экономического, политического, институционального, социально-культурного характера). Поэтому для возможности обоснования направлений модернизации и новых форм организации хозяйства и общества в условиях приграничья, а также для выработки рекомендаций в области совершенствования региональной социально-экономической политики необходимо более подробно проанализировать факторы и ограничения развития приграничных регионов.

ГЛАВА 3

ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

3.1. Экономические факторы модернизации и социально-экономического развития северных приграничных регионов

Региональное экономическое развитие определяется как режим функционирования региональной социально-экономической системы, который ориентирован на позитивную динамику уровня жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и многофакторным воспроизводством экономического, финансового, социального, инновационного, ресурсного и экологического потенциала территории. Его определяют внешнее воздействие и внутренний механизм развития, процесс самоорганизации. В результате развития возникает новое качественное состояние объекта, выраженное, прежде всего, в его структуре. Развитие регионов в значительной степени определяется их особенностями, такими, как экономико-географическое положение, структура и специализация региональной экономики, природно-ресурсные условия и другими [Косолапов, 2000; Мартынов, 2000; Кузнецова, 2002; Дружинин, 2005].

Рост в терминах агрегированных макро и мезоэкономических показателей нетождествен экономическому развитию. Динамика макроэкономических показателей является весьма упрощенной количественной характеристикой изменений в экономике и обществе. Различные по своему содержанию сценарии развития региона могут порождать сходные траектории обобщающих стоимостных показателей, и заметно различаться по иным показателям (например, демографическим, экологическим, медико-демографическим).

© Л.И. Розанова, Е.А. Прокопьев, С.В. Тишков, О.В. Толстогузов,
О.В. Поташева, А.Е. Курило

Во многом это зависит от наличия и степени влияния определенных факторов экономического развития, а также их комбинаций. Под *факторами экономического развития* обычно понимают явления и процессы, определяющие его темпы, масштабы и качественные характеристики. К основным факторам, влияющим на ход развития и определяющим уровень развития, достигнутый регионом, можно отнести следующие:

- природные и трудовые ресурсы;
- вложенный капитал;
- человеческие ресурсы;
- экономический потенциал;
- научно-технический потенциал;
- географический фактор;
- политические процессы;
- исторические, культурные и этнические традиции и характеристики;
- состояние окружающей среды;
- внешние воздействия.

Надо отметить, что политические, социальные, культурные и другие подобные факторы, не имея ярко выраженного экономического содержания, тем не менее, оказывают заметное влияние на экономические процессы в регионе. Существуют различные классификации факторов регионального экономического развития, которые хорошо изложены в работах российских ученых, относящихся в основном к московской и сибирской школам региональной экономики [Штульберг, Введенский, 2000; Лексин, Швецов, 1997; Пилясов, 2003]. Поэтому еще раз перечислять и излагать их излишне.

Надо сказать, что оценка влияния разных факторов на темпы регионального роста является актуальной проблемой в экономической науке. Особый интерес был проявлен учеными во второй половине XX в., когда утвердилось мнение, что ключевыми факторами экономического роста являются валовое накопление, человеческий капитал и технический прогресс. Соответственно и сейчас в современных моделях в качестве основных факторов рассматриваются накопленные инвестиции (или основные фонды), числен-

ность занятых (иногда с поправкой на уровень образования) и экспоненциальная функция, вбирающая в себя все прочие факторы, понимаемая как технический прогресс. В то же время современные исследования показали, что данные факторы лишь частично объясняют экономическое развитие, и есть необходимость разработки новых моделей, учитывающих влияние качества институтов, географических условий и других факторов. *Региональное экономическое развитие выступает как результат действия не только экономических, но и неэкономических факторов.*

В разделении факторов развития региональной экономики на экономические и неэкономические, следует различать две стороны данного процесса. С одной стороны, экономические факторы являются традиционными производственными факторами, занимая свое место в неоклассической теории, а неэкономические факторы в этой теории отсутствуют. С другой стороны, в работах Р. Солоу и других было показано, что во второй половине XX века традиционные факторы объясняют только часть произошедшего роста (для некоторых стран и регионов меньшую часть). В то же время экономические и неэкономические факторы трудно рассматривать в отрыве друг от друга, поскольку они взаимосвязаны. В последние годы выделяют смешанные факторы, соединяющие в себе элементы как экономических, так и неэкономических факторов. Надо отметить, что деление факторов экономического роста на чисто экономические и неэкономические весьма условно и трудно количественно различимо. Фактически в любом экономическом факторе роста всегда присутствует неэкономическая составляющая, и наоборот. Поэтому далее рассмотрим более подробно различные группы факторов. Начнем с экономических.

К экономическим факторам развития экономики региона относится его потенциал (образовательный, научный, инновационный, промышленный, инфраструктурный, финансовый, бюджетный, инвестиционный, кадровый), увеличение количества и совершенствование качества используемых ресурсов, структура и степень развития экономики, специализация хозяйства, комплексность, объем регионального рынка, уровень развития рыночной инфраструктуры, перспективы развития рынков профилирующих видов продукции, влияние мирового рынка и другие.

Влияние инвестиций и структурных сдвигов в экономике

Исследование проблем модернизации экономики региона базируется на оценке инвестиционных отношений на мезо- и микроуровне с учетом процессов, происходящих на российском инвестиционном рынке. Это объясняется тем, что инвестиции являются ключевым фактором модернизации, обеспечивающим выход региона на качественно новую модель экономического роста. Основные проблемы, негативно сказывающиеся на процессе модернизации, характерны не только для Республики Карелия, но и России в целом. За годы реформ многие российские регионы, имея достаточный потенциал для развития, стали терять свои конкурентные преимущества из-за морального и физического старения производственного капитала. Резко обозначилась дифференциация регионов по объемам инвестиций. Проблемы неравенства регионов по инвестиционной привлекательности порождают проблему территориального расслоения по уровню социально-экономического развития. Вследствие диспропорций в развитии возникает угроза разрушения единого экономического пространства, целостности региональной системы. Целостность региона как сложной социально-экономической системы нарушается, когда происходит значительный отток капитала: финансового, человеческого, ресурсного. Если регион становится инвестиционно непривлекательным, из него капитал мигрирует в более сильные регионы, обостряя проблему пространственного неравенства.

Кроме того, необходимость создания новой технологической базы экономического роста сталкивается с рядом других не менее острых проблем, в т. ч.:

- ограниченностью инвестиционных ресурсов, вследствие чего падает инвестиционная активность;
- неблагоприятными тенденциями в демографии;
- усилением диспропорций на финансовом рынке;
- несоответствием спроса и предложения на рынке труда (прежде всего, по профессионально-квалификационному составу работников) и др.

Модернизации должно подвергаться также государственное управление, социальная сфера, рабочие места, финансовый сектор экономики, поскольку российский внутренний рынок «длинных»

денег для финансирования инвестиционных проектов с длительным сроком окупаемости в стране ограничен и усугубляется межрегиональной дифференциацией.

Есть проблемы со стимулированием мобильности населения: усиливающаяся дифференциация регионов в социально-экономическом развитии подводит к осознанию проблемы, что многие территории в перспективе при снижении конкурентных преимуществ не смогут обеспечить занятость местного экономически активного населения. Например, в Республике Карелия особенно остро данный вопрос стоит в отношении сельских территорий. Так в миграционном процессе за последние два года (2011–2012 гг.) по данным Карелиястата город имеет положительный прирост, село – резко отрицательный. Особенно это касается 2012 года: за 9 месяцев в село прибыло 3567 человек, выбыло – 4995, т. е. миграционная убыль составила 1428 человек. Это объясняется в первую очередь тем, что только за 2009–2011 гг. среднегодовая численность занятых в сфере охоты, сельского и лесного хозяйства сократилась на 27,6% (с 28,6 до 20,7 тыс. чел.).

Обоснование динамики и тенденций социально-экономического развития региона, структурных сдвигов в экономике основывается на современных методологических подходах, с использованием теорий экономического роста и регионального развития. В исследовании применительно к приграничному региону используются различные теоретико-методологические подходы, учитывающие географические особенности региона, влияние трансграничных отношений на движение инвестиций и других факторов производства, роль государства в активизации инвестиционных процессов, анализируется изменение структуры общественного производства и происходящие в ней сдвиги.

Регион, имеющий протяженную границу с Евросоюзом, невозможно рассматривать в рамках какой-либо единой теории, поскольку экономическое развитие стран и регионов подвержено влиянию различных факторов, учет которых отражается в теоретических и методологических обоснованиях ведущих ученых-экономистов. В исследовании используются различные теоретико-методологические подходы, в том и числе теория международного движения капитала. Если ранее предполагалось, что только товары и

услуги обладают международной мобильностью (неоклассическая теория развивалась в рамках классической теории международной торговли), то в современной ситуации наблюдается движение и таких факторов производства, для которых прежде была характерна только внутренняя мобильность. В реальности наблюдается высокая международная мобильность:

а) капитала, активно привлекаемого в страну и инвестируемого за рубеж;

б) людей, мигрирующих из страны в страну в поисках более привлекательных условий для жизнедеятельности;

в) научно-технических достижений, которые экспортируются и импортируются.

При анализе трансграничного влияния в исследовании использовалась теория международного движения капитала по таким направлениям, как:

- теории движения факторов производства;
- международные инвестиции;
- международное заимствование и кредитование.

Основными критериями оценки степени привлекательности внутреннего инвестиционного рынка являются приток и отток капитала. В теорию международного движения капитала, развивавшуюся в рамках неоклассической (теория международной торговли), а позднее неокейнсианской теорий, большой вклад внесли в XIX в. Дж.С. Милль, который впервые в мире начал разрабатывать вопросы движения капитала между странами. Он показал, что капитал движется между странами из-за разницы в норме прибыли. Окончательно неоклассическую теорию международного движения капитала сформулировали в первые десятилетия XX в. Э. Хекшер и Б. Олин, Р. Нурксе и К. Иверсен.

Неокейнсианская теория особый интерес проявляет к связи между движением капитала и состоянием платежного баланса страны и базируется на макроэкономическом анализе. Однако основные направления применимы и к приграничному региону, поскольку существенную долю в его экономике составляют экспортно-импортные операции. Так, Р. Харрод в своей модели «экономической динамики» подчеркивает, что чем ниже темпы экономиче-

ского роста страны, богатой капиталом, тем сильнее тенденция к вывозу последнего из нее. В Республике Карелия наблюдается значительное превышение экспорта над импортом.

Экономическую динамику рассматривают также под воздействием таких факторов, как рост инвестиций и развитость финансовой системы, являющейся тем механизмом, который обеспечивает производственный сектор инвестиционными ресурсами. Й. Шумпетер утверждал, что высокий уровень развития финансовых институтов служит залогом быстрого экономического роста.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, когда мировое сообщество вышло на принципиально новый уровень инвестиционных отношений, инвестиции становятся ключевым фактором, стимулирующим развитие экономики и социальной сферы. Инвестиционная активность предопределяет уровень социально-экономического развития, темпы экономического роста страны, регионов. В подтверждение наличия положительной зависимости между темпами экономического роста и объемом инвестиций в основной капитал изучались стандартные неоклассические модели роста.

Инвестиционная активность рассматривается по степени интенсивности процессов инвестирования в рамках страны или региона с учетом потенциальных и реализованных возможностей экономической системы. Взаимозависимость инвестиционной активности и экономического роста была предметом исследований практически всех школ и направлений экономической мысли. При этом в каждом экономическом течении в большей или меньшей мере определяется место и роль государства в управлении экономическими процессами.

Функциональное воздействие инвестиций на рост доходов компаний и на макроэкономические результаты, выявленное Дж.М. Кейнсом, позволило сделать важный вывод о том, что увеличение инвестиций приводит к увеличению валового (национального) дохода общества, причем на величину, большую, чем первоначальный рост инвестиций (эффект мультипликатора). Но это происходит, по его мнению, при эффективном государственном регулировании инвестиционной деятельности, позволяющем существенно увеличивать потребительский спрос, который приводит к росту доходов активных инвесторов и национального дохода

страны. Неокейнсианцы настаивают на форсированных государственных вложениях в научные исследования, новую технику, а также на проведении активной политики структурной перестройки хозяйства в связи с достижениями науки и техники. Модель Р. Солюу доказывает, что темп роста подушевого дохода определяется экзогенно заданными характеристиками технологического прогресса.

Для понимания процесса экономической динамики на мезо- и микроуровнях важны предпринимательские теории. В основу экономического развития в предпринимательских теориях заложено наличие на территории различных форм экономической деятельности. Предпринимательская активность осуществляет технический прогресс, и экономика начинает активно развиваться. Действия предпринимателя-новатора нарушают «привычный» кругооборот. Под инновации предприятиями-новаторами берутся кредиты, создается инвестиционный спрос. Инвестиции направляются в новые сферы, постепенно вовлекая в процесс «новую волну» участников. Возникают «колебания, задающие общий тон деловой жизни: в начале этих перемен происходит оживление инвестиций и наступает процветание...». Накопление как неустойчивый, циклический процесс связано с освоением новых инвестиционных процессов. Динамика национального продукта видится в виде скачков и рывков. С инновациями связывается и циклическое развитие экономики, причем происходит это во взаимосвязи коротких, средних и длинных циклов, а инновации воздействуют на каждый из данных циклов [Шумпетер, 1982].

Существуют различные подходы (и, соответственно, эмпирические результаты) к моделированию взаимовлияния инвестиций и экономического роста. Многие исследователи экономической динамики и объемов инвестиций приходят к противоположным выводам об этих взаимосвязях. Хотя чаще в исследованиях доминирует тезис, что именно рост инвестиций вызывает ускорение экономического развития, однако эмпирические данные свидетельствуют о другом: ускорение роста ведет к увеличению инвестиций, т.о. вопрос о направлении зависимости остается открытым. Модели, использующее экзогенно заданные характеристики технологического прогресса, позволяют установить связь между ними и тем-

пами среднедушевых доходов (ВВП): увеличение объема инвестиций ведет к росту выпуска в этом же периоде, а в дальнейшем темпы экономического роста снижаются до равновесного. Модели эндогенного роста подтверждают зависимость иной направленности: одномоментное увеличение объема инвестиций должно вести к долгосрочному увеличению темпа роста.

Проблемам региональной инвестиционной активности, определяющей реакцию не только на состояние инвестиционного климата, но и инвестиционной системы и инвестиционных процессов также посвящены работы отечественных ученых. Так, выделяя отличия понятий «инвестиционный процесс» и «инвестиционная система», в которых раскрывается весь спектр инвестиционных отношений, от понятия «инвестиционная активность», Л.Н. Салимов считает, что последняя «охватывает лишь отдельный аспект их реализации, а именно: региональная инвестиционная активность отражает динамику и взаимосвязь стадий инвестиционного процесса, а также круг субъектов и спектр механизмов воздействия на темпы устойчивого и сбалансированного развития региональных инвестиций, их первоисточники и социально-экономические результаты» [Салимов, 2009].

Исследуя процесс принятия решений об инвестировании как реакцию корпоративного сектора на стимулы, возникающие в разных секторах экономики в результате действия ряда факторов, их авторы приходят к выводу, что «в России с ее слабой финансовой системой помимо стимулов необходимым условием для роста инвестиций служит наличие финансовых ресурсов. К сожалению, распределение стимулов и ресурсов по отраслям не совпадает. Кроме того, необходимой предпосылкой накопления средств для инвестирования является предшествующее увеличение темпов экономического роста, обеспечивающее рост прибыли в определенных секторах экономики» [Кузнецов, 2012]. Предшествующий повышению инвестиционной активности экономический рост способствует повышению доходов населения и корпораций. Решающим фактором, определившим, к примеру, тенденции к опережающему мировые показатели экономическому росту в Азии, стало практически повсеместное повышение нормы и массы накопления.

Исследование инвестиционных процессов в России и Карелии, несомненно, отражающихся на состоянии экономики и структурных сдвигах в ней, показало, что, несмотря на рост объемов инвестиций в реальный сектор, инвестиции пока не оказывают существенного влияния на степень и глубину процессов модернизации. Так, ещё не преодолены последствия кризиса 2008 г., вызвавшего спад активности на инвестиционном рынке. Степень износа основных фондов, по данным Росстата, остается высокой (рис. 3.1), а в некоторых отраслях, например в машиностроении и агропромышленном комплексе, степень износа приближается к 70%. Это говорит о том, что чистые инвестиции ещё имеют отрицательные значения, когда сумма валовых инвестиций не превышает сумму амортизации.

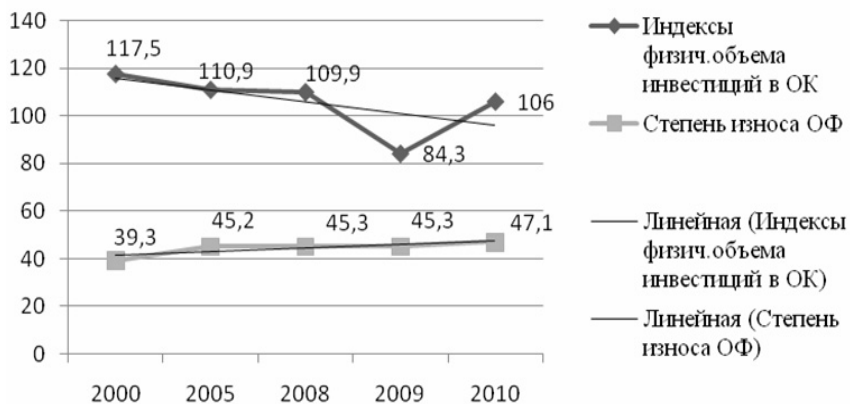

Рис. 3.1. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал и степень износа основных фондов в экономике России

Для того, чтобы определить место приграничных регионов (и в частности, Республики Карелия) среди регионов России и прилегающих территорий, необходимо оценить инвестиционные процессы в стране. За последние два года заметно повысилась инвестиционная активность: на развитие экономики и социальной сферы Российской Федерации организациями всех форм собственности в 2011 г. использовано 10776,8 млрд. рублей инвестиций в основной капитал, или 108,3% к уровню 2010 года. Объем

инвестиций в основной капитал увеличился по сравнению с 2000 г. в 2,4 раза, с 2005 г. – в 1,5 раза. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП в 2011 г. составила 19,8% (в 2000г. – 15,9%, в 2005г. – 16,7%). Вместе с тем, в региональном аспекте наблюдаются тенденции все большего расслоения регионов по показателям инвестиционной деятельности. В 2011г. более 50% всех инвестиций в основной капитал освоено в Центральном, Уральском и Приволжском федеральных округах (соответственно 21,9%, 17,4% и 15,6% всех инвестиций). Половина от объема инвестиций в основной капитал в 2011 г. осуществлена на территории 12 субъектов Российской Федерации [Инвестиции, 2011].

Первые позиции по объему инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения в 2011 г. в СЗФО занимали Республика Коми и Ленинградская область. Данный показатель по Республике Карелия оказался в 1,9 раза ниже общероссийского, в 2,2 ниже, чем в СЗФО и 4,6 раза меньше показателя по Ленинградской области (рис. 3.2). Доля Республики Карелия в общем объеме инвестиций в основной капитал в СЗФО составляет около 2%, в то время как в 2000 г. она составляла 5,5%, в 2005 г. – 3,1%

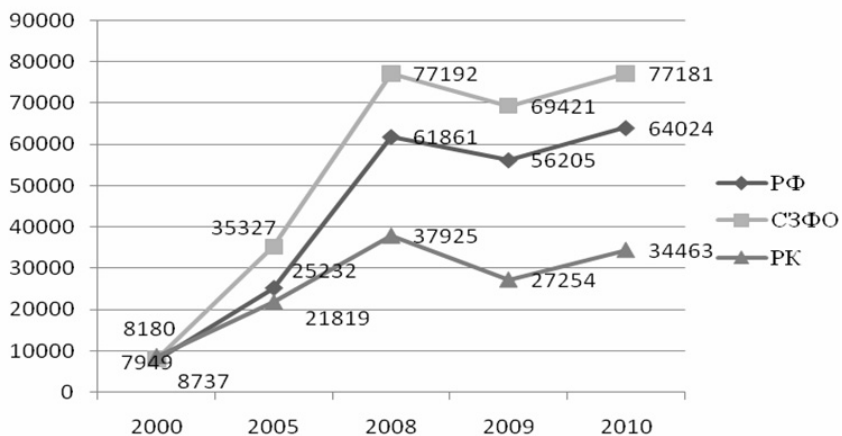

Рис. 3.2. Динамика инвестиции в основной капитал на душу населения в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Республике Карелия (в фактически действующих ценах, рублей)

В то же время следует отметить, что в Республике Карелия на инвестиционном рынке преодолен спад кризисного года, хотя объемы инвестиций еще недостаточны, чтобы говорить о прогрессивных структурных сдвигах в экономике. В фактически действовавших ценах объем инвестиций в основной капитал увеличился со 15279,65 в 2005 г. до 29698,15 млн. руб. в 2011 г. Если в 2009 г. году инвестиционный рынок сильно обрушился (68,1% к 2008 г.), то в 2010 и 2011 гг. намечилось оживление и индексы инвестиций в основной капитал составили соответственно 117,5 и 125,5% [Инвестиции, 2012]. Практически полностью инвестиции в нефинансовые активы идут на обновление основного капитала и лишь незначительная их часть идет в нематериальные активы (рис. 3.3).

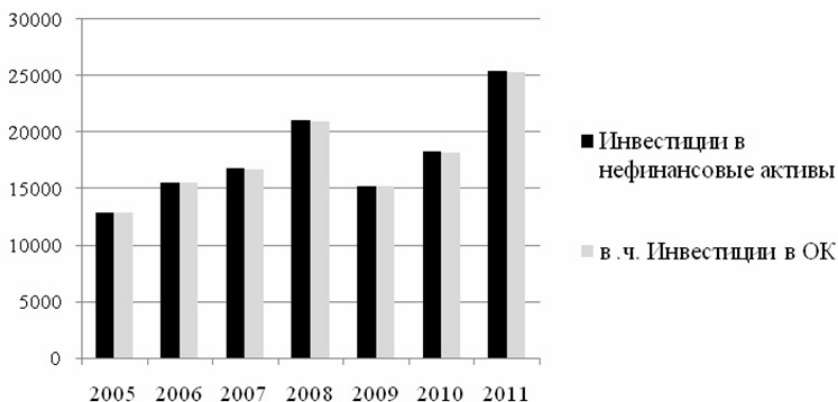

Рис. 3.3. Инвестиции в нефинансовые активы в Республике Карелия в 2005–2011 гг., млн. руб.

Заметно активизировались после кризиса на региональном инвестиционном рынке и иностранные инвесторы (рис. 3.4). Однако в первом полугодии 2012 г. наблюдалось снижение их участия, а в структуре преобладали прочие инвестиции: из общего объема (45,8 млн. долл. США) поступивших иностранных инвестиций на прямые приходится лишь 18,7 млн., а на прочие – 27,1 млн. долл. США.

Объем поступивших иностранных инвестиций, млн долл. США

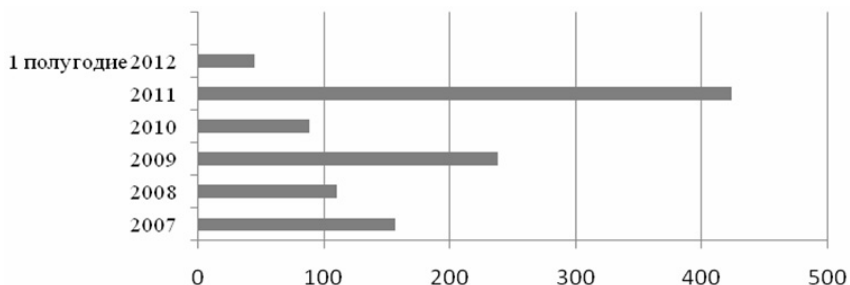

Рис. 3.4. Объем инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов в Карелию

Тенденция не изменилась: в предкризисные годы также основную долю составляли прочие инвестиции. Безусловно, это не лучшим образом отражается на накоплении иностранного капитала в республике, а больше способствует его вывозу. Особой роли в структурных сдвигах экономики Карелии они не играют, т. к. направляются преимущественно в лесозаготовки (в 2008 г. их доля составляла 46,1%) и в обрабатывающие производства, более половины из которых идет на обработку древесины и производство целлюлозы, да и в прямых иностранных инвестициях значительна доля кредитов, полученных от зарубежных совладельцев предприятий. Такое положение характеризует недостаточную развитость отечественного финансового рынка, поскольку большие заимствования хозяйствующие субъекты нашего рынка осуществляют на мировых финансовых рынках.

Анализируя региональный срез по уровню инвестиционной активности во взаимосвязи влияния на неё различных источников финансовых ресурсов, направляемых на инвестиции, выявлена явная недостаточность участия финансовых институтов в инвестиционном процессе. Так, доля банков в финансировании инвестиционных проектов в Мурманской области и Республике Карелия (как и во многих других северных регионах) в первом полугодии 2012 г. составила соответственно 0,2 и 2%, что существенно ниже, чем в целом по России (8,4%). В структуре инвестиций по источникам финансирования более половины составляют собственные средства – 52,8%. Существенную долю составляют средства бюджета – 21,8% (в 2009 г. они составляли 29,8%, в 2010 – 24%), преимуще-

ственно федерального. Таким образом, для северного региона роль государственных инвестиционных ресурсов остается на втором месте после собственных средств предприятий. В целом по России структура инвестиций в основной капитал обнаруживает практически те же тенденции: доля бюджетных средств остается значительной (в последние годы 19–22%).

В сфере жилищного строительства, где основным фактором, стимулирующим инвестиции, является рост доходов населения, ситуация в республике, начиная с 2000 г. начинает улучшаться, но потребность населения в жилье не удовлетворяется в силу низкого платежеспособного спроса. В 2011 г. построено 2502 квартиры – в три раза больше, чем в 2000 г., однако это составляет лишь 39,2% от уровня жилищного строительства 1990 г. (рис. 3.5).

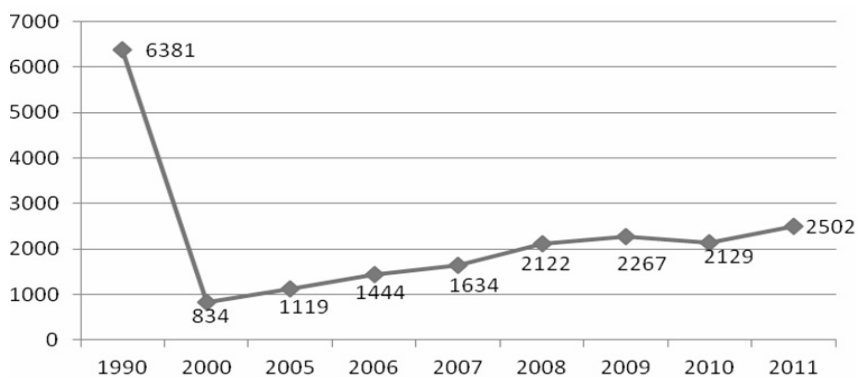

Рис. 3.5. Число построенных квартир в Республике Карелия

Исследование структурных изменений и вклада разных видов деятельности в формирование добавленной стоимости региона показывает, что обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, а также оптовая и розничная торговля составляют основную часть ВРП. В 2010 г. в 2,3 раза по сравнению с уровнем 2005 г. увеличилась доля государственного управления и обеспечение военной безопасности, прежде всего, за счет увеличения денежного довольствия военных и заработной платы госслужащих; доля здравоохранения и социальных услуг возросла более чем в 1,5 раза (табл. 3.1).

Таблица 3.1

ВРП Республики Карелия (по видам хозяйственной деятельности)

Показатели	В текущих ценах, млн. руб.				Структура ВРП, в % к итогу			
	2005	2006	2007	2010	2005	2006	2007	2010
ВРП в основных ценах – всего	77124,8	84228,3	104603,3	127733,8	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4738,7	4347,0	6219,9	5807,0	6,14	5,16	5,95	4,5
Рыболовство, рыболовство	569,9	886,7	1575,3	1305,9	0,74	1,05	1,51	1,0
Добыча полезных ископаемых	14875,6	10685,2	12891,1	15376,3	19,29	12,69	13,32	12,0
Обрабатывающие производства	13588,7	13323,0	16843,8	20846,4	17,62	15,82	16,10	16,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3261,0	3455,9	3839,0	6912,2	4,23	4,10	3,67	5,4
Строительство	3712,1	4097,1	4121,7	5568,7	4,81	4,83	3,94	4,4
Торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	9590,6	11395,9	15000,9	13464,2	12,44	13,53	14,34	10,5
Гостиницы и рестораны	449,1	676,8	907,3	979,2	0,58	0,80	0,87	0,8
Транспорт и связь	11852,9	14436,1	16264,5	18825,6	15,37	17,14	15,55	14,7
Финансовая деятельность	380,6	0,03
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3751,1	4312,3	6799,5	7677,1	4,86	5,12	6,50	6,0
Госуправление и обеспечение безопасности; обязательное социальное обеспечение	3755,4	7395,7	9070,8	14451,2	4,87	8,78	8,67	11,3
Образование	2775,3	3352,9	4216,1	6009,3	3,60	3,98	4,01	4,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3372,2	3455,9	5364,0	8581,5	4,37	5,64	5,13	6,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	832,2	1110,6	1489,4	1548,6	1,08	1,32	1,42	1,2

Наблюдается также рост сферы услуг. Однако доля государственного управления и обеспечение военной безопасности стала выше, чем доля оптовой и розничной торговли, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования вместе взятых. Заметно сократилась доля сельского и лесного хозяйства в формировании ВРП.

Поскольку промышленность обеспечивает больший вклад в добавленную стоимость, следует оценить её современное состояние. За последние пять лет наметился рост инвестиций в основной капитал (рис. 3.6), однако под влиянием кризиса объемы промышленного производства снижались, поэтому влияние инвестиций в данном временном интервале не было ощутимым и, вероятно, скажется только в будущем. Обрабатывающая промышленность по физическим объемам производства в динамике имеют тенденцию к снижению, в то время как добывающие производства быстрее восстанавливаются после кризиса и имеют более высокие темпы роста.

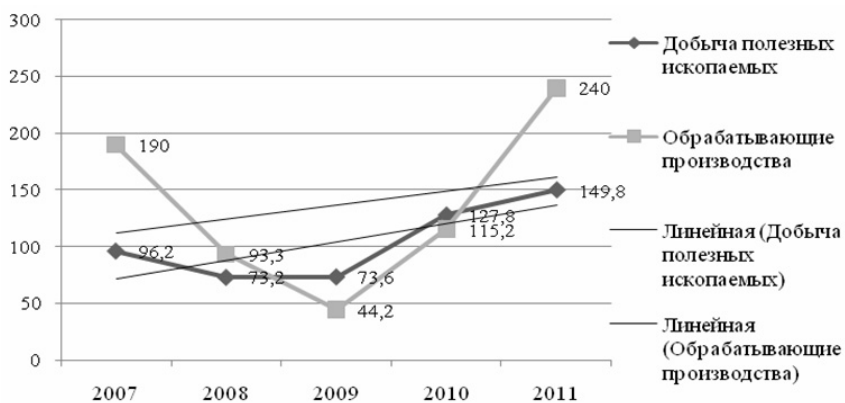

Рис. 3.6. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году)

Влияние на ситуацию на рынке труда в большей степени оказывают обрабатывающие производства, которые обеспечивают гораздо большую занятость, чем добывающие. Однако с 2007 по 2011 гг. сокращение численности работников в большей степени коснулось обрабатывающих производств, где численность сократилась с 35411

чел. до 26468 чел. (на 25%), в то время как в добывающей промышленности она уменьшилась с 9042 чел. до 8084 чел. (на 11%) [Промышленное, 2012]. Модернизация экономики влечет сокращение численности работников в традиционных отраслях, но возникновение новых видов деятельности должно сглаживать эту тенденцию.

Модернизация экономики региона и структурные преобразования зависят от уровня инновационной и инвестиционной деятельности, являющегося основным индикатором экономической динамики. Проанализировав состояние инвестиционного рынка по разным направлениям (динамике инвестиций по формам собственности и источникам финансирования, среднестатистическим показателям инвестиций по регионам, отраслевой направленности), можно сделать следующие выводы:

1. Прослеживается зависимость инвестиций от уровня развития финансовой системы (прежде всего от кредитного рынка), поскольку фондовый рынок практически не оказывает влияния на инвестиции в основной капитал, хотя доля банков пока остаётся низкой. Как для России в целом, так и для северных регионов в ещё большей степени государственные финансы играют существенную роль в финансировании инвестиций в основной капитал.
2. Институциональные преобразования находят отражение в инвестиционной сфере – в структуре инвестиций в основной капитал по формам собственности заметно доминирование частных инвестиций как по объемам, так и по темпам роста. Усиливается влияние корпоративных структур на активизацию инвестиционных процессов.
3. В Республике Карелия происходят качественные сдвиги в отраслевой структуре экономики. Если в 2004–2008 гг. прослеживалась тенденция сближения долей обрабатывающей и добывающей промышленности, что свидетельствовало об усилении сырьевой направленности экономики республики, то после 2008 г. доля обрабатывающих производств стала увеличиваться, а добычи – снижаться.
4. Объемы инвестиций в основной капитал на данном этапе ещё недостаточны, чтобы их влияние на модернизацию промышленного производства и, как следствие, на выпуск конкурентоспособной продукции стало ощутимым.

Влияние специализации на развитие экономики северного приграничного региона

Специализация и комплексность хозяйства являются одними из характерных черт, определяющих специфику региона [Бутов..., 2000]. Сама территория региона формируется «...не в результате неконтролируемого процесса, она является результатом исторического процесса, моделирующего её, и, фактически, местом памяти» [Украинский, 2011], которое и будет определять дальнейшие направления развития региональной экономики.

Исторически сложилось, что экономика северных регионов России имеет сырьевую направленность – добыча и первичная переработка природных ресурсов вносят наибольший вклад в формирование ВРП. К районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям относится 64,7% территории страны. «Здесь сосредоточено почти 80% минерально-сырьевого потенциала, огромная зона бореальных лесов (5,5 млн. кв. км) и другие важнейшие природные ресурсы» [Лаженцев, 2010]. Поскольку суровые природно-климатические условия, увеличивающие затраты на производство продукции и жизнеобеспечение населения, ограничивают возможности появления новых отраслей экономики на Севере, для северных регионов рациональное использование местных природных ресурсов, модернизация сложившихся отраслей специализации в природоэксплуатирующих секторах является необходимым условием для регионального развития. В качестве примера рассмотрим особенности специализации Республики Карелия и факторы ее обусловившие.

В советский период экономика Карелии в основном специализировалась на использовании местных лесных ресурсов. В регионе в силу больших запасов древесины высокого качества, удобного географического положения и транспортной доступности шло активное освоение лесов, строились лесоперерабатывающие предприятия и предприятия лесного машиностроения. Сегодня предприятия лесного сектора представлены во всех муниципальных районах и городских округах Республики Карелия. На долю лесного сектора приходится около 11,4% ВРП. По региональным и местным налогам и сборам доля отчислений предприятий лесного комплекса составляет 14% и 11,3% соответственно. Самый значитель-

ный вклад в налоговые поступления региона вносит налог на доходы физических лиц – в 2011 г. отчисления лесного сектора составили 638,8 млн. рублей или 7,6% от общей суммы данного налога в республике. Ещё 233,7 млн. рублей в региональный бюджет Карелия получает от предприятий комплекса за использование лесов. В организациях лесного сектора работает около 16,8 тыс. человек, что составляет около 5% от всех занятых в экономике. Более половины всех экспортируемых товаров из Республики Карелия составляет лесопродукция (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Роль лесного комплекса в экономике Республики Карелия

Показатели	2008	2009	2010	2011
ВРП, млн. рублей	115208,2	105924,1	127733,8	142943,8
Доля лесного комплекса в ВРП, %	10,9	11,0	11,4	–
Отчисления лесного комплекса по региональным налогам и сборам, млн. руб.	339,5	343,7	398,7	253,1
Доля отчислений лесного комплекса по региональным налогам и сборам, %	19,7	18,6	21,9	14,0
Отчисления лесного комплекса по местным налогам и сборам, млн руб.	27,1	22,6	21,0	21,9
Доля отчислений лесного комплекса по местным налогам и сборам, %	16,2	12,4	11,6	11,3
Отчисления лесного комплекса по налогу на доходы физических лиц, млн. руб.	652,6	588,6	607,6	638,8
Доля отчислений лесного комплекса по налогу на доходы физических лиц, %	9,1	8,2	7,4	7,6
Платежи за использование лесов, млн. руб.	643,3	520,2	889,2	821,6
Из них в региональный бюджет, млн. руб.	209,5	154,6	253,2	233,7
Среднесписочная численность работников лесного комплекса, чел.	25218	21187	19424	16798
Доля работников лесного комплекса среди всех занятых в экономике, %	7,2	6,3	5,8	5,0
Экспорт лесопродукции, в \$ млн.	849,4	665,3	745,3	814,3
Доля продукции лесного комплекса в экспортных поставках, %	57,4	63,9	51,1	54,3

Кроме существенного вклада в карельскую экономику лесной сектор обладает и большой социальной значимостью. Лесная специализация экономики Республики Карелия сложилась в послевоенное время, когда для восстановления страны требовалась строительная древесина. В регионе в силу больших запасов древесины высокого качества, удобного географического положения и транспортной доступности шло активное освоение лесных ресурсов, строились лесоперерабатывающие предприятия. Сегодня предприятия лесного сектора являются градообразующими в 7 из 10 моногородов республики с общей численностью населения 113,4 тыс. человек или 16,6% от всех жителей Карелии (табл. 3.3). К тому же результатом активного освоения лесных ресурсов Карелии в 1950–70 гг. стало появление значительного числа новых населенных пунктов «лесных посёлков». В 1959 г. насчитывалось 347 лесных поселков, в 1998 г. – 126. По информации министерства экономического развития в 2006 г. в лесных поселениях проживало порядка 36% сельского населения Республики Карелия [Козырева, 2007]. В настоящее время предприятия лесного сектора в этих поселениях потеряли своё доминирующее положение, но, тем не менее, они продолжают оказывать сильное воздействие на жизнедеятельность «лесных поселков».

Таблица 3.3

**Перечень монопрофильных городских населенных пунктов
Республики Карелия**

Моногорода	Население, тыс. чел.	Градообразующие предприятия
Относятся к лесному сектору:		
г. Кондопога	33,71	ОАО «Кондопога»
г. Сегежа	32,68	ОАО «Сегежский ЦБК»
г. Питкяранта	12,78	ОАО Целлюлозный завод «Питкяранта»
г. Суоярви	10,94	ЗАО «ЗАПКАРЕЛЛЕС»
г. Пудож	9,94	ЗАО «Пудож»
г. Лахденпохья	8,27	ООО «Лахденпохский фанерный комбинат «БУМЭКС»
пгт. Пиндуши	5,1	ОАО «Карелия ДСП»
Не относятся к лесному сектору:		
г. Костомукша	30,44	ОАО «Карельский окатыш»
пгт. Надвоицы	10,34	Филиал «НАЗ-СУАЛ»
пгт. Вяртсиля	3,03	ЗАО «Вяртсильский метизный завод»

Лес продолжает оставаться одним из основных карельских природных ресурсов. Общий запас леса на корню в республике составляет 943,07 млн. куб. м, из них 825,2 млн. куб. м – хвойные насаждения. Запас спелых и перестойных насаждений составляет 466,12 млн. куб. м, из них 410,18 млн. куб. м (88%) приходится на долю хвойных лесонасаждений [Государственный доклад..., 2012].

Добыча полезных ископаемых (кроме топливно-энергетических) также играет важную роль в карельской экономике. К основным полезным ископаемым в республике относятся: железная руда; титан; ванадий; молибден; благородные металлы; алмазы; слюда; строительные материалы (граниты, диабазы, мраморы); керамическое сырье (пегматиты, шпат); апатит-карбонатные руды; щелочной амфибол-асбест. Традиционно основную долю продукции горных предприятий составляет чёрная металлургия, но в последнее время возрастает доля продукции предприятий нерудной промышленности, в основном – щебня. На долю предприятий горнопромышленного комплекса приходится 12% ВРП. По региональным и местным налогам и сборам доля отчислений предприятий лесного комплекса составляет 11,9% и 17,1%, соответственно. Самый значительный вклад в налоговые поступления региона от предприятий горнопромышленного комплекса вносил налог на прибыль организации. В 2011 г. отчисления составили более 3,5 млрд. рублей или 57,2% от общей суммы данного налога в республике. Ещё 428,2 млн. рублей составляет налог на доходы физических лиц, и 365,6 млн. рублей – налог на добычу полезных ископаемых. На предприятиях горнопромышленного комплекса трудятся более 8 тыс. человек (табл. 3.4).

Перспективным направлением экономики Карелии, которое стало динамично развиваться в последние годы, является туризм. В настоящее время вклад туризма в развитие экономики республики незначителен и составляет около 3% ВРП и 1,6 тыс. человек (0,5% от всех занятых в экономике). Но благодаря значительному туристско-рекреационному потенциалу Карелии становится привлекательным местом для отдыха, как для российских, так и для иностранных туристов.

Таблица 3.4

**Роль горнопромышленного комплекса в экономике
Республики Карелия**

Показатели	2008	2009	2010	2011
ВРП, млн рублей	115208,2	105924,1	127733,8	142943,8
Доля горнопромышленного комплекса в ВРП, %	13,7	4,8	12,0	–
Налог на прибыль предприятий горнопромышленного комплекса, млн. руб.	3147,7	246,2	2350,3	3975,2
Из них в региональный бюджет, млн. руб.	2295,1	177,7	2035,1	3580,2
Отчисления горнопромышленного комплекса по региональным налогам и сборам, млн. руб.	211,2	209,8	215,0	215,6
Доля отчислений горнопромышленного комплекса по региональным налогам и сборам, %	12,2	11,4	11,8	11,9
Отчисления горнопромышленного комплекса по местным налогам и сборам, млн. руб.	32,4	31,4	32,4	33,0
Доля отчислений горнопромышленного комплекса по местным налогам и сборам, %	19,3	17,2	17,9	17,1
Отчисления горнопромышленного комплекса по налогу на доходы физических лиц, млн руб.	382,9	308,9	355,1	428,2
Доля отчислений горнопромышленного комплекса по налогу на доходы физических лиц, %	5,3	4,2	4,6	5,1
Налог на добычу полезных ископаемых, млн руб.		362,7	365,4	543,3
Из них в региональный бюджет, млн руб.		255,3	254,7	365,6
Среднесписочная численность работников горнопромышленного комплекса, чел.	8593	7872	7855	8084
Доля работников горнопромышленного комплекса среди всех занятых в экономике, %	2,4	2,3	2,3	2,6

На территории Карелии существует более 4000 уникальных памятников истории и культуры, природных памятников, известных исторических мест, имеющих мировое и общероссийское значение. К ним относятся архитектурный ансамбль Кижи, Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, первый русский курорт

«Марциальные Воды», карельские петроглифы, саамские каменные лабиринты, сейды и многие другие памятники [О Стратегии..., 2010]. Несмотря на то, что Соловецкие острова входят состав Архангельской области, наиболее удобный и короткий путь к ним открывается с территории Республики Карелия. Природные особенности Карелии позволяют развивать практически все виды экологического, спортивного, водного туризма. Большим интересом у гостей республики пользуются уникальные национальные традиции, обычаи древних карел, места, связанные с историей создания эпоса «Калевала».

Другим динамично развивающимся направлением экономики в Карелии является рыбоводство. По своим уникальным природным условиям Карелия выгодно отличается от всех остальных областей Северо-запада России, где также возможно развитие товарного рыбоводства. Что обусловлено наличием большого количества глубоководных водоемов с чистой, высокого качества водой. Первые шаги в области садкового форелеводства в республике относятся к концу 1960-х гг. В 1968 г. на Сямозерском опытно-экспериментальном рыбозаводе были проведены промышленные испытания разработанной технологии, а в 1973 г. в садках была выращена первая тонна товарной рыбы [Рыжков..., 2008]. В дальнейшем форелеводческий участок был включён в состав СеврыбНИИ-проекта. К 1998 г. производство товарной рыбы в Карелии приблизилось к 1000 тонн, действовало 17 форелеводческих хозяйств. Для координации их деятельности, содействия в обеспечении посадочным материалом и полноценными кормами в этом же году было создано Общество форелеводов Карелии. В настоящее время Республика Карелия занимает ведущее место в Российской Федерации по выращиванию форели: здесь выращивается около 70% российской садковой форели. Перспективы развития отрасли связаны освоением карельского побережья Белого моря и развитием других направлений аквакультуры.

Выборный руководством страны курс на модернизацию экономики преследует главную цель – повысить конкурентоспособность российских предприятий до общемирового уровня. Особенно остро проблема низкой эффективности, а, следовательно, и низкой конкурентоспособности возникает перед предприятиями, пред-

ставляющие именно отрасли со сложившейся традиционной специализацией и созданные в советское время. В современных экономических реалиях эти предприятия теряют конкурентные преимущества в виде дешёвого сырья и энергоносителей и низкооплачиваемой квалифицированной рабочей силы. Для системного решения данной проблемы в настоящее время в каждом субъекте РФ разработана долгосрочная концепция (стратегия) социально-экономического развития, в основе которой лежит общероссийская концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. Одним из заявленных направлений концепции является переход к новой модели пространственного развития экономики, которая предполагает формирование новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, и создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий [Концепция..., 2008].

Результаты исследований действующих кластеров показывают, что при выборе правильных организационных подходов и обоснованном позиционировании кластеров, благодаря им достигается высокий уровень конкурентоспособности хозяйствующих субъектов – предприятий; отраслей; регионов и стран [Глоова, 2010; Иода, 2009; Третьяк, 2011; Яшева, 2007]. Сегодня кластеры являются одной из действенных форм, привлекающей капитал и рабочую силу, а также стимулирующей внедрение инноваций. Поэтому во многих странах кластеры стали использовать как высокоэффективные инструменты реализации государственной экономической политики.

В Карелии формирование и развитие кластеров тесно связано с отраслями сложившейся специализации. Согласно «Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г.» повышение конкурентоспособности региона должно происходить через реализацию ряда мегапроектов, предусматривающих создание кластеров: «Недра Карелии»; «Лесная Карелия»; «Карелия Гостеприимная» и «Новая (информационная) Карелия».

Основными целями проекта «Лесная Карелия» являются формирование конкурентоспособного бизнеса в лесном секторе и обеспечение в Республике Карелия полного оборота и расширения

ного воспроизводства корпоративного капитала для формирования современного технологического уклада лесного комплекса [О Стратегии..., 2010]. Достижение поставленных целей планируется в рамках формирования лесного кластера, для создания которого в республике есть необходимая ресурсная база и лесоперерабатывающие предприятия. К уже существующим элементам формирующегося лесного кластера можно отнести ряд вспомогательных и обслуживающих предприятий лесного комплекса республики.

Карелия разделена на 17 центральных лесничеств, которые осуществляют функции государственного лесного контроля и надзора в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, функции государственного пожарного надзора в лесах. Для организации и выполнения авиационных работ по охране лесов от пожаров в республике создано Государственное учреждение Республики Карелия «Северо-Западная база авиационной охраны лесов». В Республике Карелия имеется свое лесостроительное предприятие – филиал федерального государственного предприятия «Рослесинфорг» «Кареллеспроект». Задачами филиала являются: государственная инвентаризация лесов; постановка лесничеств и лесопарков на государственный кадастровый учет; лесоустройство, лесное планирование и лесное проектирование [Цели..., 2012]. На территории Карелии расположены 4 лесных питомника, занимающихся выращиванием посадочного материала хвойных пород с закрытой корневой системой (до 6,5 млн сеянцев). Преимущество посадочного материала с закрытой корневой системой перед открытой заключается в высокой приживаемости сеянца: 98% против 70%. Ежегодно в Карелии выращивается около 30 млн. сеянцев хвойных пород (в том числе 4,5 млн. с закрытой корневой системой) для дальнейшего воспроизводства лесов [О компании, 2012].

Система подготовки кадров для предприятий лесного сектора представлена лесоинженерным факультетом Петрозаводского государственного университета, Петрозаводским лесотехническим техникумом и Шуйско-Виданской лесотехнической школой. Шуйско-Виданская лесотехническая школа реализует образовательные программы начального профессионального образования, в рамках которых осуществляется подготовка рабочих кадров по специаль-

ностям в сфере лесозаготовок: машинист харвестера; машинист форвардера; оператор гидроманипулятора; вальщик леса; тракторист на трелевке и вывозке леса. В Петрозаводском лесотехническом техникуме проводится обучение специальностям: «Лесное и лесопарковое хозяйство»; «Технология лесозаготовок»; «Технология деревообработки»; «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования»; «Техническая эксплуатация подъемно-транспортных, строительных, дорожных машин и оборудования». Во время обучения студенты техникума дополнительно могут получить несколько рабочих профессий (рамщик; оператор сушильных установок и др.). Лесоинженерный факультет Петрозаводского государственного университета – единственная образовательная структура в Республике Карелия, предлагающая высшее лесное и лесотехническое образование с возможностью получения степеней кандидата технических или сельскохозяйственных наук и доктора технических наук. Факультет осуществляет подготовку бакалавров и магистров по следующим специальностям: «Лесное хозяйство»; «Лесоинженерное дело»; «Машины и оборудование лесного комплекса»; «Автомобильные дороги и аэродромы». Кроме того, при факультете открыта аспирантура и докторантура по специальностям: «Технология и машины лесозаготовок и лесного хозяйства» и «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ», а также аспирантура по специальности «Лесные культуры, селекция, семеноводство».

Научный потенциал представлен Институтом леса Карельского научного центра Российской академии наук, Карельским научно-исследовательским институтом лесопромышленного комплекса Петрозаводского государственного университета и Центром Метсо-ПетрГУ систем автоматизации. Для карельского лесного комплекса научные разработки Института леса в первую очередь представляют интерес в сфере лесоведения и лесоводства. Деятельность Карельского научно-исследовательского института лесопромышленного комплекса охватывает практически все оставшиеся сферы лесного сектора. В 2010–2012 гг. работниками института в сфере лесного сектора было получено 27 патентов, большинство из которых относятся к лесозаготовке.

Примером успешного взаимодействия науки и бизнеса служит «Центр Метсо-ПетрГУ систем автоматизации», появившийся благодаря начавшемуся в 1993 г. сотрудничеству Петрозаводского государственного университета с компанией «Metso Automation». Центр занимается оказанием услуг в сфере информационных технологий и разработкой автоматизированных систем управления предприятиями и технологическими процессами. Заказчиками центра выступали такие значимые для лесного комплекса предприятия как ОАО «Кондопога», ОАО «Сегежский ЦБК», ОАО «Архангельский ЦБК» и «Соломбальский ЦБК».

В Республике Карелия машиностроение для предприятий лесного сектора представлено ЗАО «Петрозаводскмаш», которое производит оборудование для целлюлозно-бумажных предприятий, и ООО «Онежский тракторный завод» (ОТЗ), которое производит машины для лесозаготовок. С 2009 г. на ОТЗ на основе технологий компании «Silvatec» стали собирать харвестеры, которые являются основным элементом скандинавской (сортиментной) технологии заготовки древесины. Получить и усовершенствовать навыки работы на этой технике можно с помощью тренажеров фирмы «Ponsse» в IT-парке Петрозаводского государственного университета.

Проведение государственной политики в сфере лесного комплекса и регулирование в области лесных отношений входят в функции министерства по природопользованию и экологии Республики Карелия. Министерство осуществляет полномочия собственника лесных участков, находящихся в собственности Республики Карелия, в пределах, установленных законодательством, разрабатывает лесные планы Республики Карелия, лесохозяйственные регламенты, а также проводит государственную экспертизу проектов освоения лесов. Ещё в обязанности министерства входит разработка стратегии развития лесного комплекса Республики Карелия и организация работы по экспертной оценке инвестиционных проектов в лесной промышленности комплекса.

С 1997 г. в республике действует Союз лесопромышленников и лесозэкспортёров Республики Карелия. Эта некоммерческая организация объединяет руководителей и специалистов предприятий и организаций лесного сектора, работающих в Карелии. Основной

задачей союза является представление и защита интересов предприятий лесного сектора в различных государственных и общественных организациях. Союз активно взаимодействует с органами государственной власти РК, оказывает информационную поддержку предприятий, в частности финансирует выпуск отраслевой газеты «Лесная Карелия», проводит мероприятия для повышения престижности работы в лесном секторе, привлечения молодёжи.

В результате, в республике есть практически все элементы и ресурсы, необходимые для создания лесного кластера. Для формирования и развития кластера необходимо разработать и принять одноимённую программу, которая должна стать системообразующим документом, определяющим дальнейшую лесную кластерную политику Карелии.

Направление «Недра Карелии» основывается на богатой минерально-сырьевой базе республики. Однако, особенность горнопромышленного комплекса Карелии заключается в том, что основная доля его продукции представлена одним предприятием – ОАО «Карельский окатыш», которое входит в горнодобывающий (сырьевой) дивизион горно-металлургической компании «Северсталь». Поэтому развитие предприятия происходит в соответствии с планами развития головного компании, а в связи с изменениями налогового законодательства Российской Федерации значительная часть налоговых поступлений теперь идёт в бюджет Вологодской области. Остальные предприятия комплекса представлены добывающими предприятиями нерудной промышленности, чья доля ВРП по добыче полезных ископаемых незначительна. Существующие планы по развитию месторождений в Карелии пока не реализуемы в силу отсутствия необходимой социальной инфраструктуры, а в случае её строительства за счёт инвестора не рентабельны в силу огромных капиталовложений.

В марте 2013 г. в рамках развития направления «Карелия Гостеприимная» было заявлено о планах по созданию в республике трёх туристских кластеров – «Заонежский», «Ладожский» и «Поморский». Основная цель реализации данных проектов – развитие туристско-рекреационной инфраструктуры на территориях вокруг самых популярных туристских направлений в Карелии. Начало реализации первого кластерного проекта намечено на 2014 г. Им

станет кластер «Заонежский», который позволит сделать доступным для массового круглогодичного посещения музей-заповедник «Кижы». Осуществление данных проектов должно решить существующие проблемы, сдерживающие развитие туризма. Это и неразвитая инфраструктура, и короткий туристический сезон, который вынуждает туристские компании и гостиницы выставлять высокие цены за свои услуги, тем самым существенно ограничивая доступность организованного отдыха в Карелии. Ещё одной существенной проблемой туристического сектора с точки зрения регионального управления является то, что контроль за доходами от основных объектов показа (Кижы, Валаам) находится за пределами республики.

Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г. не предполагает создание биоресурсного (или биотехнологического) кластера. Однако, логика развития рыбоводства в Карелии как раз и позволяет говорить о его формировании. Во-первых, карельские форелевые фермы были созданы на основании научно-производственных разработок Северного научно-исследовательского института рыбного хозяйства (Петрозаводск). В целом в данной области у Карелии имеется существенный научный потенциал (ПетрГУ, КарНЦ РАН). Во-вторых, в Карелии появляются предприятия, выращивающие как товарную продукцию, так и посадочный материал, перерабатывающие и реализующие готовую продукцию. Существует своё предприятие по производству садков, предприятия финансируют НИОКР. Например, по заказу ООО «Рыбные ресурсы» в студенческом конструкторском бюро ПетрГУ разработан и запатентован коммутатор-водоотделитель. Данное оборудование предназначено для транспортировки и распределения рыбы по садкам. Наличие функции водоотделения позволяет подсчитать количество рыбы с помощью специальных счетчиков. В настоящее время прямых аналогов данной разработки нет. В-третьих, в отрасль приходят крупные российские инвесторы («Русское море»). Единственной проблемой является отсутствие производства эффективных рыбных кормов.

Таким образом, формирование кластеров в отраслях специализации Республики Карелия должно способствовать комплексной переработке местных ресурсов и концентрации отдельных

элементов и звеньев цепочки добавления стоимости на территории региона. С точки зрения формирования кластеров наиболее готовыми к такой трансформации отраслями являются лесной сектор и рыбководство.

Научный и инновационный потенциал как фактор развития экономики северного приграничного региона

Российские регионы значительно различаются между собой по уровню экономического развития и по возможностям инновационного развития. Большинство российских регионов заявили об инновационном развитии, но их потенциал в этом плане невелик и необходимы специальные исследования для оценки возможности перехода к инновационному развитию. Определяющим является наличие промышленного, научного, образовательного и технологического потенциала, инновационной инфраструктуры, инновационной и инвестиционной активности предприятий [Дружинин, 2009].

Инновационный потенциал региона – это совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, информационные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности, отвечающей требованиям мирового рынка. В частности, в перечень показателей, характеризующих инновационный потенциал региона, включаются: персонал занятый НИОКР и его распределение по стадиям инновационного цикла и технологическим уровням, доля науки в численности занятых региона, затраты на НИОКР, согласованность расходов на науку по стадиям инновационного цикла, основные средства НИОКР, использование Интернета, уровень образования, количество студентов, согласованность структуры выпуска со структурой экономики и отраслями пятого и шестого технологических укладов, рейтинг ведущих вузов и их исследовательская активность, уровень экономического развития (ВРП, объем промышленного производства и доля занятых в отраслях пятого и шестого технологических укладов), доля крупных предприятий, наличие инновационной инфраструктуры, консолидированный бюджет региона, прибыль и оборот предприятий, согласованность структуры науки и структуры экономики [Дружинин, Тишков, 2009].

Проведенная в Институте экономики КарНЦ РАН оценка инновационного потенциала российских регионов позволили выделить четыре основных группы.

К первой группе относятся г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области, которые намного опережают все остальные регионы России. В регионах, являющихся генераторами инноваций, сосредоточена большая часть инновационного потенциала страны. По многим показателям инновационной деятельности суммарная доля г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Московской области превышает 50%, а по количеству предприятий с иностранными инвестициями в сфере науки даже 80%. Доля этих трех регионов в ВВП страны значительно меньше и составляет примерно 28%.

Вторая группа регионов обладает высоким инновационным потенциалом – особенно такие как Татарстан, Нижегородская, Самарская, Челябинская, Ростовская и Новосибирская области. В них активно занимаются инновационной деятельностью, их доля в ВРП несколько меньше, чем по показателям инновационности. Уровень инновационной активности примерно в 1.5 раза выше, чем в РФ в среднем. Среди остальных регионов можно выделить еще несколько, имеющих повышенный инновационный потенциал и заметную инновационную активность. Во вторую группу из приграничных регионов входят Тюменская, Челябинская, Ростовская, Новосибирская, Омская, Волгоградская, Воронежская, Ленинградская и Саратовская области, Краснодарский и Приморский края, обладающие достаточно высоким потенциалом.

Большинство российских регионов характеризуются невысоким инновационным потенциалом. Предпринимательство в них слабо развито, его уровень примерно в 2–3 раза ниже. Количество малых научных и инновационных предприятий незначительно, новые технологии во многих регионах не создаются, но в отдельных активно используются новые технологии, созданные в других регионах и странах. Инновационный потенциал невелик – университеты слабы как научные центры, мало новых идей и молодых ученых, ограничены финансовые возможности региональных властей и крупного бизнеса, отсутствует или существует формально инновационная инфраструктура, структура науки не соответствует струк-

туре экономики, незначительна доля предприятий пятого и шестого технологических укладов. За 15 лет работы ученых без финансирования со стороны бизнеса научный сектор деградировал, во многих регионах количество ученых менее 1000 человек, причем значительная часть их занимается фундаментальными исследованиями. А наиболее успешные научные организации сейчас уже частично встроены в технологические цепочки развитых стран и Китая. Поэтому строящиеся региональные инновационные системы должны различаться в зависимости от экономического и инновационного потенциала регионов.

В третьей группе оказались Оренбургская, Белгородская, Курская и Калининградская области, Хабаровский и Алтайский края и Республика Дагестан, а также северные регионы, такие как Мурманская, Архангельская области и Республика Коми.

В четвертую группу с низким инновационным потенциалом вошла почти половина приграничных регионов – Смоленская, Брянская, Астраханская, Амурская, Курганская и Псковская области, Забайкальский край, республики Бурятия, Чечня, Кабардино-Балкария, Алания, Карачаево-Черкесия, Тыва, Алтай и Ингушетия, а так же северный регион Карелия.

У каждой группы должна быть своя стратегия инновационного развития, по-разному должны строиться региональные инновационные системы, развиваться инновационная инфраструктура. Группы регионов, создающие условия для реализации своего инновационного потенциала должны увеличивать свою активность.

Инновационная деятельность любого хозяйствующего субъекта имеет высокую степень риска и неопределенности. Именно это определяет тот факт, что лишь 4% всех инновационных разработок малых предприятий в России выходит на стадию коммерциализации, при этом 0,5% предприятий внедряют принципиально новые продукты. Успех инноваций зависит не только от точности маркетинговых прогнозов и размера бюджета на их продвижение, но в большей степени – от инновационного потенциала. Однако это касается не только инновационно-активных компаний (крупных, средних, малых), но и стран, регионов, городов, позиционирующих себя в качестве «генераторов инноваций».

Инновационный потенциал можно рассматривать с нескольких точек зрения. Он является сложной динамической системой, который влияет на инновационное развитие макросистемы (региона) и обуславливает эффективность регионального управления. В. Киселёва, М. Колосницyna отмечают, что инновационный потенциал характеризует способность страны, как политической и экономической общности людей, производить и коммерциализировать поток технологий в долгосрочной перспективе [Киселёва, Колосницyna, 2009]. Он определяет реальные возможности региональной инновационной системы к созданию новых продуктов, их эффективному продвижению и выведению на рынок, а также способность к восприятию опыта других регионов и стран, своевременной и адекватной реакции на изменяющиеся условия внешней и внутренней среды. Инновационный потенциал является качественной характеристикой инновационной системы [Тишков, 2009].

В Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 г. инновационная система определяется как «совокупность экономических субъектов, взаимосвязей между ними и общественных институтов (таких как ценности, нормы, право), которые производят новые знания и новшества, обеспечивают их хранение, преобразуют их в продукты, услуги и технологии, обеспечивают их распространение и потребление рынком». Данное определение может быть использовано для характеристики региональной инновационной системы и акцентирует внимание на структуре инновационной системы, включающей институты государственно-политического устройства, экономические структуры и органы экономического регулирования, законодательное обеспечение отношений собственности (в т. ч. интеллектуальной), уровень технологического развития [Тишков, 2009].

Для оценки результативности инновационной деятельности, инновационного потенциала регионов используют мониторинг инновационной и научной деятельности. Для этого необходимо выбрать основные показатели и рассчитать на их основе индексы развития относительного, какого-то года. Индекс представляет собой комплексную оценку потенциала инновационного развития регионов с учетом вероятной успешности и эффективности реализации новых инновационных проектов на основе совокупного анализа

потенциала региона. Индекс позволяет классифицировать регионы для разработки индивидуальной инновационной стратегии развития с учетом множественных факторов. Цель индекса – оценка уровня развития инновационного развития региона для определения потенциала наиболее перспективных направлений инвестирования средств государства и бизнеса и определения эффективности государственной инновационной политики. Внедрение индекса приводит к необходимости повышения качества официальной государственной статистики.

В мировой практике применяются различные системы оценки, как национальной инновационной системы, так и отдельных ее составляющих. Часто инновационные индексы развития оцениваются в составе комплексных индексов конкурентоспособности. В мире известно три основных центра по изучению глобальной конкурентоспособности. Институт стратегии и конкурентоспособности при Гарвардском университете (США) занимается изучением сравнительной эффективности бизнеса в разных странах. Международный институт развития менеджмента (Institute of Management Development – IMD, Лозанна, Швейцария) и Всемирный экономический форум (ВЭФ) составляют рейтинги конкурентоспособности стран и регионов на основе своих собственных методик.

Методологической проблемой совершенствования индекса инновационного развития является установление причинно-следственных связей между инновационной активностью и ее результативностью. Необходимо определение прямого, а также косвенного воздействия того или иного решения на инновационный процесс. Другой методологической трудностью является проблема получения точных данных [Дружинин, 2009]. Процесс создания инноваций зачастую не ограничивается одной фирмой: компании взаимодействуют между собой, а так же с университетами и научно-исследовательскими лабораториями, фирмы покупают и продают права интеллектуальной собственности, очень часто организации берут на аутсорсинг какую-то часть инновационной деятельности, нередко взаимодействие в инновационной деятельности происходит на международном уровне.

Многие предприятия, занимающиеся инновационной деятельностью, не заполняют формы, часть предприятий заполняет неправильно и часть заполняет лишь в отдельные годы. Если среди

последних оказываются крупные предприятия, то показатели сильно колеблются. В итоге для показательных расчетов были выбраны несколько показателей, которые имеются на протяжении последних десяти лет, хотя они также нестабильны. Так, с учетом возможностей получения информации для предварительных расчетов было выбрано 10 показателей. Из них 6 в большей степени оценивают научный потенциал для инновационного развития, 3 показателя собственно инновационные процессы и 1 показатель – с помощью которого оценивается результативность инновационной деятельности.

К первой группе отнесены: численность занятых в науке, численность организаций выполняющих исследования и разработки, затраты на технологические инновации к ВРП, внутренние затраты на исследования и разработки к ВРП, затраты на исследования и разработки, отнесённые к доходам консолидированного бюджета, число выданных патентов на интеллектуальную собственность. В расчете индекса были взяты равные удельные веса (рис. 3.7).

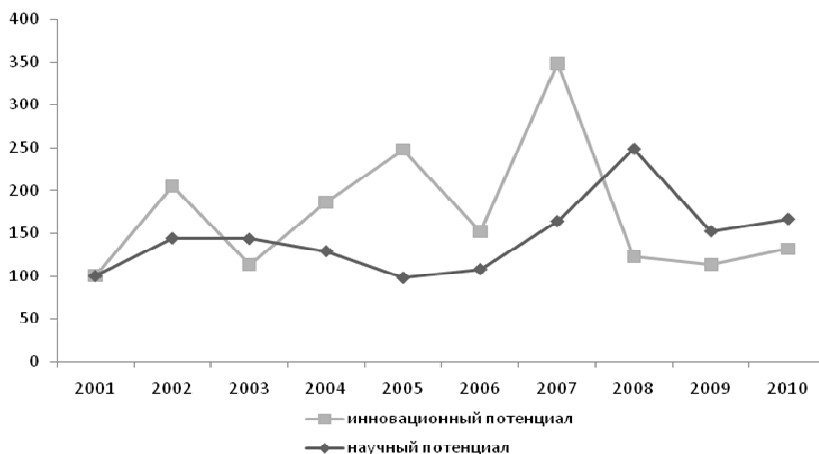

Рис. 3.7. Индекс развития научного и инновационного потенциала, в % к 2001 году

Анализ динамики индекса развития научного и инновационного потенциала позволил получить следующие результаты. Высокие значения в 2007 г. объясняются большими относительно других

лет созданными производственными технологиями. При выделении важнейших показателей при соответственно других удельных весах динамика будет несколько отличаться. В целом можно сказать, что если не учитывать 2007 г., то в последние годы есть рост индекса. Надо отметить неустойчивость первичных показателей, что приводит к отсутствию четкой тенденции для результирующего индекса. Проблемы статистики инновационной деятельности только сейчас начинают изучать, и возможно ВШЭ сможет написать ясные инструкции и организовать их распространение.

Развитые страны имеют значительный опыт в развитии инновационной деятельности и коммерциализации научных разработок, и этот опыт может быть успешно освоен в российских условиях. Центрами восприятия иностранных знаний и опыта являются центральные регионы, но с ослаблением границы как барьера подобный переток активизировался в приграничных и приморских регионах. Восприняв и адаптировав этот опыт, данные регионы могут передавать его соседним, изменяя свою роль в межрегиональном взаимодействии и структуру своей экономики.

Влияние краевых зон на соседние регионы пока невелико, их формирование продолжается, и их дальнейшее развитие изменит сложившееся в настоящее время положение. Некоторые из приграничных регионов обладают инновационным потенциалом, наращивание которого создаст возможность быстро развиваться и стать краевыми активными зонами или их частью. В таком случае уровень инновационной активности превышать средний по РФ в 1,5–2 раза. *Поэтому модернизация экономики и ее структурная диверсификация на основе инновационного технологического развития должна опираться на развитие собственной производственно-технологической инфраструктуры (на резидентов), причем как на технопарки и научные парки в традиционных отраслях, так и на элементы новой экономики (IT-парки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и т. д.).* Ведущими факторами конкурентоспособности становятся наука и образование, составляющие базис формирования человеческого капитала – основного конкурентного преимущества региона.

Проводимые карельскими и российскими учеными исследования в направлениях критических технологий Российской Федерации позволяют вплотную подойти к формированию новых науко-

емких отраслей производства. Объем инновационной продукции инновационно-активных предприятий в 2016 году должен составить 1 млрд. руб, а в 2020 году – 3 млрд. руб. *В основу развития региональной инновационной системы должно быть заложено формирование мощного научно-технологического комплекса, обеспечивающего достижение и поддержание лидерства в научных исследованиях и технологиях по приоритетным направлениям.* Для Республики Карелия основными направлениями исследований, проводимых научными и инновационными организациями, соответствующими критическим технология РФ [Стратегия..., 2007], являются:

- робототехника (в частности роботы пожарные и др.);
- биомедицинские и ветеринарные технологии жизнеобеспечения и защиты человека и животных;
- нанотехнологии и наноматериалы, а именно: наноструктурированные оксидные покрытия на металлах, композиционные материалы на основе шунгитовых пород, содержащих гиперфуллереновые структуры и нановолокнистые карбиды кремния, наномембранные материалы и др.
- технологии биоинженерии;
- технологии обработки, хранения, передачи и защиты информации;
- технологии оценки ресурсов и прогнозирования состояния литосферы и биосферы;
- технологии переработки и утилизации техногенных образований и отходов;
- технологии производства ИКТ и программного обеспечения; интернет-торговля;
- технологии создания и обработки композиционных и керамических материалов и их применения (в частности постройка судов на основе новых композиционных материалов с оснасткой современным навигационным и эксплуатационным оборудованием);
- технологии создания новых строительных материалов;
- технологии создания энергосберегающих систем;
- технологии экологически безопасного ресурсосберегающего производства и переработки сельскохозяйственного сырья и продуктов питания;

- технологии экологически безопасной разработки месторождений и добычи полезных ископаемых,
- производство биотехнологических фармацевтических продуктов (медицинская биотехнология);
- производство биотехнологических препаратов для сельского хозяйства (сельскохозяйственная биотехнология);
- производство дрожжей и живых культур микроорганизмов;
- гидролизная промышленность;
- производство биологически активных добавок;
- производство биотехнологических препаратов для защиты окружающей среды;
- производство продукции марикультур.
- трансфер европейских технологий (новое лесопользование и новые деревообрабатывающие технологии, электронное оборудование и т. д.)

В условиях ужесточения конкуренции и формирования единого информационно-коммуникационного пространства России, как части мирового информационного пространства, едва ли не единственной возможностью для карельских предприятий войти в мировой ритм новой «технологической волны» и успешно воспользоваться в новых условиях «диффузией инновацией» и преимуществом приграничного положения является создание и развитие рынка информации и знаний как факторов производства, включая широкое применение современных ИКТ. Учитывая тот факт, что Карелия на сегодняшний день является одним из лидеров из российских регионов по готовности вхождения в глобальное информационное общество (в частности, использования ИКТ и подготовки соответствующих кадров), то данное обстоятельство становится важнейшим фактором (наряду с приграничностью и опытом внешнеэкономических связей) для карельских компаний в цели получения долгосрочного конкурентного преимущества не только на российских, но иностранных рынках.

Согласно исследованиям компании IDC [Анищук, 2010] в 2010 году рынок IT-услуг составил 4,2 млрд. долл., в 2009–3,6 млрд. долл. (доля карельских компаний менее одного процента), т. е. наблюдается почти 20%-ный рост. Структура IT-рынка представлена примерно с равными долями (по трети рынка) аппаратной

(«железо») составляющей, системной интеграцией и консалтингом. В ближайшие годы этот рынок будет показывать стабильный рост при сохранении структуры, причем ожидается рост доли небольших контрактов, что наряду со структурой рынка на руку карельским компаниям. В ближайшие пять лет аутсорсинг повлияет на сегментацию рынка, также активно будет развиваться смежная с аутсорсингом «облачная» технология, которая в Карелии может быть реализована прежде всего в рамках «Электронного Правительства».

Учитывая ожидания рынка, в 2009 году при Петрозаводском государственном университете открылся IT-парк, который призван способствовать расширению возможностей предоставления программных услуг различным отечественным и зарубежным фирмам. В течение 4–5 лет планируется увеличить численность занятых в работе IT-парка с 300 до 700 человек. В результате создания сети предприятий биотехнологической отрасли к 2020 году на 8–10 предприятиях будет создана 1 тыс. новых рабочих мест для высококвалифицированных работников.

За счет системной инновации, ИКТ и др. элементов новой экономики стимулирующих «диффузию» инноваций и включение в глобальные сети в условиях бесконечной дифференциации (рынок монополистической конкуренции) *любой субъект может стать точкой генерации нового экономического процесса (создания дифференцированного продукта)*. Потенциал информационных технологий и ожидаемый рост инвестиций в информационные системы создает новые благоприятные возможности для успешного бизнеса в регионе: не только снижает стоимость производства и реализации продукции, но и приводит к серьезным изменениям в стратегии компаний и организации бизнеса, а также в практике ведения бизнеса (в частности в использовании электронной коммерции и продажи информационно-насыщенных продуктов и услуг). Инструментарием является становление и в последующем доминирование в экономике новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании перспективных информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций; создание информационных систем и организаций, специализирующихся на программировании, локальных вычислительных сетях, информационно-коммуникационных технологиях и т. д., исполь-

зующих как собственные наработки, так и лицензии, аутсорсинг, оффшорное программирование и т. д., а также мощных комплексных предприятий, таких как IT-парк или иной научный парк, имеющий определенную специализацию, встроенный в промышленный или научный кластер или расположенный в экономической опорной зоне, влияющий на ее специализацию, и т. д.

Развитие малого предпринимательства как фактор роста экономики региона и ее модернизации

Дальнейшее развитие Республики Карелия (как, впрочем, и многих приграничных регионов) во многом зависит от уровня развития малого и среднего предпринимательства на её территории. Особенно это касается тех регионов, которые обладают весьма ограниченным производственно-промышленным потенциалом и ограниченными экономическими ресурсами, а также институциональными ограничениями для реализации крупных производственных проектов (к таковым относится большинство приграничных регионов). Развитие этого сектора экономики может содействовать расширению базы экономического роста региона. Поэтому Правительство РК последние несколько лет проводит политику создания максимально благоприятных условий для ведения предпринимательства через осуществление мероприятий республиканской программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Карелия на период до 2014 года». Эта программа в целом предусматривает количественное увеличение субъектов малого и среднего предпринимательства в поселениях.

Малое предпринимательство на территории субъекта РФ сегодня является социальным, политическим и экономическим фактором, определяющим общее социально-экономическое развитие территории. Например, в Республике Карелия в 2008 году действовало около 4700 малых предприятий, а в 2010 году по результатам сплошного обследования Росстатом было выявлено 7599 малых предприятий, из них действовало лишь 70%, что составляет около 20% от всех учтенных в статрегистре Росстата предприятий и организаций республики. Республику Карелию можно отнести к региону со средним уровнем «плотности» малых предприятий на 100 тысяч человек. На малых предприятиях Карелии трудится 15% занятых в

экономике республики. Около 10% местных бюджетов формируется за счет налоговых поступлений от предприятий и физических лиц, занятых в этой сфере. Это свидетельствует о том, что уровень благосостояния и качество жизни жителей республики, в том числе достигнуты и обеспечены за счет развития предпринимательства на территории. Поэтому президент России в своем Послании Федеральному Собранию РФ включил развитие малых предприятий в число ключевых приоритетов развития страны и подчеркнул, что «там, где развивается малый бизнес, там меньше бедность и ниже показатель смертности». При дальнейшем развитии этого бизнеса будет меняться и структура общества, будет расти средний класс [Россия..., 2007]. За счет этого должен осуществляться переход на новый уровень развития страны. Но сектор малого предпринимательства характеризуется меньшей устойчивостью по отношению к внешней среде и конкурентоспособностью по сравнению с крупными предприятиями и поэтому нуждается в содействии и поддержке со стороны государства. Основная же нагрузка по созданию условий для стимулирования развития малого предпринимательства, прежде всего, ложится на региональные и местные органы власти.

В современных экономических условиях в процессе управления развитием территории всегда учитывается активность предпринимательских структур, а на локальном уровне муниципальных образований значимым аспектом становится активность субъектов малого предпринимательства. В Документе о политике в области малого предпринимательства в странах Евросоюза, представленном в 1995 году на заседании Европейского совета, Комиссия ЕС подчеркивала, что целенаправленная помощь малым предприятиям является наиболее выгодным способом создания новых рабочих мест. [Интегрированная..., 2008]

Для оценки эффективности развития сектора малого предпринимательства Европейская экономическая Комиссия ООН предлагает использовать *индекс развития предпринимательства (ИРП)* [Сабо, 2008]. ИРП представляет собой комплексный экономический показатель, отражающий вклад малого предпринимательства в развитие национальной экономики. Применительно к развитию малого предпринимательства в субъекте федерации можно предложить *индекс развития малого предпринимательства в регионе*

(ИРМПП). ИРМПП может выражаться через произведение коэффициентов, например, долю объема продукции, произведенной малыми предприятиями в ВРП, долю занятых на малых предприятиях по отношению к численности занятых в экономике и т. п.:

$$ИРМПП = \frac{K_{МП}}{K_{П}} \times \frac{ЧЗ_{МП}}{ЧЗ_{Э}} \times \frac{ОП_{МП}}{ВРП},$$

где: $K_{МП}$ – количество малых предприятий в регионе; $K_{П}$ – количество предприятий и организаций в регионе; $ЧЗ_{МП}$ – численность занятых на малых предприятиях; $ЧЗ_{Э}$ – численность занятых в экономике региона; $ОП_{МП}$ – объем продукции, произведенной малыми предприятиями; ВРП – валовой региональный продукт.

Максимальная величина ИРМПП может быть равна 1, если все предприятия в экономической системе являются малыми. Чем ближе ИРМПП к 1, тем более существенным является вклад сектора малого предпринимательства в экономику региона, принимая участие в формировании благоприятного социально-экономического климата территории, и таким образом позволяет оценить и сопоставить уровни развития предпринимательства. В 1997 году ИРП в странах с переходной экономикой, например, в Венгрии составлял 0,195, Чехии – 0,182, Беларуси – 0,0008. [Тореев, 2007]. Из данных таблицы 3.5 видно, что вклад сектора малого предпринимательства постепенно увеличивается. ИРМПП по субъектам СЗФО, рассчитанный по данным статистики [Центральная..., 2010], приведен в таблице 3.6. На основе анализа ИРМПП, можно сделать вывод о том, что более всего малое предпринимательство развито в Калининградской области, Республика Карелия занимает среднее положение по показателю ИРМПП в Северо-Западном федеральном округе. К тому же в кризисный 2008 год намечилось снижение этого показателя в республике.

Основными проблемами, сдерживающими развитие малого предпринимательства в республике, являются: недостаточный доступ малого предпринимательства к финансовым ресурсам, наличие административных барьеров, несовершенное налоговое законодательство, недостаток необходимых знаний по организации и управлению бизнесом и недостаточная государственная поддержка малого предпринимательства [Курило, 2008]. Создание благоприятного предпринимательского климата способствует ускорению экономического развития территорий.

Таблица 3.5

ИРМПТ в Республике Карелия в 2000–2009 гг.¹²

Показатель	1997	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доля числа занятых на МП от общего числа занятых в экономике	0,04	0,07	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09	0,10	0,09	0,10	0,13
Доля числа МП от общего числа предприятий и организаций	0,31	0,18	0,19	0,22	0,23	0,23	0,22	0,23	0,19	0,21	0,38
Доля объема продукции, произведенной МП в ВРП	0,09	0,13	0,15	0,19	0,18	0,19					
Доля оборота МП в обороте организаций							0,29	0,32	0,35	0,33	0,36
ИРП	0,0011	0,0016	0,0023	0,0033	0,0033	0,0039	0,0057	0,0074	0,0060	0,0069	0,0178

В практике субъектов РФ имеются примеры успешной реализации стратегических целей и задач по развитию малого предпринимательства. Есть такой опыт и в Карелии. С момента принятия Концепции социально-экономического развития РК (в 1998г.) в республике проводится работа по стратегическому планированию и управлению процессом развития малого предпринимательства на основе системного подхода в вопросе к государственной поддержке малого предпринимательства. Начиная с 1998 года, постоянно разрабатываются и реализуются Программы государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелия. Основной целью таких программ является существенное улучшение экономических и формирование нормативно-правовых условий

¹² Данные за 2010 несопоставимы, поскольку Росстатом проведено сплошное обследование по кругу малых и средних предприятий.

для обеспечения устойчивых темпов развития малого предпринимательства на территории, и особенно по приоритетным направлениям развития Республики Карелия.

Таблица 3.6

**Индекс развития малого предпринимательства (ИРМПР)
в субъектах СЗФО в 2005–2009 гг.**

Субъекты СЗФО	2005	2006	2007	2008	2009
Республика Карелия	0,0057	0,0074	0,0060	0,0069	0,0178
Республика Коми	0,0035	0,0061	0,0101	0,0098	0,0129
Архангельская обл.	0,0010	0,0033	0,0056	0,0085	0,0098
Вологодская обл.	0,0023	0,0024	0,0023	0,0035	0,0034
Калининградская обл.	0,0269	0,0378	0,0548	0,0484	0,0405
Ленинградская обл.	0,0082	0,0073	0,0091	0,0104	0,0079
Мурманская обл.	0,0024	0,0025	0,0024	0,0050	0,0101
Новгородская обл.	0,0041	0,0036	0,0035	0,0122	0,0109
Псковская обл.	0,0068	0,0067	0,0077	0,0077	0,0115
г. Санкт-Петербург	0,0242	0,0233	0,0271	0,0188	0,0241

За последние годы сформированы основы системы государственной и общественной поддержки малого предпринимательства. Принят ряд нормативно-правовых актов на уровне законов РК, касающихся деятельности малого предпринимательства, созданы и функционируют объекты инфраструктуры, реализуются целевые программы государственной поддержки малого предпринимательства. В декабре 2005 года была утверждена очередная республиканская Программа государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелия на 2006–2008 годы, предусматривающая привлечение внебюджетных ресурсов на поддержку малого предпринимательства, развитие лизинга, совершенствование деятельности информационно-консультационной и обучающей систем, а также создание условий для развития семейного бизнеса в сельских и лесных поселках. Значительное место в Программе занимает правовая поддержка предпринимательства, поскольку условия его функционирования в большой степени зависят от нормативно-правовой базы, которая определяет государственную политику в этом направлении. Проект новой программы на 2009–2014 гг. уже находится в Законодательном собрании РК на рассмотрении.

Финансовое обеспечение программ по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства осуществляется как за счет средств бюджета Республики Карелия, так и других источников. Объем обязательных, ежегодно выделяемых средств указывается в расходной части бюджета Республики Карелия отдельной строкой. Министерство экономического Развития является главным распорядителем бюджетных ассигнований, направляемых на государственную поддержку малого бизнеса. Объем финансирования мероприятий Республиканской целевой программы поддержки малого предпринимательства постепенно растет (табл. 3.7.).

Таблица 3.7

Объем финансирования мероприятий Республиканской целевой программы поддержки малого предпринимательства, тыс. руб.

[Отчет..., 2008]

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Финансирование, тыс. руб.	17,0	793,0	667,0	500,0	525,0	1983,6	2000,0	3991,4	8000,0	5300,0	7700,0

При Министерстве экономического развития Республики Карелия создана и работает конкурсная комиссия по оценке и отбору проектов, направленных на развитие инфраструктуры. В 2005 году создан Совет по малому предпринимательству при Правительстве Республики Карелия, который решает вопросы координации деятельности органов исполнительной власти республики и общественных организаций предпринимателей при формировании и реализации единой политики, направленной на поддержку и развитие малого предпринимательства, в том числе на преодоление административных барьеров.

Благодаря системному подходу в республике выработана единая политика содействия развитию малого предпринимательства, созданию инфраструктуры его поддержки, совершенствованию нормативно-правовой базы по малому предпринимательству.

Действующая инфраструктура поддержки малого бизнеса позволяет утверждать, что в республике создан необходимый минимум специализированных организаций, предоставляющих

предпринимателям информационные, консультационные, обучающие и другие виды услуг. К их числу относятся: Карельское региональное агентство малого и среднего бизнеса, Республиканский бизнес-инкубатор. В сфере поддержки малого предпринимательства задействованы также Торгово-промышленная палата РК, общественные организации: КРОПО «Союз», Карельское отделение Российской Ассоциации малого предпринимательства, Лига малого бизнеса и др.

В 2007 году в г. Петрозаводске был открыт первый пусковой комплекс бизнес-инкубатора Республики Карелия. Он представляет собой современный офисный комплекс, расположенный в центре города, оборудованный коммуникационными системами и имеющий конференц-зал, учебный класс и комнату переговоров. Субъекты малого предпринимательства, осуществляя свою деятельность в бизнес-инкубаторе, в дополнение к офисному помещению получают информационную и консультационную поддержку. При размещении в бизнес-инкубаторе приоритет имеют новые предприятия, с инновационной направленностью развития. Финансирование этого проекта осуществлялось за счет средств отраслевой целевой программы государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелия на 2006–2008 гг. и средств федерального бюджета. На реализацию этого проекта израсходовано 9,7 млн. рублей, в том числе из федерального бюджета – 5,2 млн. рублей. В бизнес-инкубаторе создано 60 новых рабочих мест для субъектов малого предпринимательства, начинающих свой бизнес. Выделение мест в бизнес-инкубаторе осуществляется на конкурсной основе. В 2007 году такой отбор прошли 11, а в 2008 году 14 субъектов малого предпринимательства, которые осуществляют проектно-инжиниринговую деятельность, разработку программного обеспечения и консультирование в этой области; научно-исследовательскую деятельность, направленную на использование местных природных ресурсов.

Управление бизнес-инкубатором осуществляет компания, выбранная на конкурсной основе. В ее задачи входит управление деятельностью инкубатора и оказание услуг субъектам малого предпринимательства. Информационная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе в области норматив-

ной правовой базы, предоставления бесплатной возможности для продвижения производимой продукции, услуг осуществляется Правительством Республики Карелия посредством поддержки Internet-портала для малого и среднего бизнеса республики.

Кроме этого в республике созданы союзы, ассоциации предпринимателей – в Петрозаводске, Костомукше, Кеми, Сортавале и других городах и районах. Представители малого бизнеса все больше осознают, что только консолидация самих предпринимателей, согласованные с Правительством действия могут обеспечить защиту и динамичное развитие малого предпринимательства в республике. Это в свою очередь говорит о том, что малое предпринимательство проявляет себя не только через экономическую активность населения, но является выражением и социальной активности некоторой части общества.

Для решения проблемы обеспечения быстрого доступа к кредитным ресурсам в относительно малых суммах, используемым в качестве оборотных средств, в республике организовано микрокредитование через кредитные союзы и банковскую систему.

Постоянно ведется работа по совершенствованию системы государственной и общественной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелия. Продолжается работа по развитию рыночной инфраструктуры малого предпринимательства, в которую входят: ГУ «Центр развития предпринимательства Республики Карелия», Торгово-промышленные палаты РК, г.Петрозаводска, Карельское региональное агентство малого и среднего бизнеса, Карельская лизинговая компания, центры подготовки и переподготовки кадров в малом бизнесе: (Центр образования и культуры, Карельский центр народного творчества), а также общественные организации предпринимателей. Важным направлением в развитии предпринимательства является финансово-кредитная поддержка малого предпринимательства. Создан и действует механизм финансовой помощи субъектам малого предпринимательства в республике

Организационно-координационную работу по взаимодействию всех участников инфраструктуры осуществляет Министерство экономического развития РК. Оно является инициатором, разработчиком и координатором разработки целевых программ государ-

ственной поддержки малого предпринимательства в РК. При правительстве РК в 2005 году создан Совет по малому предпринимательству при Правительстве РК, который призван решать вопросы координации деятельности органов исполнительной власти республики и общественных организаций предпринимателей при формировании и реализации единой политики, направленной на поддержку и развитие малого предпринимательства, в том числе на преодоление административных барьеров. В этой работе активно принимает участие Институт экономики Карельского научного центра РАН. Институтом как независимой организацией осуществляется мониторинг выполнения мероприятий республиканских целевых программ государственной поддержки малого предпринимательства в РК, выполняется научное сопровождение процесса развития малого предпринимательства.

В декабре 2008 года принят Закон Республики Карелия «Об установлении предельного значения площади арендуемого имущества в отношении недвижимого имущества, находящегося в собственности Республики Карелия или муниципальной собственности, и срока рассрочки оплаты приобретаемого субъектами малого и среднего предпринимательства такого имущества при реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества» № 1250, по которому площадь помещений, подлежащих льготной приватизации, составляет 2000 метров и срок выкупа помещения – 5 лет. Этот закон важен для малого предпринимательства, так как у них появится возможность приобрести собственность, которая дает шанс обрести стабильность и возможность более динамичного развития. Также появляется возможность кредитования под залог в банках, так как часто отсутствовала возможность в приобретении кредита из-за отсутствия возможности предоставления залога.

Для поддержки субъектов малого предпринимательства в кризисный период власти Карелии объявили мораторий на повышение в 2009 году арендной платы за пользование государственным имуществом субъектами малого и среднего бизнеса. В 2010 году в республике снижена стоимость арендной платы для субъектов малого предпринимательства, введено субсидирование процентов по инвестиционным кредитам.

Вопросы поддержки малого и среднего предпринимательства приобретают в республике особое значение, так как именно этот сектор экономики быстро адаптируется к изменяющимся условиям рынка, социально ориентирован, создает новые рабочие места и позволяет смягчить последствия различных негативных явлений. Системная работа по созданию в республике благоприятной предпринимательской среды и по реализации целевой республиканской Программы государственной поддержки малого предпринимательства в РК способствует развитию этого сектора, и способна дать импульс его развитию и модернизации экономики региона в целом.

3.2. Смешанные факторы и ограничения модернизации и социально-экономического развития северных приграничных регионов

Ключевые экономические факторы, рассмотренные выше, дополняются экономико-географическими, а также политическими и институциональными факторами, которые сложно однозначно отнести к экономическим или неэкономическим. Значительное влияние на экономическое развитие оказывают факторы, связанные в первую очередь с экономической политикой региональных и федеральных властей. Как правило, выделяют системно-экономические (тип экономической системы, открытость экономики и другие), экономико-политические и институционально-экономические факторы. Их влияние зачастую слабее и менее устойчиво, но проявляется быстрее, отражая эффективность проводимой властями социально-экономической политики.

К экономико-географическим факторам относятся, прежде всего, – близость крупных и развивающихся рынков, промышленных, торговых, административных, культурных или иных центров, транспортных путей или наоборот периферийное положение, выход к мировому океану, наличие водных путей, густота дорожной сети, условия для развития внешнеэкономических связей, особенности развития соседних регионов и стран, уровень развития сопредельного региона и темпы его роста, особенности рельефа,

прежде всего в районе границы и другие. В зависимости от данных факторов регион может аккумулировать или отдавать имеющиеся ресурсы. Природно-ресурсные факторы включают промышленные запасы минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, лесные, земельные, водные, биологические, рекреационные и другие ресурсы. Исследования показали определяющее влияние природных ресурсов и соответствующих отраслей экономики на рост межрегиональной дифференциации в начале 90-х годов. В эконометрические модели вводятся переменные, характеризующие природно-ресурсные особенности регионов. Проведенные расчеты показали, что данный фактор оказывал положительное влияние в начале 90-х годов, способствуя уменьшению экономического спада, а с конца 90-х годов стал оказывать отрицательное влияние, замедляя экономический рост [Белокозова, 2002].

Первые работы, посвященные роли институциональных факторов в экономическом развитии появились во второй половине XX в. Среди современных исследований влияния институциональных факторов на экономический рост следует выделить работы Р. Инглехарта, У. Истерли, Р. Ла Порта, Р. Левина, П. Мауро, Р. Патнема, Д. Родрика, Д. Эйсмоглу, В. Мау, Р. Нуреева, Г. Журавлевой, Д. Миропольского, В. Рязанова и других. Институционально-экономический фактор включает: институты экономического регулирования, институт частно-государственного партнерства и институты прав собственности. Большинство авторов считает, что институциональные факторы существенны, прежде всего, для объяснения долгосрочных темпов экономического роста. Попытки объяснить различия в темпах роста на коротких интервалах с помощью институциональных переменных дают результаты, которые статистически не столь значимы и менее устойчивы. На длительном временном интервале роль институциональных факторов представляется решающей – без улучшения институтов рост оказывается нестабильным.

Экономико-политические факторы связаны с текущей экономической политикой, которую в большей степени осуществляет федеральная власть, полномочия которой сформулированы в Конституции – финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики, инноваци-

онная и антимонопольная деятельность, федеральный бюджет, федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития и другие. По некоторым оценкам в наибольшей степени ускорению экономического роста способствуют сокращение объема государственных расходов, уменьшение масштабов коррупции, проведение структурных реформ и либерализация внешней торговли [Ипатов, 2008]. К основным инструментам экономического воздействия федерального уровня на регионы, носящим преимущественно ресурсный характер, относятся трансферты и федеральные налоги, часть которых остается в регионе.

Воздействие региональных властей связано с бюджетно-налоговой политикой, улучшением инвестиционного климата, структурной политикой, поддержкой инновационной деятельности, уменьшением административных барьеров, поддержкой малого бизнеса, улучшением подготовки и переподготовки менеджеров и специалистов, содействием интеграции и сотрудничества регионального бизнеса, поддержкой активных и эффективных предприятий и многим другим. Снижает эффективность действий региональных и местных властей передача полномочий без соответствующей передачи источников финансирования.

Анализ влияния экономико-политических и системно-экономических факторов на рост экономики региона позволяет оценить эффективность проводимой ее правительством социально-экономической политики.

Межрегиональное сотрудничество является важным фактором развития в производственной и социальной сферах, источником привлечения инвестиций, расширения рынков сбыта продукции, произведенной в регионе, предполагает проведение политики расширения и укрепления торгово-экономических, научно-технических и культурных связей с регионами РФ и может способствовать наращиванию инновационного потенциала. Межрегиональные экономические связи – система экономических отношений и интересов регионов, развивающихся в процессе функционирования общественного производства, обусловленная разделением общественного труда и специализацией производства, размещением производительных сил и природно-географическими условиями, включающая материальный товарообмен, совместное выполнение

работ, туризм, финансовые потоки, инвестиции, обмен информацией, которые происходят между фирмами, отраслями, кластерами, муниципальными образованиями и населением регионов. Межрегиональное сотрудничество позволяет преодолеть закрытость региональных рынков через ограничения, рост транспортных тарифов и региональный заказ, замкнутость отсталых регионов и ориентированность на внешний рынок части успешно развивающихся.

Трансграничное сотрудничество связано с усилением интеграции сопредельных регионов, развитием совместной инфраструктуры, содействием росту экспорта и изменению его структуры, взаимодействию в образовании, науке, здравоохранении и реализации других социальных проектов, сотрудничеству в экологической сфере и совместному планированию и другой деятельностью. Успешные научные и образовательные проекты, инвестиции приведшие к модернизации существующих и созданию новых предприятий с современными технологиями могут способствовать появлению и успешной реализации совместных инновационных проектов, что приведет к росту инновационного потенциала, появлению совместно разработанных новых товаров и услуг.

Очевидно, что межрегиональное и трансграничное сотрудничество во многом обуславливаются институциональными и институционально-политическими факторами и ограничениями, а также привлекательностью институционального климата региона в целом. Поэтому следует рассмотреть их более детально.

Институциональные факторы и ограничения и социально-экономического развития северного приграничного региона

Тезис о том, что институты имеют огромное значение в социально-экономическом развитии регионов, является на сегодня общим местом и признается не только институционалистами, но и представителями традиционных научных экономических школ. Институты, представляя собой определенные «правила игры», структурируют отношения в экономических, социальных, политических и других системах. От качества институтов зависит, являются они факторами или препятствиями для развития. Институциональные системы представляют из себя сложные структурные

композиции, включающие формальные и неформальные подсистемы. Формальные институты включают законы и подзаконные акты. Неформальные – социальные нормы, традиции, кодексы и т. п., то есть являются нормативной структурой общества. У. Нисканен назвал неформальные институты (социальные нормы) *мягкой инфраструктурой экономики*. Именно от согласованности (конгруэнтности) формальных и неформальных институтов в первую очередь зависит качество институциональной системы. Если в развитых западных обществах доминирующую роль играют формальные институты, то в трансформационных из-за проблем, связанных с издержками законодательства, неформальные институты зачастую нивелируют действие формальных институтов. Они создают условия для появления институциональных ловушек, или, напротив, выполняют поддерживающую функцию, способствуя сохранению социально-экономических систем.

Именно такие противоречия свойственны для институциональной системы современного российского общества. Неформальные институты имеют глубокие исторические корни в жизни различных народов и тесно связаны с преобладающими стереотипами поведения, которые обусловлены ментальными, ценностными установками [Институциональная, 2005]. Что касается России, то здесь отмечаются существенные отличия от современных западных образцов. Но здесь нужно учитывать, что нормативные системы разных обществ существенно отличаются не потому, что в них действуют совершенно различные нормы, а потому, что в разных обществах установлены различные приоритеты [Касьянов, Нечипуренко, 2001].

Говоря о российской ментальности, нужно учитывать несколько важных обстоятельств. Россия на протяжении всего исторического пути в силу геополитических факторов находится под мощным влиянием двух культур – западной и восточной. При этом российский выбор через православие больше склонялся в сторону восточных христианских традиций. «Российская цивилизация на протяжении столетий находилась на историческом «перекрестке», с одной стороны, модернизационных путей цивилизационного развития, свойственных Западной Европе; а с другой – путей органической традиционности, столь характерной для стран Востока. Русская культура всегда стремилась к модернизации, но модерни-

зация в России шла медленно, тяжело, через огромное «сопротивление материала»; в то же время собственно цивилизация развивалась в русле глубоко укорененных традиций, предания, но постоянно тяготилась однозначностью и заданностью традиций, то и дело, восставая против них и нарушая» [Культурология, 1998].

За последние 100 лет российское общество неоднократно проходило институциональную ломку, связанную со сменой политической системы. Революционные преобразования начала XX века продолжили траекторию освобождения общества, начатую с отменной крепостного права. Марксистская идеология, была созвучна с ценностными установками российского общества. Западные институты всегда были чужды русскому менталитету. «У русских не было сакрального отношения к институту частной собственности. Собственность не абсолютное благо, а часто зло, грех, отступничество от евангельского Христа, который ее осудил» [Кондаков, 2007]. Таким образом, коммунистическая идеология свободно легла на особую российскую ментальность, и потребовалось почти 90 лет, чтобы в обществе и верхи, и низы пришли к пониманию необходимости коренных реформ.

Рыночные реформы конца XX века были обусловлены несостоятельностью не только власти для обеспечения благоприятных условий для жизни населения, но и самой экономической системы. Плановая экономика потерпела фиаско. Вместе с тем через 20 лет, несмотря на все усилия реформаторов, в российском обществе не сформированы адекватные рыночным принципам институты. Как доказывают институционалисты, главная причина кроется в неформальных институтах. Теория институциональных матриц объясняет их генетическое происхождение. Применительно к российскому обществу это означает, что у нас нет «рыночного гена». Рыночные институты здесь «ввязнут» в рутинах обычного права. По мнению С. Кирдиной, российское общество в своей институциональной матрице в качестве базовых институтов содержит X-набор: унитарную политическую систему, коммунитарную идеологию и распределительную экономику [Кирдиной С., 2000]. Рыночные институты здесь могут выступать только как комплиментарные. Попытки в одночасье поменять экономические институты дали отрицательный эффект.

Сегодня процесс формирования новых институтов в России продолжается. Новые законы принимаются по методу проб и ошибок. Поэтому важным является вопрос получения объективной информации о происходящих на уровне неформальных институтов (надконституционных правил) изменениях, их соответствия не только рыночным целям, но и целям социального развития России. При этом важно иметь знания о периферийных регионах, представляющих особую институциональную специфику российской глубинки. Важно понимать, насколько население принимает или отторгает вводимые правила, в чем причина неэффективного институционального строительства.

В Институте экономики КарНЦ РАН на протяжении 10 лет в рамках нескольких исследовательских проектов РФФИ и РГНФ¹³ исследовалось состояние институциональной среды Республики Карелия – северного приграничного региона России. Предметными областями исследований были неформальные институты, являющимися основными регуляторами экономических отношений. Для анализа использовались результаты опросов не только предприятий, но и домохозяйств, так как именно на уровне домохозяйств легко улавливаются традиционные нормы поведения, сложившиеся в обществе, и их трансформации в процессе реформ. В качестве методологических подходов использованы положения институциональной экономики и теории институциональных матриц. Мы отталкиваемся от исходной методологической позиции [Олейник, 2002] о том, что нормативная структура включает:

- рыночное общество: деперсонифицированное доверие; добровольное подчинение закону; рациональное поведение;
- нерыночное общество: персонифицированное доверие; вынужденное подчинение закону; ограниченная рациональность.

¹³ Обследование проводилось в рамках проекта РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходного периода (2006–2008, № 06-06-80413а, рук. Козырева Г.Б.) и РГНФ «Карельская модель трансграничного сотрудничества» (2007–2009, №07-02-009а, рук. Морозова Т.В.). Выборка исследования – 1100 городских домохозяйств РК (гг. Петрозаводск, Сортавала, Питкяранта, Лахденпохья, Костомукша).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что в Республике Карелия такой неформальный институт, как доверие не вписывается в рамки рыночной концепции. Так, данные по опросам городских и сельских домохозяйств показали следующее. Во-первых, радиус доверия социальных групп сужен до первичного и ближайшего социального окружения. Эта ситуация просматривается на протяжении всех пореформенных лет и связана с общим падением институционального доверия. Во-вторых, ярко выражена персонифицированность доверия. Люди в основном доверяют только родным и близким, причем за последние 5 лет этот показатель увеличился почти на четверть (с 41% до 67,5%). До недавнего времени доля доверяющих президенту страны была достаточно высока и удерживалась на уровне 20%. Но в 2011 г. она «провалилась» до 3,2%. Такой провал можно объяснить той кризисной политической ситуацией в стране, которая сложилась накануне парламентских и президентских выборов. В-третьих, высока представленность группы респондентов, не доверяющих никому (25–28%). Правда, в последнее время (2011 г.) этот показатель уменьшился более чем в 2 раза, что, скорее всего, связано с перемещением не доверяющих никому в группу доверяющих родным и близким на фоне снижения институционального доверия. В-четвертых, отмечается низкий уровень доверия к системе общественных и политических институтов (институционального доверия). Особенно этот вопрос обострился в последние 5 лет – уровень доверия к власти упал почти в 2 раза.

Сравнительная оценка институционального и межличностного доверия региона позволяет делать выводы о глубоких институциональных проблемах регионального сообщества. По А. Н.Олейнику [2002], возможно несколько моделей сочетания институционального и межличностного доверия в обществе:

1. межличностное и институциональное доверие выше среднего – общество обладает значительным социальным капиталом, а власть способствует его сохранению и воспроизводству;
2. высокий уровень межличностного доверия при низком уровне институционального доверия – общество существует автономно от власти. Происходит амортизация социального капитала и возникает тенденция перехода к 4 модели.

3. высокое институциональное доверие, низкое межличностное доверие – общество полностью зависит от властных инициатив.

4. низкое институциональное и низкое межличностное доверие. Социальные взаимодействия парализованы. Власть не способна контролировать ситуацию, координация действий людей сильно затруднены.

Результаты исследования показывают, что *для условий РК характерна переходная ситуация – низкое институциональное доверие и высокое межличностное доверие*. Механизмы социального регулирования еще действуют, но может появиться угроза целостности общества, может ослабнуть уровень межличностного доверия при сохранении столь же низкого институционального доверия. Существенное падение за последние 5 лет институционального доверия свидетельствует практически о кризисе власти, что может повлечь за собой опасность потери управления территорией, «растраты» социального капитала и полной дезинтеграции общества. Понятно, что в 2012 г. произошли серьезные политические изменения. После президентских выборов власть объявила новый курс на стабильное развитие, что может стать фактором повышения доверия.

Доверие является важным социальным регулятором, позволяющим экономическим агентам иметь стабильные ожидания от поведения своих партнеров и власти. Низкое институциональное доверие регионального сообщества и высокий уровень его персонифицированности свидетельствует о неразвитости этой социальной нормы в формате рыночной идеологии. Рассмотрим, какой авторитет имеет закон среди жителей РК (рис. 3.8).

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что авторитет закона у населения практически отсутствует. Оценивая практики исполнения законов в российском обществе, жители Карелии склоняются к мнению, что по законам живут только простые граждане (от 43 до 50% респондентов), а власть и бизнес их не признают. Высока доля респондентов (32–36%), считающая, что закон в нашей стране не признает никто. При этом динамика за 5 лет имеет негативный характер – показатели, характеризующие уровень законопослушания, ухудшаются. Вероятно, это связано с высокими рисками и высокой степенью неопределенности в российской экономике, что порождает недоверие со стороны многих социальных групп.

Рис. 3.8. Динамика ответов респондентов на вопрос: Кто живет по законам в нашей стране?

Важным элементом институционального устройства общества является система мотиваций, определяющая отношение людей к закону (рис. 3.9). Результаты исследований показывают, что среди таких стимулов подчинения законам, как совесть, стремление к порядку и страх перед наказанием, население Карелии отдает предпочтение последнему. При этом просматриваются некоторые тенденции. Во-первых, «страх перед наказанием» на протяжении 10 лет устойчиво сохраняет доминирующее положение – от 25 до 36%. Во-вторых, достаточно высокие значения демонстрирует такой показатель, как «совесть» (почти треть голосов). В-третьих, по сравнению с 2002 г. в три раза снизил свой рейтинг «расчет». Высокий рейтинг «расчета» в начале 2000-х гг. может быть связан с приходом нового президента и некоторыми позитивными ожиданиями установления правильного порядка, а спад в конце 2000-х гг. уже говорит о разочаровании от несбывшихся надежд. В-четвертых, на протяжении 10 лет у наших респондентов остается не в чести «дисциплина». В-пятых, практически не изменяется доля респондентов, имеющих затруднения при ответе – таких около 20%.

Рис. 3.9. Динамика ответов респондентов на вопрос: Что заставляет людей жить по законам?

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на характер нормативной структуры населения РК доминирующее влияние оказывают факторы, имеющие высший «сакральный» смысл – совесть, страх, которые еще более усиливаются на фоне распространяющейся аномии в обществе. При этом пока слабо срабатывают прагматичные факторы – расчет, дисциплина, что подтверждает гипотезу нормативных приоритетов. Русская традиция отдает предпочтение духовному и пренебрегает материальным, что еще раз доказывает, что современные российские институты принадлежат восточной институциональной матрице.

При анализе роли закона в обществе получены следующие распределения. Здесь доминируют негативные мнения (рис. 3.10). Более 30% респондентов считают, что законы не защищают никого. Примерно от 30 до 50% полагают, что только узкий круг граждан защищен законом. Доля тех, кто верит в силу закона, за последние 5 лет выросла от 10 до 17%. Среди опрошенных 10–12% не знают ответа на этот вопрос.

Хотя за 5 лет и наметилась некоторая положительная динамика, общая картина имеет крайне неблагоприятный облик – система общественных институтов не только несовершенна, но и несправед-

лива. Полученное распределение свидетельствует о низкой эффективности формальных институтов как в региональном сообществе, так и в стране в целом. За этим тянется целый шлейф проблем – безграмотность законотворцев, власть и бизнес, которые живут по своим законам, правовая безграмотность всего населения, отсутствие социальной нормы в обществе – жить по закону.

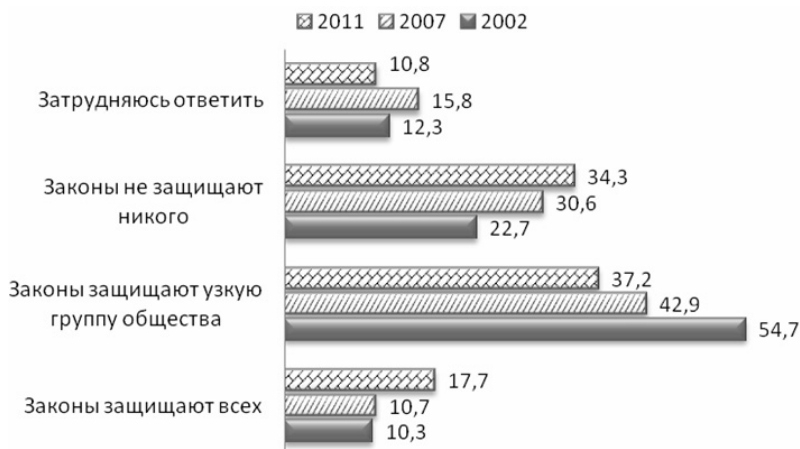

Рис. 3.10. Динамика ответов респондентов на вопрос: Как действует закон в нашей стране?

Эти выводы подтверждаются ответами респондентов на вопрос: Почему в нашей стране плохо исполняются законы (рис. 3.11). По мнению большинства респондентов (более 50%) основная причина неисполнения законов заключается в том, что в России законы никогда не были нормой жизни. Кроме того, более 40% опрошенных считают, что законы несовершенны, 34% – уверены, что люди не знают законов. При этом за последние 5 лет усилились критические оценки населения. Выросла доля респондентов, которые стали понимать более глубинные причины негативных правоприменительных практик, имеющих широкое распространение в российском обществе и связанных с укоренившейся социальной нормой «жить по понятию, а не по закону», правовой безграмотностью населения, а также правовым нигилизмом значительной части российских чиновников и сотрудников силовых структур.

Отсутствие у населения России в прошлом опыта ориентироваться в правовом пространстве, влечет за собой заниженную степень рационального поведения и поведенческую несамостоятельность, что препятствует формированию оптимизационных стратегий развития не только на уровне домохозяйств, но и бизнес-структур. При неразвитости социальных норм, согласующихся с конституцией рынка (а это деперсонифицированное или институциональное доверие и добровольное подчинение закону) новые правила игры выполняются с большими поправками со стороны всех участников экономических отношений.

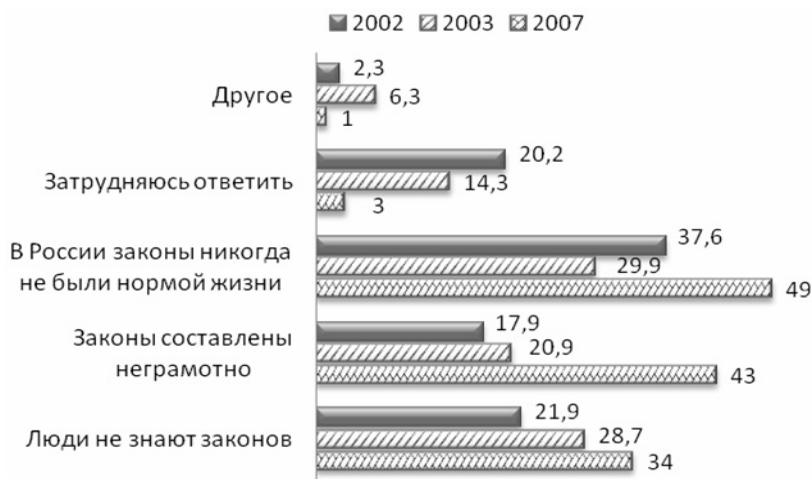

Рис. 3.11. Динамика ответов респондентов на вопрос: Почему в нашей стране плохо исполняются законы?

Проблемы правосознания российских граждан уходят корнями в экономико-правовую культуру общества. Согласно концепции восточного деспотизма (ее разрабатывали К. Маркс, К-А. Виттфогель, Л. Васильев, Дж. Скотт)[Институциональная экономика, 2005], государство сильнее, чем общество, власть выше закона. Господство основано не на частной собственности, а на высоком положении в административной иерархии. Власть в таких условиях удерживается через тотальный террор, который сегодня имеет «человеческое лицо». В результате – тотальное отчуждение,

«коллективизм несвободных людей», которые формируют «оружие слабых» – мелкое, но тотальное нарушение закона (браконьерство, уклонение от налогов, контрабанду, мелкое воровство). Эти мелкие повседневные нарушения предписанных государством правил позволяли обеспечить минимально приемлемое качество жизни. Такие обыденные формы сопротивления были возможны только в условиях общинной сплоченности, когда наказывать приходилось либо всех, либо никого [Институциональная экономика, 2005].

Низкий уровень развития правового сознания во всех слоях общества создает среду для безответственности как со стороны государства так и со стороны населения, что в свою очередь обуславливает низкий уровень правовой дисциплины (например, налоговая дисциплина, отсутствие четко зафиксированного права собственности и т. п.). Низкое правовое сознание и ретроориентированная деятельность создают условия для лигмитизации оппортунизма, заключающегося в укреплении и распространении мнения, что жесткость законов смягчается необязательностью их исполнения, которое признается на всех уровнях общества.

Результаты исследования неформальных институтов региональной социально-экономической системы демонстрируют следующие тенденции:

- на фоне высокого уровня персонифицированности доверия наблюдается низкое институциональное доверие;
- углубляются процессы социальной дезинтегрированности регионального сообщества – современное состояние неформальных институтов препятствует росту социального капитала и не создает благоприятных условий (мягкая инфраструктура экономики) для повышения эффективности экономики;
- система мотиваций, определяющих отношение людей к закону, смещается от добровольности в сторону вынужденности;
- наблюдается правовой нигилизм и безграмотность законотворцев и большинства населения – доминирует модель незаконнопопослушного поведения на базе укоренившейся социальной нормы «жить по понятию, а не по закону»;
- характер нормативной структуры регионального сообщества демонстрирует ее принадлежность восточному типу институциональных матриц;

- экономические системы (домохозяйства и предприятия) несут высокие транзакционные издержки, которые являются ценой высоких рисков в условиях неопределенности и непрозрачности институциональной среды;
- пока не просматривается позитивных тенденций, связанных с преодолением институциональной неадекватности государства.

Осуществленный дескриптивный анализ процесса трансформации неформальных институтов региона за период 2002–2011 гг. (на примере Республики Карелия) демонстрирует латентные процессы, происходящие в нормативной структуре регионального общества, связанные с противоречиями между сложившимися традиционными социальными приоритетами и рыночными формальными правилами, в результате чего *формируются неэффективные неформальные институты, отражающие низкое институциональное доверие и правовой нигилизм всех социальных групп*. Таким образом, качество неформальных институтов такого приграничного региона, как Республика Карелия, в настоящее время остается крайне низким, что является одним из основных институциональных ограничений для социально-экономического развития в условиях интеграции и глобализации.

Институционально-политические факторы развития региональной экономики и состояние институционального климата в регионе

Институционально-политические факторы также оказывают довольно существенное влияние на региональное развитие [Дружинин, 2012; Васильева, 2012]. Исследованию влияния политических процессов посвящены труды Г. Крамера, Е. Тафта, У. Нордхауза, А. Линдбека, Т. Персона, Дж. Табеллини, А. Алезины, Д. Гиббса, Т. Ито, И. Афанасенко, А. Ахмедова, А. Добрынина, С. Дятлова, Е. Журавской, Л. Полищук, А. Попова, А. Равичева, С. Шульгина, В. Полтеровича и других. Попытки ранжирования и количественных оценок влияния политических факторов на экономический рост предприняты в работах К. Клаги, Р. Кифера, С. Кнэка, М. Олсона, П. Мюррела, Дж. Талботта, Р. Барро, В. Мау, С. Жаворонкова, К. Яновского и др.

К институционально-политическим факторам относятся следующие: социально-политическая стабильность, характер политического режима, политическое, межэтническое и межконфессиональное согласие, особенности социальной политики государства, уровень развития демократии и др. Для России в течение последних 20 лет отмечается такая закономерность роста экономики, связанная с институционально-политическими факторами, как монополизация экономических рынков. Монополизация является продуктом политического монополизма, который, в свою очередь, является результатом ограничения конкурентных отношений в экономике. Развитие социального капитала ведет к развитию гражданского общества, что требует повышения качества политических и экономических институтов для выхода на траекторию устойчивого экономического роста [Ипатов, 2008].

Политические факторы функционирования региональной экономики определяются субъективной деятельностью людей в соответствии с определенными политическими целями и условиями. Политическая ситуация в стране и регионе оказывает влияние на инвестиционный климат региона, определяя такие характеристики, как риски, прибыльность, возвратность, ликвидность. Региональные органы государственной власти могут оказывать ограниченное влияние на институционально-политические факторы экономического роста. Основным направлением совершенствования институционально-политических факторов регионального экономического роста является активное реформирование системы управления.

Надо отметить, что политические институты могут трактоваться достаточно широко и поэтому в какой-то степени «пересекаться» с другими институциональными группами. Поэтому одной из проблем в исследованиях экономического роста является разграничение институционально-экономических и институционально-политических факторов экономического роста. К институтам государственной власти относятся институты законодательной, исполнительной и судебной власти на федеральном и региональном уровнях. Важнейшими институтами гражданского общества, которые влияют на деятельность институтов государственной власти, относятся общественные организации и объединения (политиче-

ские партии, профсоюзы, конфессиональные объединения). К элементам институционально-политических факторов следует отнести совокупность законодательных и нормативных актов, регулирующих избирательный процесс на всех административных уровнях государства, порядок формирования выборных органов власти, органы, осуществляющие контроль над соблюдением законности в период предвыборных кампаний.

Учитывая мнение многих перечисленных выше исследователей о том, что в российской экономике наиболее высоки издержки транзакций государства и бизнеса, неоднократно доказано, что наиболее значительное влияние институционально-политические факторы оказывают на уровень стагнационных транзакционных издержек. Это объясняется наличием временного лага идентификации экономических изменений органами государственной власти, административными задержками претворения в жизнь мер экономической политики, функциональным запаздыванием между претворением в жизнь мер экономической политики и реакцией экономических агентов, несоответствием политических целей существующей экономической ситуации, пристрастием к стимулирующим мерам в политических интересах, а также наличием деловых циклов, обусловленных политическими мотивами [Ипатов, 2008].

Поскольку в процессе трансформации социально-экономической системы в России возросло значение институционально-политических факторов роста экономики, то возникает необходимость определить характер взаимосвязи институционально-экономических и институционально-политических факторов роста, оценить их вклад в рост современной экономики, разработать механизмы оптимизации влияния данных факторов.

Среди институтов региональной власти важнейшим является институт губернаторства. Он принимает основные решения, взаимодействует с федеральными структурами, определяет действия региональной исполнительной власти и существенно влияет на региональную законодательную власть. В силу важности данного института необходимо оценить его эффективность с точки зрения влияния его изменений на динамику основных показателей социально-экономического развития регионов, выявить возможность преодоления инерции региональной среды, коренного перелома

сложившихся тенденций. Для решения данной задачи в Институте экономики КарНЦ РАН были выделены ключевые характеристики института, проведен сравнительный анализ, построены специальные модели для оценки взаимосвязи выделенных характеристик института с показателями социально-экономического развития региона. Поскольку влияние региональных политических институтов на экономическое развитие меньше, чем экономических и его сложнее оценить, то необходимо было упорядочить исходные данные для того, чтобы искомое влияние стало заметным.

Проведенные исследования [Дружинин, 2012; Васильева, 2012] показали значимость факторов, не связанных или слабо связанных с трудом и капиталом. Исследование данных по российским регионам показало, что институционально-политические факторы оказывают небольшое влияние на региональный экономический рост в двух случаях – темп роста временно возрастает при смене главы региона и длительность руководства регионом оказывает влияние на экономический рост (рис. 3.12).

В исследовании было предложено два подхода. В первом случае уравнения формировались через учет ключевых факторов, оценивалась разница фактического значения и полученного по производственной функции с техническим прогрессом, трудом и капиталом. В этом случае возникает проблема сопоставимости данных для панельных данных и кросс-секшн. Задача становится трудоемкой, но разрешимой. В данном случае можно рассматривать регионы отдельно, а для панельных данных брать данные по одному федеральному округу. Тогда для СЗФО нужно пересчитывать экономические показатели относительно одного из регионов, например Республики Карелии, или Псковской области, как регионов с наиболее низким ВРП.

Второй подход проще, но менее точен. Рассматриваются не абсолютные показатели, а темпы роста. Тогда можно формировать панель, которой особенности года учитываются через российские данные в данный год, а особенности региона через среднюю по региону за весь период наблюдений величину темпов роста. Анализ данных показал существенную нелинейность зависимостей, и часть расчетов проводилась с использованием полиномов второй степени. Для линейного случая рассматривалось уравнение:

$$Z(t) = A \times N(t)^\alpha \times Y(t)^\beta \times T^\gamma$$

где: $Z(t)$ – исследуемый показатель регионального развития в год t ; $Y(t)$ – соответствующий российский показатель в год t ; T – среднее значение показателя для исследуемого региона; $N(t)$ – показатель, характеризующий региональные политические особенности в год t ; A , α , β , γ – константы.

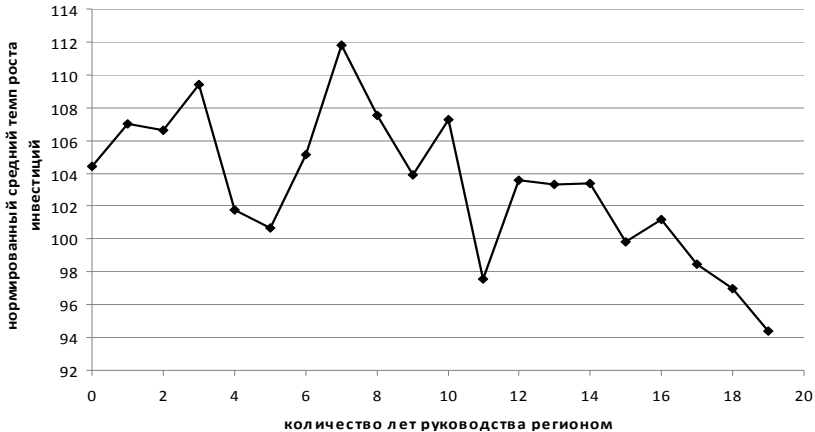

Рис. 3.12. Зависимость средних темпов роста инвестиций в 1998–2010 гг. от длительности нахождения у власти губернатора

Проведенные расчеты подтвердили высказанные гипотезы, о том, что *после отмены прямых выборов губернатора существует отрицательное влияние продолжительности руководства регионом на показатели его социально-экономического развития*. Надо отметить, что для ВРП более существенным оказались региональные особенности, чем влияние общероссийских изменений (для мультипликативной функции – 0,983 и 0,85 соответственно).

Одним из индикаторов качества институциональной среды в регионе является институциональный климат. Он показывает насколько комфортно и уверенно чувствует себя бизнес в сложившихся институциональных условиях. Институциональная среда российского общества, отличаясь неоднородностью, представляет собой целую мозаику региональных специфик. Новый экономический порядок, объявленный в 1992 г., поставил регионы в неравно-

ценные условия. В формате общих институциональных правил каждый регион, имея отличные от других стартовые условия для экономического развития, апробирует эти правила и адаптируется (за счет создания региональных практик исполнения законодательства) к тем, которые наиболее приемлемы с точки зрения региональной власти, бизнеса и населения. При этом выбираемые правила (стратегии) разных социальных групп отличаются, и трансформационные процессы влекут за собой формирование выигравших и проигравших групп интересов. Особенно остро эти вопросы стоят на территории периферийных регионов, к числу которых относится также Республика Карелия.

В настоящее время существуют объективные причины, которые влияют на качество институциональной среды приграничных регионов. Эмпирической базой при оценке качества институциональной среды в регионе являются данные экономико-социологических обследований поведения предприятий в регионе.¹⁴ Так, состояние институционального климата (качества институциональной среды) Республики Карелия оценено на основе анализа деловых практиках карельского бизнеса, так как именно его поведение отражает самые болевые точки качества институтов.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что в Карелии есть среда для развития оппортунизма (недобросовестного поведения) как на формальном, так и на неформальном уровнях. В частности, на вопрос, можно ли заниматься честным бизнесом в России, более 60% ответили отрицательно, причем основная причина состоит в том, что в этом в первую очередь не заинтересованы чиновники. Заимствование правил игры из другой институциональной матрицы ведет к нивелированию законов, так как механизмы и практика контроля за соблюдением этих законов,

¹⁴ В Карелии подобные исследования были проведены в рамках проекта РФФИ «Организация и проведение экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия» (№ 03-06-88036, рук. Козырева Г.Б., 2003), проекта РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики» (№ 06-06-80413, рук. Козырева Г.Б., 2007), а также исследования, проведенного в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 16.740.11.0418 от 26.11.2010). В целом было опрошено 70 карельских предприятий.

нормы поведения и субъективные модели игроков существенно отличаются. Это приводит к искажению системы стимулов и субъективной оценки игроками последствий принимаемых решений.

По данным опроса, проведенного сотрудниками Института экономики КарНЦ РАН в 2011 г.,¹⁵ среди опрошенных руководителей предприятий Республики Карелии более 75% имели проблемы с партнерами по бизнесу, из них 61% – иногда, 14,3% – довольно часто, и 1,8 – всегда (рис. 3.13). При этом проблемы состояли не только в несвоевременной оплате услуг и срыве договоров, но даже и в откровенном обмане.

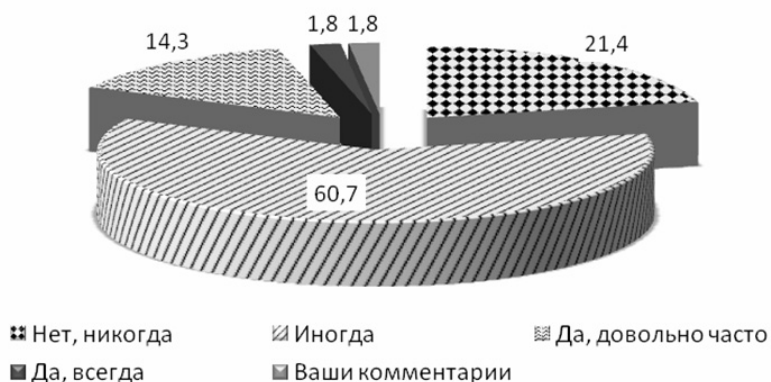

Рис. 3.13. Распределение ответов респондентов на вопрос: Сталкивались ли Вы с недобросовестностью партнеров?

Как показали результаты опроса, основные причины недобросовестного поведения бизнеса имеют следующее распределение (рис. 3.14). Некачественные неформальные институты обвиняют 70% респондентов. При этом более 50% опрошенных менеджеров убеждены, что в обществе не сформирована мотивация для ведения честного бизнеса, а это в свою очередь свидетельствует о незрелости бизнес-среды. Этот вывод дополняется такими причинами, как некомпетентность и непрофессионализм менеджеров, о чем говорят они сами – таких 37,5%. На «беспредел» чиновников

¹⁵ Проект ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 16.740.11.0418 от 26.11.2010).

показывают 21,4% опрошенных, а 19,6% среди них считают, что люди вообще склонны обманывать друг друга. О несовершенстве законов (т. е. о низком качестве формальных институтов) говорит меньше респондентов – только 28,6% руководителей предприятий. Таким образом, опрошенные руководители предприятий Республики Карелия основную причину недобросовестного бизнеса видят в характере исполнения законов, а не в самих законах.

Как О. Уильмсон полагает, институты нужны, чтобы быть преградой для оппортунизма. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что в Республике Карелии есть среда для развития оппортунизма как на формальном, так и на неформальном уровне. На вопрос, можно ли заниматься честным бизнесом в России, более 60% ответили отрицательно, причем основная причина состоит в том, что в этом в первую очередь не заинтересованы чиновники.

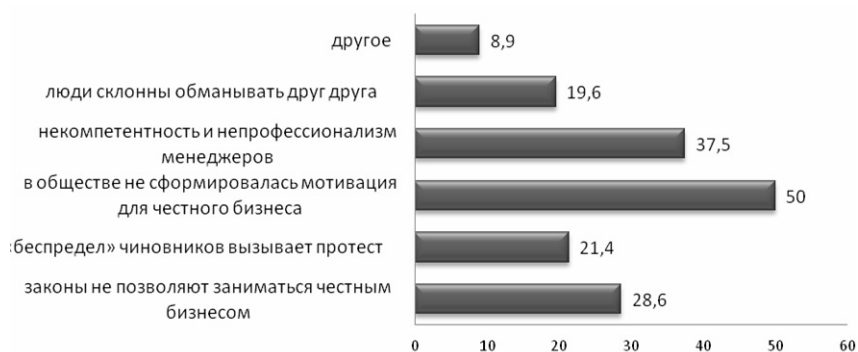

Рис. 3.14. Причины нечестного поведения по мнению респондентов

Оппортунизм обусловлен излишней бюрократизацией, которая сопровождает процесс перераспределения ресурсов. Все предприятия, представляющие экспортно-ориентированные отрасли промышленности, сегодня фактически приватизированы. Но, тем не менее, через различные механизмы государственного регулирования – лицензирование, квотирование, разрешительный характер регистрации бизнеса – чиновники пытаются вмешиваться во все сферы экономической деятельности. Они распределяют различные виды государственной поддержки бизнеса через лизинг, предоставление льгот, используя административный ресурс в корыстных

целях. То есть происходит неэффективное перераспределение государственных ресурсов в пользу отдельно взятых чиновников (рис. 3.15).

Рис. 3.15. Проблемы бизнеса по мнению респондентов

Самыми значимыми для карельского бизнеса являются проблемы, связанные с получением и расширением возможностей для развития бизнеса – лизинг (17,3%), льготы (14,4%), а также регистрация предприятия (13,6%). Бизнес много теряет от постоянно изменяющихся требований различных инспекций, при согласовании принимаемых решений с контролирующими организациями, а также при проведении проверок и получении предписаний различных инспекций (пожарной, санэпидемнадзора, энергонадзора и т. п.). То есть из-за излишней административной регламентации предприятия несут существенные потери, которые не всегда могут быть учтены в бухгалтерской отчетности. Поэтому *хозяйственным агентам приходится часто искать неформальные пути развития своего бизнеса, например, ссылаясь на уже знакомые чиновникам фирмы, как своеобразных гарантов*. При получении доступа к ресурсам главные ограничения у предприятий появляются при получении прав на аренду помещения и оформление земли в аренду или собственность. Это далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается бизнес в рамках своей деятельности. Но уже

он дает представление о масштабе административных барьеров, которые стоят на пути нормального экономического развития бизнеса и тех территорий, на которых он функционирует. Потери бизнеса от решения указанные выше или схожих проблем, как правило, не основываются на каких-либо расчетах, транзакционные издержки пока еще не рассматриваются как фактор рыночной эффективности.

Одна из ключевых проблем российского бизнеса в переходный период была связана с обеспечением его безопасности. В 90-е и в начале 2000-х гг. широкое распространение имели процессы рэкета и силового захвата собственности. В настоящее время эти процессы полностью не прекратились, но приобрели завуалированную, более цивилизованную форму. То есть бизнес все еще не имеет эффективной защиты, хотя сегодня последняя начинает приобретать свои институциональные очертания.

Результаты исследований, проведенных в Республике Карелия, показывают, что если 10 лет назад среди форм защиты карельского бизнеса преобладала дружба с властью и криминальными структурами, то сейчас – это обращение в полицию, в частные охранные агентства (рис. 3.16). Почти треть компаний сегодня имеет собственную службу безопасности, что, впрочем, наблюдалось и 10 лет назад. Важно то, что значительно выросло число компаний, не испытывающих проблемы безопасности – раньше таких было в 3 раза меньше. Эти данные свидетельствуют о существенных позитивных трансформациях в процессе формирования институциональной рыночной среды региона.

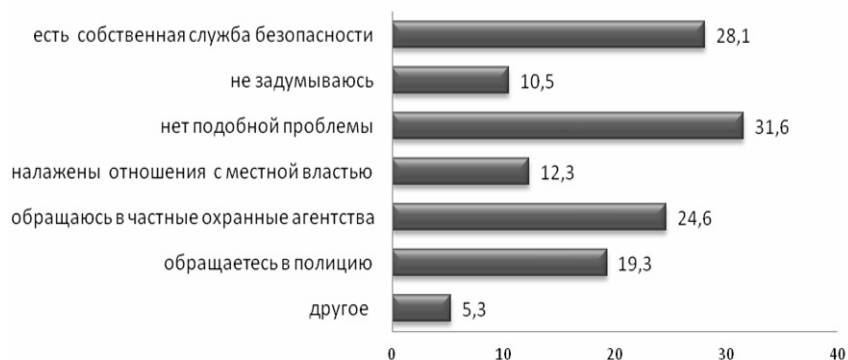

Рис. 3.16. Способы обеспечения безопасности бизнеса

Важнейшим институтом защиты бизнеса является контрактная система, которая, к сожалению, в России и ее регионах практически не развивается. Отсутствие развитой системы, соответствующей культуры и четкого стандартного механизма исполнения контрактов как каналов передачи «пучков правомочий» (прав собственности) вызывает массовые нарушения прав акционеров, развитие нерыночных отношений экономических агентов, рост рентоориентированной деятельности, коррупцию.

Одной из серьезных проблем, вызванной отсутствием контрактной системы, является ситуация конфликта, возникающего между деловыми партнерами. Естественно, что в условиях слабости формальных институтов возникающие вопросы в среде бизнеса решаются в основном в неформальном поле (рис. 3.17).

Рис. 3.17. Действия бизнеса при конфликтной ситуации

Среди респондентов более половины (58,2%) при возникновении конфликтной ситуации сами договариваются с оппонировавшей стороной (8–10 лет назад таких было 68%). К помощи посредника прибегает почти 13%. И зачастую эти способы не достигают желаемого результата. К юридической консультации в случае возникновения конфликтов обращались лишь 9,1% респондентов против 7% прежних. К альтернативным методам разрешения споров прибегали 10,9% опрошенных менеджеров, их доля за прошедшие годы практически не изменилась. Невысокий спрос на такие методы среди карельских предприятий обусловлен низкой эффективностью и высокими издержками «арбитражных судов». Высокие

издержки юридической защиты контрактов при ее низкой эффективности приводят к снижению (или отсутствию) у предпринимателей стимулов работать в правовом поле. Довольно часто они вообще отказываются от заключения некоторых сделок. Таким образом, среди тех, кто сталкивается с оппортунизмом партнеров, вырабатываются поведенческие стратегии, ориентированные на неформальное решение проблемы. Высокая доля респондентов, предпочитающих решать вопрос самостоятельно, и тех, кто вообще ничего не предпринимает, свидетельствует о низком институциональном доверии в бизнес-среде Республики Карелия.

Вместе с тем развитие альтернативных форм разрешения экономических конфликтов в сложившейся социально-экономической ситуации сегодня имеет высокую актуальность. Будучи реально действующим и эффективным механизмом юридической защиты выполнения условий контрактов в мировой экономической системе, альтернативные формы разрешения обеспечивают снижение транзакционных издержек в экономике, что особенно важно для экономики России, где такие издержки высоки и являются важнейшим дестабилизирующим фактором.

Неразвитость контрактной системы усложняет деятельность экономических агентов. Тем не менее, практика оформления сделок считается среди бизнесменов отработанной процедурой. Некоторые предприятия имеют своих юристов. Большинство опрошенных руководителей предприятий (55,4%) прибегают к типовому договору, внося в каждом конкретном случае необходимые дополнения (рис. 3.18).

Рис. 3.18. Практика оформления сделок

Оформление типовых договоров с партнерами по бизнесу происходит очень быстро – детали практически опускаются, документы подписываются примерно в течение часа. Правда, 10 лет назад таких менеджеров было почти на 20% больше, что свидетельствует о повышении деловой грамотности карельских компаний за прошедший период. Тем не менее, половина менеджеров пока еще не стали реальными носителями рыночных отношений. Вместе с тем на сегодня в карельской бизнес-среде сформировалась достаточно представленная группа менеджеров (их почти 30%), демонстрирующих вполне рыночные модели поведения. Они тщательно прорабатывают каждый пункт контракта, затрачивают от 1 до 2 месяцев на переговоры с партнерами. Как объясняют сами респонденты, чем лучше они знают своего партнера (иногда их связывают многие годы совместной работы), тем быстрее договариваются, и тем проще сама процедура. Среди рыночно ориентированных руководителей почти 20% обращаются за юридической консультацией при оформлении сделок, то есть тратят на это не только время, но и финансовые средства. Среди выявленных разнополюсных групп присутствует переходная, составляющая 16,1% группа, представители которой пока не приняли внятной модели оформления сделок – они действуют по обстоятельствам. Излишний авантюризм в бизнесе, не основанный на сильных институтах, характеризует незрелость деловой среды.

Таким образом, среди опрошенных карельских компаний половина пока еще придерживается старых правил, третья часть приняла рыночную идеологию, а пятая часть – пока не определилась, что говорит о том, что деловая культура регионального бизнес-сообщества пока остается еще на достаточно низком уровне (и это при том, что для предпринимателей Республики Карелия как приграничного региона вполне доступен и нагляден рыночный опыт финский партнеров).

Если связать практику заключения сделок на предприятиях со структурой собственности, то даже самый поверхностный взгляд свидетельствует о следующей наблюдающейся тенденции – наличие в составе собственников частных лиц и иностранных инвесторов влияет на выбор руководителя в сторону более рыночных форм заключения сделок (сделка тщательно готовится), и такая

схема применима ко всем партнерам. И напротив, чем шире состав собственников на предприятии, тем чаще на нем используются типовые подходы, или вообще отсутствует какой-либо единый подход. Вместе с тем такое соотношение может быть объяснено особенностями региональных сообществ, связанных с устойчиво развитыми социальными связями. Ограниченный круг деловых партнеров, хорошо знающих друг друга, поддерживают имидж добросовестности, почти не допуская в своем поведении оппортунизма. В таких условиях транзакционные издержки минимизируются. Вместе с тем на таком рынке постепенно начинаются процессы монополизации и снижения конкуренции. То есть, несмотря на низкие транзакционные издержки рынок остается неэффективным. Такие тенденции характерны для локальных, в большей степени слабо интегрированных систем. Как правило, такие системы характеризуются наличием жесткой власти, получающей социальную ренту, полужформального бизнеса и неэффективной экономики.

Тем не менее, карельские компании в подавляющем большинстве позитивно оценивают опыт, который они получили за 20 лет рыночных реформ (рис. 3.19). Более 70% из числа опрошенных менеджеров, которые дали позитивные оценки, заявили, что, во-первых, компании научились цивилизованно договариваться (64,5%), во-вторых, у компаний повысился профессионализм и деловой имидж (6,5%).

С одной стороны, такая динамика может быть связана с формированием делового сообщества локальных территорий. Бизнес структурируется в неформальные сети, которые позволяют ему в условиях отсутствия качественных институтов решать свои проблемы. Это один из элементов реципрокной экономики, основанной на взаимовыгодном обмене «равновеликих сторон». С другой стороны, такие позитивные оценки отражают скорее оппортунистический характер договоренностей. Договариваться можно как находясь в рамках закона, так и выходя за эти рамки. Учитывая, что 75% респондентов все-таки имели проблемы с недобросовестностью партнеров, можно предположить, что договоренности в большей степени осуществляются на не вполне законной основе. А это могут быть и пресловутые сговоры (в том числе с властью), картельные соглашения, демпинг, нелегитимные бойкоты и т. п.

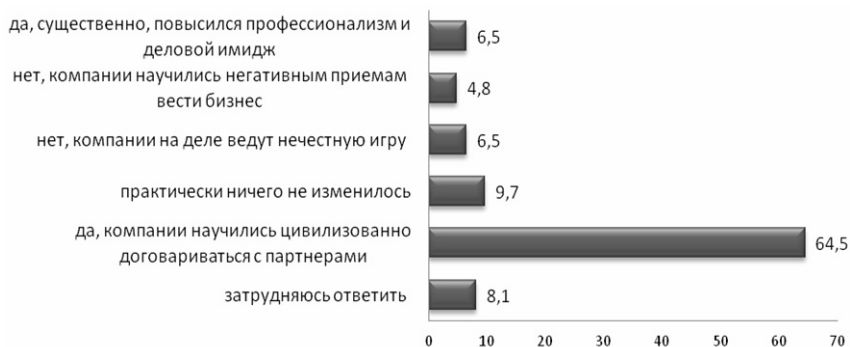

Рис. 3.19. Динамика деловых практик российских компаний за 20 лет

Можно полагать, что умение договариваться применительно к российскому бизнесу носит скорее оппортунистический смысл. Тем более, что о повышении профессионализма и делового имиджа за годы реформ говорят только 6,5% опрошенных менеджеров, что значительно ближе к реальной ситуации. Анализ негативных оценок произошедших с бизнесом перемен как раз подтверждает эти предположения. Около 10% считают, что практически ничего не изменилось – бизнес остался на позициях, близких к началу 90-х гг.; 6,5% убеждены, что компании на деле ведут нечестную игру; а 4,8% вообще уверены, что нечестной игре они научились как раз за годы реформ. И хотя в целом позитивных оценок в три раза больше, чем негативных, общий вывод сводится к следующему. *Качество институциональной среды является фактором успешного развития.*

Как уже говорилось выше, основными причинами нечестного бизнеса менеджеры, участвующие в опросе, назвали поведенческие предпосылки – оппортунизм как самих предпринимателей, так и чиновников. Но качество законов как причина стоит в этом рейтинге значительно ниже (30% против 70%). Вместе с тем законы в российском обществе не просто плохие, они имеют тенденцию часто меняться. Из-за этого бизнес часто попадает в трудные ситуации иногда с непредсказуемыми последствиями.

От частых изменений законов предприятия Карелии имеют проблемы из-за срыва договоров, необходимости их переоформлять, из-за чего растут транзакционные издержки. Но следует отметить,

что компании беспокоятся за падение своей репутации. Почти 30% менеджеров указали именно на эту проблему, которая возникает из-за постоянно изменяющегося законодательства. Репутация – это часть социального капитала, который растет, если бизнес является социально и экономически ответственным. Такой ответ может свидетельствовать о том, что *в идеологии бизнеса начинают происходить принципиальные трансформации, связанные со сменой ценностей и наступлением этапа зрелости* (рис. 3.20). *Причем эти трансформации бизнеса, работающего в приграничных регионах (особенно, в Республике Карелии), происходят существенно быстрее, чем в центральных регионах России.*

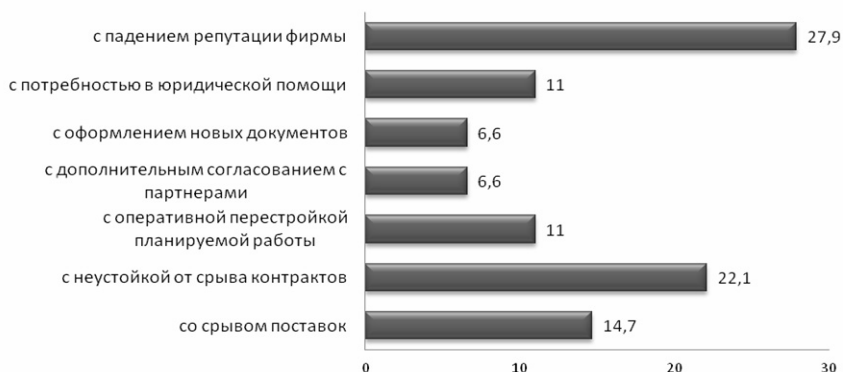

Рис. 3.20. Проблемы бизнеса, связанные с изменяющимся законодательством

Карельские компании активно занимаются экспортными операциями. Результаты исследований показывают, что при этом они зачастую сталкиваются с многочисленными институциональными проблемами (рис. 3.21).

Среди них доминируют таможенные проблемы, связанные с жесткой, но не всегда адекватной таможенной политикой государства. Это, во-первых, оформление таможенных деклараций – эту проблему назвали практически четверть респондентов. Во-вторых, высокие таможенные тарифы, которые зачастую могут выполнять заградительную функцию. Другая группа проблем связана с качеством реализации институтом своих функций, иногда она несет в себе рентоориентированную подоплеку. Так, возврат НДС являет-

ся «дамокловым мечом» практически всех экспортёров. Бюрократические коллизии требуют от заявителя не только грамотности, но и долготерпения. Проблемы при пересечении границы (17,1%) создают многочасовые очереди, что приводит к росту транзакционных издержек бизнеса. Нетарифные барьеры, связанные с администрированием таможенных процедур, также повышают цену транзакций, что оказывает влияние на эффективность экспортных операций.

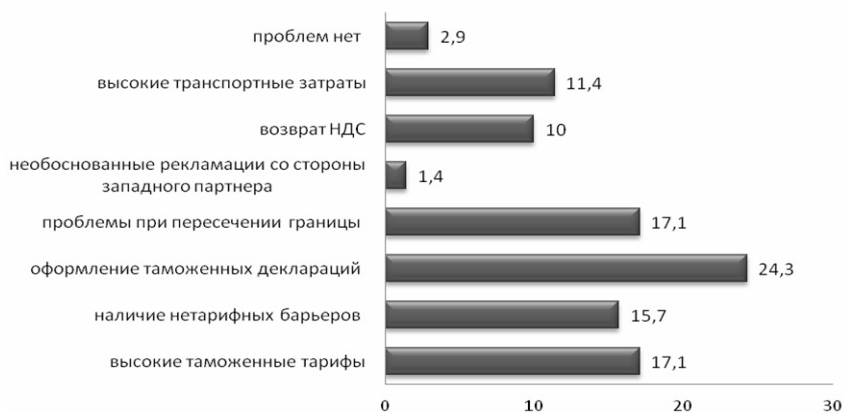

Рис. 3.21. Основные проблемы при осуществлении экспорта

В условиях постоянно меняющегося законодательства важно иметь надежные источники информации. Это один из верных способов защиты своего бизнеса. «Дружба» с местной властью обеспечивает меньшее число проверок различных контролирующих организаций, что значительно облегчает работу и уменьшает транзакционные издержки.

В функционировании фирм и предприятий в части их взаимоотношений с органами власти (государственными и муниципальными) можно отметить парадоксальный момент: данные органы не обеспечивают полную защиту прав собственности и физическую безопасность, но частный бизнес развивается. Понятно, что в этом случае государство замещают альтернативные структуры. Вне зависимости от ведомственной принадлежности или легального статуса этих структур, тот факт, что они обладают силовыми ресурсами,

позволяет им фактически выступать в качестве инстанций налогообложения и предоставлять определённые услуги по регулированию отношений собственности.

А. Аузан и В. Тамбовцев считают, что «...чиновник выступает в двух ипостасях. Во-первых, как составитель законов, заинтересованный в его непрозрачности. Во-вторых, как контролирующее и фискальное звено, включающее механизмы административных и налоговых барьеров. Несмотря на то, что чиновник, как представитель государства, является гарантом специфицированного правомочия собственности, он, тем не менее, «демонстрирует при этом широкое разнообразие форм оппортунистического поведения. Оппортунизм стимулирует гарантов на изыскание ренты» [Аузан, 2006].

На фоне данных процессов среди менеджеров нового формата, готовых использовать все виды своего капитала (в том числе, социального), для реализации инновационных стратегий, распространено настроение пессимизма. Сильная зависимость от политической воли чиновника увеличивает риски. Самое парадоксальное состоит в том, что конкуренция в Карелии сегодня присутствует только в сфере услуг и торговли. Производственная сфера представлена уникальными предприятиями, которые конкурируют только на внешних рынках, внутренний рынок развит очень слабо. Лесосырьевой рынок поделен, недра и рыбные ресурсы продолжают распределяться по «советской» системе. Доступ к рынкам сбыта дифференцирован неэкономическими условиями.

Рыночная модель в условиях отсутствия защиты прав собственности приобретает различные модификации, искажающие изначально природу формирующихся институтов. Это уже стало общим местом, но рыночные институты обрастают таким грузом административных барьеров, что требуют особого регулирования, которое осуществляется в системе «ресурсы–чиновник–рента». Бизнес в этой системе должен договариваться с чиновником и делить ренту или стать злостным неплательщиком. Оппортунизм бизнеса и власти в сегодняшней ситуации не имеет альтернативы.

И все-таки российский (в т.ч. карельский бизнес), включенный в международные связи, учится действовать по цивилизованным правилам. Вступление России в ВТО несет большие надежды, но и

большие проблемы. Вяло текущая диффузия рыночных институтов пока не отразилась существенным образом на качестве развивающихся институтов. Вместе с тем российский бизнес не только формирует свои деловые сети, но и начал вписываться в сетевое мировое сообщество, что свидетельствует о том, что он прошел этап становления и должен перейти к этапу взросления и зрелости. Но при этом нужно учитывать, что современные рыночные институты не стоят на месте, они очень быстро изменяются, адаптируются к новым потребностям изменяющегося общества. А Россия стремится успеть за этим процессом, но в силу институциональной инерции пока не успевает. Ее модернизационный потенциал на сегодня не включает всей совокупности акторов и институтов, способных преодолеть эту инерцию. *Бизнес-сообщества приграничных территорий России в настоящее время могут стать модернизационными драйверами, но это может произойти при условии консенсуса интересов элит.*

Таким образом, говоря о состоянии институционального климата Республики Карелия, можно сделать следующие основные выводы:

1. В Республике Карелии есть среда для развития оппортунизма как на формальном, так и на неформальном уровнях.
2. Руководители карельских компаний основную причину недобросовестного бизнеса видят в большей степени в характере исполнения законов, нежели в самих законах (70% против 30%).
3. Среди компаний, которые сталкиваются с оппортунизмом партнеров, доминируют поведенческие стратегии, реализуемые в неформальном поле. Высокая доля респондентов, предпочитающих решать вопрос самостоятельно, и тех, кто вообще ничего не предпринимает, свидетельствует о низком институциональном доверии в бизнес-среде региона.
4. Административные барьеры являются фактором повышения транзакционных издержек бизнеса и препятствием для его эффективного развития. Бизнес теряет от постоянно изменяющихся требований различных инспекций, при согласовании принимаемых решений с контролирующими организациями, а также при проведении проверок и получении пред-

писаний различных инспекций (пожарной, санэпидемнадзора, энергонадзора и т. п.).

5. Наличие в составе собственников компаний частных лиц и иностранных инвесторов влияет на выбор руководителя в сторону более рыночных форм заключения сделок. И напротив, чем шире состав собственников на предприятии, тем чаще на нем используются типовые подходы, или вообще отсутствует какой-либо единый подход.
6. Среди опрошенных карельских компаний половина пока еще придерживается старых правил делового общения, третья часть приняла рыночную идеологию, а пятая часть – пока не определилась, что говорит о низкой деловой культуре регионального бизнес-сообщества.
7. За последние 10 лет наблюдаются некоторые позитивные процессы, отражающие снижение проблем безопасности карельского бизнеса.
8. Карельские компании в подавляющем большинстве позитивно оценивают опыт, который они получили за 20 лет рыночных реформ. Более 70% из числа опрошенных менеджеров, которые дали позитивные оценки, считают, что компании научились цивилизованно договариваться. С одной стороны, такая динамика демонстрирует позитивные процессы формирования деловой среды локальных территорий. С другой стороны, такие оценки могут отражать оппортунистический характер договоренностей, которые в большей степени осуществляются на не вполне законной основе.
9. Сложившийся в регионе институциональный климат пока не создает комфортных условий для функционирования бизнеса, уровень предпринимательской уверенности низкий, Республика Карелия остается территорией высоких институциональных рисков.

Таким образом, результаты исследований свидетельствуют о том, что институциональный климат Республики Карелия, сложившийся к настоящему времени, является мощным фактором, ограничивающим социально-экономическое развитие региона и препятствующим его вхождению в мировую систему хозяйствования.

3.3. Неэкономические факторы и ограничения модернизации и социально-экономического развития северных приграничных регионов

К неэкономическим факторам относятся – военно-политические, географические, природно-климатические, национальные, культурные, демографические, геополитические, социокультурные (цивилизационные), социально-политические, экологические, инфраструктурные, религиозные, инновационно-технологические, социальные, психологические, а также особенности менталитета и исторического развития.

Возможно, чем длительнее период анализа, тем значительнее влияние на экономический рост тех неэкономических факторов, которые более тесно связанных с развитием производительных сил. Это значит, что в большей мере долгосрочную динамику экономического роста детерминируют физико-географический и инновационно-технологический факторы, в среднесрочном – инновационно-технологический и психологический, в краткосрочном – психологический и социально-политический. По экспертной оценке вклад экономических факторов составляет 76% в период роста и 68% в период рецессии, неэкономических соответственно 19% и 26%, смешанных – 5% и 6%. Основное влияние оказывают физико-географический фактор (6% и 4%), психологический (4% и 11%), институционально-политический (3% и 5%) и инновационно-технологический (3% и 2%) [Ипатов, Динес, Русановский, 2009].

Более опосредованный и многоступенчатый характер воздействия неэкономических факторов, ведет к образованию временного лага между импульсом неэкономического фактора и изменением экономического роста. Этот отрезок времени, являющийся временным лагом действия неэкономических факторов, в сравнении с временным лагом действия экономических факторов, более продолжительный. Как показывает экономическая практика, непринятие во внимание данных процессов приводит к несвоевременности и неадекватности мер, принимаемых на разных уровнях регулирования и прогнозирования развития экономики [Ипатов, Динес, Русановский, 2009].

Влияние тех или иных неэкономических факторов может быть весьма различно, может изменяться во времени, но всегда оно есть. И если действие таких неэкономических факторов, как географический, в XX в. существенно ослабло, то сильно проявилось влияние военно-политического и национального факторов, а в последние годы – климатического. При этом следует учитывать, что влияние неэкономических факторов может быть и негативным, и позитивным, повышающим эффективность производства.

Теоретические модели экономического роста в настоящее время должны предусматривать модифицированные функции, в которых наряду с традиционными переменными инвестиций, труда и технического прогресса должны фигурировать иные переменные, отражающие действие социально-политических, инфраструктурных, психологических, географических и других факторов. Фактически выделение факторов приводит к определению совокупной факторной производительности через конкретные факторы.

Значительное влияние оказывают природно-климатические факторы – особенности климата, близость к Арктике, разнообразие природных зон, состояние окружающей среды региона и соседних территорий, природные условия и ресурсы соседних регионов и стран. Естественно-географические факторы, как правило, непосредственно трансформируются в более высокие затраты производства (северные удорожания) или наоборот ведут к их экономии в южных регионах. Огромные расстояния, континентальность территории, неблагоприятные природные условия на большей части территории России, неустойчивость погоды, удаленность и труднодоступность основных сырьевых центров, полярная ночь зимой, низкие температуры приводят к высоким транспортным издержкам, повышению энергоемкости и в целом ресурсоемкости производства, снижению производительности труда и конкурентоспособности продукции, необходимости больших резервов (ресурсных и продовольственных) и финансовой поддержке многих регионов с целью снижения опасности экономической и политической дезинтеграции [Козлов, 2006].

Влияние физико-географического фактора на экономический рост (в основном через институциональные переменные) рассматривается в работах Д. Эйсмоглу, С. Джонсона, Дж. Робинсон,

Р. Хусманна, У. Истерли и других исследователей. Возможности регулирования влияния физико-географического фактора практически отсутствуют, необходимо учитывать его влияние на инвестиции и миграцию при построении моделей и принятии решений. В эконометрические модели вводятся переменные, отражающие географические особенности регионов.

К социальным, национально-этническим и демографическим предпосылкам и факторам относятся плотность населения региона, его динамика, структура и заболеваемость, миграция, особенности воспроизводства населения, социально-культурный потенциал, степень развития социальной инфраструктуры, занятость населения, уровень доходов населения и его образования, социальное партнерство, уровень коррупции и преступности, наличие и многообразие национально-этнических групп, их конфессиональная принадлежность, а также социальные особенности соседних регионов и стран. Сравнение темпов роста российских регионов показывает, что среди слаборазвитых и медленно развивающихся регионов преобладают национальные республики юга Сибири и Северного Кавказа.

Группа социокультурных факторов тесно связана с институциональными особенностями экономики России. В России это проявляется в следующих исторически сформировавшихся ценностях: комплексное социо-духовно-экономическое восприятие явлений, важная роль духовного начала в соотношении с узкоматериальным, коллективизм, государственность, острое восприятие социальной несправедливости, патернализм, надежда людей на социальную защиту. Социально-экономическими следствиями этого являются меньшая (по сравнению с Западом) рациональность поведения, более сложная система мотиваций и стимулов (по сравнению с типичным «экономическим человеком»), неприемлемость резкой социальной дифференциации, развитие коллективных форм собственности и хозяйствования, более весомая роль государства в социальной защите населения и в экономической жизни.

Важное значение имеют психологические факторы, влияние которых исследовалось с XIX в. представителями различных экономических школ: К. Марксом, У. Дживонсом, А. Пигу, Дж.М. Кейнсом, Дж. Катонем, В.А. Йора, Р. Лукасом и другими. Исследова-

ния показывают, что психологические факторы (инфляционные ожидания, ожидания наличия товаров, будущих товаров, колебаний цен и курсов и прочее) являются одними из важнейших неэкономических факторов. Ожидания экономических субъектов имеют фундаментальное значение для экономического поведения, они оказывают заметное влияние на изменение объемов потребления, сбережения и инвестиций. Влияние психологического фактора является приоритетным только в краткосрочном периоде. Возможности регулирования психологических факторов ограничены [Ипатов, 2007].

Среди других неэкономических факторов выделяют инфраструктурные (научная, образовательная, медицинская, культурная инфраструктура) и исторические, которые действуют на экономические затраты, определяя направления международных экономических связей региона, потоки ресурсов и продукции, а также место региона в международном разделении труда.

В последние годы обратили внимание на нравственную составляющую в экономическом развитии, которая связана с поиском компромисса между общественными и личными потребностями. Новые концепции саморегулирования должны исходить не из эгоистичности индивида, а из принципа учета нравственных ценностей. Предложенный креационный подход приносит «дополнительное нравственно-духовное измерение в рассмотрение человеческой деятельности, в том числе экономически преобразующей» [Иванов, 2006; Боголюбов, 2007; Ойзерман, 2009; Шишкин, 2011].

Оценка влияния геополитического фактора заключается в определении наличия явных и потенциальных угроз, геополитической уязвимости территории, что не очень значимо для регионального уровня. Но в современном мире особое внимание должно быть уделено проблемам экономической и научно-технической безопасности региона – снижению оттока высококвалифицированных специалистов и одаренных студентов и школьников, развитию и внедрению инновационных технологий. Различные аспекты воздействия инновационно-технологического фактора на рост национальной экономики отражены в трудах Й. Шумпетера, Г. Менша, Н. Мэнкью, Р. Солоу, С. Кузнецца, Э. Дэнисона, М. Боскина, Л. Лау, С. Глазьева, И. Дежиной, О. Голиченко, Г. Клейнера, В. Ру-

сановского и других. Инновационно-технологический фактор может быть представлен в моделях составная часть прироста потенциала труда и капитала, или выражаться в качественном изменении факторов. Его влияние на развитие экономики региона может определяться отраслевой направленностью крупного бизнеса, долей конкурентоспособного развивающегося среднего бизнеса и научного потенциала для развития малого инновационного бизнеса.

Демографические факторы и ограничения

Один из серьезнейших кризисов в России сегодня связан с депопуляцией населения и ее угрожающими масштабами для нашей страны. Государственной стратегически важной задачей для России, вышедшей на первый план, является стабилизация численности населения и создание условий для ее роста. Демографическая ситуация в стране на сегодняшний день одна из самых сложных в мире. В докладе «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.» говорится, что население России не только сокращается, но и становится все менее и менее здоровым, а значит, теряет способность служить движущей силой экономического возрождения страны.

Являясь самой большой страной по площади, Россия в последнее время существенно сдает свои позиции по численности и качеству населения. Численность постоянного населения России на 1.01.2012 составляла 143,1 млн. человек, из которых 105,7 млн. человек (73,9%) – горожане, и 37,4 млн. человек (26%) – сельские жители. За период с 1990 по 2011 г. население сократилось на 5,3 млн. человек [Регионы России, 2012].

При сохранении сложившихся демографических тенденций в 2050 г. Россия будет занимать 17-е место с населением 112 млн. чел., пропустив вперед Мексику, Филиппины, Вьетнам, Эфиопию и некоторые другие страны. Если мы не сможем в ближайшее 5–7 лет радикально изменить тренд смертности и нездоровья, то в силу инерционности демографических процессов кризис не будет преодолен даже к середине века. Глубокий демографический кризис в России обусловлен социальными и социально-экономическими факторами, в том числе значительным распространением бедности, огромной дифференциацией в условиях жизни

населения, широким распространением асоциальных форм поведения. Демографические проблемы носят системный характер, так как детерминированы всей системой факторов социальной реальности России. В настоящее время существует несколько подходов, используемых при объяснении демографического кризиса в России [Атлас..., 2009]:

Первый подход – демографический кризис в России определяется высокой смертностью населения, прежде всего от предотвратимых причин (эксперты Всемирного банка).

Второй подход – демографический кризис является следствием отсутствия продуманной миграционной политики по привлечению мигрантов, при этом возможности роста рождаемости и снижения смертности недооцениваются (В. Переведенцев).

Третий подход – демографический кризис в России объясняется в первую очередь кризисом семьи, который проявляется в устойчивых установках массового сознания на малодетность, а порой даже бездетность (В. Борисов и А. Антонов).

Четвертый подход – демографический кризис в России является следствием комплекса проблем – снижения рождаемости, роста смертности и уменьшения миграционного прироста (Б. Хорев, И. Орлова, Н. Римашевская, Л. Рыбаковский).

Пятый подход – демографический кризис есть следствие духовного (психологического) неблагополучия населения, вызывающего повышение смертности и снижение рождаемости (И. Гундаров, В. Алиев).

Анализ изменения численности населения по федеральным округам позволяет увидеть, что депопуляция охватила и ряд округов европейской части России, среди которых остротой проблемы выделяется Северо-Западный федеральный округ (–3,8% с 2000 по 2011 гг.). Численность населения по-разному изменялась в пределах отдельных макрорегионов. Данные табл. 3.8 показывают неравномерность протекания процесса депопуляции на примере СЗФО. Можно выделить особо проблемные территории: Псковскую область (–14,7%), Республику Коми (–14,7%), Мурманскую область (–14,6%), Республику Карелия (–12,2%) и относительно благополучные Калининградскую область (–1,1%) и г. Санкт-Петербург (5%).

Таблица 3.8

Изменение численности населения в субъектах СЗФО

Территория	Численность населения, тыс. чел. на конец года		Изменение численности населения по отношению к численности на начало периода, %
	2000	2011	
Северо-Западный ФО	14199	13660	-3,8
Республика Карелия	729	640	-12,2
Республика Коми	1043	890	-14,7
Архангельская область	1369	1213	-11,4
Вологодская область	1290	1198	-7,1
Калининградская область	958	947	-1,1
Ленинградская область	1680	1734	3,2
Мурманская область	923	788	-14,6
Новгородская область	710	630	-11,3
Псковская область	782	667	-14,7
г. Санкт-Петербург	4715	4953	5,0

Вместе с тем 2008–2011 гг. отмечены позитивными тенденциями, которые обусловлены воздействием принятых в 2007 г. правительственных решений в области демографической политики, но их эффективность будет существенным образом зависеть от продолжительности влияния на демографические процессы. Прирост числа жителей России наблюдается впервые в 2009 г. (за 2008 г. численность населения сократилась на 104,9 тыс. человек, или на 0,07%) и сложился как за счет уменьшившейся естественной убыли, так и в результате увеличившегося миграционного прироста.

В обществе все процессы взаимосвязаны, демографические тенденции развиваются под воздействием экономических, политических, социальных, экологических и других факторов. Феномен депопуляции в России связан с низкой рождаемостью и высокой смертностью. Совокупность этих тенденций и привела к снижению численности населения. Естественная убыль в 2011 г. составила –0,9 человека на 1000 жителей [Регионы России, 2012].

Происходящие процессы отчасти предопределены предшествующим развитием страны, но в большей мере депопуляция населения связана с вновь возникшими социально-экономическими условиями негативного свойства, с особенностями системного кризиса, охватившего все стороны жизнедеятельности населения

России. Часто говорят о том, что причиной стало ухудшение качества жизни: экономический кризис, низкий уровень медицины, экологическая ситуация, неудовлетворенность жизнью и т. д.

Принципиально важное значение при оценке демографического развития территории имеют различия в величине ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОПЖ), ее тенденциях и динамике, что обусловлено разнородностью социально-экономических и природных условий регионов. Во всех регионах СЗФО с 2007 по 2011 гг. происходило постепенное увеличение ОПЖ.

По регионам СЗФО продолжительность жизни всего населения колебалась в 2011 г. в диапазоне 6,6 лет – от 66,5 лет в Новгородской и Псковской областях до 73,1 лет в г. Санкт-Петербурге. Большие различия наблюдаются в ОПЖ мужчин и женщин. В Новгородской области оно составляло 13,9 лет. Различия в ОПЖ мужчин и женщин указывают на неблагоприятную ситуацию со смертностью мужчин, особенно в трудоспособном возрасте. Высокая смертность мужского населения в значительной степени обусловлена сердечно-сосудистыми заболеваниями и внешними причинами, связанными с травмами, отравлениями и несчастными случаями.

Особенно остро демографические проблемы встают в северных регионах с неблагоприятными природно-климатическими условиями, среди которых отмечается Республика Карелия. Изменение численности и формирование национального состава населения в республике происходило за счет естественного и миграционного прироста под воздействием социально-экономических, политических, организационных процессов в стране. На существующую демографическую ситуацию важное влияние оказали социально-экономические процессы, происходящие в России в ходе многочисленных реформ. Республика вступила в качественно новый этап своего развития – депопуляцию. Смертность в республике стала почти вдвое превышать рождаемость, что привело к естественной убыли населения.

Проблемы экономического и социального развития республики тесно связаны с демографической ситуацией, поэтому преодоление негативных явлений в этой сфере остается главной приоритетной задачей, от решения которой зависит успех всей социально-экономической политики. В соответствии с региональной целевой программой «Улучшение демографической ситуации Республики

Карелия на период 2008–2010 годов и до 2015 года» главной стратегической целью является стабилизация численности населения к 2015 году и создание условий для ее роста при увеличении продолжительности жизни.

По природно-климатическим условиям и географическому положению Республика Карелия и Финляндия очень похожи – обе территории являются северными приграничными регионами (табл. 3.9), однако в социально-экономических и демографических показателях наблюдаются существенные различия.

Таблица 3.9

Общая характеристика Финляндии, России и Республики Карелия (2009 г.)

Показатель	Финляндия	Россия	Карелия
Площадь (тыс. кв. км)	338	17098,2	180,5 (1,06% РФ)
Население (тыс. чел.)	5396	141914	684
Государственный язык	финский – 92% шведский – 6,5%	русский	русский
Этнический состав	финны – 93,4%, 5,7% – шведы, 0,4% – русские, 0,2% – эстонцы, 0,2% – цыгане, 0,1% – саамы	многонациональная структура населения, 80% – русские	русские – 76,6%; карелы – 9,2%; белорусы – 5,3%; украинцы – 2,7%; финны – 2,0%; вепсы – 0,7%
Природно-климатические условия	Климат умеренный, переходный от морского к континентальному. В течение года преобладают западные ветры с частыми циклонами. Осадки на протяжении всего года. Средняя температура февраля на юге страны –6 °С, в Лапландии –14 °С. В июле соответственно +17 на юге и до +14 на севере	Климат четко разделен на морской и континентальный. Большая часть территорий страны лежит в умеренном поясе, острова Северного Ледовитого океана и северные материковые районы – в арктическом и субарктическом поясах, черноморское побережье Кавказа расположено в субтропическом поясе	Климат переходный от морского к континентальному и отличается продолжительной, но сравнительно мягкой зимой и коротким прохладным летом. Средняя температура февраля –9–13 С, июля +14+16 С. Осадков выпадает около 500 мм в год

По состоянию на 1.01.2012 численность населения РК составляла 639,7 тыс.чел., из которых 78,4% проживали в городской местности и 21,6% в сельской. Почти 40% населения республики проживает в столице Карелии – г. Петрозаводске (271 тыс. чел.). Соотношение горожан и сельских жителей за последние двадцать лет изменилось незначительно – доля горожан сократилась на 4,2%, сельского населения – увеличилась на 18,7%. С 2000 по 2011 гг. численность населения республики уменьшилась на 89132 человека, в 2011 г. – на 2901 (0,45%). Самое значительное сокращение за год было зафиксировано в 2005 г. – 13560 человек (1,97%) (рис. 3.22).

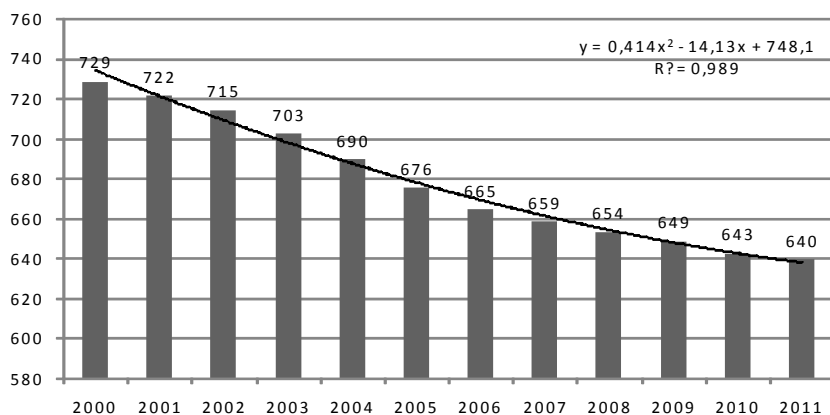

Рис. 3.22. Изменение численности постоянного населения РК в 2000–2012 гг.

Плотность населения в республике составляет 4 чел. / кв. км. Население РК размещено по территории не равномерно. Более 2/3 жителей проживает в южных районах, где отмечен избыток трудовых ресурсов. В северных районах, наоборот, зарегистрирован недостаток трудоспособного населения. К началу 2012 г. численность лиц моложе трудоспособного возраста составила 104,6 тыс. человек (16,4% в общей численности населения), трудоспособного возраста – 384,6 тыс. человек (60,1%) и старше трудоспособного – 150,5 тыс. человек (23,5%). Основным фактором сокращения численности населения, по-прежнему, является естественная убыль

населения. На всех территориях, кроме территории Костомукшского городского округа, зарегистрирована естественная убыль населения (-2,8 в 2011 г.) [О демографической..., 2012].

Структура смертности населения определяется, во-первых, болезнями системы кровообращения (53,6%), во-вторых, новообразованиями (14,2%), в-третьих, внешними причинами (12,2%). Эти группы причин обусловили около 80% всех смертельных исходов в 2011 г.

После стремительного снижения, в последние годы средняя продолжительность жизни при рождении стала расти, но в настоящее время этот показатель продолжает оставаться неоправданно низким, особенно у мужского населения. В целом по республике ожидаемая продолжительность жизни в 2011 г. составляла 67,9 года. В среднем женщины живут на 12,5 лет дольше, чем мужчины [Демографический ежегодник..., 2012] (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РК (лет)

Годы	Все население	В том числе	
		Мужчины	Женщины
2000	62,9	56,4	70,2
2001	62,4	55,9	70,0
2002	61,5	54,9	69,2
2003	60,6	53,7	69,0
2004	61,6	54,8	70,0
2005	61,8	55,0	69,9
2006	63,5	57,0	70,8
2007	64,8	58,3	71,7
2008	65,1	58,7	72,0
2009	66,2	59,6	73,1
2010	66,4	59,8	73,4
2011	67,9	61,7	74,2

В связи с более высокой смертностью жителей в сельских поселениях, показатели ОПЖ у них значительно ниже, чем у городских жителей. По показателю ожидаемой продолжительности жизни в 2011 г. республика занимала 61 место среди регионов России. При этом мужчины живут на 2,3 года меньше, чем в целом в Российской Федерации и на 2,4 года меньше, чем жители Северо-Западного федерального округа. Женщины соответствен-

но на 1,4 года и на 1,6 года. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в Швеции – 78,5 года, в Финляндии – 75,6 года; женщин, соответственно – 82,9 года и 82,5 года.

В докладе ООН о качестве жизни человека страны делятся на четыре группы: к первой относятся государства с очень высоким уровнем развития, ко второй – с высоким уровнем развития, к третьей – со средним уровнем и к четвертой – страны с низким развитием. Финляндия в этом рейтинге входит в группу с очень высоким уровнем развития (22 место). Россия находится посередине списка стран с высоким уровнем развития – на 66-м месте. Данные, представленные в ежегодных докладах ООН, отстают на два года от текущего. Поэтому рейтинг стран, опубликованный в 2011 году, составлен на основании 2009 года.

Согласно результатам исследований независимого института *Legatum Institute* в рейтинге 2011 года по уровню жизни Финляндия заняла третье место (в 2010 году – первое), пропустив вперед только Норвегию и Данию. При составлении рейтинга учитывались не только статистические показатели, но и уровень удовлетворенности жизнью в стране, благосостояние людей, комфортность проживания, климат, уровень безопасности, экология, забота государства о здоровье людей, качество образования, условия предпринимательства в стране, возможность свободно путешествовать, отношение людей друг к другу, религиозные свободы и др.

Общий рейтинг России в 2011 году, по мнению *Legatum Institute*, соответствует 63 месту, между Марокко и Филиппинами. В европейском рейтинге рядом с Россией находятся Белоруссия и Украина. По экономическим показателям Россия опустилась в мировом рейтинге с 39-ого на 64-е место по сравнению с 2010 г. Возможность предпринимательства – 56 место. По уровню коррупции и эффективности управления государством наша страна заняла 101 место (было 85), по качеству образования – 38 место (было 28), по уровню здоровья 47 место (было 46). Средняя продолжительность жизни в России все еще довольно низкая. В рейтинге социальной жизни Россия поднялась на 53 место с 84. Сравнительная характеристика основных социально-экономических и демографических показателей Финляндии, России и Республики Карелия за 2009–2010 годы представлена в табл. 3.11.¹⁶

¹⁶ База данных «Здоровье для всех» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.euro.who.int/hfad>

Таблица 3.11

**Сравнительная характеристика России,
Республики Карелия и Финляндии**

(демографические и социально-экономические показатели, 2009–2010 гг.)

Показатель	Финляндия	Россия	Карелия
Среднегодовая численность населения, тыс. чел. (2010)	5363,3	142958	645,7
Коэффициент рождаемости на 1000 чел. (2009)	11,3	12,4	12,1
Общий коэффициент смертности на 1000 населения (2009)	9,35	14,1	16,3
Естественный прирост населения на 1000 человек (2009)	1,97	-1,8	-4,2
Доля городского населения, % (2010)	85,09	73,17	76,5
Средняя плотность населения, чел. / кв. км (2010)	15,9	8,4	3,8
ВВП, ППС, \$ на душу населения (2009)	35265,4	18932,1	н.д.
Индекс человеческого развития (ИЧР), ПРООН (2010)	0,88	0,751	н.д.

Население России и Карелии не только уменьшается, но становится все менее и менее здоровым, а значит, теряет способность служить движущей силой экономического возрождения страны [Римашевская, 2010]. Ожидаемая продолжительность жизни в Финляндии на 11,4 года больше, чем в России и на 14 лет выше, чем в Карелии. В РК регистрируется в 2,8 раз больше смертей (100 тыс. чел. населения), чем в Финляндии (табл. 3.12).

Большинство смертей в Финляндии наступило вследствие болезней органов кровообращения. На втором месте в списке причин смерти – раковые заболевания. Алкоголь стал реже убивать финнов – вследствие сокращения употребления спиртных напитков. Несчастные случаи – на четвертом месте в списке причин смерти. По статистике суицидов Финляндия находится сверху мирового рейтинга. В стране ежегодно около тысячи человек кончают жизнь самоубийством. Возраст каждого десятого финна-самоубийцы – менее 24 лет. Проблема суицида чрезвычайно сложна, и количество самоубийств в каждой стране зависит от множества характерных именно для этого народа факторов.

Таблица 3.12

**Сравнительная характеристика причин смертности в Финляндии,
России и Республике Карелия (2009)**

Показатель	Финляндия	Россия	Карелия
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	80,2	68,8	66,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мужчины	76,7	62,8	59,6
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, женщины	83,6	74,8	73,1
Оценка ожидаемой продолжительности жизни без инвалидности	72,1	60,1	н.д.
Младенческая смертность на 1000 рожденных	2,65	8,1	5,0
Материнская смертность на 100 тыс. рожденных	1,65	22,02	0
Все причины смерти на 100 тыс. чел.	579,94	1241,58	1627,5
Болезни органов кровообращения на 100 тыс. чел.	218,07	682,98	868,5
Злокачественные новообразования на 100 тыс. чел.	134,77	182,1	232,5
Травмы и отравления на 100 тыс. чел.	63,77	147,17	Н.д.
Самоубийства и самоповреждения на 100 тыс. чел.	18,26	24,15	30,7
Убийства и умышленные травмы на 100 тыс. чел.	1,9	14,01	13,7
Инфекционные и паразитарные болезни на 100 тыс. чел.	4,87	22,45	24,1
Болезни органов дыхания на 100 тыс. чел.	24,38	49,65	57,6
Болезни органов пищеварения на 100 тыс.чел.	34,91	56,64	74,5

Существуют данные о связи этнических факторов с количеством суицидов у населения. У финно-угорских народов (финнов, удмуртов, марийцев и др.) число суицидов выше, чем у представителей других народностей. Исследования, проводимые в 70-80-х годах прошлого века, показывали, что среди стран Запада самый большой процент самоубийств был в Финляндии, среди стран социалистического лагеря – в Венгрии, а среди республик СССР – в Эстонии. Причины кроются в религиозно-культурных особенностях населения. У ряда народностей отношение к жизни и смерти таково, что порой запрет на суицид оказывается стертым. Финское Общество психического здоровья в 2010 г. провело исследование, согласно которому чаще всего суицидальные намерения среди молодежи вызваны чувством депрессии, безнадежности и одиночества.

В России и Карелии более 70% населения живет в состоянии затяжных психо-эмоциональных и социальных стрессов. Основные источники стресса – падение доходов, ситуация цейтнота, дефицит

личной безопасности, преступность, страх перед будущим, конфликты на работе и семейные проблемы. Чтобы противостоять стрессу, каждый третий взрослый нуждается в психологической поддержке [Сбережение народа, 2007]. Россия демонстрирует очевидную взаимосвязь уровня экономического развития и уровня жизни населения с показателями популяционного здоровья.

Экономика России и Республики Карелия носит в основном сырьевой характер. Интегральный экономический потенциал развитых стран на 64% формируется человеческим капиталом и на 20% – сырьевым. В России же это соотношение «перевернуто»: 72% – сырьевой фактор и только 14% – человеческий капитал. Дисбаланс не изменится до тех пор, пока Россия не научится производить продукцию, в стоимости которой преобладают элементы, созданные человеческим интеллектом, а не природой. Ориентация на интеллектуальный фонд приведет к увеличению доли заработной платы в ВВП, что в свою очередь будет способствовать уменьшению коррупционных рисков, росту продолжительности жизни.

Во многом также как и российская экономика, карельская экономика основывается на переработке местных видов природных ресурсов (лес, недра), использовании туристско-рекреационного потенциала и экономико-географического приграничного положения. Основными отраслями промышленности являются лесозаготовительная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная – (41,2%); черная металлургия (18,0%); электроэнергетика (14,8%); машиностроение и металлообработка, цветная металлургия, пищевая промышленность (от 5 до 9% каждая отрасль).

Таким образом, демографический кризис в России и Карелии имеет глубокие экономические, социальные и геополитические последствия, которые будут сказываться на протяжении всего XXI века. Уменьшение численности населения в 1990-х годах по своей глубине и продолжительности близко к тому, что характерно для послевоенного периода. Все меры, принимаемые государством для преодоления кризиса, оказываются малоэффективными, поскольку не существует какого-либо главного фактора (риска), преодоление которого даст решение проблемы – «сбережение народа». Нужен комплексный системный подход, который будет учитывать внутренние взаимосвязи условий жизни населения, рассматриваемые в широком смысле слова.

Образовательный потенциал северного приграничного региона

Одним из важнейших неэкономических факторов стратегического развития регионов является образовательный потенциал – достигнутый уровень образования населения, характеризующий как человеческий капитал региона, так и состояние развития региональной образовательной подсистемы. В тоже время уровень образования определяет и «качество» подготовки специалистов регионального рынка труда. В этом качестве создание «образовательного потенциала» региона предшествует созданию «экономического потенциала». Именно в этом качестве, в частности, образование является «фактором развития» инноваций, науки и наукоемкой экономики. Именно в этом аспекте роль образовательного потенциала оказывается определяющей [Сапрыкин 2009, Поташева 2010].

Для многих приграничных регионов уже сейчас характерно активное трансграничное взаимодействие в сфере науки и образования, которое при активной политике региональных и федеральных властей может существенно повысить в них уровень инновационной активности [Дружинин П.В., 2009]. Трансграничные проекты в сфере образования, науки и инновационной деятельности способствуют развитию имеющегося инновационного и образовательного потенциала. С 1991 г. действует проект «Балтийский университет», в котором вместе с вузами и научно-исследовательскими центрами 14 стран Балтийского региона участвуют вузы Санкт-Петербурга, Карелии, Калининградской и Псковской областей. Функционирует Северо-европейский открытый университет с центром в Петрозаводске, который реализует не только образовательные и обменные проекты, но и исследовательские на территории России, Финляндии и Норвегии. С 2004 г. начался проект «Трансграничный университет», в котором задействованы вузы Санкт-Петербурга, Петрозаводска и Финляндии.

В то же время необходимо учитывать сложные проблемы, характерные для приграничной периферии. Республика Карелия является северным, приграничным регионом России, входит в состав СЗФО, для которого характерны общероссийские тенденции экономического, социального и пространственного развития, проявившиеся за последние два 10-летия. Это касается институцио-

нальных изменений, экспортной ориентации экономики, трансформации структуры хозяйства и появления новых элементов экономики.

Наиболее серьезные проблемы социально-экономического развития муниципальных образований в сельской местности практически во всех субъектах Российской Федерации, входящих в состав СЗФО. Они связаны с оттоком из малых и средних населенных пунктов основной части объектов отраслей сельского хозяйства и лесного комплекса. За последние 15 лет в округе более 500 населенных пунктов лишились учреждений медицинского обслуживания, школы закрылись почти в 2000 населенных пунктах. Демографическая ситуация характеризовалась более сложными процессами, чем в целом по России. Это выразилось в опережающем сокращении населения (с 1990 года население уменьшилось на 11,2 процента, в то время как по России в целом – на 3,6 процента).

Оценка сложившейся ситуации свидетельствует о наличии ряда устойчивых дисбалансов в развитии СЗФО. В их числе проявились проблемы связанные с образовательным потенциалом регионов:

- сложившаяся структура подготовки кадров не соответствует структуре спроса на рабочую силу;
- социально-профессиональные и ценностные ориентации населения не соответствуют структуре спроса на квалифицированные рабочие места;
- складывающееся размещение рабочих мест, в том числе новых, не соответствует существующей системе расселения населения [Стратегия СЗФО, 2011].

В связи с этим, *одной из стратегических задач региональной политики в Карелии ставится задача формирования человеческого капитала за счет подготовки и создания условий закрепления высококвалифицированных кадров на своей территории, что будет способствовать появлению инноваций, как новшеств, так и элементов совершенствования технологических процессов в производственной сфере.*

В настоящее время в регионе сфера услуг образования в большей или меньшей степени охватывает все сферы деятельности человека. Региональный сектор образовательных услуг стремится

обеспечить воспроизводство экономически активного населения в общественно необходимом масштабе за счёт организации и управления деятельностью по предоставлению бесплатных и платных услуг (обеспечение права гражданина на образование, обеспечения условий для «непрерывного образования») воздействующих на формирование человеческого капитала и трудовых ресурсов в регионе.

Структура региональной образовательной системы в Республике Карелия представлена сетью образовательных учреждений из 588 учреждений (на начало 2012–2013 уч. года):

- дошкольные образовательные учреждения – 212 учреждений;
- общеобразовательные учреждения – 232 учреждения;
- образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – 14 учреждений;
- образовательные учреждения дополнительного образования детей – 89 учреждений;
- образовательные учреждения профессионального образования – 41 учреждение;
- учреждения дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов – 1 учреждение [Отчет МО РК, 2012].

Региональные учреждения высшего профессионального образования, осуществляющие деятельность в регионе, – Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), Карельская государственная педагогическая академия (КГПА – с осени 2013 г. вошла в состав ПетрГУ) и Петрозаводская государственная консерватория. Также услуги высшего образования предлагают филиалы и представительства вузов из гг. Санкт-Петербурга и Москвы (в т.ч.: Карельский филиал Северо-Западной академии народного хозяйства и государственной службы в г. Петрозаводске, филиал Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, филиал Международного славянского института, филиал Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Карельский филиал института туризма РМАТ).

Влияние сферы услуг образования на социально-экономическое развитие региона проявляется в направлениях:

- повышения эффективности общественного и, в частности, материального производства, прежде всего, через повышение производительности труда и создание условий оптимизации трудового процесса;
- формирования новых научных знаний, нематериальные формы накопления капитала, информационные технологии и т. п.;
- оптимизации структуры вне рабочего времени экономически активного населения;
- повышения уровня и качества жизни населения;
- создания условия для нормальной жизнедеятельности экономически неактивного населения за счёт специфических видов дополнительного образования.

Региональная образовательная система в Карелии, начиная с общеобразовательных школ как ключевых элементов воспитания и формирования человеческого капитала, активно включилась в проектную научно-исследовательскую деятельность уже с середины 90-х годов, взаимодействуя с вузовской, а в некоторых случаях и с академической наукой. Инициатива педагогического сообщества в построении интеграционных связей основывалась на внедрении в учебный процесс научного подхода в процесс обучения учащихся выбирать и анализировать информацию. Участие в межотраслевых программах и грантах по проектной деятельности, вознаграждалось как в финансовом плане, так и в профессиональном росте педагогов и преподавателей, а для школьников появилась возможность самореализации в научных проектах, самоопределения в профориентации и в подготовке к поступлению в высшие учебные заведения на заранее выбранные факультеты. Результатами этой деятельности за последние годы стали крепкие межуровневые связи образовательных учреждений.

Одновременно проявилась и негативная тенденция – наиболее успешные, талантливые выпускники школ, победители региональных олимпиад, выпускники школ с высокими показателями баллов по ЕГЭ при выборе вуза предпочитают поступать в учебные заведения гг. Москвы или Санкт-Петербурга, Финляндии, а не в региональные учреждения высшего образования. В Карелии в 2012 году официально зафиксирован постоянный отток молодых людей, если

до этого момента за пределы Карелии уезжало примерно 10% выпускников школ, то теперь этот показатель удвоился, а в Петрозаводске он и еще выше. Наши выпускники получили возможность поступать в престижные вузы страны, чем они активно и пользуются. По результатам социологических исследований, свою жизнь с Карелией не планирует связать 49% молодых людей.

Причины оттока сугубо экономические: на первое место респонденты поставили низкую доступность жилья, далее следуют – безработица и дефицит перспективных рабочих мест, а также широкое распространение «вредных» привычек.

Сравнительный анализ демографического показателя численности молодежи в возрасте 15–29 лет подтверждает, что среди северных и приграничных регионов СЗФО Республика Карелия занимает предпоследнее место, что значительно снижает конкурентное положение региона в вопросах финансирования и развития сферы образования (рис. 3.23).

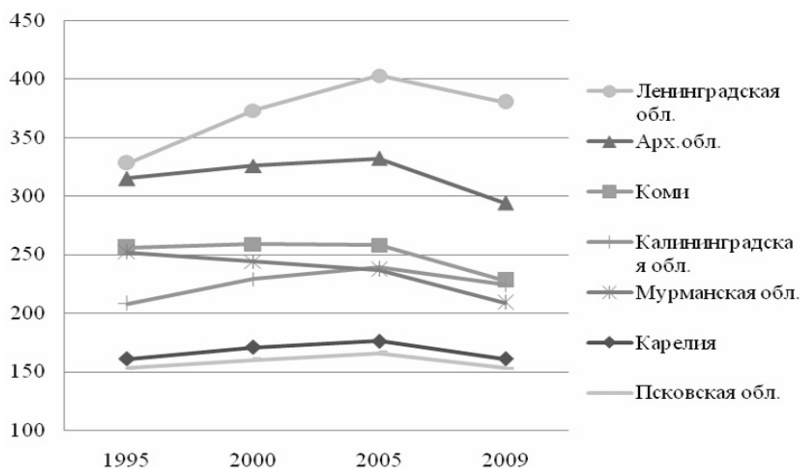

Рис. 3.23. Динамика численности молодежи в регионах СЗФО

Органами государственной власти Карелии для достижения стратегических задач развития образования осуществляется постоянная работа по реформированию сети учреждений муниципального образования, переподготовки кадров и послевузовского обра-

зования: с привлечением ученых и специалистов разных профилей разработаны и реализуются целевые программы, определяющие развитие и формирование кадрового потенциала в республике. Действующие региональные целевые программы объединяют усилия и ресурсы Министерства образования, Министерства экономического развития, Министерства труда и занятости РК и направлены на все субъекты, включая учреждения и организации, находящиеся в ведении различных республиканских органов исполнительной власти, и органов местного самоуправления. Это позволяет проводить единую государственную политику в области повышения конкурентоспособности регионального образования, обеспечивать решение проблемы диспропорций в системе подготовки квалифицированных кадров на уровне муниципальных районов и городских округов и формировать единое образовательное и информационное пространство, включая мероприятия региональной адресной инвестиционной программы по строительству зданий и сооружений образовательных учреждений.

Основными направлениями реформирования системы образования в РК являются:

- развитие кадрового потенциала образовательных структур, стимулирование инновационной деятельности учителей, преподавателей и мастеров производственного обучения, широкое внедрение инновационного опыта, поддержка начинающих молодых кадров, внедрение механизмов оценки качества работ в систему оплаты труда;
- создание эффективной организационно-управленческой структуры управления образованием для реализации инновационных программ в сфере образования, расширения социального партнерства;
- переход на новый уровень технической основы и информационного обеспечения современных образовательных технологий и сетевого взаимодействия, внедрение автоматизированных систем управления учебным процессом (модульные программы, цифровые образовательные ресурсы, дистанционное обучение, учебные тренажеры, учебно-производственные фирмы, проектная деятельность, Интернет-ресурсы, базы данных и т. д.);

- повышение экономической активности населения, стремления к самообразованию и получению новых профессиональных знаний, их социальной и трудовой адаптации;
- развитие региональных ресурсов и реализация мер по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации безработных граждан;
- повышение эффективности государственного управления, проведение мониторинга и оценки эффективности предоставления образовательных услуг.

Оценивая образовательный потенциал регионов по показателю занятого населения с высшим профессиональным образованием в экономике региона, можно заметить, что республика на уровне СЗФО занимает положение ниже среднего уровня, хотя и не последнее. На фоне снижения общей численности населения в республике наблюдается устойчивая тенденция роста числа лиц имеющих высшее профессиональное образование с 57,6 тыс. человек в 1989 г. до 102,2 тыс. человек в 2010 г. (почти в 2 раза). Основной группой лиц в структуре занятых в экономике с долей более 30% являются лица с уровнем достигнутого среднего профессионального образования. В регионе остается нерешенной проблема дисбаланса регионального предложения на рынке труда и наличных кадровых ресурсов в регионе.

Государство вкладывает все больше финансовых средств в сферу образования. В общем объеме расходов консолидированного бюджета республики (рис. 3.24) расходы на образование составляют около 26%, в бюджете республики – около 20% или 4,7 млрд. рублей в 2013 г. По удельному весу расходов на образование в СЗФО Карелия уступает Архангельской и Мурманской областям, где этот показатель превышает уровень 30% от общего объема бюджетных расходов.

Расходные полномочия четко разделены между тремя уровнями власти, в основном, по типам образовательных учреждений. За счет средств федерального бюджета осуществляется финансирование федеральных государственных образовательных учреждений, в основном – это высшие учебные заведения. За счет местных бюджетов городских округов и муниципальных районов предоставляется дошкольное образование, то есть, содержатся детские

сады, дополнительное образование в спортивных, музыкальных, художественных школах, дворцах творчества, организация отдыха детей в каникулярное время. Все остальное – финансовые обязательства республики, к которым относится финансовое обеспечение учебного процесса во всех муниципальных школах, организация предоставления образования в коррекционных образовательных учреждениях, детских домах, специальных учебно-воспитательных учреждениях, оздоровительных образовательных учреждениях санаторного типа, образовательных учреждениях для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи.

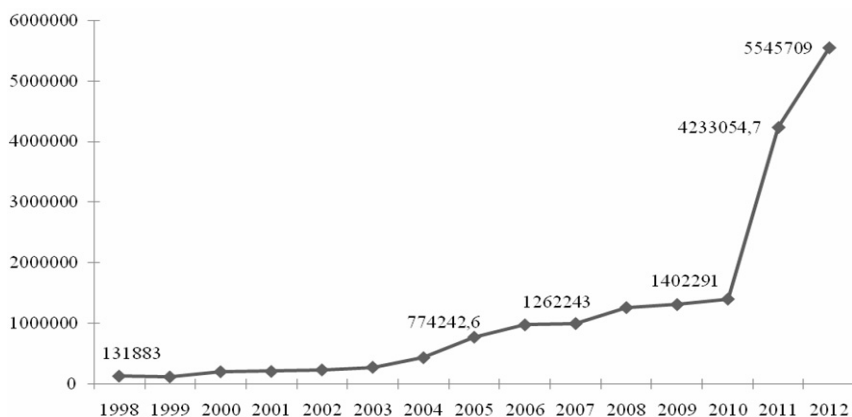

Рис. 3.24. Динамика расходов бюджета Республики Карелия на образование

Таким образом, формирование гибкой системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Республики Карелия является одной из главных задач региональной политики. В тоже время с вступлением в силу нового федерального закона «Об образовании» с сентября 2013 г., обозначатся новые ориентиры и методы развития сферы образовательных услуг. В этих условиях в регионах следует обратить особое внимание на такие инструменты развития как государственно-частное партнерство, интеграционные формы взаимодействия, развитие услуг дополнительного профессионального образования.

Экологические ограничения экономического развития

Роль экологического фактора в рыночной экономике можно рассматривать в двух аспектах. Как фактор, связанный с формированием ограничений, и как фактор, способствующий развития рыночных инструментов согласования эколого-экономических отношений.

Экологические ограничения экономического развития включают, во-первых, соблюдение природоохранного законодательства, принципов экологического нормирования и экологической стандартизации. Основная цель таких ограничений состоит в повышении степени экологизации экономики в целом, включая увеличение конкурентоспособности предприятий за счет использования экологически чистых технологий и выпуска экологически чистых товаров и вывод «грязных» технологий из конкурентной среды [Гусев, 2010]. Соблюдение экологических ограничений способствует инновационному развитию предприятий. Вторым видом ограничений является установление санкций и запретов в экспортно-импортных отношениях при несоблюдении международных договоров. Это уже существующие ограничения по охране озонового слоя и климата, касающиеся экспорта и импорта озоно- и климатопоразрушающего сырья и продукции из него.

Роль экологического фактора в развитии рыночных методов и инструментов согласования эколого-экономических отношений связана с развитием экологического страхования и сертификации, рынков торговли квотами на загрязнение окружающей среды и экосистемных услуг, формированием рынка экологического аудита, развитием экологически ориентированного бизнеса и т. п.

В начале 90-х годов в нашей стране были предприняты определенные усилия со стороны российской науки и правительства по созданию экологической системы управления и экономических рычагов воздействия на предприятия – загрязнители окружающей среды, которые сменились во второй половине того же десятилетия фактической ликвидацией созданной системы. В качестве основной причины сложившейся ситуации, по-видимому, следует считать мощную позицию сырьевых корпораций, стремящихся минимизировать издержки производства за счет экономии на ресурсно- и энергосберегающих технологиях и мерах по обеспечению

экологической безопасности. В этих условиях со второй половины 90-х годов складывается ситуация фактического игнорирования экологических проблем, в то время как в зарубежном мире, напротив, экологическая активность компаний стала оцениваться как ключевой фактор обеспечения их прибыльности и конкурентоспособности. В качестве базовой стратегии экологизации производств, получившей широкую известность и признание в Европе, используется *Best Available Technology* (BAT) – наилучшая доступная технология (НДТ). В отличие от традиционных способов регулирования экологической деятельности предприятий, оцениваемой «на конце трубы» с применением весьма условных предельно-допустимых концентраций, выбросов и сбросов, современная экологическая идеология предусматривает предупреждение экологических нарушений, а не нейтрализацию их последствий [Шкиперова, Мелентьев, 2010].

Кроме того, зарубежный опыт использования экономических инструментов в целях охраны окружающей среды отличается от российского эффективной системой стимулирования снижения негативного воздействия и рационального использования природных ресурсов. Эта система включает налоговые скидки с продаж экотехники (Германия, Франция, Япония, США) и льготы при ускоренной амортизации очистного оборудования (22–100% в Канаде, Австрии, Германии и др.), субсидии муниципалитетам и предприятиям, льготные кредиты на природоохранное оборудование (до 80% его стоимости на 10-12 лет при 5–7% годовых, Япония). В США, как наиболее богатой и промышленно развитой стране, получили широкое развитие беспроцентные займы предприятиям от инвестиционных банков для приобретения «чистых технологий» (до 40% поставок в промышленность) под государственные гарантии, а также долгосрочные займы (на 30 лет) в объеме 0,5 млн долл. при 6,65% годовых [Тихонова, 2008; Шкиперова, Мелентьев, 2010].

В России институциональное обоснование экологизации экономического развития закреплено в Концепции перехода РФ к устойчивому развитию (утв. указом Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440), Экологической доктрине Российской Федерации (одобрена распоряжением правительства РФ от 31.08.1992 г № 1225-р),

Законах РФ «Об охране окружающей среды» (от 10.01.2002г. № 7-ФЗ), «Об экологической экспертизе» (от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ), в ряде международных соглашений.

Поставленные в Концепции перехода РФ к устойчивому развитию стратегические цели достаточно декларативны, не конкретны, не измеряемы и вряд ли достижимы. Документ готовился в условиях, когда власть не собиралась ничего менять, приоритетным направлением был экономический рост, но изменилась внешняя среда. А именно, на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. была принята Декларация, в которой провозглашены обязательства государств по основным принципам достижения нашей цивилизацией устойчивого развития.

В Экологической доктрине РФ сохранение природы и улучшение окружающей среды провозглашены приоритетными направлениями деятельности государства и общества, сделана попытка согласования стратегии социально-экономического развития и государственной политики в области экологии. Реализация этого документа предполагала разработку планов действий на федеральном, региональном и отраслевом уровнях, учет и конкретизацию положений доктрины при разработке программ развития субъектов РФ и отраслей экономики, а также разработку и реализацию мер государственной поддержки и регулирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования. Однако на практике существенных изменений в этом направлении за прошедшие десять лет после принятия доктрины не произошло.

Федеральные законы «Об охране окружающей среды» и «Об экологической экспертизе» определяют правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, регулируют эколого-экономические отношения, устанавливают нормы и финансовый механизм компенсации негативного воздействия. Закрепленная в них система регулирования негативного воздействия на окружающую среду базируется на нормировании загрязнения на основе предельно допустимых концентраций, выбросов и сбросов (ПДК, ПДВ, ПДС), а также реализации принципа «загрязнитель платит». В условиях, когда в качестве основного приоритета выступает экономический рост, институт нормирования на основе ПДК, ПДВ и ПДС является очень слабым

инструментом регулирования уровня загрязнений, поскольку допускает использование временно согласованных стандартов и не отвечает требованиям современной экологической идеологии, предполагающей предотвращение загрязнения, а не ликвидацию его последствий [Шкиперова, 2012].

Принцип «загрязнитель платит» при существующих в нашей стране нормативах платы за загрязнение и возможности включения этого вида платежа в себестоимость продукции также не является стимулом к внедрению экологически приемлемых технологий и экологической модернизации производства в целом [Дружинин, Шкиперова, 2011].

Кроме того следует отметить, что плата за негативное воздействие имела экологический смысл только в период действия экологических фондов, которые ликвидированы в начале 2000-х годов. Она определялась как целевой платеж, вносимый предприятиями за загрязнение окружающей среды, и должна была направляться непосредственно на реализацию природоохранных мероприятий. В настоящее время Росприроднадзор занимается только сбором и распределением этого вида платежа по различным уровням бюджета по нормативам: федеральный – 20%, региональный и местный – по 40%. А куда в дальнейшем расходуются эти средства определить сложно. Они просто растворяются в общей массе налогов и сборов и носят чисто фискальный характер, преследуя цель наполнить бюджет. Так, например, в Республике Карелия объем платы за негативное воздействие в 2000–2010 гг. вырос в 12,3 раза, а объем инвестиций из бюджетов всех уровней на мероприятия по охране окружающей среды снизился за этот период в 3,3 раза (рис. 3.25). При этом, если в 2000 г. доля бюджетных расходов на охрану окружающей среды составляла 63% от общего объема поступления платы за негативное воздействие, то в 2010 г. этот показатель – лишь 1,6% (4,1 млн руб. инвестиций против 262,5 млн руб. поступивших платежей).

Ключевыми проблемами в реализации региональных природоохранных программ и мероприятий являются объемы и организация их финансирования. В нашей стране даже в период существования целевых экологических фондов (1992–2000 гг.) непосредственно на природоохранные цели использовались лишь 30% их объемов [Шкиперова, Мелентьев, 2010]. В дальнейшем выделение

средств на экологические цели из бюджета заметно уменьшилось, причем как относительно доли в ВРП, так и расходной части бюджета (рис. 3.26). Оптимальная доля экологической составляющей должна быть 3–6% от ВРП, что характерно для зарубежных промышленно-развитых стран. В России же она на порядок ниже, что в известной степени связано с чрезвычайно низким уровнем экологических платежей, взимаемых с предприятий-загрязнителей, и их нецелевым использованием.

Рис. 3.25. Динамика поступления платы за негативное воздействие и расходов бюджета на охрану окружающей среды в Республике Карелия

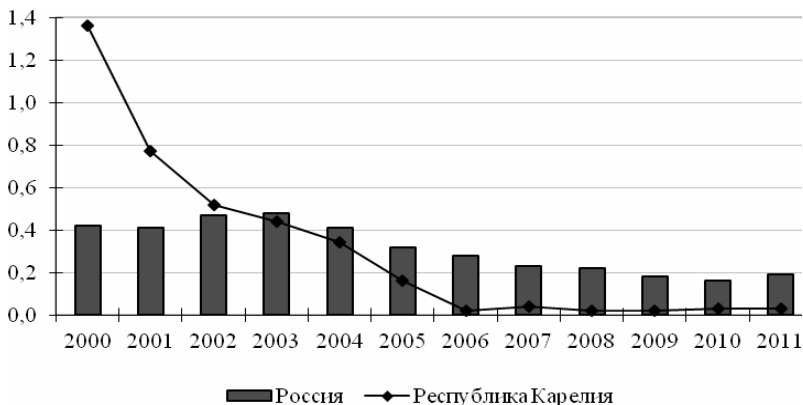

Рис. 3.26. Доля расходов на охрану окружающей среды в общем объеме расходов консолидированных бюджетов России и Карелии, %

В результате анализа основных действующих законодательных актов в области охраны окружающей среды и практики их реализации можно сделать вывод о том, что роль нормативных и организационно-правовых институтов сводится к установлению ограничений, т. е. носит чисто административный характер. Институт экологического страхования практически не работает, экологические фонды ликвидированы, бюджетное финансирование природоохранных мероприятий крайне низкое и имеет тенденцию к сокращению. Такую ситуацию вполне можно рассматривать как отсутствие государственного интереса к сфере охраны окружающей среды и в целом к процессу экологизации экономики.

В качестве обоснования данного вывода выполнено исследование основных факторов, влияющих на экологическую модернизацию шести карельских предприятий – основных загрязнителей окружающей среды в республике [Шкиперова, 2012]. При определении сценариев развития экологической модернизации использовались три группы показателей: *экономические* (общий объем инвестиций; объем инвестиций на природоохранные мероприятия по источникам финансирования; текущие расходы на охрану окружающей среды; соотношение объем выпуска продукции/объем экспорта; основные рынки сбыта, их характеристика, экологическая чувствительность; элементы модернизации), *экологические* (абсолютные, относительные и удельные объемы выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, сброса сточных вод, образования отходов), *институциональные* (изменение законодательства в области охраны окружающей среды; изменение формы собственности предприятия; смена собственников; сертификация по международным стандартам; влияние неправительственных природоохранных организаций).

Статистический и качественный анализ показателей свидетельствует о том, что для всех исследуемых предприятий характерна постановка декларативных экологических целей и задач, доминирующим остается принцип очистки на «конце трубы», который не позволяет достичь нормативных показателей. Снижение негативного воздействия в основном объясняется изменением объемов производства, о чем свидетельствуют удельные показатели загряз-

нения. Инновационные решения для снижения энерго- и ресурсоемкости производств связаны с технологической модернизацией, а не с экологической результативностью.

Полученные данные позволяют предположить, что экологическая модернизация на всех предприятиях проходит, в основном, по экономическому сценарию и является следствием общего технического перевооружения (табл. 3.13). Особую роль практически для всех предприятий играет фактор внешнего воздействия, связанный с расширением международной торговли и стремлением собственника работать на экологически «чувствительных» рынках. Экономические показатели деятельности экспортно-ориентированных предприятий напрямую зависят от соответствия их продукции и технологических процессов международным экологическим стандартам. Приграничное расположение региона благоприятствует развитию трансграничных контактов, позволяет использовать западные услуги, облегчает экспорт продукции.

Институционально-политический сценарий развития экологической модернизации не был доминирующим ни в одном из рассматриваемых случаев, за исключением Надвоицкого алюминиевого завода (филиал ОАО «НАЗ СУАЛ»), где государственное регулирование стало решающим фактором на первом этапе модернизации (1990–1994 гг.). Это было связано с экологическими нарушениями на предприятии, обусловившими загрязнение окружающей среды фтором и рост заболеваемости детей флюорозом.

Результаты исследования подтверждают, что роль государственного регулирования в экологизации экономики в настоящее время значительно уменьшилась. Новый экономический механизм природоохранной деятельности еще не создан, а старый выполняется формально. Для государственных органов экологический фактор не является ключевым, они стремятся скорее к тому, чтобы улучшались экономические условия жизни населения (стабильность доходов, снижение безработицы и т. п.).

Для изменения сложившейся ситуации в 2007 г. Минприроды был разработан целый ряд законопроектов, включая проект Экологического кодекса и новую версию закона «О плате за негативное воздействие». Однако дальнейшего развития названные документы так и не получили.

Таблица 3.13

Основные направления и сценарии развития экологической модернизации (ЭМ) на предприятиях Республики Карелия

Предприятие	Основные направления и факторы	Сценарий
ОАО «Кондопога»	ЭМ под воздействием экономических факторов, как следствие общего технического перевооружения <i>Факторы:</i> роль собственника, требования международных рынков (экспорт – 80%)	<i>Основной:</i> экономический, <i>Доп.:</i> внешнего воздействия
ОАО «Сегежский ЦБК»	ЭМ под влиянием международных рынков, иностранных собственников <i>Факторы:</i> роль собственника, преследующего экономические цели; расширение холдинга за счет иностранных предприятий; общественные движения (инициировано создание проекта Модельный лес «Сегозерье»)	<i>Основной:</i> внешнего воздействия <i>Доп.:</i> экономический
ОАО «ЦЗ Питкяранта»	ЭМ под влиянием международных рынков, иностранных собственников (77% акций) <i>Факторы:</i> иностранные собственники, внедряющие свой менеджмент, социальную и экологическую культуру; требования международных рынков	<i>Основной:</i> внешнего воздействия <i>Доп.:</i> культурно-дискурсивный
ОАО «ЛФК Бумэкс»	ЭМ под влиянием международных рынков, иностранных собственников (80% акций) <i>Факторы:</i> требования международных рынков, экономические цели	<i>Основной:</i> внешнего воздействия <i>Доп.:</i> экономический
ОАО «Карельский окатыш»	ЭМ под воздействием экономических факторов, как следствие общего технического перевооружения <i>Факторы:</i> роль собственника, преследующего экономические цели; требования международных рынков	<i>Основной:</i> экономический <i>Доп.:</i> внешнего воздействия
Филиал ОАО «НАЗ СУАЛ»	ЭМ как результат мер государственного регулирования в области охраны окружающей среды <i>Факторы:</i> государственное регулирование; общественные движения; роль собственника, преследующего экономические цели	<i>Основной:</i> экономический <i>Доп.:</i> институционально-политический

Сегодня можно говорить о начале нового этапа реформирования системы управления охраной окружающей среды. В целях совершенствования государственной экологической политики в России в последние годы разработан и частично принят ряд нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в области

охраны окружающей среды. Основные направления современной реформы изложены, в первую очередь, в указе Президента РФ «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» (от 04.06.2008 г. № 889), Стратегии-2020 (утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537), ряде поручений Президента РФ [Перечень..., 2011; Перечень..., 2010]. Кроме того, разработано более десяти различных законопроектов, наиболее важным из которых является одобренный в первом чтении Государственной Думой в октябре 2011 г. проект Федерального закона №584587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий» (далее – законопроект) [Проект..., 2011]. Законопроект запланирован для рассмотрения Государственной Думой во втором чтении в период весенней сессии 2013 г.

Целями законопроекта являются формирование новой системы нормирования воздействия на окружающую среду и введение методов экономического стимулирования снижения негативного воздействия. Законопроектом, в частности, предлагается дифференциация предприятий по значимости воздействия на окружающую среду и применение к ним пропорциональных мер государственного регулирования. Так, объекты с незначительным уровнем воздействия на окружающую среду будут представлять лишь отчетность об объемах фактически осуществленных ими выбросов и сбросов загрязняющих веществ в уведомительном порядке. Для объектов с умеренным уровнем воздействия применяется принцип декларирования. Декларация о воздействии на окружающую среду содержит не только сведения об объемах загрязнения, но также информацию о реализованных и планируемых природоохранных мероприятиях. Для экологически опасных объектов предусматривается получение комплексного разрешения на негативное воздействие на окружающую среду, которое содержит установленные нормативы допустимых выбросов/сбросов загрязняющих веществ, временно разрешенные выбросы/сбросы, лимиты на размещение отходов

производства и потребления, согласованную программу внедрения НДТ и (или) согласованный план мероприятий по охране окружающей среды.

Задачу создания основ технологического нормирования планируется решать путем установления нормативов загрязнения на основе соответствия наилучшим доступным технологиям, определения перечня веществ, запрещенных к выбросам, сбросам в окружающую среду, сокращения перечня загрязняющих веществ, подлежащих нормированию, оснащения стационарных источников выбросов/сбросов автоматическими средствами измерения и учета объема выбросов/сбросов и концентрации загрязняющих веществ, а также техническими средствами передачи информации в государственную автоматизированную систему экологического контроля [Проект..., 2011].

Нормирование на основе соответствия НДТ базируется на определении удельных показателей загрязнения, в расчете на единицу производимой продукции (работы, услуги) и максимально приближает систему регулирования к европейским стандартам. Институт временно разрешенных выбросов и сбросов сохраняется только на период реализации планов мероприятий по снижению негативного воздействия (не более 7 лет), давая возможность поэтапного перехода к НДТ.

Одновременно формируется новый финансовый механизм стимулирования компаний к переходу на природоохранные технологии, который предполагает значительное ужесточение санкций за сверхнормативные выбросы и сбросы. Повышающие коэффициенты к ставкам платы за негативное воздействие будуткратно увеличены и составят 25 и 100, вместо применяемых в настоящее время 5 и 25 [Туголуков, 2011]. В то же время предприятия получают реальные стимулы (и финансовые возможности) для развития бизнеса как экологически ориентированного, а плата за отходы производства предприятий не будет взиматься с потребителя их продукции. Для предприятий, осуществляющих переход на НДТ, предусмотрено предоставление льгот по плате за негативное воздействие, предоставление инвестиционных налоговых кредитов с полным возмещением затрат на уплату процентов, уменьшение налогооблагаемой базы за счет

отнесения расходов на содержание и эксплуатацию оборудования к материальным расходам, которые не облагаются налогом на прибыль и др.

Таким образом, принятие законопроекта может частично решить задачу введения рыночных инструментов для стимулирования природоохранной деятельности на микро- и мезоуровне, создания экономических условий для экологизации экономики, повышения конкурентоспособности российской продукции и инвестиционной привлекательности предприятий на мировом рынке. Однако декларируемое в разработанных законопроектах значительное повышение издержек на соблюдение экологических норм для большинства российских предприятий уже сегодня следует рассматривать в качестве экологических рисков, которые могут оказать существенное негативное влияние на развитие бизнеса, финансовые показатели и результаты деятельности.

На региональном уровне риски будут связаны с учетом в качестве критерия выделения отдельных видов субсидий из федерального бюджета такого показателя, как применение на территории субъекта РФ энергосберегающих и экологически чистых производственных технологий, а также необходимостью включения экологических параметров в конкурсную документацию при размещении заказов на поставки товаров, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

В последнее время, несмотря на имеющийся отечественный негативный опыт, широко обсуждается перспектива создания федерального и региональных экологических фондов с целью финансирования инновационных разработок, внедрения «чистых» технологий и оборудования, реализации льготного «зеленого кредитования» природопользователей. Положительный зарубежный опыт организации деятельности специальных финансовых структур экологической направленности (природоохранные фонды разных уровней, экологический банк, страховой банк и др.) свидетельствует о действенности этого механизма. В условиях неудовлетворительного состояния бюджетов всех уровней для большинства субъектов РФ экологические фонды можно рассматривать практически как единственный источник финансирования природоохранных мероприятий и экологических программ.

Реформирование институциональной среды согласования экологических и экономических интересов в немалой степени связано с вступлением России в ВТО [Туголуков, 2011]. Следует ожидать, что экологические требования ко всей цепочке жизненного цикла продукции будут ужесточаться, а законодательство РФ будет постепенно приводиться в соответствие с международными нормами. В этих условиях, сопровождаемых также ужесточением конкуренции, использование новейших технологий в развитых странах является способом выживания и повышения конкурентоспособности, поэтому отечественным предприятиям нужно учесть международную практику, в том числе и в плане использования экологического фактора в качестве фактора, способствующего развитию, а не ограничивающего его. Это выводит на первый план необходимость создания условий в России для запуска модернизационных процессов. Причем речь идет не только о модернизации производств на основе внедрения и использования новых технологий, а о системной модернизации хозяйства и общества (особенно в условиях приграничья, выступающего своеобразной контактной зоной, в первую очередь реагирующей на изменения во внешней среде).

ГЛАВА 4

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧЬЯ

4.1. Парадигма современной модернизации и системная модель модернизации макро- и мезоэкономического субъекта

Сущность парадигмы современной модернизации состоит в переходе от индустриального общества, формировавшегося на протяжении XVIII–XX веков, драйвером которого выступало становление массового производства с экстенсивным способом использования факторов производства, к постиндустриальному, и затем – к информационному обществу с созданием новой экономики, основу которой формируют инновационные фирмы, организованные по сетевому принципу [Inglehart, 1997]. Слово «новая» символизирует формирование нового жизненного уклада, который можно охарактеризовать в целом как информационное, высокотехнологичное и сетевое общество. В этом смысле новая экономика – это, по сути, информационная экономика, т. е. связанная с обработкой, передачей информации и развитием сетей.

В результате продолжающейся сегодня информационно-технологической революции основой развития становятся информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие не только многократное ускорение процессов обмена информацией, но и способствующие появлению новых рисков, вызовов и угроз. В современном обществе производство благ и развитие социальной сферы во многом зависят от имеющихся информационно-технологических возможностей [Кастельс, 2004]. Новые информационные технологии являются не просто инструментом, но также связывающей категорией, обеспечивающей процессы развития, поскольку они почти мгновенно охватывают все мировое пространство.

© Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов

Мировая экономика становится глобальной за счет внедрения и использования коммуникаций и перехода на работу в режиме реального времени. В этих условиях время (а точнее скорость распространения управленческих импульсов и адаптации к меняющимся условиям) и инновационность (способность своевременно сформировать уникальные ответы на появляющиеся вызовы) становятся существенными факторами обеспечения устойчивости социально-экономических систем.

Инновационная экономика рассматривается сегодня как новая модель расширенного воспроизводства, в которой информация (своевременная, полная и достоверная) выступает в качестве главной составляющей воспроизводственных процессов. «Сетевая экономика, получая информацию из Интернета, резко меняет правила, меняет отношения и положения, лежащие в основе работы традиционных промышленных предприятий. Подкачиваемая высокоскоростными коммуникационными технологиями, новая экономика характеризуется всеохватностью, глобализацией, прозрачностью, ростом, горизонтальными (неиерархизированными) организационными структурами» [Гэд, 2005, с. 56].

Важно отметить, что *в условиях глобализации и информационного общества формирование новой экономики проявляется в опережающем росте транзакционных издержек*. Это происходит в первую очередь в связи с введением в оборот информации и увеличением плотности транзакций в удельной единице экономического пространства. В результате темп роста транзакционных издержек существенно опережает темп роста трансформационных издержек (затрат на физическое изготовление продукции). Поэтому новая экономика, как бы осознав и определив проблему роста издержек, предоставляет также и адекватные механизмы их снижения. Например, развитие электронной коммерции сетевой инфраструктуры, коммуникаций и Интернета как инструментов сокращения времени транзакций, совершенствование правовой системы и внедрение принципов свободной торговли как инструментов, направленных на повышение эффективности транзакций и др.

Новая экономика связана с созданием новых технологий и продуктов. В этом смысле – это экономика знаний, в которой меняется не только характер и организация производства, но и характер

потребления. Он проявляется в изменении моделей потребления, характеризующихся ростом нематериальных благ в структуре затрат. Наблюдается рост информационной, идеологической и культурной составляющих потребления, когда человек потребляет не просто товар, а через определенные коды и символы у него формируется определенный образ и стиль жизни. Если применить аналогию «невидимой руки» рынка, то в связи с вышесказанным уместно говорить о появлении второй «невидимой руки» рынка. Когда вещь должна не просто удовлетворять фактическую потребность человека, а подчеркивать ту или иную грань его индивидуальности. При этом выбор потребителей осуществляется по-прежнему с целью максимизации функции полезности. Однако он происходит в условиях избытка информации с одной стороны, и ее ограничения, с другой. А потому выбор потребителя осуществляется в рамках типовых моделей поведения, ориентированных на группы товаров, обладающих не только и не столько общими свойствами (хотя такие группы тоже существуют, поскольку потребитель хочет выбирать, а не просто потреблять), сколько общим архетипом поведения. Учитывая стремление потребителей к вариантности выбора и даже своего рода «коллекционированию», товары, несмотря на сходство и идентичность потребителей, в результате монополистической конкуренции являются дополняющими друг друга и формирующими совместно общий товарный рынок, сохраняющий и усиливающий его структуру как рынка монополистической конкуренции.

Это именно те базовые изменения и преобразования, которые предопределяют и одновременно являются своеобразным результатом современной модернизации. И именно они выступают в качестве важнейших драйверов и факторов современных трансформационных процессов, охватывающих и пространство, и структуру экономики, и общество. Гораздо сильнее эффекты и результаты модернизационных процессов проявляются в агломерациях (в силу расширения количества и масштабов транзакций) и в приграничье (в силу того, что данные территории выступают в качестве «контактных зон»). Но в любом случае трансформационные и модернизационные процессы, наблюдаемые на уровне изменения структуры хозяйства и общества, их пространственных проекций, характеризуются своей спецификой.

Сегодня без преувеличения можно сказать, что российское общество стоит перед серьезной проблемой *формирования принципиально новой системной модели экономики и управления*. Модели, которая позволяла бы не только в полной мере учитывать линейные тенденции и объективные закономерности общественного развития, но и адекватно воспринимать разного рода отклонения, флуктуации и неравномерность развития, достаточно быстро адаптируясь к ним. Формирование подобной системной модели возможно лишь на основе синергетического методологического подхода, который подробно был рассмотрен в первой главе.

Надо заметить, что сегодня необходимость реструктуризации, качественного изменения специализации и диверсификации российской экономики и экономики российских регионов уже никем не оспаривается. В этой ситуации первостепенной задачей является снижение доли сырьевого и низкотехнологического секторов в воспроизводственной структуре экономики. Эта задача носит объективный характер. От ее решения во многом зависит конкурентоспособность экономики страны и ее регионов. Именно поэтому на высшем политическом уровне страны инициирована реализация комплексной стратегии модернизации и технологического развития российской экономики.

Вместе с тем, рассматривая формирование новой системной модели экономики как инструмента повышения ее конкурентоспособности в качестве главной цели модернизации, необходимо понимать, что ее достижение возможно лишь на основе комплексного подхода, уделяющего должное внимание различным векторам модернизационного процесса (рис. 4.1.) [Савельев, 2010]:

1. *вектору обновления производства* (структуры, оборудования, технологий), направленного на совершенствование сложившейся структуры производственных отношений, производственной логистики и технологических цепочек;
2. *вектору обновления нормативной среды* через разработку новых норм и требований к организации производства и обслуживания, технических стандартов, показателей качества и др. (или их «импорт» из других систем – международного сообщества, стран и регионов), обеспечивающих создание равных условий конкуренции;

3. вектору совершенствования организационных структур и методов управления, их ориентации на достижение нового качества управления процессом социально-экономического развития;
4. вектору трансформации системы традиционных ценностей и мотивации, достижения их новых характеристик и новой «философии» управления, адекватной новому состоянию экономики и общества.

Рис. 4.1. Системная модель (основные векторы) процесса модернизации, основанная на использовании синергетического подхода

Представленные на рис. 4.1. векторы модернизации (или направления формирования новой системной модели экономики и управления) сформулированы на основе классической трактовки термина «модернизация», предложенной в Современном словаре по общественным наукам. Под модернизацией понимаются «...взаимообусловленные общественные процессы во всех социальных и экономических институтах, сопровождающие процесс индустриализации и характеризующиеся: 1) ростом специализации и дифференциации труда; 2) формированием соответствующих политических институтов современного типа; 3) открытой стратификационной системой; 4) высокой мобильностью; 5) ослаблением и

изменением традиционных ценностей др.» [Современный словарь..., 2005]. Другое определение термина «модернизация», достаточно глубокое по смыслу дается в Большом экономическом словаре: «...усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества» [Большой экономический словарь, 2008].

Указанные выше векторы модернизации следует рассматривать в качестве взаимосвязанных и последовательных направлений формирования новой модели экономики и управления (на уровне страны и региона). При этом для того, чтобы быть конкурентоспособной в условиях глобализации и высокой динамики внешней среды, данная модель должна отвечать требованиям целостности, гибкости, адаптивности, мобилизации и ряду других обязательных требований. Поэтому *системную модель самого процесса модернизации следует рассматривать в качестве некоей универсальной теоретической модели повышения конкурентоспособности, применимой для макроэкономического (страны), мезоэкономического (региона) и микроэкономического (отрасли, фирмы) субъектов*. Данная теоретическая модель может быть заложена в основу при формировании новой модели региональной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности региона.

При реализации такой системной модели модернизации и повышения конкурентоспособности региона на практике следует уделять внимание инициированию структурных изменений по всем четырем векторам (направлениям). В противном случае могут возникнуть определенные искажения системной модели, приводящие к снижению ее эффективности, что в целом не позволит достичь поставленных целей и негативно скажется на конкурентоспособности субъекта в долгосрочной перспективе. В частности, возможные искажения системной модели модернизации и повышения конкурентоспособности макроэкономического субъекта представлены на рис. 4.2.

Понятно, что изменение структуры экономики требует изменения организационных структур, методов и инструментов управления социально-экономическими процессами. Поэтому искажение

системной модели модернизации и повышения конкурентоспособности макро- и мезоэкономического субъекта может быть вызвано «однобокостью» проводимой экономической политики, которая зависит от ее целевой направленности и механизмов реализации. В частности, принято выделять три типа системной модели модернизации – модель *импортозамещающей модернизации*, модель *догоняющей модернизации*, модель *органичной модернизации*.

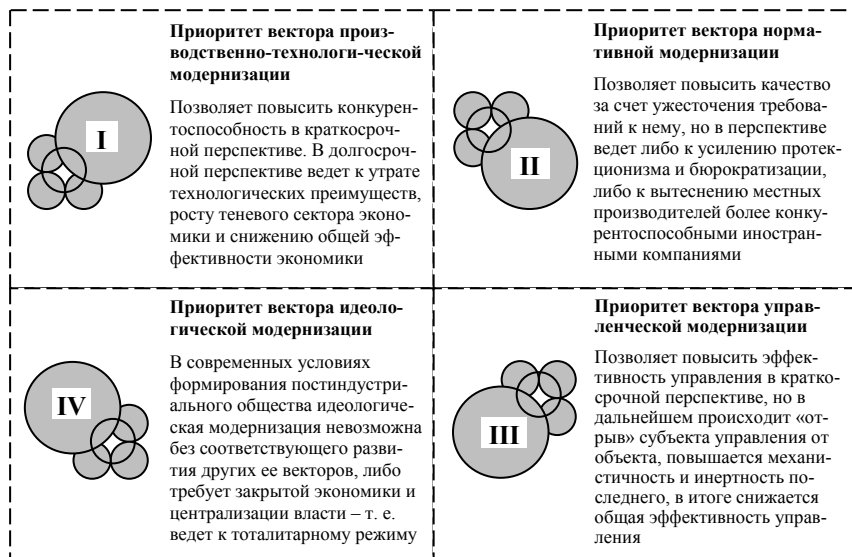

Рис. 4.2. Возможные искажения системной модели модернизации и повышения конкурентоспособности макро- и мезоэкономического субъекта

Первая (импортозамещающая) модернизация заключается в стимулировании импортозамещающих отраслей за счет перераспределения и концентрации ограниченных внутренних ресурсов на их развитии. При этом надо понимать, что концентрация экономических ресурсов в узкой сфере деятельности, как правило, будет сопровождаться жесткой централизацией управления и повышением роли государства в экономике. Результатом реализации подобной политики может являться создание узкоспециализированного импортозамещающего сектора экономики, находящегося под кон-

тролем государства и защищаемого мерами протекционизма, которые рассматриваются в этом случае инструментами создания конкурентных преимуществ. Создание же долговременных конкурентных преимуществ и запуск механизмов саморегулирования и расширенного самовоспроизводства системы в этих условиях невозможно.

Необходимым условием для *второй (догоняющей) модернизации* является давление внешнего фактора – экономической конкуренции, политического или технологического фактора. В этом случае действие механизмов модернизации будет направлено на сокращение разрыва с более развитыми странами (регионами), встраивание во внешние цепочки добавления стоимости, либерализацию экономики. Следовательно, положительные эффекты от подобной модернизации (повышение гибкости и адаптивности системы управления, получение доступа к внешним ресурсам и др.) будут нивелироваться ростом зависимости от внешнего рынка (от импорта, экспортной выручки), а также усилением диспропорций в экономическом развитии регионов.

Что касается *органичной модернизации*, то данная системная модель основана на том, что модернизация и повышение конкурентоспособности страны (региона) осуществляется внутри общества исключительно за счет внутренних источников роста (принцип саморазвития). Следовательно, ее целевая функция будет заключаться в поиске и создании условий для использования внутренних источников роста, в гармонизации процедур и оптимизации организационных структур управления. Ожидаемым результатом подобной модернизации будет создание устойчивых но, в то же время, гибких конкурентных преимуществ, основанных на органичном развитии экономики, опоре на внутренние источники роста и эффективной структуре управления.

Как видно из такого краткого сравнительного анализа, *наиболее значимой для создания устойчивых и долговременных конкурентных преимуществ макро- и мезоэкономического субъекта является системная модель органичной модернизации*. Только она позволяет инициировать структурные изменения в рамках всех четырех

выделенных выше векторов, способствуя поэтапному переходу всей социально-экономической системы в новое качественное состояние. Ее использование на практике позволяет укрепить функциональные связи между субъектом и объектом управления, тем самым снижая инертность системы и повышая ее адаптивность и гибкость.

Вместе с тем, другие две рассмотренные выше системные модели модернизации – импортозамещающая и догоняющая – также могут быть использованы в практике территориального управления с достаточно высокой эффективностью. Более того, для разных секторов экономики (также как и для разных регионов) они могут использоваться одновременно. При этом важнейшим инструментом их реализации выступает внешнеторговая политика и целевое государственное финансирование (в т. ч. включая систему государственного заказа, экспортные субсидии и т. д.).

Учитывая важность и практическую значимость трех представленных выше системных моделей модернизации, они могут быть взяты за основу для выработки практических, направленных на совершенствование структуры экономического пространства, структуры экономики и общества, а также на повышение конкурентоспособности региона в условиях глобализации.

Вместе с тем, использование любой из рассмотренных системных моделей модернизации в практике регионального управления предполагает глубокий структурный анализ региональной социально-экономической системы, рассмотрение каждой ее части как функционального элемента единой системы, действие которого основано на прямой или обратной причинно-следственной зависимости. Для выработки практических рекомендаций по внедрению системной модели модернизации необходимо в первую очередь проанализировать и понять особенности трансформации экономического пространства, структуры экономики и общества, от которых будет во многом зависеть успех реализации модернизационной стратегии.

4.2. Особенности трансформации и модернизации экономического пространства

Трансформация экономического пространства – это ускоренное изменение его функциональных и структурных качеств, пространственной организации производительных сил, вызванное изменениями мировой структуры производства товаров и услуг и системы международного разделения труда, а также нарастанием глобализации как всеобщего доминирующего явления.

Глобализация расширяет виды экономической деятельности и изменяет геоэкономическое пространство, является объективным процессом в мировой экономике и ее высшим этапом интернационализации, основанным в первую очередь на развитии интеллектуальных, финансовых, информационно-коммуникационных технологий. По этой причине можно процесс глобализации считать процессом унификации стандартов. Глобализация не стирает границы, но делает их более прозрачными. Поэтому важными моментами трансформационных процессов, развернувшихся в геоэкономическом пространстве в условиях глобализации и обусловленных сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, являются принцип разделения труда, стимулирующий эти процессы, эффект концентрации капитала и экономической деятельности, возникающий как результат углубления разделения труда. Особенность современного этапа заключается в том, что информационный фактор стал определяющим в системе международного разделения труда (скорость и качество обработки информации и принятия решений), а также сопутствующие ему коммуникационный и инфраструктурный факторы, которые обрели новое качество в условиях информационно-технологической революции.

Важность пространственных преобразований и их неотделимость от экономического развития, подчеркивается тем, что в последние два столетия экономический рост был отмечен повышением концентрации населения и производства в определенных местах. Ни одна страна не достигла среднего уровня дохода без индустриализации и урбанизации. Поэтому при рассмотрении вопроса

развития региона необходимо учитывать, что развитие сопровождается повышением концентрации, тесно связанной с преобразованиями в экономике и переходом в индустриальную и затем в постиндустриальную и информационную стадию. Негативным следствием данного процесса и влияния естественных и искусственных факторов является искажение и асимметрия экономического пространства.

В соответствии с теорией международной торговли сравнительное преимущество делает выгодной торговлю между регионами, а межрегиональная торговля вызывает развитие рыночных городов и интенсивно развивающихся функциональных зон. Оно реализуется в результате различий в уровнях производительности труда и проявляется в эффекте концентрации экономической деятельности.

В экономико-географической литературе отмечают два вида эффекта концентрации – *эффекты локализации и урбанизации*. К ним можно добавить имеющий российский акцент *эффект индустриализации*. Эффект урбанизации имеет место в том случае, если затраты производства конкретной фирмы снижаются по мере роста совокупного объема продукции. Он проявляется в результате роста масштаба экономики территории, а не только конкретной отрасли, и несет выгоды всем фирмам, а не только фирмам одной отрасли. Поэтому городские территории с их огромным разнообразием факторов производства создают благоприятные условия для появления новых фирм и отраслей. Эффект концентрации имеет место, если по мере роста объема производства отрасли или территории общие затраты на конкретном предприятии снижаются. Как известно, в его основе лежат следующие причины: эффект масштаба производства, формирование единого рынка труда, диффузия инноваций и перелив знаний, быстрый обмен информацией, обеспечивающий режим реального времени совершения сделок и транзакций.

Для экономического роста российских регионов важным оказался эффект агломераций, который связан с преимуществами, возникающими в результате географической близости к рынкам. В частности это сказывается на экономическом росте регионов, расположенных близко к гг. Москве или Санкт-Петербургу.

Огромное влияние на пространственное развитие страны оказала индустриализация. Крупные промышленные проекты привели к деформации экономической и социальной структуры, разрежению (с точки зрения концентрации экономической деятельности и трансакций) периферии. Особенно это касается северных территорий. В результате индустриализации и урбанизации, а также неравномерного размещения крупного бизнеса в России сформировалось экономическое пространство с сильной концентрацией (промышленные гиганты и мегаполисы) и периферией с разреженным экономическим пространством. При этом для периферии характерна не только депопуляция населения, но и бездорожье, неразвитость межрегиональных связей, социальная апатия и часто экономическая депрессия. В силу названных причин происходит отрицательный социальный отбор, что приводит к качественному дефициту трудовых ресурсов.

Неустойчивая конъюнктура продукции базисного производства, ориентированного на экспорт и межрегиональную торговлю, недостаточность развития внутреннего потребления и институциональная трансформация создают в периферийных регионах повышенные хозяйственные риски и недостаточную обоснованность производственных планов. *Данные обстоятельства ставят под сомнение возможность не только выбора инновационного пути развития для подавляющего большинства периферийных регионов, но и самостоятельного выбора стратегии развития.* В то же время трансформация экономического пространства предоставила периферии шанс репозиционировать себя на основе «новой экономики» и воспользоваться возможностями инновационного развития. Данные обстоятельства актуализировали задачи управления развитием периферийных регионов, в особенности в отношении приграничных, в значительной степени интегрированных в мировую экономическую систему.

Экономический кризис актуализировал вопрос несоответствия применяемых методов управления новым вызовам и поставил задачу совершенствования методологии управления. Сегодня акцент переносится на стратегическое управление, на формирование уникальной позиции территории в системе международных экономических отношений, на инновационное развитие и создание инструментов эффективного включения конкретных компонентов региональной экономики в глобальный оборот.

Структурные сдвиги в мировом хозяйстве и трансформация экономического пространства оказываются сопряженными процессами, отражающими скорость и суть эволюции глобальной экономической системы. Трансформация геоэкономического пространства и мировой экономики обусловлена ускоренными изменениями в пространственной организации производительных сил, в изменении мировой структуры производства товаров и услуг. Она ставит акценты на изменении системы планирования, основанной на понимании сложности и многомерности объекта планирования. В целях достижения стратегических целей и обеспечения выполнения задач трансформации мирового хозяйства развитые страны активно используют пространственный фактор. Сейчас можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что эти изменения мировой структуры производства товаров и услуг и системы территориального планирования в значительной степени определили динамику развития развитых стран. В частности данные обстоятельства проявились в распределении финансов, инвестиций, кредитов, долговых обязательств, патентов и лицензий, миграционных и транспортных потоков и т. д.

Выбор пространственной модели и соответствующей стратегии региона должен опираться на тенденции мирового экономического пространства и районирование с учетом многообразия спектра центр-периферийных связей, внешних вызовов и существующих проблем диспропорций. В экономическом смысле мы должны найти корреляцию или сопряжение учетной формы (статистики) и экономической сути, которая придала бы региону управленческую субъектность и определила бы соответствующее проблемное поле. По расчетам Всемирного Банка из-за неэффективной пространственной организации Россия теряет 2–3% ВВП ежегодно [Княгинин, 2007]. Следствием влияния естественных и искусственных факторов является искажение и асимметрия экономического пространства. Анализ данного феномена осуществлен в работах [Бияков, 2004; Дробышевский, 2005; Красильников, 2001; Лавровский, 2009; Польшнев, 2003; Barro, 1990, 2004; Bernard, 1998; Esteban, 1994].

Усложнение системы территориального управления в России всегда выступало причиной и движущим фактором экономического районирования как инструмента планирования хозяйственной

общественной жизни. В СССР в качестве составной части экономической стратегии входила политика размещения производительных сил и совершенствования территориальной структуры народнохозяйственного комплекса [Планирование размещения, Ч2, 1986]. В плане ГОЭЛРО предусматривалось разделение страны на 8 экономических районов. Затем был предложен комплексный подход к районированию и разработан проект административно-территориального деления страны, которое стало также основой для экономического районирования. К 1937 году разделение страны предусматривало 11 союзных республик, 22 автономных республики, 9 автономных областей, 47 краев и областей, 35 округов, 3307 районов. Экономическое районирование непосредственно связывалось с организационно-территориальной структурой управления, системой региональных руководящих, хозяйственных и плановых органов [Планирование размещения ...Ч1, 1986], включая партийные и советские организации, местные органы и иные структуры, выполняющие задания Госплана СССР в составе централизованной многоуровневой системы отраслевых и территориальных органов. При этом экономические и политические принципы районирования были отождествлены [Минакир, 2006].

Госплан постоянно совершенствовал методику районирования территории страны с точки зрения особенностей размещения промышленности и сельского хозяйства. Важное значение для обоснования размещения производительных сил имела организация проектного дела и экспертизы проектов [Планирование размещения , 1986]. Государственные планы разрабатывались на основе системы экономических методов, показателей, обоснований [Планирование размещения...Ч2, 1986]. В частности в работах [Козлов, 1964; Пробст, 1962, 1971] обоснована система технико-экономических показателей размещения промышленности, проведены классификация отраслей по факторам размещения, их группировки, типизация и, наконец, районирование.

В научно-методическую базу размещения предприятий и отраслей внесли вклад такие ученые как Е. Афанасьевский, М. Виленский, А. Хрущев, В. Шелест, Н. Шокин и др. Ими разработаны важнейшие требования (принципы) при обосновании размещения производительных сил, которые актуальны и сегодня (в частности,

такие как максимальное приближение производства к источникам сырья и ресурсов (в том числе трудовых), комплексное развитие и специализация хозяйства и др.).

Для того, чтобы понять сущность и стратегические направления процессов трансформации и модернизации экономического пространства в России нужно в первую очередь рассмотреть его особенности (специфику географического разделения труда, асимметричность, конвергенцию и поляризацию экономического пространства), а также факторы, влияющие на его трансформацию.

Особенности географического разделение труда в России. В советский период географическое разделение труда выступало как основа выделения региона в качестве самостоятельного объекта планирования [Минакир, 2006], однако их развитие было подчинено общим народнохозяйственным целям и было обусловлено общим размещением производительных сил. В недавнем историческом прошлом нашей страны, по мнению П. Минакира [Минакир, 2006], именно отраслевое управление и планирование (директивные указания Госплана СССР) играли главнейшую роль. Формирование экономических районов, рассматриваемых в качестве основных таксонов территориального планирования и экономического районирования, основано на таких принципах как [Минакир, 2006] функциональность, целенаправленность, целостность, однородность экономических условий, взаимообусловленность развития, обуславливало и выделение специализации или специфической функции региона по удовлетворению народнохозяйственных потребностей.

Сегодня в РФ насчитывается 8 федеральных округов. Федеративное устройство нашей страны определено принципами федерализма и законодательно установлено Конституцией РФ. В соответствии со статьей 5 Конституции, Российская Федерация состоит из равноправных субъектов. По состоянию на 2012 год насчитывается 83 субъекта Федерации: два города федерального значения, 21 республика, 46 областей, 9 краев, 4 автономных округа и одна автономная область. При экономическом районировании выделяют 12 экономических районов; Центральный, Центрально-Чернозёмный, Северо-Западный, Северный, Поволжский, Волго-Вятский, Уральский, Северокавказский, Западно-Сибирский, Восточно-

Сибирский, Дальневосточный и Калининградский. Помимо экономического районирования выделяют также 6 военных округов: Московский, Ленинградский, Приволжско-Уральский, Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный военные округа.

К сожалению, сегодня экономическое пространство России оказалось сведено по сути к системе бюджетного федерализма. Регион в системе государственного управления определяется как множество парных взаимоотношений «центр–регион», в которых конкретный регион характеризует совокупность бюджетных кодов в соответствии с принятой пространственной номенклатурой. Учитывая качественные изменения политического, социального и экономического пространства России, которые сузили представление национальной экономики как монообъекта, А. Гранберг выдвинул парадигму, суть которой состоит в следующем: экономика России – не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий [Гранберг, 1999].

Современная регионализация создает центры экономической деятельности, прокладывает маршруты товарных, финансовых и информационных потоков. Происходит не только ослабление влияния региональных элит в контексте продолжения и перевода на новый уровень политических реформ в России, но и полная экономическая и проектная подчиненность и потеря субъектности в принятии стратегических решений, в которых теряется региональная сущность и исчезает контроль над территорией (за исключением распределения некоторых природных ресурсов). Неравномерность освоения территории, и социально-экономическая поляризация пространства привели к контрастам по осям север-юг и запад-восток, сформировав обширную зону проблемных территорий, образующую внешнюю периферию страны и занимающую около 70% ее территории [Нефедова, 2009].

Сегодня при размещении производительных сил, как отмечает Е. Россейкина [2003] действуют принципы: приближение производства к источникам сырья, освоение наиболее эффективных видов природных ресурсов, использование экономических выгод международного разделения труда, оздоровление экологии. Наличие

преимущества в виде короткого транспортного плеча, благоприятной экономической конъюнктуры, экономической ренты вследствие обладания значительной рыночной властью и другие обстоятельства, как это имеет место для приграничного региона, не создает мотивации к инновациям. Это подтверждает вывод Н. Межевича о том, что особенностью российского экономического пространства является внутриматериковое размещение экспортных производств. По его расчетам более 60% экспортного потенциала размещается на расстоянии более 3 тыс. км от европейских и дальневосточных границ, около 15% экспортного производства находится в приграничных районах [Межевич, 2005].

В ряде работ, как посвященных специфике развития северной периферии в новых условиях [Кокорев, 1994], так и сравнивающих развитие северной российской и зарубежной периферии, в исследованиях [От патернализма, 1998; Российский Север, 1997; Северная экономика, 1996] отмечены *недостатки модели освоения Российского Севера: использование модели насильственной индустриализации привело к затратному характеру функционирования хозяйственных структур, к игнорированию экологических ограничений и к разрушению традиционного уклада (как экономического, так и культурного).*

К особенностям северным территориям относится их географическое положение – оторванность от центра и суровость климата. В работе [Север и Арктика, 2010] к «северным» (к районам Крайнего Севера и местностям к ним приравненным) территориям относится около 65% территории страны. Причем здесь сосредоточено 80% минерально-сырьевого потенциала страны, огромная зона бореальных лесов (5,5 млн кв. км) и другие природные ресурсы. В целом они дают значительную региональную ренту, за счет которой формируется около 70% золотовалютного резерва страны. В работе [Север и Арктика, 2010] проведена оценка экономического развития регионов Севера в общероссийском контексте и сделаны выводы о том, что по всем критериям оценки «северные» субъекты демонстрируют более существенные различия в экономическом развитии, чем регионы остальной части РФ, однако демонстрируют лучшие показатели экономического развития в общероссийском контексте и отражают специфику «северности», выраженную

в реакции на управляющие действия, отраженные в несогласованности показателей «северных» и «несеверных» регионов и разбалансированности процессов территориального развития РФ. Согласимся с выводом Т. Нефедовой [2009] о том, что управлять таким разнородным пространством при таких территориальных масштабах проблемных территорий централизовано или в рамках традиционных схем невозможно, – необходимо понимать свое пространство и уделить его изучению в рамках исследований особое внимание.

Асимметричность экономического пространства. Региональному развитию присуща неравномерность. Асимметрия регионов выражается в разных показателях, разном уровне развития регионов, величине их вклада в национальную экономику. В. Лексин и А. Швецов [2007] выделили 11 состояний или измерений, по которым можно анализировать межрегиональную дифференциацию: природно-климатическое, природно-ресурсное, статусно – территориальное, правовое, политическое, экономическое, хозяйственно-объектное, транспортно-инфраструктурное, социальное, национально-этическое и конфессиональное.

Основным признаком асимметричного развития выступает динамика разброса региональных экономических, социальных и экологических показателей (табл. 4.1). В таблице отражены показатели, характерные с точки зрения дифференциации регионов.

Из приведенных данных по ряду показателей (ВРП, доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума, смертность младенческая и общая, общая площадь жилых помещений, доля налоговых и неналоговых доходов в общем объеме доходов бюджета, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата) отклонение среднего значения от медианы не столь значительно, что говорит о близости к нормальному распределению. В то же время для таких показателей региональной экономики, как объем инвестиций в основной капитал, оборот малых предприятий, уровень безработицы, наблюдается явное нарушение нормального распределения. Все это что говорит о наличии и действии немакроэкономических (бюджетных, фискальных, монетарных) факторов и возрастании дифференциации регионов.

Таблица 4.1

Параметры нормального распределения экономических показателей характеризующих региональное развитие, 2011 г.
(без учета Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов)

Показатели	Среднее	Максимум	Минимум	Медиана
Объем ВРП (на душу населения), тыс. руб.	262,3	1203,3	61,8	216,4
Объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного человека, тыс. руб.	99	915,5	10,6	56,2
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работника в целом по субъекту РФ, руб.	21607	59095	11236	18416
Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума, %	15,3	35,8	7,6	15,1
Смертность младенческая, на 1000 чел.	7,6	17,7	3,5	7,2
Общий коэффициент смертности (число умерших на 1000 чел. населения)	13,5	19,4	4	14,1
Общая площадь жилых помещений, в среднем на одного жителя, кв. м	23,1	30	13,1	23,3
Оборот малых предприятий, млрд руб.	276,4	5930,1	3,5	127,8
Доля налоговых и неналоговых доходов в общем объеме доходов бюджета субъектов РФ, %	66,4	91,8	13,1	70,3
Уровень зарегистрированной безработицы в среднем за год, %	2,3	32,7	0,5	7

Если рассчитать показатели распределения с участием Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов, то картина резко меняется. Данная группа нарушает закономерности распределения регионов в пространстве. Среди субъектов РФ выделяются явные лидеры и большая группа аутсайдеров. Например, объем ВРП (на душу населения) в Сахалинской области достиг 1203,3 тыс. руб., а в Республике Ингушетия – только 61,8 тыс. руб. Уровень безработицы в г. Санкт-Петербурге – 0,5%, в Чеченской республике – 32,7%. Смертность младенческая на 1000 чел. родившихся живыми в Чеченской республике – 17,7, а в Чувашской Республике – 3,5. По прогнозам данная асимметрия будет усиливаться. Огромные пространства «обезлюдивают» и становятся своего рода «пустыней», территорией с пониженной концентрацией экономической деятельности и деформированной социальной структурой.

Из анализа распределения регионов трудно выявить закономерности (рис. 4.3).

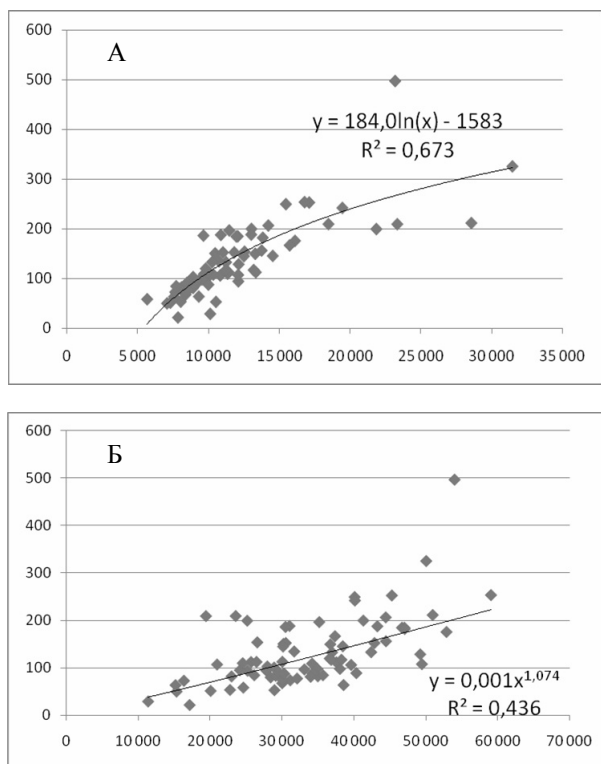

Рис. 4.3. Распределение субъектов РФ (без г. Москвы, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов).

По оси ординат – ВРП на душу населения (тыс. руб.).

По оси абсцисс: А) цена одного кв. метра на рынке жилья (руб.);

Б) среднемесячная начисленная заработная плата по субъекту РФ (руб.)

Если убрать из распределения г. Москву и некоторые другие регионы, выпадающие из общей закономерности, тогда можно выявить корреляционные связи между параметрами, например, значениями ВРП на душу населения и ценой одного квадратного метра на рынке жилья. Такая зависимость (точнее ее отсутствие) подтверждает, что национальная экономическая политика в части

бюджета и иных макроэкономических инструментов не проявляется значимо на уровне и качестве жизни (измеряемой в статистических показателях). Более того, в направлении граничных областей затухает влияние макроэкономической политики, т. е. требуется специальная региональная политика в отношении целевых групп регионов.

Конвергенция и поляризация экономического пространства.

Представляет интерес проверка вывода о влиянии межбюджетных трансфертов и капитальных вложений, финансируемых за счет бюджетных средств, на «выравнивание» регионов. Для этого целесообразно проверить гипотезу безусловной или β -конвергенции, где данные меры экономической политики принимаются в качестве условий сходимости. Часто гипотеза конвергенции применяется для изучения различий в ВВП (и ВРП) на душу населения, а также иных показателей, например, коэффициента Джинни [Дробышевский, 2005; Либман, 2006]. Для объяснения механизмов выравнивания используются различные подходы, разработанные на основе подхода Р. Солоу: модели конвергенции Р. Солоу, Т. Свана, Мэнкью-Ромер-Уэйла и Барро, Сала-Мартин (цит. по обзору [Гаджиев, 2008а и 2008б]). В теории экономического роста предполагается, что, несмотря на первоначальную дифференциацию территорий по уровню развития, в долгосрочном периоде дифференциация исчезает. Тогда, согласно [Либман, 2006], отсутствие конвергенции скорей всего говорит о неэффективности интегрированных рынков.

В настоящее время выделяют несколько концепций конвергенции применительно к регионам: β -конвергенция определяется как процесс «наверстывания», при котором бедные регионы имеют более высокие темпы экономического роста [Дробышевский, 2005]; σ -конвергенция определяет уменьшение во времени дисперсии распределения ВВП на душу населения или другого показателя дохода на выборке стран или регионов. β - и σ -конвергенции являются взаимосвязанными, но не эквивалентными [Дробышевский, 2005].

Учитывая отсутствие достаточно длительных рядов данных по регионам РФ, невозможно в полной мере использовать существующие методы для проверки гипотезы конвергенции. Но все же она выглядит достаточно правдоподобно. Существуют работы, в которых делаются подобные оценки.

В работе [Россия регионов..., 2005] показано, что даже в период экономического роста различия в социально-экономическом развитии регионов РФ не сокращаются. Более того отмечено отставание от темпов экономического роста и ухудшение состояния региональных рынков труда, что создает дополнительные проблемы.

Несмотря на то, что рост доходов происходит не только за счет дальнейшего повышения благополучия наиболее богатых регионов, но и за счет роста подушевого дохода в бедных регионах, распределение регионов по подушевому доходу остается унимодальным и характеризуется в целом увеличением дисперсии ВРП на душу населения по регионам. В рамках основной группы регионов наблюдается сближение значений данного показателя [Дробышевский, 2005]. В работе [Лавровский, 2009] показано, что усиление дифференциации за период экономического роста (2000–2005 гг.) происходило благодаря нескольким регионам.

В работе [Россия регионов..., 2005] показано, что в результате перераспределения федеральных бюджетных ресурсов наблюдается некоторое уменьшение региональных различий в душевых доходах. Детальная проверка проведена в работе [Дробышевский, 2005], в которой были использованы следующие показатели: среднее за период (1994–2002 гг.) отношение объема совокупной финансовой помощи из бюджета вышестоящего уровня к ВРП, среднее за период (1994–2002 гг.) отношение объема совокупной финансовой помощи из бюджета вышестоящего уровня к общему объему доходов регионального бюджета, а также среднее за период (1994–2002 гг.) отношение инвестиций в основной капитал, профинансированных за счет средств бюджетов всех уровней, к ВРП. В работе [Кадочников, 2003] проверялась гипотеза о роли или влиянии различных фискальных инструментов (в частности финансовая помощь регионам РФ) на снижение степени неравенства. Результатом всех этих работ является вывод о том, что гипотеза безусловной сходимости действительно не может быть отвергнута для субъектов РФ. В частности, концепция β -конвергенции применительно к регионам РФ не отвергается, в то же время концепция σ -конвергенции не получила адекватного подтверждения [Дробышевский, 2005]. Но и в том и другом случае результаты анализа, проведенного перечисленными выше авторами, показывают,

что роль региональной экономической политики в развитии тенденций конвергенции при существующих сегодня институциональных условиях крайне мала. Например, субъекты РФ, которые получили большие трансферты из федерального бюджета, не показали больших темпов роста ВРП на душу населения. Не было установлено статистически значимой зависимости между приростом финансовой помощи и приростом ВРП. В работе [Белов, 2008] на основании анализа статистических данных за период 2000–2005 гг. сделан вывод о том, что не всякое увеличение федеральных ассигнований стимулирует рост региональной экономики (вероятнее потому, что наиболее сильное позитивное влияние на скорость территориального развития оказывают не централизованные, а региональные бюджетные инвестиции).

Таким образом, *просто увеличение объема финансовой помощи, предоставляемой более бедным регионам в рамках существующей сегодня системы бюджетного федерализма, не позволяет увеличить темп роста их экономик и «выровнять» бедные и богатые регионы.* Отсутствие влияния на рост инвестиций в основной капитал, профинансированных за счет бюджетных средств, подтверждает выводы [Днепровская, 2002] о низкой эффективности бюджетных инвестиций. В то же время *инвестиции в промышленные проекты усиливают неоднородность экономического пространства.* В работе [Пчелинцев, 2001] утверждалось, что для перелома тенденций надо перевести российскую экономику в режим инвестиционного роста, но через экономику регионов, специализацию которых определяет обрабатывающая промышленность.

Наряду с конвергенцией, значимым эффектом трансформации экономического пространства является поляризация, в результате которой формируется поляризованное экономическое пространство. В поляризованном регионе образуется с полюсом больше экономических связей, чем с соседними регионами [Будевиль, 1961]. Причем, поляризация отражает неравенство относительно локальных средних, а конвергенция – неравенство относительно глобального среднего [Esteban, 1994].

Поскольку решающий фактор дифференциации – положение и расстояние в экономическом пространстве, то чрезвычайно велика роль коммуникационных и транспортных сетей и велики транзит-

ные функции и транзакционные издержки. Дифференциация пространства и соответствующая региону эффективность операций обмена зависят во многом от функционирования транзакционного сектора экономики. Последний представляет собой совокупность отраслей (частного и государственного сектора), производящих транзакционные блага (торговля, сервис, недвижимость, административные услуги, почтовые услуги, финансы, биржевая и внебиржевая торговля и др.) [Кузьминов, 2006].

В это связи важнейшее значение для развития периферий имеет сетевая концепция. Она отталкивается не только и не столько от плотности и расстояния (фактора территориальной близости взаимодействующих контрагентов), сколько учитывает разобщенность (фактор непрозрачных и неэффективных границ [89]) и институциональный фактор. Новыми объектами исследований стали размещение инноваций, телекоммуникационных и компьютерных систем, развитие инновационных промышленно-технологических комплексов. Акценты смещаются с традиционных факторов размещения (транспортных, материальных, трудовых издержек) сначала на инфраструктурные объекты, а затем и на нематериальные факторы размещения [Челноков, 2002].

Явление локализации и урбанизации может сопровождаться появлением и увеличением разобщенности и отдаленности контрагентов в институциональном смысле. Это возникает в связи с их разным социальным статусом, ограниченным числом контрагентов, большими институциональными издержками, отсутствием полного цикла «идея – практика», когда невозможно без потерь и ущерба передать информацию третьей стороне. В конечном счете, положение в экономическом пространстве и контрастность институциональных характеристик выражается в неравномерности развития «центр–периферия». Данная проблематика актуальна для региональной науки не только в нашей стране, но обсуждается повсеместно зарубежными учеными (см. например, проблематику неравного развития федеральных земель Германии [Gatzweiler, 2010]).

В соответствии с рассматриваемой моделью центр и периферия связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы. В этой связи важным шагом в развитии теории раз-

мещения производительных сил стало исследование Т. Хагерстранда, посвященное процессу создания и распространения инноваций или, так называемой, диффузии инноваций. В соответствии с моделью «центр – периферия» распространение нововведений и информации происходит в нескольких направлениях – от ядра к периферии, из центров высшего уровня в центры второго порядка, из крупных городов как ядер поляризации в прилегающие районы [Сигов, 2002], из ядер агломераций к их ареалу (провинции). При этом часто наблюдается диффузия устаревших нововведений. Отрасли, потерявшие статус инновационных, постепенно вытесняются сначала на полупериферию, затем на периферию [Сигов, 2002], которые, тем не менее, дают импульс для развития региональной экономики.

В то же время и регион может получить шанс на достижение высоких темпов развития. Причиной может выступить новый фактор (например, открытие минеральных месторождений или развитие экспорта местной продукции, производство дифференцированного продукта). Данный фактор стимулирует (под влиянием эффекта масштаба) выпуск регионального продукта, рост капитала и повышение капитализации региональных активов.

Поляризованное развитие может давать необходимый эффект в развитии промышленно развитых территорий (например, Уральского макрорегиона), стимулируя развитие полюсов роста, которые могут стать каркасом или опорой всего реформирования региональной экономики [Татаркин, 2001]. Благодаря возможностям своего рынка, ядро (передовой регион с высокой плотностью экономической активности) создает мотивацию для привлечения предприятий и рабочей силы в центр. Стремление уменьшить расходы, связанные с расстоянием снижает пространственное «трение» или приводит в движение людей, предприятия и идеи, и таким образом вовлекает менее развитые регионы в национальную систему производства. Мобильность населения повышает конкуренцию за рабочие места в регионах с высокой производительностью труда и снижает ее в регионах с низкой производительностью. Данное обстоятельство способствует сближению (конвергенции) уровней жизни на территории [Доклад, 2009].

При исследовании поляризации экономического пространства в России надо учитывать тот факт, что экономика и обустройство территории тесно взаимосвязаны. Так, освоенность пространства автодорожной сетью в Европе и США характеризуется высоким значением (1500 км / 1000 кв. км и 682 км / 1000 кв. км, соответственно), в то время как в России – весьма низким значением (37 км / 1000 кв. км). Кроме того по регионам разброс данного параметра чрезвычайно велик (рис. 4.4).

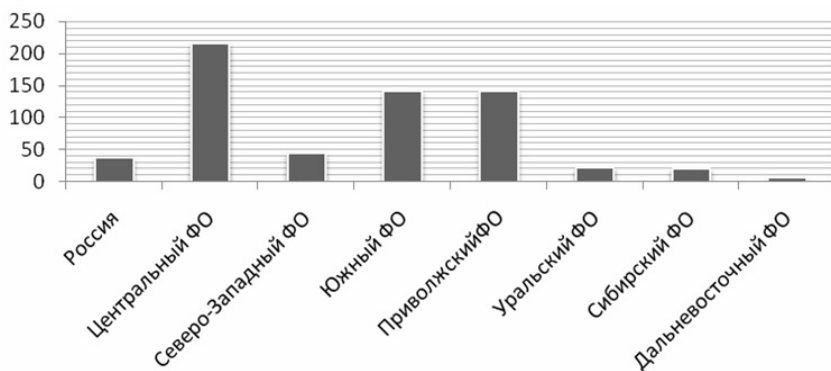

Рис. 4.4. Густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (2008 г.), км на 1000 кв. км территории

В современных условиях неразвита дорожная сеть и обуславливаемая ею труднодоступность периферии частично компенсируется другими способами связи (в частности, с помощью сотовых телефонов, компьютеров и т. д.). В среднем в России по данным Росстата [Страны и регионы, 2009] насчитывается 112 абонентов стационарной и мобильной телефонной связи на 1000 чел. населения, число пользователей Интернета – 18 на 100 чел. В то же время в Финляндии, соответственно, 144 и 55,5; в США – 135 и 69,5; в Германии – 168 и 46,9. Кроме того, России значительная часть территории оторвана от систем связи (также в виду неразвитости коммуникационной инфраструктуры).

Неравномерность освоения территории и социально-экономическая поляризация пространства привели к контрастам по осям север-юг и запад-восток, сформировав обширную зону проблемных

территорий, образующую внешнюю периферию страны и занимающую около 2/3 ее территории. Управлять таким разнородным пространством при таких масштабах проблемных территорий централизованно невозможно.

Усиливающаяся поляризация экономического пространства страны с макроэкономической точки зрения может быть недооценена, поскольку в усредненных статистических данных она не видна. В отраслевом же подходе региональный аспект практически упущен из виду. Министерство экономического развития РФ проводит комплексную оценку регионов и группировку субъектов РФ по уровню развития – по интервалам значений макроэкономических показателей. Выделены следующие группы: с высоким уровнем развития, выше среднего, со средним уровнем, ниже среднего, с низким и крайне низким уровнем. Однако такая группировка носит формальный характер и не определяет повестку дня региональной экономической политики. Попадание в проблемную группу и, соответственно, в объект региональной политики должны определяться генезисом региона, распределением экономических показателей и влияющими на распределение факторами. Поэтому далее рассмотрим факторы, лежащие в основе трансформации экономического пространства.

Факторы трансформации экономического пространства

Влияние географического фактора на структуру и состояние национальной экономики. Глобализация, как явление, возникшее в постиндустриальном мире, оказывает двоякое влияние на структуру экономического пространства регионов с одной стороны, способствуя расширению специализации территории, с другой стороны, способствуя закреплению специализации территории на конкретных видах экономической деятельности. Процесс глобализации можно считать процессом унификации стандартов. Все отчетливее проявляется дух нового универсализма, заменивший проект мирового гражданского общества идеей глобального планирования и тотального контроля за распределением ресурсов [Некlessа, 2004].

В рамках геоэкономики выделяются контуры экономически и культурно самоорганизованных больших пространств, элементы которых соединены в экономические процессы, объединенные

общими социально-экономическими интересами и стратегическими целями. Геоэкономика (или глобальная экономика) становится «повсеместно правящей системой» [Неккесса, 2004]. Экономически и прочим образом организованное пространство предъявляет регионам определенные законы и вызовы, которые принято называть внешними факторами (геополитическими и геоэкономическими). В пространстве образуются определенные конфигурации, появляются центры и периферии. Попадание в ту или иную конфигурацию предопределяет, если не всю судьбу территории и населения, то, по крайней мере, становится доминирующим фактором в ее развитии. Согласно Ф.Перру [Perroux, 1950] это вызывает появление доминирующих и подчиненных экономических агентов. Происходит трансформация экономических и социальных процессов с учетом специфики региона (особенно если речь идет о приграничном регионе, оказываемым под влиянием более чем одного доминирующего центра).

Тем не менее, глобализация усиливает роль и региональных факторов в общественном развитии [Дергачев, 2008; Доклад о мировом..., 2009]. Постиндустриальная эпоха вызвала необходимость поиска новых подходов к региональному развитию в условиях открытости страны внешнему миру. По этой причине в методологический и методический арсенал пространственной науки включаются теории и концепции, рассматривающие в том числе и международные отношения на макрорегиональном, страноведческом и субрегиональном уровнях. Среди них как экономические и географические, так и геополитические и геоэкономические теории и концепции.

Последние экономико-географические исследования указывают на медленное «сжатие» экономического пространства в России (как часть глобального процесса пространственного развития), усиливающуюся концентрацию экономической активности и увеличивающееся межрегиональное неравенство. Российское население сейчас – одно из самых «рассредоточенных» географически. Средняя плотность населения в мире на сегодняшний день составляет 42 чел. / кв. км, в том числе в Европе этот показатель составляет около 70; в Азии – более 125; в Африке – 24; Америке – 18; Австралии и Океании – около 4. В России плотность населения

составляет 8,4 чел. / кв. км. При этом в России наблюдается сильная неравномерность заселения территории: от гг. Москвы и Санкт-Петербурга с их крайне высокой плотностью населения (11 514 и 8 081 чел. / кв. км, соответственно) – до Чукотского автономного округа (0,07 чел. / кв. км) и Эвенкийского района Красноярского края (0,02 чел. / кв. км).

Теоретические модели «новой» экономической географии говорят, что по мере развития транспорта, глобализации, снятия других торговых барьеров, концентрация производства будет нарастать. Фирмы создаются и имеют больше шансов выжить преимущественно в территории с высоким рыночным потенциалом (с высокой рентной функцией, доступом к рынкам, низкими транзакционными издержками). Используя высокий рыночный потенциал, экономические агенты используют эффект масштаба – производство и люди переезжают в крупные города, периферия начинает потреблять товар, завезенный из центра. Только лишь при дальнейшем уменьшении транспортных расходов производительность труда, доходы и уровень жизни на периферии могут догнать экономические показатели «центра». Чаще изолированные или труднодоступные, малочисленные регионы постепенно теряют бизнес. Сократить эффективное расстояние до рынков (даже путем массовых инвестиций в транспорт) очень сложно.

В соответствии с концепциями «новой» географии фирмы стремятся в зону с увеличивающейся концентрацией экономического пространства, а пространство имеет тенденцию к концентрации в местах формирующихся скоплений фирм. Сравнительное преимущество делает выгодной торговлю между регионами, а межрегиональная торговля вызывает развитие рыночных городов и интенсивно развивающихся зон, оно реализуется в результате различий в уровнях производительности труда, а внешне проявляется в эффекте концентрации экономической деятельности. Если территория обладает природными ресурсами, то при благоприятных условиях (обеспечивающих высокий рыночный потенциал) они притягивают экономическую активность. Если добыча ресурсов выгодна, то фирмы ее начнут в любом случае. В этом случае будут созданы рабочие места, приедут люди, которые создадут спрос на товары и услуги, запустят механизм положительных экстерналий

(т. е. привлекательности густонаселенных территорий для бизнеса и труда) и множество экономических агентов будут стремиться присоединиться к таким же агентам. Такая предыстория способствует инертности развития городов (т. е. возникшие агломерации достаточно стабильны).

Если по каким-либо причинам в каком-то месте возник крупный город, и эти причины (которые привели к концентрации людей) вдруг разом исчезнут, то инерция города не даст ему исчезнуть. Город продолжит развиваться, поскольку в нем существует большая масса экономических агентов, которые создают денежные источники, работают и потребляют, создают ощутимый рыночный потенциал. Следовательно, за счет этого город по-прежнему остается экономически привлекательным. С другой стороны, неэффективное распределение ресурсов по территории страны также имеет тенденцию оставаться в долгосрочной перспективе стабильным фактором, однако негативным. Например, структурные сдвиги в экономике уменьшают долю аграрного сектора и увеличивают долю промышленности, а затем и сервисной сферы. Производители спешат использовать выгоду от масштаба и, как следствие, благосостояние «центра» распространяется и на периферийные регионы. Только при дальнейшем уменьшении транспортных расходов производительность труда, доходы и уровень жизни на периферии догоняют показатели «центра».

Такие же процессы происходят и внутри стран: мегаполисы и иные крупные города становятся «точками роста», притягивают капитал, фирмы и людей. Другие страны (например, Франция) прошли фазу возрастающего регионального неравенства, и сейчас там уже происходит выравнивание регионов. В то же время многие развивающиеся страны и страны среднего достатка еще находятся на стадии концентрации пространства [World Development Report 2009].

Влияние геополитических и геоэкономических факторов. Сегодня мировая экономика находится в поиске новой пространственной конфигурации. Завершилась эпоха биполярной определенности и пришли в движение геополитические и геоэкономические оси Запад – Восток и Север – Юг. Новый мировой порядок во многом определяется приоритетами индустриально развитых стран

(прежде всего, США) в обеспечении тотальной финансово-правовой регуляцией мировой экономики и масштабного перераспределения ресурсов и ренты. Наверное, по этой причине А. Неклесса [2004] даже выделяет в историческом развитии геоэкономическую фазу, во время которой устанавливаются новые геоэкономические и геополитические отношения как проявление борьбы разных мировых сил, в частности так называемых цивилизаций «суши» и «моря». Сегодня не силовые маневры определяют будущее мира, а скорее «навязывание своей политической воли и видения будущего, на установление и поддержание желаемой топологии мирохозяйственных связей, на достижение стратегических горизонтов, определяемых закономерностями геоэкономической конкуренции и масштабного управления рисками» [Неклесса, 2004].

Таким образом, комплекс геополитических и геоэкономических факторов определяет политические явления в их пространственном взаимоотношении, контроль над пространством в контексте международных, межгосударственных и межэтнических отношений. Р. Яновский отмечает, что геополитический подход в современной науке заключается в привлечении географии и пространства как исходных принципов в анализе [Яновский, 1999].

Приграничный регион занимает особенно подвержен влиянию геополитических и геоэкономических факторов. Например, приграничные регионы России в рамках важнейшей геополитической концепции дуализма «талассократии» (цивилизация суши) и «теллурукратии» (цивилизация моря) объективно попадают в зону столкновения разных логик и контекстов развития. Поэтому они обязаны максимально содействовать обеспечению национальных интересов, а приграничность в этом плане становится доминирующим фактором.

Через регионы Северо-Запада России происходит интенсивный процесс сближения России с северо-европейским сообществом. Поэтому процессы трансформации приграничных регионов необходимо рассматривать в первую очередь в контексте формирования геополитического региона Северо-Европейской оси, восточных – оси Москва – Пекин и АТЭС. Контактная функция южных границ сегодня выглядит гораздо слабее, что придает южным приграничным регионам России иную особую функциональность.

Изменение функций границы отчетливо видно на примере процесса европейской интеграции. Благодаря процессам интеграции в Европе объём международной торговли и трансграничных инвестиций значительно вырос с начала 1990-х годов. Тем не менее, границы в Европе продолжают играть важную роль. Европейский Союз нельзя назвать территорией без внутренних экономических границ. При обсуждении развития международных отношений часто используется утверждение, что международная экономика полностью глобализовалась и превратилась тем самым в «мир без границ» (в экономическом плане) [Ohmae, 1990]. Тем не менее, влияние границ на экономическое взаимодействие всё ещё остаётся ощутимым, несмотря на существенное снижение пограничных барьеров. Очевидно, что пересечение границы сопряжено с затратами времени и денег, что снижает торговую и инвестиционную трансграничную активность. Так, МакКаллум [McCallum, 1995] показал, что объём торговли между провинциями Канады в 23 раза больше, чем объём трансграничной торговли между провинциями Канады, с одной стороны, и штатами США, аналогичными по размеру и удалённости, с другой стороны.

Помимо формализованных барьеров (помимо действующих нетарифных ограничений международной торговли и движения капитала и рабочей силы) экономического характера (таможенного налогообложения, режима пропуска, валютного регулирования и пр.) на границах могут действовать неформализованные барьеры, связанные с различием национальностей, языка, культуры, мировоззрения, исторической памяти и т. п., которые создают внеэкономические препятствия к трансграничному взаимодействию [Topaloglou et al, 2006]. Отметим, что такие внеэкономические барьеры могут возникать в том числе на границах, на которых формальные административные барьеры отсутствуют (например, восточные и западные земли объединенной Германии).

Важным фактором, влияющим на направления экономических отношений приграничных (и, вероятно, не только приграничных) регионов, является их историческое наследие, которое правомерно изучать с помощью аппарата эволюционной экономической теории. Влияние исторического наследия демонстрируется при анализе географических приоритетов во внешней торговле пригранич-

ных регионов. Несмотря на то, что внешние границы ЕС открылись достаточно давно, приграничные регионы продолжают поддерживать наиболее значительные экономические отношения с удалёнными, а не соседними странами. *Неспособность открытых границ изменить внешнеторговые приоритеты, выработанные приграничными регионами за десятилетия изоляции, свидетельствует о том, что снятие барьеров не приводит автоматически к симметричным изменениям, возникшим при установке барьеров.* Начальные условия, сформированные в условиях закрытых границ, и зависимость от пути развития (эволюционная динамика) препятствуют резкой переориентации торговых потоков на ставшие доступными рынки, несмотря на их очевидные преимущества – близость и значительный размер.

Кроме того нельзя забывать о том, что отношения сообществ сопредельных территорий имеют вполне конкретную историю (например, взаимоотношений России и Китая, России и Японии, России и Прибалтики и т. д.). Когда речь идет о Финляндии и России, то пусть даже и незначительным элементом внешней политики является, так называемый, «карельский вопрос» – вопрос о возвращении бывших финских территориях, потерянных Финляндией в 1940 г. Дискуссия об этом активизировалась во второй половине 90-х годов после выступления президента М. Ахтисаари. При этом, как отмечает финский эксперт Й. Бекман [2003], под прикрытием «карельского вопроса» обсуждается возвращение островов финского залива и других территорий, а также судьба и использование природных ресурсов иных областей, попавших в зону геополитических интересов Финляндии.

Таким образом, сегодня повестку дня глобализации во многом продолжают формировать национальные императивы, напрямую связываемые правительствами стран с вопросами экономической безопасности. Доминирует необходимость удержания контроля над территорией и обоснование новой роли границы в условиях взаимоотношения конкурентных проектов разных доминирующих центров в отношении периферии – приграничной территории, а также формирования особых институтов на этих территориях.

Согласно многочисленным исследованиям, расстояние между торговыми партнёрами также является фактором, оказывающим

влияние на торговые потоки. Чем больше расстояние, тем больше транспортные расходы и, соответственно, издержки на осуществление экспортно-импортных операций. Расстояние также может влиять на возможность личных контактов между торговыми партнёрами, установление которых часто критически важно для осуществления торговых операций. Эмпирические исследования [Rauch, 1991; Kinoshita and Campos, 2003] показали, что с увеличением расстояния между странами объём торговли между ними, при прочих равных условиях, уменьшается. Экономические эффекты от закрытия и открытия границ представляются асимметричными (негативный эффект от закрытия больше положительного эффекта от открытия), хотя данные вопросы в литературе исследуются отдельно. Закрытые границы сжимают географический размер рынков, доступных компаниям, и могут снизить спрос на их услуги и товары ниже критического уровня, необходимого для устойчивого функционирования [Christaller, 1933]. Поэтому установление границ заставляет компании часто отказываться от размещения в приграничных регионах [Hansen, 1977; Hoover, 1963]. Это означает, что в закрытых экономиках города у внешних национальных границ меньше размером, чем могли бы быть, если бы границы не были закрыты. Таким образом, приграничные регионы в закрытых экономиках могут быть охарактеризованы как зоны низкой привлекательности из-за неблагоприятных условий, связанных с ограниченным спросом, что в конечном итоге подрывает их производственную базу [Dimitrov et al., 2003].

По вопросу эффекта от закрытия границы на пространственное распределение экономической активности в научной литературе сложилось однозначное мнение. Вместе с тем, по вопросу пространственно-экономических процессов, возникающих при снятии пограничных барьеров, столь же единодушного мнения нет. Снижение транзакционных издержек при трансграничных операциях увеличивает доступность рынков по обе стороны границы, создаёт новые возможности для развития бизнеса в приграничных регионах и тем самым увеличивает их привлекательность для предпринимателей [Brühlhart et al, 2004]. Однако, эффект может быть различным по разные стороны границы. Ряд исследователей утверждает, что регионы с меньшим размером рынка, как правило, по-

лучают бóльшую выгоду от интеграционных процессов [McCallum, 1995; Hanson, 1998; Hanson, 1996; Resmini, 2003; Damijan and Kostevc, 2002]. Эффект – как положительный, так и отрицательный – варьируется в зависимости от уровня развития приграничного региона. Более развитые регионы получают выгоду от притока трудовых мигрантов, расширения экспорта, а также являются источником трансграничных инвестиций. Негативные последствия от открытия границы для таких регионов могут быть связаны с иммиграционным давлением на рынок труда, переносом компаниями производственных мощностей за границу и усилением конкуренции в низкотехнологичных и/или низкозатратных отраслях [Topaloglou et. al, 2006]. Положительный эффект для менее развитых приграничных регионов заключается в привлечении трансграничных инвестиций и расширении возможностей для экспорта продукции базовых отраслей. Однако, менее развитая воспроизводственная база таких регионов не позволяет им эффективно конкурировать с соседями по другую сторону границы, в то время как уровень конкуренции в связи с открытием границы значительно увеличивается [Melachroinos, 2002].

В работе Г. Петракоса и Л. Топалоглу [2006] подтверждается вывод о том, что приграничные регионы на внешних границах Европейского Союза относятся к числу наименее развитых. Интенсивность трансграничного экономического взаимодействия этих регионов с соседними странами находится на сравнительно низком уровне. Несмотря на то, что международная торговля и трансграничные инвестиции по оси Восток-Запад многократно увеличились с начала 1990-х годов, приграничные регионы на внешних границах ЕС участвуют в данных процессах в качестве второстепенных партнёров. Существующая структура трансграничного взаимодействия приводит к «туннельному эффекту», усугубляя периферийное положение приграничных регионов Европы.

Эмпирические данные свидетельствуют, что *интенсивность торговых и инвестиционных трансграничных связей зависит от степени институциональной и географической близости к ключевым рынкам Европейского Союза*. Так, Г. Петракос и Л. Топалоглу [2006] исследовали пространственные факторы трансграничного взаимодействия на микроуровне, используя в качестве методо-

логической основы концепцию новой экономической географии. Исследование показало, что расстояние и размер рынка являются важными детерминантами трансграничного торгового и инвестиционного взаимодействия. Объём торговых и инвестиционных потоков больше там, где больше размер рынка и меньше расстояние. Действие данных факторов можно проиллюстрировать графически (рис. 4.5).

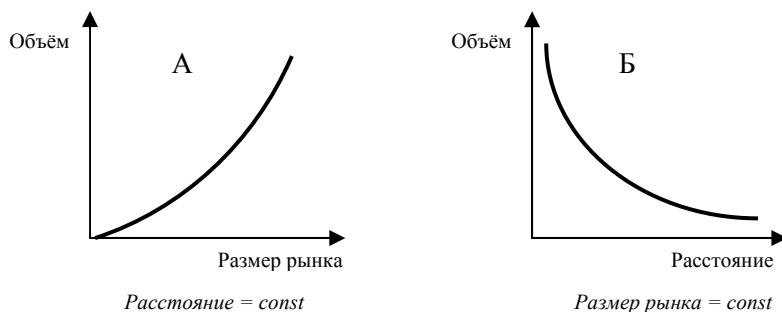

Рис. 4.5. Зависимость объема трансграничного взаимодействия от размера рынка (А) и расстояния от центра (Б)

Совместное действие двух факторов – размера рынка и расстояния – можно проиллюстрировать с помощью трёхмерного графика (рис. 4.6). Эмпирические данные, полученные Г. Петракосом и Л. Топалоглу [2006], показали, что в наибольшем объёме в трансграничное взаимодействие вовлечены крупные города на умеренном расстоянии от границы, в меньшем – малые города в непосредственной близости от границы и крупнейшие в стране (столичные) города. На основании данного факта ими был сделан вывод о нелинейном характере зависимости между двумя рассматриваемыми факторами и объёмом трансграничного взаимодействия. По нашему мнению, данное утверждение следует уточнить. Зависимость между каждым отдельным фактором и объёмом трансграничного взаимодействия линейная, а «эмпирическую» нелинейность можно обнаружить, если рассматривать ограниченный ряд отдельных значений пар факторов и соответствующий им объёмов трансграничного взаимодействия. Так, например, приведённые выше эмпирические данные могут быть объяснены с помощью линейных зависимостей (рис. 4.7).

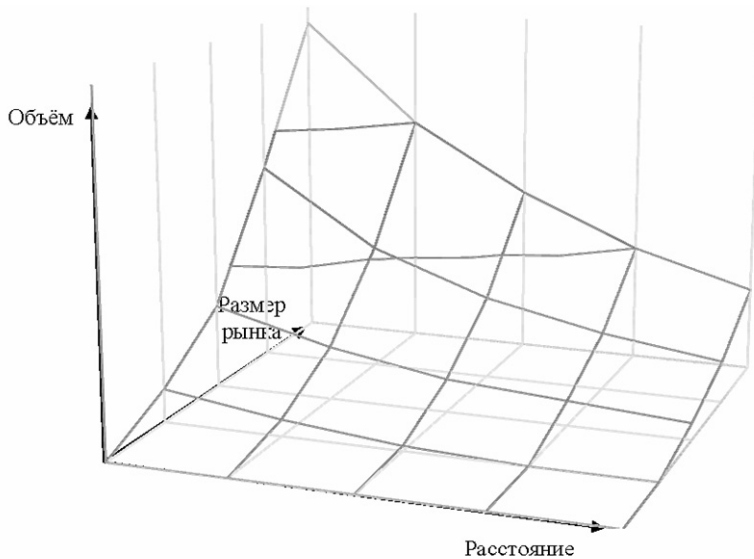

Рис. 4.6. Совместное действие двух факторов – размера рынка и расстояния

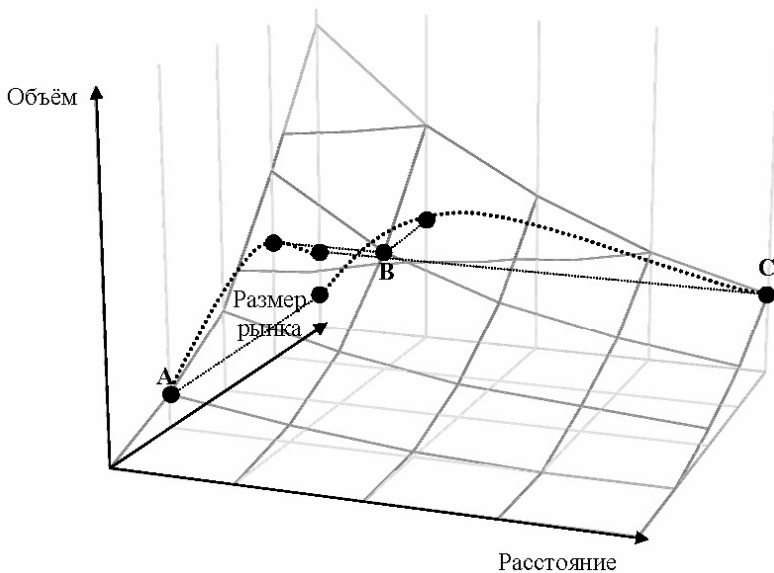

Рис. 4.7. А – малый приграничный город; В – крупный город на умеренном расстоянии от границы; С – столица

В целом, эмпирические наблюдения показали, что доминирующий характер трансграничного взаимодействия сложился таким образом, что малые (и как правило периферийные) города вблизи границ участвуют в нём в сравнительно небольшом объёме и, соответственно, получают наименьшие выгоды от трансграничной торговли и инвестиций, что способствует поляризации пространства.

Таким образом, *несмотря на то, что границы перестали быть «железным занавесом», они продолжают разделять национальные экономические системы, различающиеся по уровню развития, структуре и прочим характеристикам.* Границы по-прежнему продолжают выполнять барьерную функцию, хотя «высота» барьеров значительно снизилась. Как правило, приграничный регион удалён от национальных рынков и крупных экономических центров, а уровень его экономического развития отстаёт от общенационального (среднего по стране). В связи с этим актуальной темой исследования является изучение вопроса, в каком направлении и в какой степени влияет увеличение прозрачности границы между двумя странами на развитие их приграничных регионов.

Важным моментом трансформационных процессов, обусловленных сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, стало увеличение открытости российской экономики и ее интеграция в мировую экономику. Результатом открытости стало изменение вектора или оси пространственного развития приграничных регионов. Можно продемонстрировать это на примере Республики Карелии.

В прошлом, в эпоху открытой конфронтации, Карелия выполняла роль стратегического форпоста в соответствии с военной доктриной Российской империи и СССР. Город Петрозаводск исторически возник в 1703 году как военно-промышленное поселение – город-завод, по сути, ставший родиной русской артиллерии, обеспечивающий защиту северного фланга г. Санкт-Петербурга и буферность северо-западной границы. В связи с изменением геополитического порядка в конце XX – начале XXI вв. роль Карелии объективно становится иной. Следствием изменения геополитического положения региона является усиление акцента контактности границы и появление новой оси развития. К традиционной оси развития «Север-Юг» в результате разрушения «стены» появилась новая ось развития «Запад-Восток». Произошла переориентации

развития инфраструктуры. Появились широтные магистрали, посредством которых усилилась транзитность региона.

Иллюстрацией изменения роли границы с буферной функции на контактную можно считать сужение погранзоны и формирование пограничной и таможенной инфраструктуры (7 пунктов упрощенного пропуска и 3 действующих международных автомобильных пункта пропуска (МАПП «Ниирала–Вяртсиля», «Люття–Вартиус», «Суоперя–Кортесалми»). Территория, занятая пограничной зоной, сокращена почти в 3 раза. Населённых пунктов в ней стало меньше в 4 раза, населения – почти в 9 раз. Сужение погранзоны имеет очевидное последствие в виде активизации хозяйственной деятельности и приграничной торговли. Так при этом число пересечений границы за год превышает 2 млн при населении в 645 тысяч человек, что красноречиво характеризует интенсивное развитие приграничной торговли и мобильность граждан.

Демографические процессы и система расселения населения.

Человеческие ресурсы – важнейший вид ресурсов в мировом хозяйстве. Система расселения в значительной степени влияет на экономическое и социальное развитие территории страны в целом и ее отдельных регионов. Данное влияние проявляется в инерции процессов и в новых тенденциях связанных с продолжающейся урбанизацией и поляризацией экономического пространства. Средняя плотность населения в мире на сегодняшний день составляет 42 чел./км², в том числе в Европе – около 70; Азия – более 125; Африка – 24; Америка – 18; Австралия и Океания – около 4. В России плотность населения составляет 8,4 чел./км². Эти данные свидетельствуют о неравномерности размещения населения. На 10% суши проживает 82% населения. Большая часть проживает на прибрежных территориях, вдоль крупных рек, железнодорожных и автомагистралей.

В России наблюдается сильная неравномерность заселения территории (рис. 4.8) с неравномерным распределением регионов по плотности населения: Москва – 10 557 чел./км², Санкт-Петербург – 3 538, Республика Карелия – 3,74, Чукотский АО – 0,07, Эвенкийском районе Красноярского края – 0,02. При этом среднее по России – 8,4 чел./км², медиана распределения в два раза выше – 16,4, что говорит о неравномерности распределения. Численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2012 г. составляла 143,1 млн.

человек, из которых 105,7 млн. человек (73,9%) – горожане, и 37,4 млн. человек (26%) – сельские жители. За период с 1990 по 2011 гг. население сократилось на 5,3 млн. человек [Регионы России, 2012].

При сохранении сложившихся демографических тенденций в 2050 г. Россия будет занимать 17-е место с населением 112 млн. чел., пропустив вперед Мексику, Филиппины, Вьетнам, Эфиопию и некоторые другие страны. Если мы не сможем в ближайшее 5–7 лет радикально изменить тренд смертности и нездоровья, то в силу инерционности демографических процессов кризис не будет преодолен даже к середине века. Глубокий демографический кризис в России обусловлен социальными и социально-экономическими факторами, в том числе значительным распространением бедности, огромной дифференциацией в условиях жизни населения, широким распространением асоциальных форм поведения. Демографические проблемы носят системный характер, так как детерминированы всей системой факторов социальной реальности России. В настоящее время существует несколько подходов, используемых при объяснении демографического кризиса в России [Атлас демографического развития России, 2009].

Анализ изменения численности населения по федеральным округам позволяет увидеть, что депопуляция охватила и ряд округов европейской части России, среди которых остротой проблемы выделяется Северо-Западный федеральный округ (–3,8% с 2000 по 2011 г.).

Для определения потенциала и возможностей региона большое значение имеет система расселения населения. Противоречия между системой расселения, сложившейся в период индустриализации, и структурой экономики приводят к социальной напряженности на отдельных территориях страны. В частности это сказывается на увеличении миграционных потоков и в конечном счете снижении населения и нарушении традиционной системы расселения. Привлекательность для проживания выражается, в конечном счете, в т.н. «голосовании ногами». Фактор привлекательности проявляется в изменении миграционных потоков, а также увеличения или уменьшения смертности, болезней, в статистике эксцессов девиантного поведения. Процессы урбанизации в России продолжаются. Города свыше 100 тыс. жителей сосредоточили половину населения страны, инвестиций, 62% промышленной продукции и 76% оборота розничной

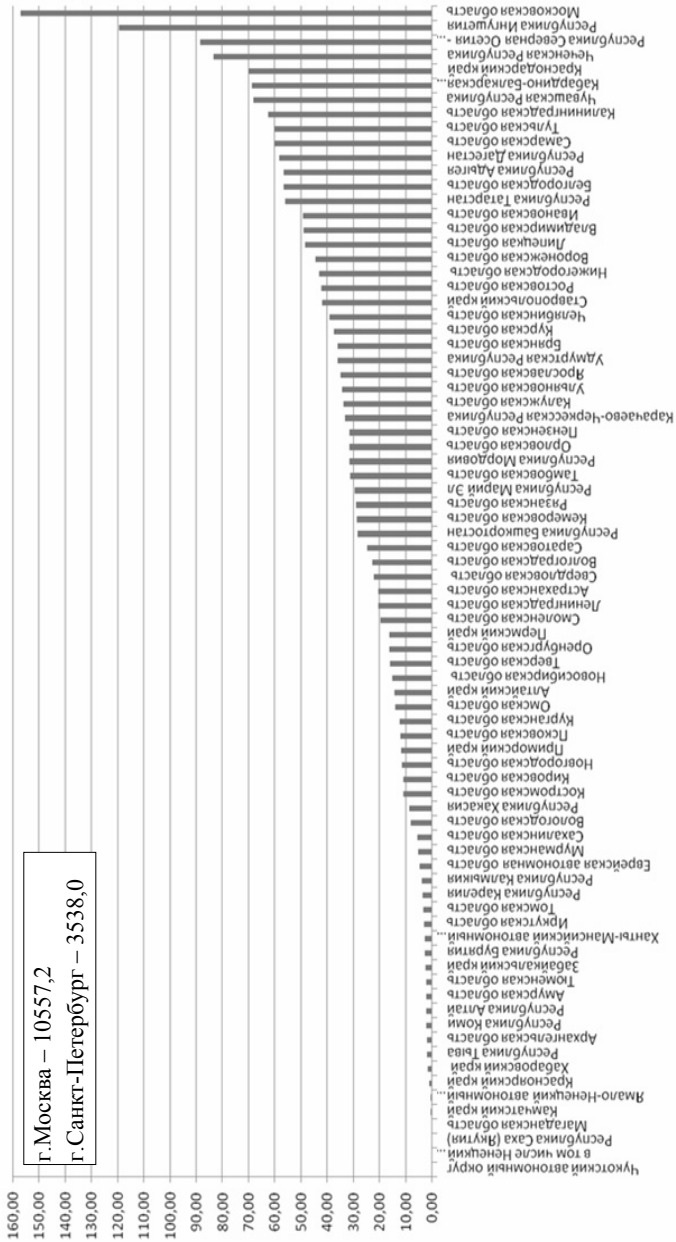

Рис. 4.8. Плотность населения по регионам РФ, чел./ кв. км

торговли, общественного питания и услуг [Нефедова, 2009]. Разрежение внегородского пространства продолжается. Причем разрыв между развитыми (привлекательными для жизни) и неразвитыми регионами увеличивается [Карачурина, 2004].

Единственный округ, который собирает мигрантов со всего российского пространства – Центральный, с абсолютным лидером по данному показателю – г. Москвой. Кроме центра положительный миграционный прирост в обмене с другими округами имеет также Северо-Западный федеральный округ. Южное направление выражено слабее. По данным Л. Карачуриной [Карачурина, 2004] из 79-ти субъектов РФ, имеющих границы с двумя и более соседями, 9 регионов отдают мигрантов всем без исключения соседям, а 11 принимают мигрантов в обмене со всеми соседями. Явственно (по многим миграционным показателям) выделяются только 2 российские столицы и еще около 6 российских регионов, что очень мало для столь территориально большой и поляризованной страны [Карачурина, 2004]. Данные обстоятельства влияют на распределение населения. Например, распределение населения в Северо-Западном ФО демонстрирует продолжение урбанизации и увеличение концентрации населения в мегаполисе и его ближайшем ареале (рис. 4.9).

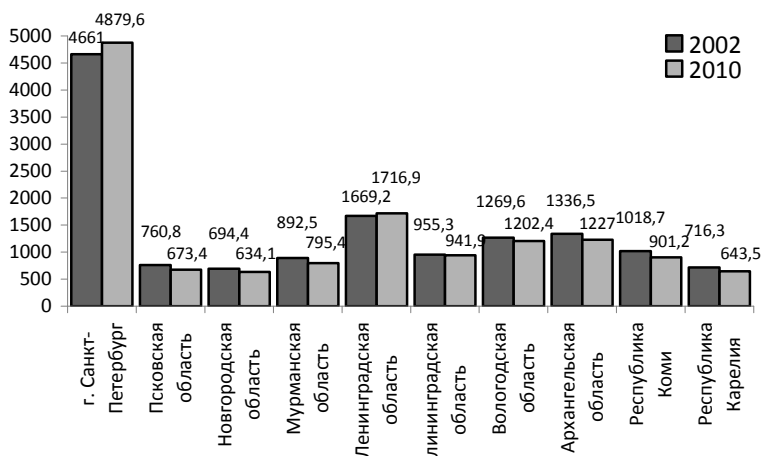
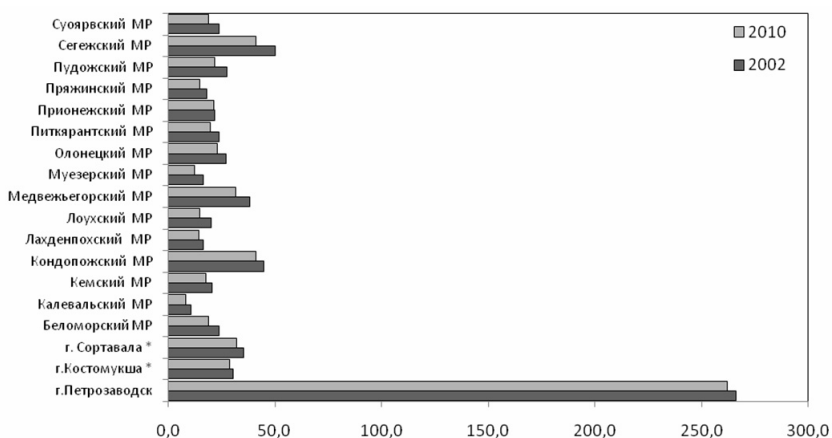

Рис. 4.9. Численность населения по регионам Северо-Западного ФО, тыс. чел. (итоги переписи, источник – Карелстат)

Напряженная ситуация складывается на северных и приграничных территориях. Например, на рис. 4.10 и 4.11 представлены распределение населения по муниципальным образованиям Республике Карелия и темпы снижения численности населения по сравнению 2010 г. и 2002 г.

Приграничные районы оказались в более сложной ситуации по социально-экономическим показателям, что и отразилось на снижении численности населения. Так согласно социологическому измерению (2012 г.) готовность населения к изменению места жительства в этих районах достигает 40% населения.

* и подчиненные его администрации населенные пункты

Рис. 4.10. Распределение населения по Республике Карелия, тыс. чел. (итоги переписи, источник – Карелстат)

Численность занятых в экономике Республики Карелия, стабилизировавшаяся в годы экономического подъема на уровне 352–353 тыс. человек, в 2009 году в условиях мирового кризиса уменьшилась до 338,1 тысяч человек. Столь значительное снижение численности занятых в экономике произошло за счет банкротства предприятий, смены собственников, простоями и т. д. Среднегодовая численность занятых в 2012 г. составила 343 тыс. чел. Численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет в 2011 г. составила 366,4 тыс. чел. При этом уровень безработицы не

превышал 3,7% от экономически активного населения. В среднем за год общая численность безработных граждан составила 31,8 тыс. чел. Уровень регистрируемой безработицы к численности экономически активного населения в 2011 г. составил 2,3 % против 3,2% в 2010 г. Средняя продолжительность нахождения в статусе безработного на конец 2011г. составила 4,3 месяца и снизилась по сравнению с соответствующей датой 2010 г. на 0,2 месяца.

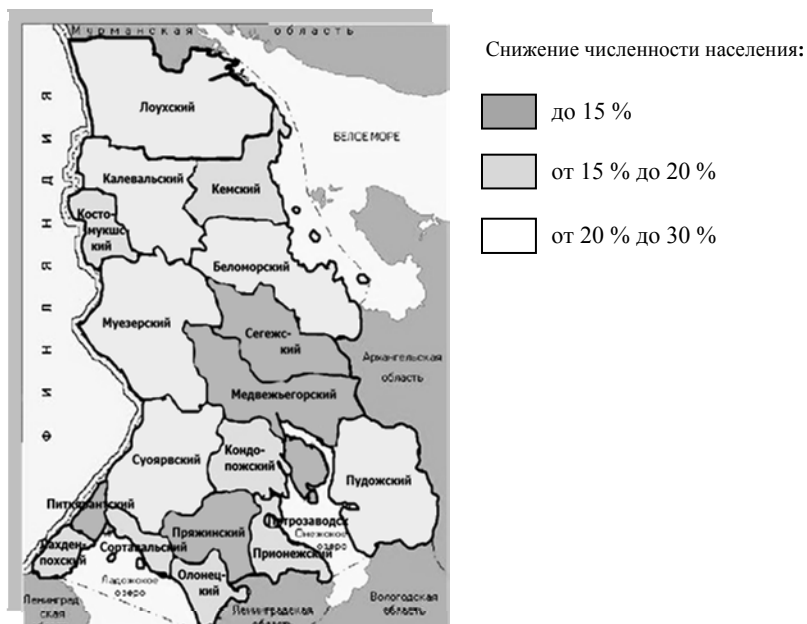

Рис. 4.11. Темпы снижения численности населения по районам и городским округам Республики Карелия (данные переписи 2002 г. и 2010 г., источник – Карелстат)

В ближайшие годы перед Республикой Карелия встанет вопрос обеспечения экономики трудовыми ресурсами. Связано это, прежде всего, с неблагоприятными тенденциями развития демографических процессов, характерными в целом для Российской Федерации – сокращением численности населения, в т. ч. в трудоспособном возрасте. При этом темпы сокращения населения в трудоспособном возрасте значительно превышают темпы сокращения населения в целом.

Рынок труда Республики Карелия по показателям, характеризующим социально-трудовую сферу, по сравнению с другими регионами Северо-Западного и Центрального федеральных округов РФ, можно оценить как неконкурентоспособный. *Этот фактор наряду со снижением численности трудовых ресурсов в обозримом будущем станет серьезным препятствием в обеспечении экономики Республики Карелия квалифицированными кадрами.* Существует устойчивый отток квалифицированных работников в более развитые в экономическом отношении регионы. Кроме этого, анализ серьезного снижения численности занятых в экономике региона позволяет предположить, что наряду с ростом маятниковой миграции происходят процессы активизации теневой занятости населения, а также его маргинализации.

Квалификационный уровень работников является одним из факторов, который оказывает влияние на формирование основного элемента рынка труда – предложения рабочей силы. В 2009 г. в общей численности занятых 53,7% имели высшее или среднее профессиональное образование. В структуре занятых в экономике в 2009 г. доля численности населения с высшим образованием составила 21,9%, со средним профессиональным – 31,8%, начальным профессиональным – 23,0% и средним общим образованием – 17,5%.

Сложившиеся пропорции в распределении работающих граждан по видам деятельности отражали изменения, вызванные экономической реструктуризацией. В республике растут объемы занятости в коммерческом секторе, в частном и индивидуальном предпринимательстве. Увеличивается численность работающих в сфере услуг и в общественном обслуживании, а в индустриальных производствах, наоборот, сократилась. На крупных и средних предприятиях за двадцать лет прошел значительный «сброс» рабочей силы. В экономике активизировались межхозяйственные трудовые перемещения. Карелия интегрировалась в международные процессы распределения рабочей силы со странами европейского союза. Межотраслевые перемещения рабочей силы отражали отраслевую переориентацию спроса и предложения труда, дифференциацию оплаты труда. Сокращение спроса на рабочую силу в производственных сферах деятельности сопровождалось его уве-

личением в сфере услуг. В сфере материального производства в Республике Карелия занято около 35% населения, в то время как большая часть занята в сфере услуг. Сокращение доли занятых в сфере материального производства наблюдается на протяжении достаточно длительного периода (в 1991 г. в сфере услуг было занято 50,5%).

Для рынка труда Республики Карелия, в силу постоянно увеличивающейся территориальной мобильности рабочей силы, характерна маятниковая миграция для осуществления трудовой деятельности в Финляндии, городах Санкт-Петербурге, Москве. Основная причина этого явления – более высокий уровень заработной платы в названных субъектах Российской Федерации и за рубежом, возможности карьерного роста. Об интенсификации этого процесса свидетельствует тот факт, что при значительном уменьшении численности занятых отсутствует пропорциональный рост регистрируемой безработицы.

Одним из важнейших факторов поддержания человеческих ресурсов и их размещения по территории Республики Карелия могла бы стать миграция населения. Сегодня перемещения населения, влияющие на концентрацию и распределение квалифицированных кадров, определяются следующим потоками:

- внутренние перемещения трудовых ресурсов вследствие продолжающейся урбанизации (миграционные потоки направлены в основном в г. Петрозаводск);
- миграционные потоки, направленные в гг. Санкт-Петербург и Москву или зарубежье (в основном молодежь (до 3/4 потока) в целях учебы или трудоустройства после получения диплома о высшем образовании);
- мигранты, прибывающие из других регионов России и из близкого зарубежья (в основном низкоквалифицированные кадры); служба миграции регистрирует ежегодно около 50 тыс. мигрантов (среди них иностранных рабочих около ста).

Общая численность иностранных работников, привлекаемых работодателями на территории Республики Карелия в 2011 г., составляла менее 1,5% от совокупной численности занятого населения и серьезного влияния на рынок труда в Республике Карелия не оказывала. Всего в 2010 г. 2 042 иностранных гражданина осуще-

ствляли трудовую деятельность на основании выданных разрешений на работу; в 2011 г. – 2 320 чел. Тенденция значительного сокращения численности привлекаемых работодателями иностранных работников, отмеченная в 2009 и 2010 гг., вызвана необходимостью защиты российского рынка труда в условиях кризисных проявлений в экономике.

Даже в условиях преодоления последствий мирового финансового кризиса спрос на мигрантов в большей мере обусловлен экономическими причинами. В подавляющем большинстве иностранные работники находятся на низко квалифицированных рабочих местах, а в высокоинтеллектуальных, высокопроизводительных секторах экономики – их минимальное количество.

Привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития. В современных условиях миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Не случайно конкуренция за таких работников имеет международный масштаб. Одна из стратегических задач миграционной политики – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе. На территории Республики Карелия только одна организация привлекает иностранного гражданина в качестве высококвалифицированного специалиста.

В настоящее время миграционные процессы не оказывают существенного влияния на процесс формирования населения Карелии и не обеспечивают заметной компенсации убыли населения и восполнения дефицита трудовых ресурсов.

Республика Карелия по-прежнему является привлекательным регионом для мигрантов. Миграционная нагрузка в республике в 2010 г. составила 33 иностранных гражданина (постоянно проживающих и временно пребывающих) на 10 тыс. населения республики (0,0033), в 2009 г. – 0,004.

Внутренняя миграция определяется социально-экономической ситуацией в муниципальных образованиях. Нерешенные социально-экономические проблемы и недостатки жизнеобеспечения (услуги здравоохранения, школьного и дошкольного образования, ЖКХ) обусловили отношение населения к условиям жизни на территории. Так, по результатам проведенного в 2011 г. Институтом экономики КарНЦ РАН социологического исследования, в рамках которого было опрошено более 2,2 тыс. чел., подавляющих в большинстве муниципальных районов республики, в целом по региону 57,3% респондентов выставили неудовлетворительную оценку деятельностью органов местного самоуправления. Лишь 31,3% респондентов оказались удовлетворены их деятельностью. Наихудшая оценка дана респондентами в Медвежьегорском (79%), Сортавальском (74%), Олонецком (69 %), Пикьянтском (68%), Калевальском (66%), Суоярвском (64%) и Муезерском (60%) районах, а также в Петрозаводском городском округе (69%). Напротив, в Кемском и Сегежском районах и Костомукшском городском округе не менее половины опрошенных респондентов положительно оценили деятельность органов МСУ.

Опрос показал, что 68% респондентов не задумываются о смене места жительства. При этом 55% хотят остаться жить там, где живет. Однако 27% респондентов думает о смене места жительства. При этом вектор движения направлен из районов в Петрозаводск. Однако там не останавливается, а направлен далее в Санкт-Петербург и в зарубежье (в первую очередь в Финляндию), а также иные места. В целом по Карелии за период 2006-2010 гг. население сократилось на 7%.

Наихудшее положение сложилось в Муезерском районе, там с 2006 г. по 2010 г. население сократилось на 20% (при этом 34% проявляют готовность к смене местожительства), в Лоухском, соответственно, 18 (38), Калевальском 16 (24), Пряжинском 16 (24), Пудожском 15 (25), Суоярвском 15 (40). В то же время в Петрозаводском городском округе население сократилось лишь на 1%, Кондопожском районе и Костомукшском округе – менее 5%, Прионежском районе, прилегающем к Петрозаводску, – менее 7%. Однако при этом в этих муниципальных образованиях задумались о смене места жительства около 25% респондентов.

Для изменения существующих негативных тенденций, наряду с мерами стимулирования самозанятости населения, профориентации, также необходимо активное и продуманное использование миграционного ресурса. При этом надо учитывать состояние рынка труда как муниципальных районах Республики Карелия, так и в соседней Ленинградской области.

Приграничное и трансграничное сотрудничество. Согласно Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980 г. (ратифицированной в РФ в 2002 г.) приграничное сотрудничество – это любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей.

Во внешней политике Европейского Союза приграничным регионам придается большое значение – они рассматриваются как своеобразный мост через границы. Цели приграничного сотрудничества – устранение преград, связанных с пересечением границ, укрепление экономического, социального и культурного сотрудничества, уменьшение экологических проблем и решение вопросов, связанных с безопасностью предпринимательства и туризма.

В результате глобализации происходит взаимопроникновение стандартов и иных институтов, активно развивается приграничное и трансграничное сотрудничество, в рамках которого решаются общие проблемы (например, развитие энергетики, туризма и охрана окружающей среды), характерные для граничных областей, путем совместно принимаемых приграничными сообществами согласованных по обе стороны границы решений. основополагающий принцип приграничного сотрудничества заключается в том, чтобы создавать связи и договорные отношения в граничных областях с целью поиска совместных решений идентичных проблем.

Российские регионы действуют в едином правовом поле с европейскими партнерами на основе ратифицированной Россией в 2002 году Рамочной конвенции Совета Европы о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980 г., и действующего по сегодняшний день Соглашения о партнерстве и

сотрудничестве между Россией и ЕС, которые определяют основные принципы развития международного и приграничного сотрудничества и имеет большое значение для развития приграничных связей российских регионов, содержат также принципы оценки перспективных направлений сотрудничества. Сотрудничество направлено на выработку согласованных решений общих проблем в таких сферах, как: экономика и занятость, транспорт и телекоммуникации, туризм, культура и образование, здравоохранение и социальное обеспечение, пространственное планирование, охрана окружающей среды.

На примере Карелии рассмотрим практику приграничного и трансграничного сотрудничества. Карелия расположена в непосредственной близости к регионам Западной Европы и к крупнейшим мультимодальным транспортным центрам РФ – гг. Москве и Санкт-Петербургу. Карелия, являясь приграничным регионом и субъектом Российской Федерации, одновременно попадает, как часть экономического пространства, в сферу воздействия масштабных внешних процессов. Карелия является активным участником внешнеэкономических связей. Она входит в состав Регионального Совета Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) и в 2005–2007 гг. являлась его председателем, а также в Еврорегион «Карелия», образованный совместно с тремя региональными союзами Финляндии. На рисунке представлены следующие регионы, которые во многом определяют внешние факторы развития, задающих форматы взаимодействия резидентов и нерезидентов Карелии: 1) Баренцев Евро-Арктический регион, 2) Балтийский регион, 3) Евросоюз, 4) Еврорегион Карелия, 5) Мегалополисы Москва и Санкт-Петербург и СЗФО.

Через Карелию посредством Финляндии происходит интенсивный процесс сближения России с североευропейским сообществом. Поэтому складывающуюся ситуацию в республике и ее конкурентные преимущества необходимо рассматривать в первую очередь в контексте формирования геополитического региона Северо-Европейской оси.

В соответствии с «Торгово-экономической стратегией Финляндии по отношению к России» Россия становится «основным двигателем экономического роста Финляндии». Последняя пози-

ционирует себя как посредник между российским и европейским бизнесом, однако это пока слабо сказывается на притоке инвестиций на территорию Карелии. Сотрудничество с Финляндией обеспечивает 12000 рабочих мест и 27% товарооборота республики. Однако прямые инвестиции Финляндии в регионе составляют 11%. Для Финляндии Карелия важна как пространство сохранения и развития культуры и языка. Карелия представляет собой пересечение двух культур: русской и финно-угорской. Реализация таких сильных предпосылок для сотрудничества как культурно-этническая близость народов, природное и климатическое сходство, накопленный опыт взаимодействия, дает основание для оживления совместной культурной и предпринимательской инициативы.

Республика Карелия активно осуществляет международное сотрудничество с Финляндией, Швецией и Норвегией на уровне двусторонних связей республики с губерниями и союзами коммун, на уровне муниципалитетов, организаций и граждан. Этому способствует значительное количество пунктов пропуска (международный воздушный пункт пропуска «Петрозаводск», три международных автомобильных пункта пропуска, два международных железнодорожных пункта пропуска, 8 пунктов упрощенного пропуска). Карельский участок (798 км) является самым протяженным на российско-финляндской границе. Карелия является давним и активным участником программ Совета Министров Северных стран и Баренцева сотрудничества, осуществляла в 2005–2007 гг. функции председателя Регионального Совета Баренцева Евро-Арктического региона.

Особая институциональность позволяет выделить периферийные приграничные регионы в особый класс актуальных задач региональной политики. Поэтому необходимо упомянуть и такой аспект конвергенции, как *институциональную конвергенцию*, которая обуславливает сближение экономических и политических институтов [Либман, 2006]. Сближение происходит путем выравнивания стандартов, определяющих поведение экономических агентов. В этом смысле необходимо обратить более пристальное внимание на приграничные регионы, выполняющие функцию адаптации и трансляции стандартов.

Учитывая, что в рамках национального законодательства и макроэкономической политики отсутствуют стимулы развития приграничного сотрудничества, применение исключительно внутреннего права в отношении приграничного сотрудничества не исчерпывает содержание региональной политики. Наоборот, поскольку речь идет о транснациональных задачах, то и должно применяться международное право, что предусмотрено в частности Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС.

Приграничные регионы характеризуются транзитностью экономики, выступают в качестве *краевых активных зон*, в большей степени подверженных влиянию и восприимчивости факторов глобализации, экономической интеграции и международной конкуренции. Приграничные регионы, являясь неотъемлемыми и полноправными субъектами и частями национального экономического пространства, одновременно являются и частью геопространства. Это определяет специфику приграничных регионов, заключающуюся в двоякости их роли и функций. С одной стороны, приграничные регионы служат своеобразной площадкой, где непосредственно отрабатываются инструменты и формы взаимодействия национальной и мировой экономики и формы социального взаимодействия (см. например, работу [Морозова, 2006]). С другой стороны, состояние и структура экономики приграничных регионов выступают индикаторами эффективности использования инструментов управления существующими возможностями (т. е. не только доступными, но и потенциальными ресурсами) и средой (т. е. выявление источников экономического роста и создание благоприятных условий для их использования, причем как внешних, так и внутренних).

Именно в таком контексте должна формироваться региональная политика РФ в отношении западных приграничных регионов. В содержании этой политики должны быть представлены не просто типовые схемы и определенный набор инструментов, работающих в масштабе страны и направленных на выполнение национальных макроэкономических целей, но и выполняющих специфичные задачи, характерные для данной группы регионов, а также одновременно имеющие общие моменты с внешними форматами в контексте глобализации. Т. е. региональная политика должна быть при-

способлена не только к местным условиям внутри страны, но и условиям ближайшего политико-географического окружения [Межевич, 2003].

В 1997 году Финляндия выступила с инициативой «Северного измерения» – программой обеспечения интересов североευропейских стран ЕС во взаимодействии с Россией. Целью программы было заявлено улучшение координации действий, предпринимаемых на севере Европы различными субрегиональными организациями. Северное измерение – это, прежде всего, политика ЕС, направленная на эксплуатацию Севера, выполняемая при помощи программ по развитию инфраструктуры и добычи полезных ископаемых с целью нахождения значения региона Севера в принятых измерениях. Последние представляют не что иное, как установившиеся системы мировоззрения, политической, экономической и пространственной практики. В 1998 г. был создан Еврорегион «Карелия» в составе Республики Карелия и региональных союзов коммун Восточной Финляндии. Еврорегион Карелия – это население – 1,4 млн человек, общая площадь – 264 тыс. кв. км. Цель проекта – выравнивание стандартов развития приграничной инфраструктуры на территориях, прилегающих к границе Финляндии и России посредством трансграничного сотрудничества и создания нового механизма взаимодействия на границах ЕС и России за счет внешних источников финансирования, прежде всего ЕС. Проекты, осуществляемые в рамках Еврорегиона, демонстрируют уникальный опыт приграничного взаимодействия соседних территорий.

Развитая приграничная и таможенная инфраструктура, а также проекты, осуществляемые в рамках Еврорегиона «Карелия», демонстрируют положительный опыт приграничного взаимодействия соседних территорий. В 2003 г. Республика Карелия признана Европейским регионом года. Сегодня в программу еврорегионостроительства кроме Карелии вовлечены Калининградская, Псковская, Брянская, Харьковская, Белгородская области (до конца 20 века было создано 8 еврорегионов). Аналогичные процессы идут и на востоке страны [Межевич, 2005].

Формирование трансграничного региона определяется, в конечном счете, программами экономического взаимодействия и хозяйственной практикой [Межевич, 2007]. Увеличение границы между

Россией и ЕС после расширения Евросоюза поставило вопрос об интенсификации приграничного сотрудничества. Новая фаза укрепления сотрудничества со странами, граничащими с ЕС, началась с принятия в 2007 году Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП), который включает в себя компонент, непосредственно нацеленный на приграничное сотрудничество, и который охватывает период с 2007 по 2013 год. Совместные с российскими регионами проекты осуществляются в рамках программ (цит. по тексту «Приграничное сотрудничество в рамках ЕИСП» на сайте Представительства ЕС в России): Коларктик (северно-западные регионы России и северные регионы Финляндии, Швеции и Норвегии); Еврорегион Карелия (Республика Карелия; Финляндия; Регион Балтийского моря (BSR III B) (Россия; Белоруссия; Германия; Дания, Эстония, Финляндия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Швеция); Юго-восточная Финляндия – Россия (Ленинградская область и Санкт-Петербург); Эстония Латвия/Россия; Польша/Литва/Россия; Регион Черного моря (Россия; Армения, Азербайджан; Болгария; Грузия; Греция; Молдавия; Румыния; Турция; Украина.

Трансграничное сотрудничество поддерживается ЕС посредством международных программ – ИНТЕРРЕГ и ТАСИС/трансграничное сотрудничество (реализация данных программ уже завершена), программы ENPI (завершается в 2015 году).

Начиная с 90-х гг. XX века приграничное сотрудничество стало важной составляющей жизни местных сообществ, расположенных вблизи границы. Наиболее высокий объем приграничного сотрудничества наблюдается в Калининградской области (в силу особого геополитического положения), Карелии, Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Так Республика Карелия испытала огромное влияние границы как на экономику приграничного региона [Громцев, 2004], так и на изменение поведения социальных групп [Морозова, 2006]. В тоже время, как отмечает Г. Бударин [2009], приграничное сотрудничество в Ленинградской области локализовано на сравнительно небольших территориях вдоль государственной границы с Финляндией (Выборгский район и г. Светогорск) и Эстонией (Кингисеппский и Сланцевский районы, Ивангород). При всей важности приграничного сотрудничества для Ленинградской

области оно не претендует на статус локомотива развития регионального экономического развития, в отличие от Карелии и Калининградской области.

Перечень отраслевых приоритетов международного сотрудничества определяется структурой промышленности приграничных регионов и имеющимися природными ресурсами. В этом перечне, как правило, выделяются: туризм, малая гидроэнергетика, нефтедобыча, поддержка малого предпринимательства, развитие сотовой связи, производственная кооперация в традиционных и новых отраслях, привлечение инвестиций, финансовый лизинг, этнотуризм, приграничное сотрудничество. Иногда стороны с более специфическими задачами решают вопросы секторального характера, такие как вопросы сельского хозяйства и пищевой промышленности, исследований и технологических новшеств, энергетики и водообеспечения и т. д. [Доклад рабочей группы, 2005].

Партнерство с Россией выступает в качестве важнейшей внешнеэкономической цели стран Северной Европы. По сути, приграничные связи регионов на северо-западе – «это передний край взаимоотношений России и Евросоюза» [Шлямин, 2002]. Приграничные территории рассматриваются как своеобразный мост через границы и инструмент в интеграции стран, реализуемой через проекты по формированию единого экономического пространства с сопредельными территориями и приграничного сотрудничества. Во внешней политике Европейского Союза приграничным регионам и приграничному сотрудничеству отводится большая роль. Целями приграничного сотрудничества на внешних границах ЕС являются устранение преград, связанных с пересечением границ, укрепление экономического, социального и культурного сотрудничества, уменьшение экологических проблем и решение вопросов, связанных с безопасностью предпринимательства и туризма. В рамках данной политики Европейской Комиссией принят документ «Подготовка почвы для Инструмента Нового Соседства», предусматривающий создание нового инструмента для решения общих задач, возникающих на внешних границах ЕС.

4.3. Модернизация и совершенствование структуры экономики

При определении направлений модернизации необходимо учитывать структуру экономики, которая определяется, в первую очередь, наличием естественных преимуществ (сосредоточенных в основном в ресурсном и транзитном потенциалах), свойствами экономического пространства и внешними факторами. Регион обладает собственными факторами производства, уникальное сочетание которых определяет его международную специализацию и конкурентоспособность. Однако эффективность их использования зависит от того, насколько удачно вписывается регион в существующую систему геоэкономических отношений. Многое зависит от того, найдет ли он свое место и предназначение в этой системе. При этом необходимо осознать и выявить особенности и предпосылки, складывающиеся на территории региона.

Во-первых, это абсолютные преимущества или очевидные ценности, которыми владеет регион, это значительные запасы востребованных мировой экономикой природных ресурсов (например, лесных и некоторых видов минеральных ресурсов), туристско-рекреационная привлекательность территории и благоприятная экологическая обстановка, наличие значительного транзитного потенциала. Причем наличие конкурентного преимущества в виде короткого транспортного плеча, благоприятной экономической конъюнктуры, экономической ренты вследствие обладания значительной рыночной властью и другие обстоятельства, как это имеет место для приграничного региона, не создает мотивации к инновациям. Это подтверждает вывод Н. Межевича что, особенностью российского экономического пространства является внутриматериковое размещение ключевых экспортных производств. По его расчетам более 60% экспортного потенциала размещается на расстоянии более 3 тыс. км. от европейских и дальневосточных границ, около 15% экспортного производства находится в приграничных районах. Причем такое размещение экспортного производства из-за больших транспортных затрат объективно понижает его доходность а, учитывая ценовые колебания на мировых рынках, увеличивает неопределенность [Межевич, 2003].

© Е.А. Прокопьев, О.В.Толстогузов, А.И. Шишкин

Во-вторых, в условиях глобализации при проведении политики модернизации периферийный регион может получить шанс на достижение высоких темпов развития. Причиной может выступить новый фактор, например, открытие минеральных или иных месторождений или развитие экспорта местной продукции, востребованной национальной и мировой экономикой, производство дифференцированного продукта в случае рынка монополистической конкуренции (анализируемый по модели «центр-периферия»), развития новых технологий и ИКТ, включая ее сетевую составляющую. Данный фактор стимулирует в результате эффекта масштаба выпуска регионального продукта рост капитала и повышение капитализации региональных активов.

В-третьих, необходимо учитывать географическое положение. Так близость к мегаполисам создает дополнительные факторы. Например, приграничный регион Республика Карелия в основном (а южная Карелия полностью) попадает в периферийную зону г. Санкт-Петербурга. Мегалополис за счет масштаба производства и тяготения населения к центру играет роль инновационного центра, а республике предопределена роль менее развитой сырьевой периферии. В такой модели функция региона сводится к обеспечению ресурсных потоков «периферия – терминал». Так, миграция квалифицированных трудовых ресурсов из провинции (из Карелии) в центр (в мегалополисы и за пределы страны, в частности в Финляндию), привело к тому, что Карелия по показателю «доля занятого населения, имеющего высшее образование» по итогам 2008 года оказалась на 79 месте среди субъектов РФ, а по числу студентов вузов на 64 месте, при том, что мигранты, приезжающие в Карелию, как правило, – без высшего образования. Налицо наблюдается «вымывание» квалифицированных кадров (около 3% ежегодно от числа занятых).

В-четвертых, особенность экономического развития регионов-аутсайдеров, в которые попала подавляющая часть периферийных регионов, обусловлена также тем, что заселенность и обустройство территории в России тесно взаимосвязаны. Так, освоенность пространства автодорожной сетью в Европе и США характеризуется высоким значением (соответственно, 1500 км/1000 кв. км,

и 682 км/1000 кв. км), в то время как в России – 37 км, т. е. весьма низким значением. Кроме того по регионам разброс данного параметра чрезвычайно велик.

В-пятых, в современных условиях дорожная труднодоступность периферии частично компенсируется другими способами связи, в частности с помощью сотовых телефонов, компьютеров и т. д. В среднем в России по данным [Страны..., 2009] насчитывается 112 абонентов стационарной и мобильной телефонной связи, число пользователей Интернета 18 (на 100 чел.). В то же время в Финляндии, соответственно, 144 и 55,5, в США – 135 и 69,5, в Германии – 168 и 46,9. В России значительная часть территории оторвана от систем связи.

В-шестых, как правило, в периферийных территориях крайне незначительно развит сектор инновационных производств, создающий новые виды товаров и услуг.

Сегодняшнее состояние инновационности России и ее регионов оценивается как весьма скромное (рис.4.12). Оно выражается в низкой конкурентоспособности продукции, слабой инновационной активности промышленных предприятий, недостаточности финансирования сферы НИОКР и неразвитости инновационной системы. Причем финансирование осуществляется в основном за счет бюджетных средств (более 60%), а кроме того в настоящее время за финансирование науки полностью отвечает федеральный уровень власти. Доля его расходов составляет 99,05%, вклад субъектов Федерации в данный процесс минимален (менее 0,05%) [Сигова, Гуртов, 2008].

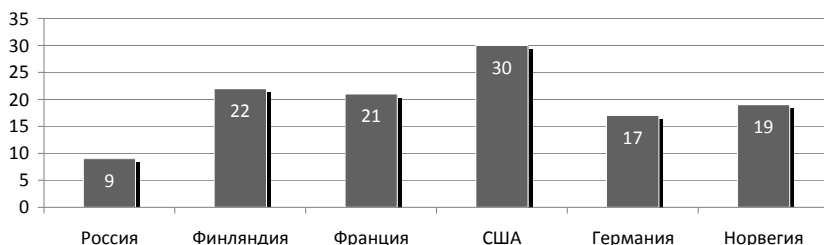

Рис. 4.12. Экспорт высокотехнологичной продукции, в % от общего объема экспорта продукции обрабатывающей промышленности [Страны и регионы...2009]

Причем российская провинция сильно отстает от инновационных центров по глубине проникновения новой экономики в сравнении с американской и европейской периферией [Пилясов, 2009]. Инновационное развитие периферийных территорий сильно отстает от инновационных центров, мегалополисов. Например, для Республики Карелия характерно следующее. Доля высокотехнологичного сектора в объеме отгруженной продукции составляет 0,14%, среднетехнологичного сектора – примерно 10%, низкотехнологичного сектора – 35–40%, доля добывающей промышленности – около 35%, производство и распределение газа, воды и электроэнергии – 15%. Основная масса средств труда (основных производственных фондов – ОПФ) в республике сосредоточена у крупных собственников – градо- и бюджетообразующих предприятий. При этом степень износа в среднем по промышленности составляет 40,6% (от 58% в электроэнергетике до 25% – в лесном комплексе), что требует значительных инвестиций в техническое перевооружение и обновление ОПФ. Наиболее активно обновляются ОПФ в сырьевых производствах, чем в производствах, связанных с углубленной переработкой ресурсов. Это обстоятельство усиливает *сырьевую специализацию* республики и зависимость экспортноориентированных предприятий от конъюнктуры зарубежных рынков. Именно изменениями ситуации на мировых рынках лесобумажной продукции, металлов, руды были обусловлены как спад в стоимости карельского экспорта в 2002 году, так и ее дальнейший рост в последующие годы (экспорт в 2008 г. увеличился на 124% по сравнению с 2001 г.). Ввиду высокой концентрации экспорта (основу которого составляют менее 10 товарных позиций), положительная или отрицательная динамика данных рынков может в значительной степени повлиять на динамику экспорта в целом. Поэтому значительную долю экспортной продукции составляет продукция низкого передела с небольшой добавленной стоимостью – более 40% экспорта приходится на древесину необработанную, железорудные окатыши и металлы. В структуре экспорта целлюлозно-бумажной продукцию преобладает доля бумаги, картона и изделий из них (более 90%), при этом газетная бумага – более 70%. Третья часть экспорта приходится на Финляндию. Туда поставляются древесина, железорудные окатыши, бумага и картон. Импорт име-

ет техническую направленность: около 60% импорта – это машиностроительная продукция. Такая картина характерна для периферийного приграничного региона. Учитывая эти особенности необходимо оценить и выделить возможности для модернизации экономики региона.

Особенность перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития состоит в том, что периферийному региону предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития. В условиях глобальной конкуренции необходимо обеспечить опережающее развитие тех секторов экономики региона, которые определяют его специализацию в мировой системе хозяйствования и позволяют в максимальной степени реализовать традиционные и новые конкурентные преимущества.

С этой точки зрения целесообразно проанализировать влияние конкурентных преимуществ на процесс ухода от сырьевой специализации и трансформации структуры экономики на примере конкретного приграничного региона – Республики Карелия. Для этого проанализируем регион по ряду критериев, оказывающих наиболее сильное влияние на его конкурентоспособность – преимущество географического положения, доля выпуска продукции региона в российской промышленности, значения коэффициентов локализации, место в системе международного и межрегионального разделения труда, степень концентрации товарных цепочек на территории региона. Рассмотрим их более подробно.

1. Преимущество географического положения. Приграничное положение приграничного региона дает преимущество более низких транспортных издержек при экспорте сырьевых ресурсов в соседние страны, что и сказалось на росте экспорта (рис. 4.13).

Эффективная реализация внешнеторговой и транзитной функций региона ориентирована на повышение экономической значимости границы и наиболее полное использование приграничного потенциала республики и его транзитной функции. В условиях достаточно сильной загрузки Санкт-Петербургского транспортного центра Республика Карелия приобретает возможности компенсировать и оттягивать на себя часть грузопотоков, идущих, в основном железнодорожным и автомобильным транспортом, с использованием существующей транспортной инфраструктуры.

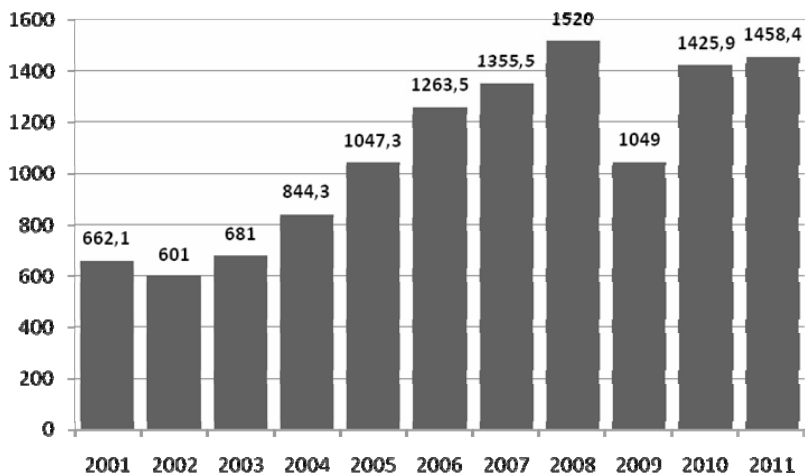

Рис. 4.13. Экспорт товаров и услуг из Республики Карелия в 2001–2011 гг., млн. долларов США

2. Доля Республики Карелии в выпуске промышленной продукции в РФ по отраслям промышленной специализации экономики Республики Карелия составляет: садковая форель (68%), мешки бумажные (63,7%), бумага газетная (37,1%) окатыши железорудные (26,9%), фарш пищевой рыбный (23,1%), технологическая щепа (13%). Как видно, это достаточно высокие показатели, но они показывают, что промышленность республики специализируется, преимущественно, на низкотехнологичных или среднетехнологичных видах продукции.

3. Значения коэффициентов локализации отраслей в Республике Карелия определены по следующим показателям (табл. 4.2):

- по численности занятых на предприятиях отрасли (соотношение числа занятых на предприятиях отрасли на душу населения региона и к аналогичному показателю по России);
- по структуре валовой добавленной стоимости (отношение доли отраслей в валовой добавленной стоимости по региону к аналогичному показателю по РФ);
- по структуре основных фондов (отношение доли основных фондов по видам экономической деятельности региона к аналогичному показателю по РФ).

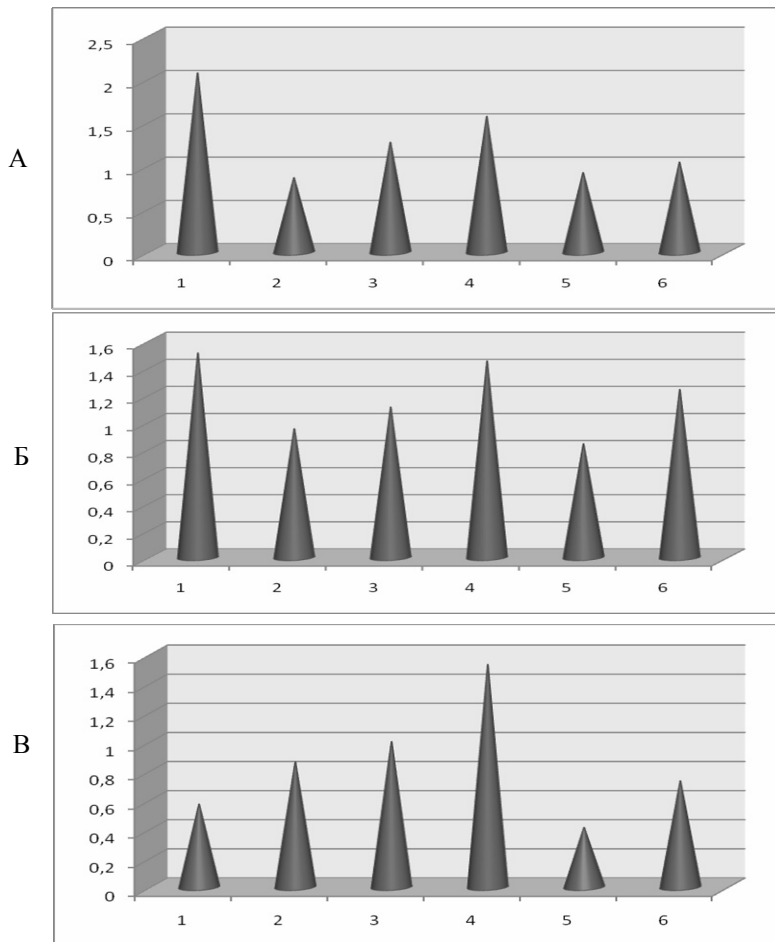
**Место и роль Республики Карелия в системе
международного разделения труда**

Отраслевая специализация	Продуктовая специализация	Технологическая специализация
Лесопромышленный комплекс в целом и ЦБП в частности	Лесоматериалы необработанные и пиломатериалы	Производство строительных материалов
Горнопромышленный комплекс (нерудные стройматериалы)	Бумага и бумажные мешки	Элементы для деревянного домостроения
Рыбное хозяйство	Изделия из черных металлов	Элементы электрооборудования для автомобилей
Туризм	Рыба и рыбопродукты	Транспорт и логистика
Транспорт	Стройматериалы	Технологии лесопользования и лесовосстановления
Электроэнергетика	Железорудные окатыши	Рыбоводство

4. *Место в системе международного и межрегионального разделения труда.* Сегодня Карелия на внешних рынках представлена следующими производствами и основными видами продукции (рис. 4.15): продукция ЛПК (деловая древесина, пиломатериалы, бумага и бумажные мешки); строительные и рудные материалы (камень, щебень, товарная руда, железорудные окатыши, алюминий); турпродукты; продукция рыбного хозяйства (форелеводство, марикультура); информационные услуги (как перспективное направление) и др. Место и роль региона в системе международного разделения труда определяется транзитной функцией и сложившейся специализацией.

В соответствии со значениями коэффициентов локализации (больше 1) специализация Карелии: добыча полезных ископаемых; транспорт и связь; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство; производство.

В целях развития важных для республики отраслей и секторов экономики, ориентация только на региональный или российский рынок является неэффективной, поэтому продвижение произведенной в республике продукции, в т. ч. машиностроения, судостроения, минеральной продукции как в ближнее зарубежье, так и в дальнее, сегодня имеет хорошие перспективы и является стратегической целью в части дальнейшего развития указанных отраслей.

- А) по численности занятых на предприятиях отрасли (соотношение числа занятых на предприятиях на душу населения региона и к аналогич. показателю по РФ);
 Б) по структуре валовой добавленной стоимости (отношение доли отраслей в валовой добавленной стоимости по региону к аналогичному показателю по РФ);
 В) по структуре основных фондов (отношение доли основных фондов по видам экономической деятельности региона к аналогичному показателю по РФ)

Обозначения отраслей реального сектора: 1. Добыча полезных ископаемых. 2. Обрабатывающие производства. 3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды. 4. Транспорт и связь. 5. Строительство. 6. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыбоводство

Рис. 4.14. Коэффициенты локализации отраслей в Республике Карелии

5. *Оценка степени концентрации товарных цепочек на территории.* Анализ цепочек, проведенный в работе [Особенности воспроизводства..., 2008], показал, что в условиях открытой экономики степень концентрации цепочек создания стоимости в секторах специализации в республике незначительна. Так в лесном комплексе она составила 45%, в горнопромышленном комплексе – 26%, в туризме – 33%, в рыбохозяйственном комплексе – 58%. Наибольшая обеспеченность приграничного региона наблюдается по таким элементам цепочек создания стоимости как предмет труда, кадровое обеспечение и система управления собственностью. Уже на основании этих результатов видно, на чём необходимо поставить акценты при разработке и реализации направлений модернизации.

Перспективными для модернизации и повышения конкурентоспособности являются продукты и производства, относящиеся к конечной продукции. Так для Республики Карелия речь идет об инновации в создании новых материалов, применение информационно-коммуникационных технологий, а также потенциально возможных технологий, например, биотехнологий, новых технологий использования шунгита), глобальные услуги (транспорт, связь, Интернет, образование). Они определяют не только позиции на мировом рынке, в первую очередь в лесном секторе, но и рассматриваются как перспективные, определяющие будущую специализацию на мировых рынках, а также как стимулирующие изменение структуры промышленности в сторону высокотехнологичных секторов.

На основании предыдущего анализа можно сделать вывод о том, что *необходимо создание полной цепочки «сырье-полуфабрикат-товар-услуга» за счет резидентных структур или установление стратегических связей на основе договорной специализации, а также формирование конкурентоспособных кластеров в ресурсных секторах и туризме.* Использование дифференцированных продуктовых стратегий позволяет максимизировать объем добавленной стоимости, создаваемый на территории приграничного региона и обеспечить конкурентоспособность региональной экономики на внешних рынках.

Сложившаяся сегодня специализация приграничных регионов определяет стратегию компаний в традиционных секторах экономики, нацеленных на повышение рентабельности за счет существ-

венного снижения издержек. Поскольку доступных ресурсов (с учетом минимизации издержек) для производства традиционных товаров в большем масштабе явно недостаточно, то для достижения поставленных стратегических целей требуется изменить предельную производительность факторов производства. Это возможно сделать только за счет инноваций.

В интервью журналу Forbes [Большие ..., 2009] венчурные инвесторы в отметили, что в России для инвестирования могут быть успешными (и могут быть поддержаны российскими венчурными компаниями) инвестиции в проекты, связанные:

- с перемещением в пространстве и оптимизацией логистики;
- с продуктами в интернете IT-компаний и интернет-торговлей;
- с программным обеспечением (от игр до сложного моделирования);
- с навигационным сервисом и системами связи;
- с обработкой информации;
- с системами защиты информации;
- с робототехникой и иными инновациями изобретательского характера;
- с внедрением прикладных и информационных био- и медикотехнологий;
- с новыми способами добычи энергии и иными инновациями в энергетике;
- с новыми материалами, обладающих уникальными свойствами, востребованными в разных отраслях;
- с инновациями в перерабатывающей промышленности.

Стратегический анализ тенденций и перспектив рынка показал, что сектора экономики, использующие природные и рекреационные ресурсы в настоящий момент наиболее готовы к восприятию управленческих и продуктово-технологических инноваций и формированию кластеров, поэтому выход на инновационный путь развития возможен на основе активного подключения интеллекта и стимулирования роста активов в зонах интенсивного развития или кластерах (как механизмах развивающихся зоны).

В Республике Карелия модернизация экономики и ее структурная диверсификация на основе инновационного технологического развития опирается на развитие производственно-технологической

инфраструктуры, причем как на технопарки и научные парки в традиционных отраслях, так и на элементы новой экономики: IT-парк, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и т. д.

Поскольку увеличение добавленной стоимости происходит во многом за счет интеллектуальной деятельности, повышения технологического уровня производства и распространения информационно-коммуникационных технологий, то достичь стратегических целей модернизации можно благодаря созданию и поддержке учебных заведений, формированию своего научного и исследовательского потенциала, созданию высококачественной инфраструктуры, повышению эффективности управления внедрением информационных и коммуникационных технологий, способствующих генерации инноваций как в традиционных, так и новых видах экономической деятельности, добиваясь создания наиболее полной цепочки создания стоимости из резидентных агентов.

Исходя из анализа тенденций и перспектив развития мировых рынков, возможности формирования товарных цепочек целесообразно сконцентрировать усилия на создании следующих кластеров: лесной кластер, агропромышленный кластер, биотехнологический кластер (связанный с первыми двумя), кластер домостроения и производства строительных материалов, туристский кластер, машиностроительный кластер (со специализацией на тяжелом, энергетическом, тракторном машиностроении и судостроении).

В целом перспективными для повышения конкурентоспособности Республики Карелия на внешних рынках являются продукты и производства, относящиеся к конечной продукции (инновации в создании новых материалов, применения информационно-коммуникационных технологий, а также потенциально возможных технологий, например, биотехнологий, новых технологий использования шунгита), глобальные услуги (транспорт, связь, Интернет, образование). Они определяют не только позиции республики на мировом рынке, но и рассматриваются как перспективные, определяющие изменение будущей специализации республики на мировых рынках.

Периферийные территории вынуждены компенсировать недостаточную скорость перестройки базовых отраслей промышленности активным развитием сферы услуг, включая развитие туристской

индустрии. Кроме того в условиях ужесточения конкуренции и формирования единого информационно-коммуникационного пространства России, как части мирового информационного пространства, единственной возможностью для предприятий периферийных территорий войти в мировой ритм новой «технологической волны» и успешно воспользоваться в новых условиях «диффузией инновацией» и преимуществом приграничного положения является создание и развитие рынка информации и знаний как факторов производства, включая широкое применение современных ИКТ.

4.4. Особенности трансформации общества

Одним из индикаторов проявления трансформационных процессов общества, связанных с развитием новых форм его организации, является социально-экономическое поведение населения. Данные проблемы исследовались в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по государственному контракту №16.740.11.0418 от 26 ноября 2010 г., проект «Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития российских регионов в условиях глобализации и модернизации»¹⁷.

Трансформационные эффекты определяются эндогенными и экзогенными факторами. Экзогенные факторы связаны, во-первых, с системными реформами в российском обществе (институциональными, политическими и экономическими), во-вторых, с мировыми современными вызовами (глобализация, демократизация, гуманизация экономики). Эндогенные факторы связаны с наличием адаптационных ресурсов и потенциала для формирования новых жизненных стратегий в изменяющихся институциональных условиях. В данном контексте рассматриваются процессы формирования поведения домохозяйств приграничных территорий РК: профессиональная мобильность, трудовое поведение и трудовые стратегии, потребительское поведение, инвестиционное поведение, финансовое поведение.

© Г.Б. Козырева, Т.В. Морозова, Е.А. Михель, М.В. Дьяконова

¹⁷ Опрос домохозяйств N-761 (г. Петрозаводск, г. Сортавала, г. Питкяранта, г. Костомукша)

Профессиональная мобильность населения. Образовательный уровень населения обследованных территорий достаточно высок – доминируют группы с высшим и средним (общим и профессиональным) образованием. Их доля составляет 43% и 40% соответственно. Образовательная структура отражает специфику городов, где проводился опрос – там функционируют вузы и средне-профессиональные образовательные учреждения. Традиционно здесь преобладает высокообразованное население (рис. 4.15).

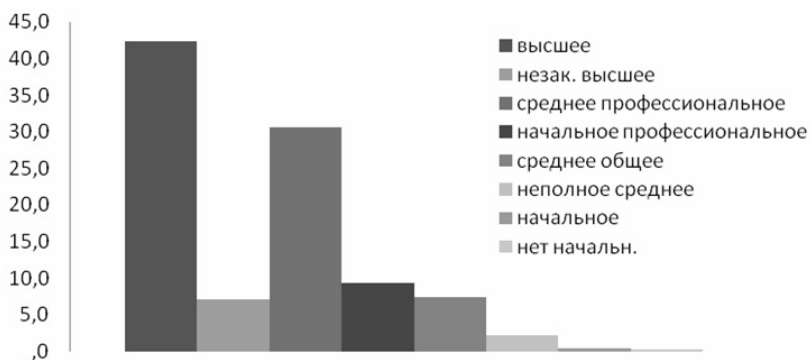

Рис. 4.15. Уровень образования респондентов

Профессионально-квалификационная структура (рис. 4.16) респондентов корреспондирует с образовательной структурой выборочной совокупности. Среди опрошенных жителей приграничных районов Республики Карелии доминируют специалисты и квалифицированные рабочие. Кроме того, 6,3% респондентов занимают новые профессии. Приведенные распределения свидетельствуют о достаточно высоком образовательном и профессионально-квалификационном уровне предложения на рынке труда локальных приграничных территорий.

Профессиональная мобильность населения характеризуется следующими параметрами (рис. 4.17). С одной стороны, достаточно велика группа мотивированных на изменение профессионального статуса – почти 40% респондентов ориентируются на профессиональный рост – их мы относим к группе активных. При этом половина из них планируют расширить рамки профессии – получить новую специальность (12,2%), а также освоить смежную профессию (6,6%). Другая половина собирается повысить квалификацию в рамках своей

профессии. С другой стороны, более половины респондентов выбирают пассивную стратегию по разным причинам. Одна из них связана с отсутствием возможности что-то менять – таких около 7%. А остальных, составляющих большинство пассивных, вполне устраивает существующий профессиональный статус. В целом можно сказать, что активные и пассивные группы примерно равноценны.

Рис. 4.16. Профессионально-квалификационная структура опрошенных жителей приграничных районов Карелии

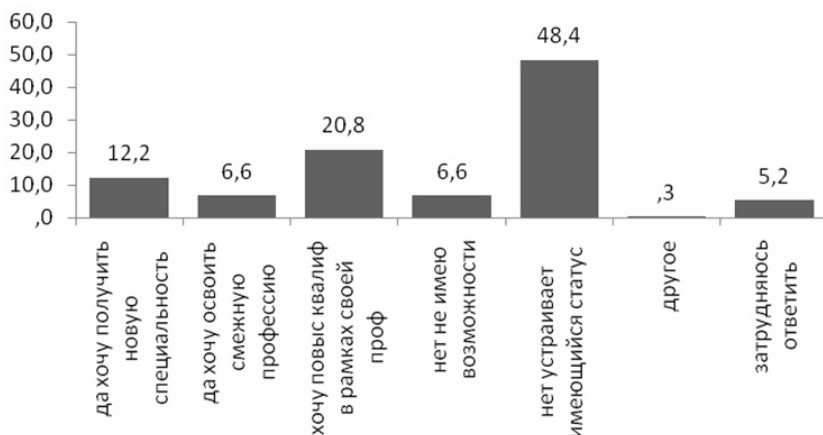

Рис. 4.17. Распределение ответов респондентов на вопрос: Испытываете ли Вы необходимость изменения профессионального статуса?

Анализ мотивационной структуры (рис. 4.18) позволил выделить две группы факторов, формирующих саму структуру мотивации. Первая группа, которую мы назвали «утилитарная», включает такие мотивы, как повышение заработной платы; повышение социального статуса; приобретение стабильности; наличие производственной необходимости; наличие свободного времени. «Зарплата» является в этой группе доминирующим фактором (34% из 58,7%). Вторая группа, которую мы назвали «ценностная», включает такие мотивы, как реализация потенциала; смена рода деятельности; интерес к новому делу; обретение независимости. Доминирующим фактором в этой группе является «стремление реализовать свой потенциал» (21,3% из 41,3%). Количественная оценка этих двух групп показывает явный перевес утилитарной группы, который составляет 17%. В целом из всей совокупности факторов выделяются два ключевых, относящихся к разным группам. Из утилитарной группы – это заработная плата. Из ценностной группы – реализация потенциала.

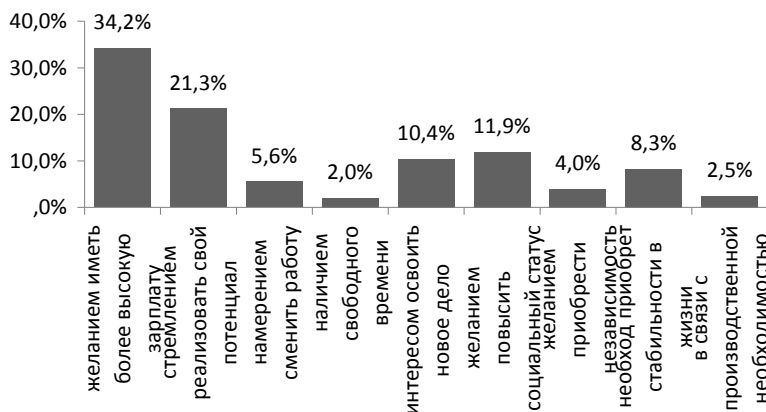

Рис. 4.18. Результаты анализа мотивации изменения профессионального статуса респондентов

Таким образом, на уровне обследуемых домохозяйств выявлены две группы респондентов: активные и пассивные, отличающиеся по образовательному потенциалу, профессионально-квалификационному статусу и по характеру мотивации. Активные составля-

ют около 40% выборочной совокупности. При этом они делятся на две примерно равноценные по весу подгруппы: утилитарно активные и ценностно-активные.

Трудовое поведение населения и трудовые стратегии. Трудовое поведение в нашем исследовании рассматривается в расширительном контексте – не просто как исполнительная сторона трудовой деятельности, а как реализованная трудовая стратегия, основанная на мотивированном выборе, обусловленном не только внутренней потребностью индивида, но и навязанной извне необходимостью. Результаты многочисленных исследований российских социологов и экономистов свидетельствуют, что стереотипы мышления, нормы социального поведения и жизненные стратегии обладают инерцией, поэтому привычный уклад жизни разрушается под усиливающимся воздействием новых правил весьма медленно, постепенно. В этом смысле реализованная трудовая стратегия, становясь более рациональной, является индикатором такой перемены, она сигнализирует о том, что система начала обновление. Сегодня уже стало очевидным, что российское общество начало принимать рыночную идеологию, о чем говорит развитие предпринимательства как одной из инновационных для страны форм экономической активности.

К числу наиболее примечательных явлений, отражающих переходное состояние современного российского общества, может быть отнесена получившая большой размах вторичная (сверх основной работы) занятость. Вторичная занятость, под которой обычно понимается добровольная (постоянная или временная) оплачиваемая трудовая деятельность, осуществляемая в свободное от основной работы время, является неотъемлемым элементом любого рынка труда и получает ту или иную распространенность в зависимости от общей социально-экономической ситуации в стране, уровня оплаты труда, законодательного регулирования занятости экономически активного населения.¹⁸

Вторичная занятость способствует адаптации занятого населения к меняющимся условиям жизнедеятельности – и не только с точки зрения повышения или поддержания достигнутого ранее

¹⁸ Хибовская Е.А. Вторичная занятость как способ адаптации к экономическим реформам // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 71–79.

уровня жизни, но и в связи с изменениями в системе отношений собственности, структурными преобразованиями народного хозяйства и т. д. А вместе с тем вторичная занятость служит также важным элементом механизма и формой социально-трудовой мобильности и в этом качестве – весомым фактором трансформации социально-экономической структуры российского общества.

Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что в такую деятельность активнее вовлечены более продвинутые (по объективным и субъективным параметрам), опережающие группы занятого населения. Это означает, что совокупность «вторично занятых» обеспечивает адаптацию российского общества к условиям рыночной экономики в большей степени, чем об этом можно было бы судить только на основании их численности.

Применительно к нашему исследованию, по выбору трудовых стратегий респонденты делятся на две большие почти равноценные группы (рис. 4.19). Первая, составляющая большинство (53,6%), включает респондентов, которые никогда не подрабатывали и не собираются этого делать. Вторая напротив представлена активными людьми, которые или имеют вторую работу, или ищут возможность ее получить.

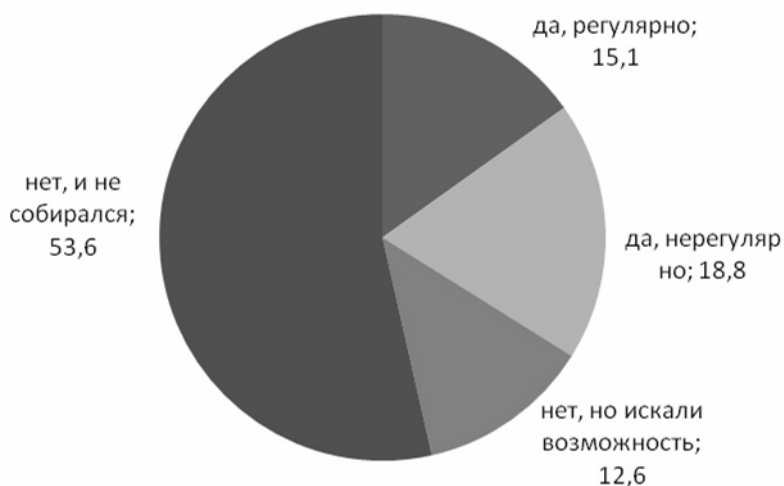

Рис. 4.19. Ответы респондентов на вопрос о наличии второй занятости и «подработок»

Как видно из рис. 4.20, среди тех, кто имеет дополнительную занятость доминирует группа, оказывающая услуги населению (31,6%), и обычно такая занятость является, как правило, неформальной. Почти четверть подрабатывает на своем рабочем месте, то есть совмещает профессии. Еще около 20% являются совместителями. Уличная торговля и посредническая деятельность (иногда формальная, но обычно неформальная) составляют небольшие доли – 5,1% и 4,4% соответственно. В целом можно сказать, что дополнительная занятость более, чем на половину находится в неформальном секторе.

Рис. 4.20. Структура видов дополнительной занятости жителей приграничных районов Карелии

Такая структура дополнительной занятости вполне корреспондирует с уровнем профессиональной мобильности и с ее мотивационной структурой. Гипотетически можно предположить, что утилитарно активная группа работает в неформальном секторе по оказанию услуг, в т. ч. посреднических, а ценностно активная – преимущественно в формальном поле, расширяет профессиональные рамки при совмещении профессий или работая совместителями. Мотивация к реализации стратегий дополнительной занятости отражена на рис. 4.21.

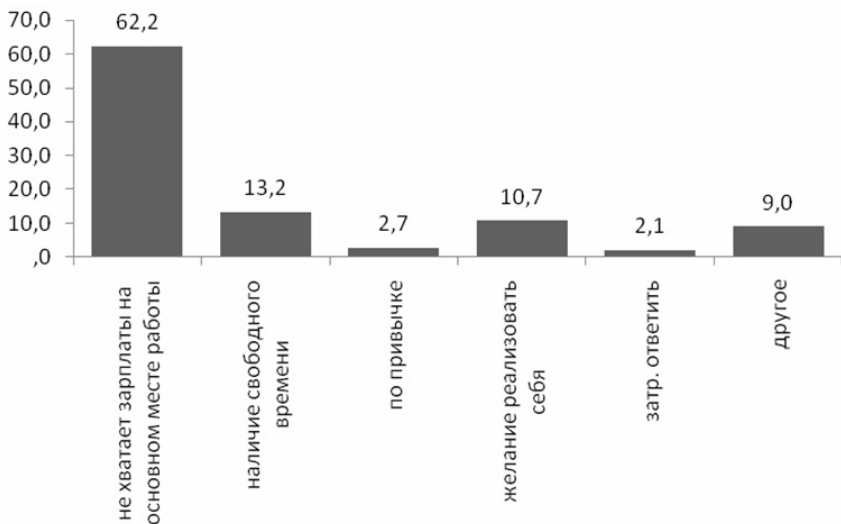

Рис. 4.21. Структура мотивация к реализации стратегий дополнительной занятости населением

Данная мотивационная структура дополняет структуру профессиональной мобильности. Но так как в дополнительную занятость включены не все представители данной группы, то по всей вероятности они в большинстве своем являются носителями утилитарно активной стратегии, о чем свидетельствует доминирование ответов – не хватает зарплаты на основном месте (62,2%). Среди респондентов 13,2% подрабатывают из-за наличия свободного времени – эта группа также может быть отнесена к утилитарно активной. Десятая часть стремится к реализации своего потенциала. Их можно отнести к ценностно активной группе. Таким образом, можно предположить, что группы, мотивированные на профессиональный рост, частично реализуют свои стратегии через дополнительную занятость.

Одной из активных трудовых стратегий является предпринимательство. Наши респонденты достаточно активно включены в эти стратегии. В выборочной совокупности по роду занятий они составляют 5,6%. Анализ возможности выбора предпринимательской стратегии показывает, что среди респондентов более 20%

рассматривают возможность открыть свое дело (рис 4.22), а 8,8% респондентов – уже являются предпринимателями. Вместе с тем доминирующее большинство респондентов не собираются включаться в предпринимательские стратегии. Сравнивая эту структуру со структурой предпринимательской активности развитых стран, можно сказать, что они сопоставимы.

Рис. 4.22. Оценка готовности жителей приграничных районов Карелии организовать свое дело

В целом обследование показало достаточно хороший уровень и самой предпринимательской активности, и проективных стратегий домохозяйств и жителей приграничных районов Республики Карелии.

Среди безработных респондентов официальный статус имеют менее половины – 37,3%, около 10% собираются, но не успели зарегистрироваться (рис. 4.23). Кроме того, есть небольшая группа (3,9%), которая состоит на учете, но не имеет статуса. Такая структура довольно характерная для российских регионов тенденция. Среди тех, кто не имеет статуса, доминирует доля тех, кто не видит в этом необходимости – таких чуть больше 30%. Незначительной доле (2,9%) отказано в регистрации. Пятая часть не работающих не пытаются искать работу. Исходя из реальной ситуации, можно предположить, что последние 40% включены в процессы самозанятости – сбор ягод, грибов, рыбная ловля, личное хозяйство и т. п.

Рис. 4.23. Ответы респондентов на вопрос:
Зарегистрированы ли Вы в службе занятости?

Известный французский социолог П. Бурдьё считает, что каждый человек способен дать рациональное (или квазирациональное) объяснение своих действий, а большинство людей имеет представления о своем желательном поведении в будущем, которые и реализуются в практиках повседневной жизни [П. Бурдьё, 1993]. Тем не менее, нужно понимать, что люди не всегда сознательно планируют свое поведение. В условиях реформ оно довольно часто имеет ситуативный характер. Для населения приграничных районов РК характерен традиционный для российских регионов набор реализуемых трудовых стратегий, показанных в табл. 4.3.

Таблица 4.3

Распределение респондентам по используемым трудовым стратегиям

Трудовая стратегия	Число респондентов, %
Предпринимательство	5,6
Эффективная единичная занятость	53
Вторичная занятость	33,9
Отсутствие выраженной стратегии (безработица)	5,4
Другое	2,1

В целом можно констатировать, что среди всех представленных видов стратегий доминирует эффективная единичная занятость – она составляет 53% от всей выборочной совокупности. Сегодня это наиболее предпочтительный вид стратегии, что свидетельствует о том, что общество, как социальная система, пытается вернуться в равновесное состояние. Экономические системы сохраняют равновесие благодаря разнообразию и балансу экономических сил, которые в свою очередь поддерживают систему благодаря не только наличию ресурсов, но и реализации экономической деятельности, которая осуществляется через трудовые стратегии. Перекос в сторону одного из элементов системы нарушает равновесие. Предпринимательский «взрыв», который наблюдался в 90-е гг., потерял свою актуальность, что связано, в первую очередь, с институциональными проблемами. Государство не создало институтов, обеспечивающих условия для эффективной реализации предпринимательских стратегий. Приобретенный негативный предпринимательский опыт стал причиной массового ухода предпринимателей от своих дел, как правило, в сферу или самозанятости, или наемного труда. То есть, как и было сказано выше, система возвращается в состояние равновесия.

Доля вторичной занятости достигает довольно высоких значений – 33,9%. С одной стороны, это демонстрирует высокий уровень экономической активности населения. С другой стороны, возникает проблема сверхзанятости. А это в свою очередь – повышенная интенсивность труда, перенапряжения, отказ от отдыха, преждевременный износ человеческого капитала. Возникает дилемма: эффект дохода или эффект досуга. В российской практике выбор, как правило, падает на эффект дохода. Высокая доля вторичной занятости также может свидетельствовать о недостаточной стабильности системы и может означать, что в ней не хватает институтов, способных обеспечивать оптимальную реализацию трудовых стратегий в сфере наемного труда и предпринимательства. И она (вторичная занятость) в таких условиях выступает поддерживающим элементом системы.

Безработица рассматривается как отсутствие выраженной трудовой стратегии – в нашем случае она составляет 5,4% и хотя не превышает критических отметок, тем не менее говорит о том, что

институт рынка труда не вполне справляется со своими функциями. Вместе с тем безработные, в большинстве своем (таких более 80% в выборке) используют все доступные формы поиска работы. Но среди них половина не имеет статуса и не видит в этом необходимости. Это может означать, что эта половина выбирает неформальную занятость, а это еще одна не обозначенная в нашем списке трудовая стратегия, имеющая латентную форму. Вторая официально зарегистрированная (или в ближайшее время стремящаяся к этому статусу) половина, может попасть как в предпринимательскую, так и в сферу наемного труда.

Потребительское поведение населения. Основой материального благополучия населения являются денежные доходы. На уровне домохозяйств денежные доходы отдельных членов семьи аккумулируются, определяя материальную основу жизни семьи – семейный бюджет. Уровень материальной обеспеченности домохозяйств по оценке респондентов характеризуется следующими значениями: 53,2% домохозяйств указали, что им хватило имеющихся доходов на покрытие необходимых текущих расходов. Вместе с тем 13,6% не смогли вписаться в свой бюджет, и еще 33,2% сумели сделать это с большим трудом (рис. 4.24).

Рис. 4.24. Ответы респондентов на вопрос: Хватает ли Вашей семье доходов для покрытия текущих расходов?

Анализ покупательской способности домохозяйств позволяет дополнить предыдущие выводы и перейти к более глубокому рассмотрению вопросов потребительского поведения (рис. 4.25).

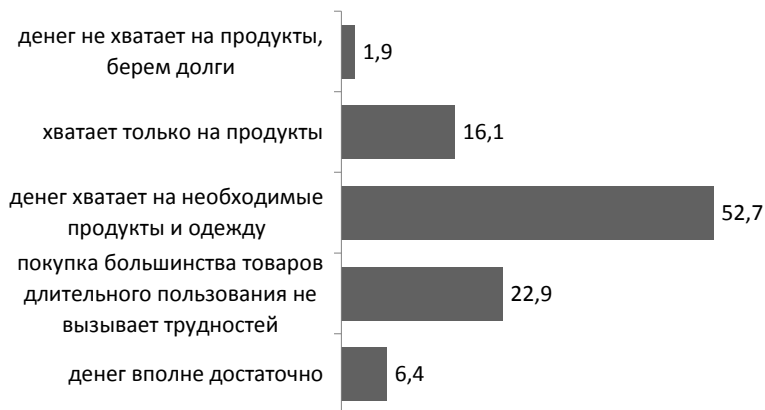

Рис. 4.25. Распределение респондентов по уровню покупательской способности

Отчетливо просматривается несколько типов покупательской способности домохозяйств, что в совокупности с предыдущими распределениями, характеризует уровень жизни населения РК. Достаточно высока доля (на сегодня это около 30%) домохозяйств, находящейся по существу за чертой бедности. Среди них у 16% опрошенных денег хватает только на питание, около 2% – остро нуждающиеся, которые испытывают нехватку средств даже на питание. Хотя за последние 10 лет наметилась положительная тенденция – доля экономящих и остро нуждающихся сокращается. Однако, больше 50% опрошенных домохозяйств живут без особых излишеств, но их текущие расходы покрываются доходами, при этом эта доля удерживается на протяжении последних 10 лет. Наряду с этим за прошедшие 10 лет выросла доля домохозяйств, вполне удовлетворенных своим бюджетом: денег хватает даже на дорогие покупки, а примерно у 6 % средств достаточно, чтобы не экономить. В целом данные по покупательской способности свидетельствуют о некоторой позитивной динамике в уровне жизни населения приграничных районов РК.

Тем не менее в условиях, когда практически половина домохозяйств живет в режиме жесткой экономии, актуализируются способы решения проблемы недостатка материальных средств. Данные проведенного обследования позволяют представить структуру и распространенность этих способов среди населения (рис. 4.26).

Рис. 4.26. Ответы респондентов на вопрос: Если Вам не хватило доходов, как Вы вышли из положения?

Самым распространенным способом решения проблемы недостатка денежных средств является заем денег – к нему прибегают 36,2% домохозяйств. На втором месте по распространенности стоит сокращение расходов на питание, что наблюдается в поведении 20,8 % домохозяйств. Еще 12 % домохозяйств не платили за квартиру, 9,5% пришлось потратить часть сбережений, 8,6% воспользовались банковским кредитом, 8,1% оформили документы на субсидии, остальные 3% отказались от услуг общественного транспорта.

Приведенные данные свидетельствуют:

- Во-первых, о наличии проблемы материального обеспечения населения.
- Во-вторых, очевидна проблема сниженного спектра способов и возможностей населения по решению проблемы дефицита денежных средств.

- В третьих, распространенные способы решения проблемы дефицита денежных средств преимущественно деструктивны и свидетельствуют о процессе депривации значительной части населения.

Вместе с тем потребительское поведение жителей не только приграничных районов, но всей Карелии существенным образом изменилось за годы рыночных реформ. Планирование семейных расходов на ближайшие 1–2 года или потребительские ожидания имеют выраженный позитивный тренд, о чем свидетельствуют результаты наших исследований поведения домохозяйств за последние 10 лет.

Данные табл. 4.7 показывают следующие тенденции. Во-первых, произошла смена потребительской модели, связанная с изменением приоритетов потребительских ожиданий – первоочередные статьи расходов (питание, гардероб, предметы длительного пользования) уступили место отдыху, укреплению здоровья и ремонту жилья от 7 до 14%.

Таблица 4.4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
Какие расходы планирует Ваша семья в ближайшие 1–2 года?**

Вид расходов	2001г., %	2011 г., %
Отдых, путешествия, культурный досуг	7,8	14,8
Отремонтировать (реконструкция) жилья	7,4	14,2
Приобрести новую мебель	13,0	12,5
Обновить гардероб	15,7	9,5
Расходы на укрепление здоровья	3,5	7,9
Купить (построить) жилье	6,1	6,6
Построить (купить) благоустроенную дачу	–	1,5
Расходы на образование	6,1	6,6
Купить автомобиль	3,5	5,9
Купить компьютер	–	2,8
Выплаты по кредитам, ссудам	–	6,2
Улучшить питание	16,5	3,6
Ничего не планируем, т. к. нет средств	19,7	3,0
Вложить капитал в предпринимательство	0,4	2,6
Приобретение акций и др. ценных бумаг	–	0,9
Ничего не планируем по другим причинам	4,3	0,9
Другое	7,4	0,5

Во-вторых, существенно сократилась (от 19,7 до 3%) группа депривантов, которая ничего не планирует из-за отсутствия средств. В-третьих, сохранили устойчивую позицию группы, планирующие расходы на образование, покупку жилья и приобретение мебели. В-четвертых, заметно повысились потребительские ожидания, связанные с покупкой автомобиля (примерно в 1,5 раза), а также с вложением капитала в предпринимательство (от 0,4 до 2,6%). В-пятых, появились отсутствующие ранее группы, планирующие выплаты по кредитам и ссудам (6,2%), а также приобретение акций и других ценных бумаг (0,9%).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что в потребительском поведении домохозяйств наметились заметные позитивные тенденции. Стали иметь более значимую роль в пополнении семейного бюджета такие формы денежных поступлений, как проценты по вкладам. На фоне постепенного роста доходов становится более разнообразной и сложной структура расходов, связанных с выплатой по кредитам и ссудам, приобретением акций и других ценных бумаг. Сместились в сторону повышения качества жизни приоритеты потребительских ожиданий, ориентированные на повышение человеческого капитала (отдых, здоровье), а также на вложение капитала в предпринимательство. Вместе с тем сохраняется уже в течение 10 лет не достаточно благополучная структура покупательской способности домохозяйств, половина из которых живет в режиме жесткой экономии.

Инвестиционное поведение населения. В настоящее время в практику российских граждан начали входить новые жизненные стратегии, связанные с инвестициями в будущее. Так, население наряду с традиционными формами сбережений в сбербанке (22,4%), начинают вкладывать деньги в приобретение земли и недвижимости (рис.4.27). Доля последних превысила 20%.

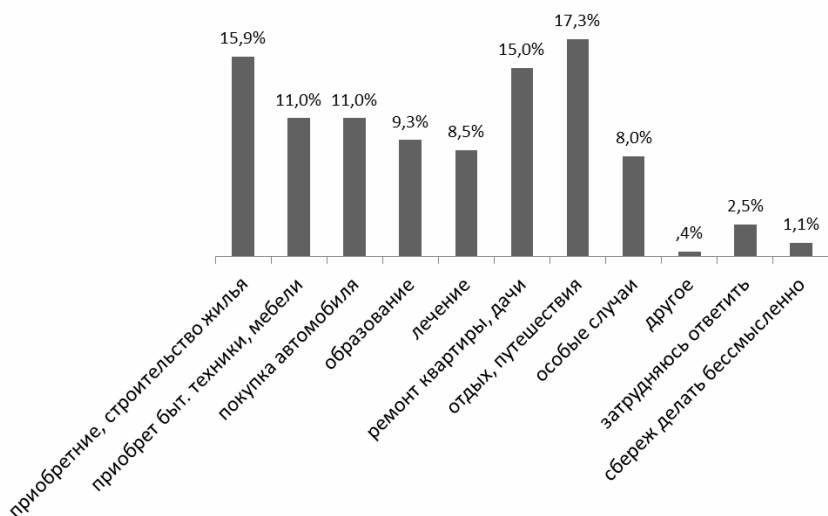
Сбербанк пользуется более высоким доверием, чем другие коммерческие банки, за которые «голосуют» только 6,4% респондентов. Достаточно высока доля тех, кто хранит деньги в наличных. При этом отдается предпочтение рублям – 20,3%. Валютные сбережения имеют 16,7% респондентов. Другие формы сбережений имеют незначительную представленность, что связано со слабым развитием этих финансовых институтов среди большинства насе-

ления регионов России, особенно периферийных. Чуть больше 8% пока не сориентировались в обстановке. По данным исследования, домохозяйства на сегодняшний день уже начали формировать не только краткосрочные, но и долгосрочные инвестиционные стратегии. Обозначился некоторый позитивный сдвиг, связанный с выбором долгосрочных моделей. Одним из важных фактов является то, что 1/5 общества начинает выстраивать инвестиционные стратегии в землю и недвижимость.

Рис. 4.27. Ответы респондентов на вопрос:
В какой форме лучше делать сбереженья?

Помимо самой стратегии важно, чтобы люди умели планировать основные направления своих сбережений. На какие цели лучше тратить деньги? Ведь это определяет формирование культуры сбережений и потребления. Результаты исследования показывают, что у жителей приграничных регионов начались сдвиги в отношении этой культуры (рис. 4.28). Самым заметным фактом является то, что люди изменили мнение в отношении своей уверенности в жизни. Об этом свидетельствует представленность ответа – сбережения делать бессмысленно – так ответили только 1,1% респондентов.

На какие цели Вашей семье стоило бы делать сбережения?

Самая высокая доля респондентов (17,3%) считает, что сбережения нужно делать в отдых и путешествия. К этой же группе можно отнести сбережения в образование и здоровье (9,3 и 8,5% соответственно). Это является не только признаком расширения потребностей, но инвестициями в человеческий капитал. Людей заботит вопрос качества жилища – 15,9% хотели бы вложить средства в приобретение и строительство жилья. Столько же респондентов хотели бы отремонтировать квартиру или дачу. Одинаковая доля (по 11%) респондентов поддерживает покупку автомобиля, а также мебели и техники. В целом наблюдается позитивная картина. Можно предположить, что жители приграничных регионов, имея достаточно частые контакты с жителями сопредельных территорий, не только начинают приобретать новые представления о качестве жизни, но и формировать свои потребительские предпочтения, а далее реализовывать эти предпочтения в жизнь.

Анализируя финансовые источники для реализации планов, можно увидеть, что население предпочитает выбирать самосохранительные стратегии (рис. 4.29). Преобладающие большинство

(66,6%) строит эти стратегии на основе своих собственных доходов и сбережениях. Но все-таки почти 20% собираются взять кредит или одолжить у родственников и друзей.

Рис. 4.29. Распределение значимости источников финансирования расходов домохозяйств

Итак, результаты исследований показали, что домохозяйства на сегодняшний день уже начали формировать не только краткосрочные, но и долгосрочные стратегии инвестирования не только в материальный (земля, недвижимость, предпринимательство), но и в человеческий капитал (отдых, здоровье, образование). Преобладающее большинство домохозяйств строит эти стратегии на основе своих собственных доходов и сбережениях. Вместе с тем появились признаки попадания домохозяйств в кредитозависимость.

Финансовое поведение населения. Финансовые институты в настоящее время становятся неотъемлемой частью жизни российских граждан. Если в советское время они были включены только в два процесса, где участвовали финансовые ресурсы – сбережения и кредитование, то сегодня этот диапазон существенно расширяется. Появляются новые неизвестные ранее институты, связанные с внедрением электронных форм денежного обращения – деньги,

переводы и т. п. Кроме того, возникло много новых учреждений, готовых оказывать финансовые услуги. Расширяется разнообразие этих услуг. В этих быстро усложняющихся институциональных условиях актуализируется повышение экономической, особенно финансовой грамотности населения.

На рис.4.30 показано, в какой мере население приграничных районов знакомо с разнообразием финансовых институтов.

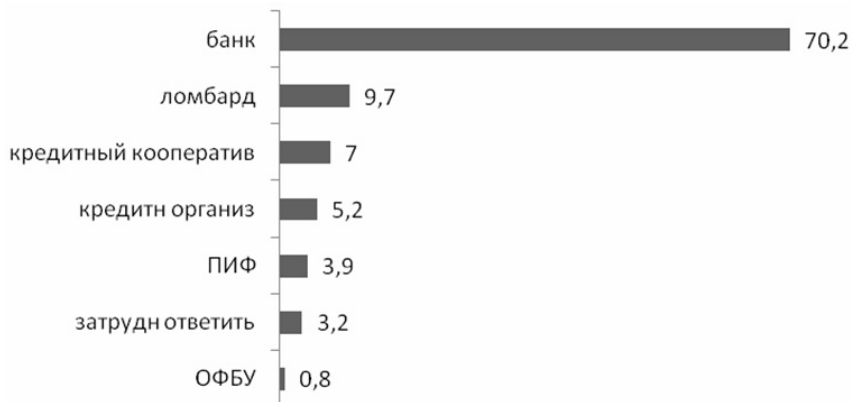

Рис. 4.30. Знакомство и наличие опыта обращения населения в различные финансовые организации

Для жителей приграничных районов Республики Карелия наиболее известным и популярным финансовым институтом являются банки. Это институт, который знаком и используется 70% респондентов. Его хорошо знают, так как люди традиционно с советских времен пользовались его услугами, а в последние 10 лет частота использования банковских кредитных продуктов выросла многократно. У пожилых людей банк ассоциирует со сбербанком (или сберкассой). Ломбард, о котором знает около 10% респондентов, также пришел из советских времен, но был больше известен в крупных городах. Кредитный кооператив, несмотря на усилия государства и бизнеса пропагандировать его, пока не получил широкой распространения, как и другие кредитные организации. Такие финансовые институты, как ПИФ и ОФБУ не знакомы даже достаточно грамотным респондентам.

Рис. 4.31. Распределение ответов респондентов на вопрос: Имеются ли в настоящее время у Вашей семьи обязательства перед банками?

Несмотря на явный дисбаланс в знаниях населения о существующих финансовых возможностях различных типов финансовых организаций, практика использования финансовых инструментов (особенно банковских кредитов) распространяется и начинает носить всеобъемлющий характер. Кредиты стали постоянным спутником жизни населения России. Жители приграничных регионов также включены в этот процесс. Наши исследования показывают, что только около 30% респондентов никогда не пользовались кредитами (рис. 4.31). Остальные 70% пользовались услугами банков и брали кредиты. Из них в настоящее время у 31,2% имеется задолженность перед банком, причем у 12,2% – существенная, которая заставляет отказывать себе во многом.

Кредит был хорошо известен советским гражданам. Но это был исключительно потребительский кредит для покупки мебели и вещей, он был абсолютно посилен и не мог создать критической ситуации в семье. Сегодня же жизнь в кредит – это форма кабалы, особенно для финансово безграмотного населения. На рис. 4.32 отражено, какие проблемы вызывает у населения приграничных районов РК жизнь в кредит.

Рис. 4.32. Какие проблемы появились в Вашей семье из-за наличия кредита?

Данное распределение показывает, что из числа тех домохозяйств, которые взяли кредиты, более 70% попали в состояние жесткой депривации. При этом 26,8% домохозяйств попали в наиболее неблагоприятную ситуацию – испытали напряжение (5,7%), не смогли вовремя оплатить (7,1%), сэкономили на питании (14%). И только у 27,7% домохозяйств не возникло никаких проблем. Такой уровень депривации свидетельствует о высоких рисках, которым подвергаются сегодня российские граждане. Эти риски связаны со следующими причинами. Во-первых, финансовая безграмотность населения. Во-вторых, оппортунизм банков. В-третьих, неадекватная политика государства, не препятствующая этому оппортунизму.

Несмотря на наличие высоких рисков, кредитами активно пользуются и вкладывают их в потребительские нужды. Согласно нашим исследованиям (рис. 4.33), самый представленный вид вложения кредитных средств – это покупка автомобиля (28,3%). Дальше идут приобретение бытовой техники (23,7%), строительство жилья (16,9%) и ремонт квартиры (14,8%). Использование кредита как инвестиций в человеческий капитал в общей сумме отстают от предыдущих позиций. На образование, лечение и отдых берут кредиты в банках только чуть больше 10%. То есть наряду с высоким рисками кредит имеет важную составляющую – сегодня это один из ключевых инвестиционных ресурсов населения.

Рис. 4.33. Распределение целей кредитования населения в банках

В современном российском обществе в рамках рыночных реформ идет процесс создания и развития финансовой инфраструктуры. Происходит интеграция отечественных финансовых ресурсов в мировую систему. Население начинает включаться в сферу движения этих финансовых потоков сначала в качестве передаточного звена, а затем финансового агента финансовых рынков. Это более отдалённая перспектива. А сегодня население России только начинает осваивать современные финансовые институты и финансовые инструменты, которые позволят ему в будущем стать полноценным потребителем финансовых услуг, в том числе на межстрановом уровне.

Анализ поведенческих особенностей населения с учетом конкретных финансовых инструментов показывает следующее (рис. 4.34). Во-первых, самым популярным и самым востребованным (33,6%) является «Такс Фри». Жители приграничья очень часто совершают шопинги и хорошо знакомы с этим инструментом, о котором наши респонденты сказали – знаю и пользуюсь. Кроме того, именно к «Такс Фри» больше всего растет интерес со стороны домохозяйств – 9,7% домохозяйств знают и собираются им воспользоваться. Следующим по значимости в этой группе идет «оплата за рубеж через интернет» – 8%. Этот инструмент, кстати, занимает третью позицию по востребованности (12%), то есть им активно пользуются люди, так как он доступен и удобен.

Рис. 4.34. Оценка знакомства населения с конкретными финансовыми инструментами и уровень их использования

Во-вторых, самыми не востребованными оказались «операции на рынке Форекс» – только 0,1% домохозяйств являются игроками на нем. Логично, что этот инструмент является и одним из самых неизвестных – о нем не знает 58,6% наших респондентов. Лидирует же в группе неизвестных «страхование в западных компаниях», об этом инструменте не знает 60,7% опрошенных домохозяйств.

В-третьих, самым известным, но и самым не востребованным финансовым инструментом является «валютный счет в российском банке» – 67,5% домохозяйств знают о нем, но пользоваться не собираются. Для законопослушного рядового человека – это пока недоступный и пока еще мало необходимый инструмент.

Результаты исследования свидетельствуют, что у жителей приграничных территорий РК сформировалось несколько типов финансового поведения. Эти поведенческие типы построены на основе дескриптивного анализа и демонстрируют уровень потребления финансовых услуг; уровень интереса к ним; уровень информированности и уровень отчужденности.

Данные рис. 4.34 показывают следующие особенности финансового поведения домохозяйств приграничных районов РК. Первый

тип – отчужденные – в среднем чуть больше 38% респондентов не знакомы и не пользуются никакими видами финансовых услуг. Второй тип – информированные – в среднем около 50%, которые имеют информацию о том, что существуют финансовые услуги, но получать их не собираются. Третий тип – заинтересованные – в среднем 5,5% проявляют интерес к финансовым услугам и собираются в будущем ими воспользоваться. Четвертый тип – потребители – в среднем составляет 8,8% – такая доля респондентов получает современные финансовые услуги, связанные с международными финансовыми операциями. Явно доминирует тип информированных – это потенциальные в отдаленной перспективе потребители финансовых услуг. В меньшинстве находятся потребители и люди, заинтересованные в использовании финансовых инструментов, что свидетельствует о сохранении довольно низкого уровня финансовой грамотности населения приграничных районов Республики Карелия.

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы относительно масштабов и глубины трансформационных изменений, происходящих в обществе – население такого приграничного региона как Республика Карелия:

1. Домохозяйства приграничных районов РК характеризуются достаточно высоким квалификационно-профессиональным статусом, что определяется оптимальной мотивационной структурой и является фактором для профессиональной мобильности.
2. Трудовые стратегии домохозяйств, включающие единичную занятость (работа по найму на одном рабочем месте); вторичную занятость, предпринимательство и безработицу (отсутствие выраженной трудовой стратегии), имеют сбалансированный характер с доминированием работы по найму.
3. Очевидна проблема сниженного спектра способов и возможностей населения по решению проблемы дефицита денежных средств, которые преимущественно деструктивны и свидетельствуют о процессе депривации значительной части населения.
4. На фоне постепенного роста доходов становится более разнообразной и сложной структура расходов, связанных с выплатой по кредитам и ссудам, приобретением акций и других ценных бумаг.

5. Сохраняется уже в течение 10 лет не достаточно благополучная структура покупательской способности домохозяйств, половина из которых живет в режиме жесткой экономии.
6. Сместились в сторону повышения качества жизни приоритеты потребительских ожиданий, ориентированные на повышение человеческого капитала (отдых, здоровье), а также на вложение капитала в предпринимательство.
7. Домохозяйства активно включены в деятельность современных финансовых институтов. Наиболее востребованным среди них является банк, через который происходит реализация стратегий сбережения и получения заемных средств.
8. Наиболее проблемной является кредитная стратегия. Кредит с одной стороны является ресурсом для реализации инвестиций в материальный и человеческий капитал, а с другой стороны с учетом низкого качества институтов и финансовой безграмотности населения – фактором депривации, и высоким риском попадания в группы социальной эксклюзии.
9. Поведение домохозяйств на рынке финансовых услуг характеризуется не высоким уровнем активности и суженным характером потребления, что определяется, прежде всего, ценовой недоступностью этих услуг и низкой финансовой грамотностью населения. Финансовое поведение домохозяйств приграничных районов РК характеризуется преимущественно неэффективными моделями. Формирование эффективных моделей ограничивается низким качеством институтов и невысоким качеством жизни населения.
10. Влияние приграничного положения на формирование стратегий домохозяйств отмечается в основном через финансовое и инвестиционное поведение, что связано с включением населения во взаимодействие с новыми финансовыми институтами и овладения рыночными финансовыми инструментами. Трудовые стратегии формируются в контексте общероссийских тенденций.

ГЛАВА 5

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

5.1. Основные направления совершенствования региональной экономической политики и повышения конкурентоспособности региона

В основу региональной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности региона, в том или ином виде закладываются механизмы совершенствования структуры региональной экономики. При этом реализация структурной политики должна включать в себя различные, но в то же время взаимосвязанные векторы, увязывающие между собой цели, задачи и инструменты преобразования воспроизводственной, отраслевой и территориальной структуры региональной экономики. Ведь эффективность воспроизводственных процессов в регионе во многом зависит от эффективности отраслевой структуры экономики, от того, насколько полно она позволяет реализовать на практике имеющиеся конкурентные преимущества, а также от эффективности размещения факторов производства. Поэтому региональная экономическая политика, носящая явный структурный характер, должна включать в себя все три эти вектора.

О структурном характере региональной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности региона, говорит также то, что в качестве одной из важнейших ее задач является ориентация не на укрепление первичных конкурентных преимуществ, а создание условий для формирования на их основе вторичных преимуществ.

Подходя к рассмотрению региональной экономической политики, необходимо выделить ее *основные атрибутивные особенности*, раскрывающие ее содержание и требования к методическому обеспечению:

1. Определенность объекта и предмета политики (На что она направлена?)
2. Определенность субъектного состава политики (Кем она реализуется?)
3. Наличие альтернатив достижения поставленной цели и системы критериев, определяющих условиях их выбора (Как она реализуется?)
4. Эффективность инструментария политики (Посредством чего она реализуется?)
5. Наличие критериев эффективности и результативности политики (Посредством каких показателей и как оцениваются ее результаты?)

В качестве *объекта региональной экономической политики* выступает региональная социально-экономическая система. При этом надо понимать, что региональная экономическая политика рассматривается в качестве комплексного инструмента управления развитием территории, включающим широкий спектр целей и задач, механизмов их реализации. В силу этого существует большое число частных объектов, на которые направлено ее действие. В качестве таковых могут выступать отдельные отрасли и виды экономической деятельности, группы предприятий и отдельные предприятия, специализированные региональные рынки и складывающаяся на них система взаимоотношений между субъектами, отдельные региональные продукты и региональные бренды и т. д.

Независимо от объектного состава региональной экономической политики ее главным *предметом* является повышение конкурентоспособности и привлекательности региона в целом и отдельных территорий в его составе, региональных и отраслевых рынков, региональных продуктов, а также среды проживания.

Субъектный состав региональной экономической политики представлен региональными органами государственной власти, которые, с одной стороны, являются ключевыми ее разработчиками, а, с другой стороны, исполнителями. К числу субъектов относятся

предприятия и организации, осуществляющие хозяйственную деятельность в регионе, внешние бизнес-структуры, которые в рамках политики рассматриваются в качестве внешних клиентов, инвесторов и субъектов, принимающих непосредственное участие в воспроизводственных процессах. Именно на создание благоприятных условий для ведения хозяйственной деятельности на территории региона и на создание его инвестиционной привлекательности ориентировано подавляющее большинство частных практических инструментов рассматриваемой региональной экономической политики.

Среди прочих субъектов политики следует рассматривать население, социальные объекты, организации научно-образовательной сферы. Так, население рассматривается в качестве главного внутреннего клиента территории, и, одновременно, его экономическая активность, уровень квалификации и культурного развития, толерантности, его миграционная мобильность могут выступать в качестве источника важнейших вторичных конкурентных преимуществ региона. При этом объекты социальной инфраструктуры, культурной и научно-образовательной сферы следует рассматривать в качестве среды и инструментов формирования и поддержки таких вторичных конкурентных преимуществ.

В стратегическом менеджменте в качестве одного из критериев адаптивного управления рассматривается наличие различных ***вариантов (альтернатив) достижения поставленной цели*** [Фатхутдинов, 2005, 2008]. Для того, чтобы адекватным образом применить те или иные инструменты управления необходимо четко понимать, каковы критерии и граничные условия выбора той или иной альтернативы действий. В четвертой главе уже были подробно рассмотрены принципы долгосрочности и адаптивности применительно к региональной экономической политике, где говорилось о необходимости выделения и ранжирования альтернатив достижения поставленных целей, а также подходы к разработке вариативных планов-прогнозов, которые могут быть реализованы с большой долей вероятности при определенных стечениях обстоятельств и условий, как во внешней, так и во внутренней среде. Поэтому, не повторяя вновь уже рассмотренное выше, скажем, что наличие альтернатив достижения поставленной цели и набора кри-

териев, определяющих приоритетность использования той или иной альтернативы, определяет, в конечном счете, эффективность всей региональной экономической политики.

Альтернативы достижения цели могут предполагать использование принципиально различных подходов для достижения одной поставленной цели или решения конкретного круга задач. Поэтому используемые критерии реализации альтернатив должны четко и однозначно определять, при наличии каких свойств объекта управления, интенсивности и степени их влияния, при каких параметрах и характеристиках внешней и внутренней среды следует использовать тот или иной подход к управлению.

Наиболее распространенной практикой выработки альтернативных подходов для достижения стратегической цели является практика разработки сценариев. Однако, как показывает анализ ряда стратегических документов регионального уровня, сценарные условия развития региона чаще всего определяются различиями в динамике социально-экономических показателей. Такие сценарии называются, как правило, пессимистический, умеренный и оптимистический, и формируются механистическим путем. Очень часто в рамках этих сценариев динамика социально-экономических показателей определяется исходя из различных вариантов прогноза рыночной конъюнктуры. При этом они далеко не всегда отражают то, какое влияние на динамику социально-экономических показателей оказывают или могут оказать те или иные структурные преобразования в экономике региона, поскольку для этого необходимы достаточно сложные региональные структурные модели, модель межотраслевого баланса и т. д.

На взгляд автора при разработке и реализации региональной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности региона, более приемлемым является сценарный подход, позволяющий выделять качественно отличные друг от друга альтернативы достижения цели. В основу таких сценариев должны закладываться: использование различных источников экономического роста, приоритетная поддержка определенных секторов экономики региона, предполагающая постепенный перенос акцента с одних отраслей специализации на другие, меры, позволяющие сконцентрировать цепочки добавления стоимости в регионе и

генерировать новые цепочки и т. д. Такой подход предполагает преимущественное использование *методологии вариативного технологического прогноза (форсайта) и формирование, как правило, инерционного, инвестиционного и инновационного сценариев развития региона.*

В пользу такого подхода к выработке альтернативных вариантов достижения поставленной цели, основанного на сценарном подходе и методологии форсайта, говорит то, что *вышеназванные типы сценариев органично вписываются в схему контуров воспроизводства регионального капитала.* Так, инерционный сценарий ориентирован на сохранение существующей воспроизводственной структуры экономики. Инвестиционный сценарий соответствует контуру расширенного воспроизводства капитала. Инновационный сценарий предполагает поиск и создание условий для использования внутренних источников роста, позволяющих изменить предельную производительность капитала в регионе, создав, таким образом, предпосылки для привлечения внешнего капитала.

Следующей важной атрибутивной особенностью является *эффективный инструментарий.* Инструментами реализации региональной экономической политики являются стратегические и программные документы. Их использование позволяет «вписать» цели, задачи и механизмы ее реализации в систему государственного планирования социально-экономического развития, согласовать экономические цели и задачи с социальными, политическими, гуманитарными и экологическими целями и задачами (рис. 5.1.).

На основе такого покомпонентного анализа системы территориального стратегического планирования можно сделать вывод о структуре и целостности комплекса региональной экономической политики, выявить возможные противоречия и разногласия между отдельными ее компонентами, представленными в различных стратегических и программных документах, а также выделить организационные этапы (шаги) разработки и реализации региональной экономической политики:

1. *Аналитический этап*, включающий анализ экономической ситуации и структурный анализ региональной экономики; выявление наиболее острых проблем; сравнительную оценку конкурентоспособности региона (по сравнению с соседними

регионами, с регионами–эталоном), региональных отраслей, компаний и продуктов; анализ внешней и внутренней среды; сегментацию рынков; оценку потенциала развития региона.

Рис. 5.1. Характеристика блоков региональной экономической политики в составе документов территориального стратегического планирования

2. *Этап целеполагания*, включающий позиционирование региона, отраслей, компаний и продуктов на рынке; формирование долгосрочной цели, комплекса средне- и краткосрочных целей развития экономики и повышения конкурентоспособности региона (формирование «дерева целей»); определение приоритетных направлений развития; формулировку задач (как комплексных, так и частных в разрезе приоритетов, отраслей и видов экономической деятельности).

3. *Этап выработки и согласования решений*, включающий разработку комплекса мероприятий по реализации целей и решению поставленных задач, их увязку с имеющимися ресурсами и поиск недостающего ресурсного обеспечения; выявление «скрытых» ресурсных источников и разработка механизмов концентрации цепочек добавления стоимости на территории региона, механизмов включения региона во внешние цепочки добавления стоимости.
4. *Этап проектирования*, включающий разработку сценарных условий и альтернативных путей достижения целей; функциональное зонирование территории региона по ряду экономических и производственных критериев; обоснование и «территориальную привязку» производственных объектов, инвестиционных площадок и проектов, инфраструктурных и инженерных сетей и коммуникаций.
5. *Этап реализации*, включающий запуск механизмов бюджетного обеспечения и выполнения комплекса мероприятий; текущую оценку эффективности реализации региональной экономической политики (мониторинг) на основе сопоставления ожидаемых и реальных результатов, корректировки системы целей и задач.

Таким образом, основываясь на данном структурно-содержательном анализе, можно представить *целостную организационно-функциональную схему реализации региональной экономической политики*, показывающую, с одной стороны, последовательность выполнения этапов ее реализации, с другой стороны, функциональное назначение действующих документов территориального стратегического планирования, содержащих отдельные ее элементы (рис. 5.2.).

В данной схеме также отражена глубина проработки отдельных этапов в рамках конкретных документов стратегического планирования, в полной мере отражено их содержание относительно решения задач экономического развития региона и повышения его конкурентоспособности. Более того, на основе такого представления региональной экономической политики в разрезе документов территориального стратегического планирования, становится понят-

ным, что последние представляют собой реальные инструменты ее реализации. А ввиду этого, необходимым условием для эффективной реализации региональной экономической политики является наличие целостной системы стратегических и программных документов в регионе. В противном случае, из сферы реализации могут выпадать целые блоки вопросов, связанных с экономическим развитием региона, либо они будут отнесены к документам, которым несвойственно их решать (в этом случае их решение будет затруднено ограничениями нормативно-правового, структурно-административного или финансового характера).

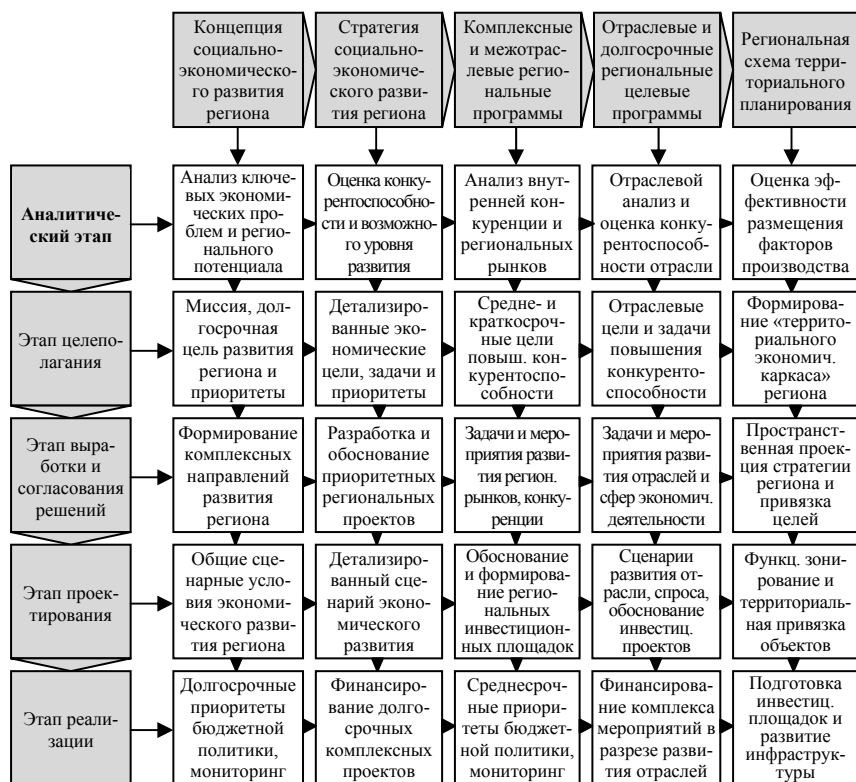

Рис. 5.2. Организационно-функциональная схема реализации региональной экономической политики

Еще одной атрибутивной особенностью региональной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности региона, является ***наличие количественных и качественных критериев эффективности ее реализации***. При планировании целей и задач, механизмов реализации региональной экономической политики, надо понимать, что ее эффективность во многом будет определяться достаточностью ресурсного обеспечения для реализации поставленных целей и задач. В этом смысле такая региональная экономическая политика должна быть в определенной степени ориентирована на создание и повышение эффективности использования внутренних источников доходов (источников создания новой стоимости), на повышение регионального налогового потенциала. В этом отношении региональная экономическая политика должна отвечать следующим требованиям, которые, по сути, выступают в качестве главных качественных критериев ее эффективности:

Во-первых, она должна предложить *стратегическое направление, позволяющее создать сильные и устойчивые вторичные конкурентные преимущества на основе первичных преимуществ*.

Во-вторых, она должна обладать *способностью обеспечить самодостаточность региона в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах*.

В-третьих, она должна быть *способной обеспечить инфраструктурное развитие территории, привлечь внешний капитал и трудовые ресурсы* (ведь от этого зависят способности трансформировать первичные конкурентные преимущества во вторичные).

Для возможности количественной оценки эффективности реализации региональной экономической политики, предложенные требования (качественные критерии) могут быть конкретизированы через набор целевых количественных показателей. Например, такими показателями могут быть следующие (табл. 5.1.).

Таблица 5.1

**Качественные критерии эффективности региональной
экономической политики и набор возможных количественных
показателей ее оценки**

Создание устойчивых вторичных конкурентных преимуществ на основе первичных	Обеспечение экономической самодостаточности региона	Обеспечение инфраструктурного развития и привлекательности региона
<p>Объем и темпы роста (снижения) валовой добавленной стоимости, создаваемой в регионе, на душу населения</p> <p>Доля видов экономической деятельности с низкой и высокой добавленной стоимостью в структуре экономики региона (см. табл. 3.16)</p> <p>Отношение доли отраслей с низкой добавленной стоимостью к доле отраслей с высокой добавленной стоимостью (см. табл. 3.17)</p> <p>Количество предприятий, выпускающих инновационную продукцию (ед.) и объем отгруженной инновационной продукции предприятиями региона, (млн. руб.)</p> <p>Доля занятых в научно-образовательной и инновационной сфере, тыс. чел.</p>	<p>Соотношение доходов и расходов регионального консолидированного бюджета</p> <p>Соотношение налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета и динамика этого соотношения</p> <p>Размер и динамика бюджетного дефицита (профицита)</p> <p>Оценка налогового потенциала региона и темпов его роста (снижения)</p> <p>Соотношение и структура доходов и расходов населения</p> <p>Сальдированный финансовый результат по кругу крупных и средних предприятий региона</p> <p>Динамика прибыли (убытков) предприятий региона по видам экономической деятельности и др.</p>	<p>Место (рейтинг) региона по инвестиционной привлекательности (по различным методикам оценки)</p> <p>Оценочная стоимость регионального бренда, млн. руб.</p> <p>Объем прямых иностранных инвестиций в сравнении с другими регионами, млн. руб.</p> <p>Темпы роста (снижения) объема прямых иностранных инвестиций, в % в сопост. ценах</p> <p>Плотность транспортных путей (км на 1000 кв. км площади)</p> <p>Показатели обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры на 1000 чел. населения</p> <p>Уровень развития и обеспеченность организациями научно-образовательной сферы</p> <p>Баланс производства и потребления электроэнергии и др.</p>

Понятно, что перечень количественных показателей оценки эффективности реализации региональной экономической политики в разрезе соответствующих качественных критериев в силу региональной специфики и определенных содержательных акцентов реализуемой политики может уточняться и изменяться. Вместе с тем, надо понимать, что для удобства подобной оценки должны быть подобраны такие показатели, которые не требуют достаточно

трудоемкой технологии их сбора, анализа и интерпретации. Кроме того, к выбираемым для этих целей количественным показателям необходимо предъявлять следующие основные требования [Савельев, Шишкин, 2003]:

- репрезентативность и функциональность показателя;
- сопоставимость по времени и в пространстве (возможность использования показателя для оценки динамики развития оцениваемого явления и для сопоставления его с другими регионами);
- прозрачность показателя, простота его расчета и интерпретации результатов оценки с его использованием;
- соответствие показателя существующим статистическим стандартам.

Надо заметить, что для того, чтобы региональная экономическая политика в полной мере отвечала, предъявляемым к ней качественным требованиям, *ее структура должна строиться не в соответствии с хозяйственной структурой экономики региона, а исходя из структуры генерируемых видов доходов. В этом случае становится возможным применить на практике концепцию цепочки добавления стоимости при планировании экономического развития региона.* Становится очевидным, какие звенья региональных цепочек добавления стоимости (как в специализирующих, так и в рамках второстепенных секторов экономики региона) представлены на территории региона крайне слабо. Где имеется потенциальная возможность получения дополнительных доходов.

Правомерность ориентации региональной экономической политики на управление источниками доходов и концентрацию цепочек добавления стоимости в регионе, подтверждается также и мировыми тенденциями в этом направлении. В частности, сегодня центральным экономическим индикатором системы национальных счетов становится не валовой внутренний (региональный) продукт, а валовой национальный продукт. Этим зафиксирован сдвиг в базовых оценках экономической деятельности, который на практике демонстрирует *переход от мышления в категориях производства продукта к мышлению в категориях его распределения и получения дохода* [Некlessа, 2010].

Принципиальная схема реализации региональной экономической политики, в основу которой заложен подход, ориентированный на управление источниками доходов и концентрацию добавленной стоимости на территории региона, представлена на рис. 5.3.

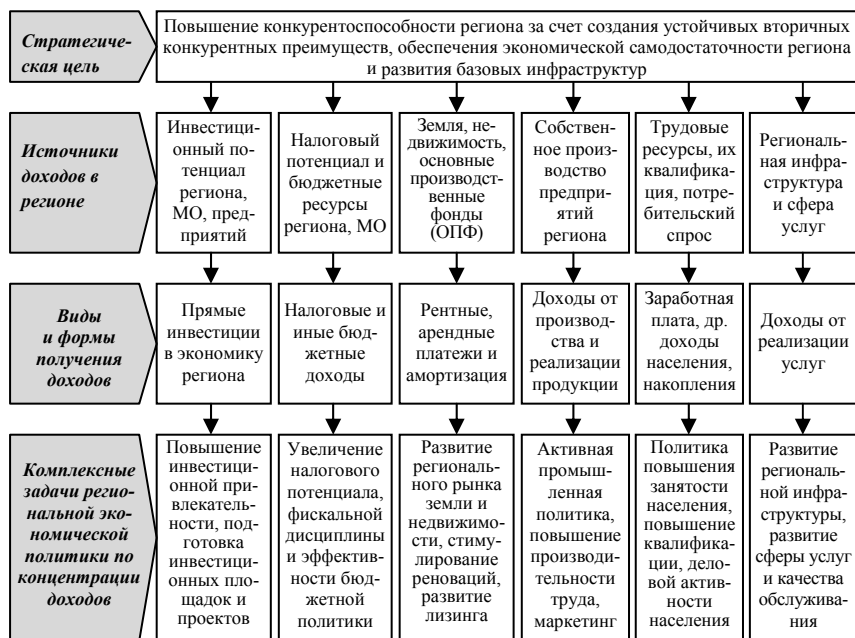

Рис. 5.3. Схема, направления и задачи реализации региональной экономической политики, ориентированной на управление источниками доходов в регионе

Для решения комплексных задач региональной экономической политики, связанных с концентрацией на территории региона видов доходов, указанных на рис. 5.3., необходима их декомпозиция и разбивка на частные задачи, под которые уже разрабатываются конкретные мероприятия с необходимым ресурсным и организационным обеспечением. Пример такой содержательной декомпозиции указанных выше комплексных задач на задачи частного характера приведен в табл. 5.2.

Таблица 5.2

**Декомпозиция комплексных задач региональной
экономической политики**

Комплексные задачи региональной экономической политики	Комплекс частных задач региональной экономической политики
Повышение инвестиционной привлекательности, подготовка инвестиционных площадок и проектов	<p>Оценка инвестиционного потенциала и инвестиционных рисков для региона (в сравнении с другими регионами).</p> <p>Разработка мер по вовлечению инвестиционного потенциала в хозяйственную деятельность.</p> <p>Разработка мер по снижению инвестиционных рисков.</p> <p>Разработка комплекса мер по обеспечению гарантий и нормальных режимов функционирования рынков собственности в регионе.</p> <p>Оценка целесообразности, разработка и введение льготных режимов хозяйственной деятельности в регионе.</p> <p>Разработка мер по развитию трансферта технологий и инноваций и др.</p>
Увеличение налогового потенциала, фискальной дисциплины и эффективности бюджетной политики	<p>Оптимизация бюджетных расходов и переход к бюджетированию, ориентированному на результат.</p> <p>Повышение эффективности использования бюджетных инвестиций на основе выявления и реализации инвестиционных приоритетов.</p> <p>Оценка и прогнозирование изменения налогового потенциала региона; разработка комплекса мер по развитию налогового потенциала.</p> <p>Разработка мер по совершенствованию механизмов целевого финансирования долгосрочных целевых и ведомственных программ.</p> <p>Внедрение механизмов долгосрочного бюджетного планирования в соответствии с разработанными в регионе стратегическими документами и др.</p>
Развитие регионального рынка земли и недвижимости, стимулирование реноваций, развитие лизинга	<p>Создание региональных амортизационных и лизинговых фондов.</p> <p>Разработка мер по налоговому и иному стимулированию реинвестирования прибыли предприятий и реноваций.</p> <p>Совершенствование нормативно-правового обеспечения функционирования регионального рынка земли и недвижимости.</p> <p>Разработка и внедрение мер для более быстрого перевода земель из одной категории в другую, систем автоматизации кадастрового учета и т. д.</p> <p>Развитие рынка консультационного сопровождения сделок с недвижимостью и землей.</p> <p>Создание частно-государственных партнерств и долгосрочных соглашений в сфере сопровождения и реализации инвестиционных проектов по развитию предприятий региона и др.</p>

Окончание табл. 5.2

Активная промышленная политика, повышение производительности труда, маркетинг	<p>Разработка мер по развитию и стимулированию предприятий, реализующих проекты по организации производства с углубленной переработкой местных ресурсов на территории региона.</p> <p>Формирование собственных систем и каналов продвижения продукции на внешних рынках.</p> <p>Формирование и продвижение региональных и товарных брендов.</p> <p>Разработка и поддержка мер, направленных на диверсификацию ассортиментной политики местных предприятий.</p> <p>Разработка совместно с предприятиями и организациями мер по привлечению высококвалифицированных трудовых ресурсов и др.</p>
Политика повышения занятости населения, повышение квалификации, деловой активности населения	<p>Разработка совместно с местными предприятиями, торговой сферой и банками мер по стимулированию потребительской активности населения и формированию определенной культуры потребления.</p> <p>Расширение ассортиментного ряда потребительского рынка.</p> <p>Разработка мер по стимулированию развития сферы микрокредитования населения на основе потребительской кредитной кооперации (особенно в малых городах и сельских населенных пунктах).</p> <p>Развитие системы подготовки и переподготовки кадров для нужд региональной экономики.</p> <p>Разработка мер по поощрению и поддержке предпринимательских инициатив местного населения, в том числе за счет формирования инфраструктуры поддержки малого предпринимательства и др.</p>
Развитие региональной инфраструктуры, развитие сферы услуг и качества обслуживания	<p>Разработка региональных целевых программ развития инфраструктурного комплекса.</p> <p>Рассмотрение и оценка возможностей включения региона в крупные международные и межрегиональные инфраструктурные проекты (в т. ч. проекты строительства транспортных путей и коридоров, газо- и нефтепроводов, энергетических сетевых систем и т. д.).</p> <p>Разработка инфраструктурных инновационных проектов и привлечение инвестиций в создание инфраструктурных комплексов, в том числе за счет привязки затратных инфраструктурных объектов (например, энергетических) к крупным производственным инвестиционным объектам.</p> <p>Разработка проектов создания комплексных сервисных центров в населенных пунктах региона и привлечение частных инвестиций для их реализации.</p> <p>Обоснование и создание региональных особых экономических зон сервисного характера.</p> <p>Разработка мер по развитию вспомогательной сферы обслуживания (придорожной, туристской и рекреационной инфраструктуры и т. д.) и др.</p>

Как видно из табл. 5.2., последовательно-параллельная реализация указанного комплекса частных задач позволит, в конечном итоге, создать в регионе необходимые предпосылки для концентрации цепочек добавления стоимости и формирования новых источников доходов.

Известно, что различные регионы характеризуются различными стартовыми условиями, определяющимися наличием и запасами стратегических природных ресурсов, количеством и уровнем квалификации и трудовых ресурсов, размером производственного потенциала, различными складывающимися внешними условиями, предпосылками и возможностями развития и т. д. Исходя из характеристики стартовых условий, в которых находится регион на момент принятия решения о разработке и последующей реализации структурной региональной экономической политики, могут быть предложены *три качественно и содержательно различающихся методических подхода к повышению конкурентоспособности*:

1. Подход на основе выявления и углубления ключевой компетенции региона.
2. Подход на основе использования внешних возможностей развития региона.
3. Комбинированный подход.

Сравнительная характеристика подходов представлена в табл. 5.3.

Таблица 5.3

Сравнительная характеристика методических подходов к повышению конкурентоспособности региона

Характеристики	1. Подход на основе выявления и углубления ключевой компетенции	2. Подход на основе использования внешних возможностей	3. Комбинированный подход
Аналитическая основа	Анализ внутренней среды с целью выявления ключевой компетенции региона	Анализ внешней среды с выявлением возможностей и перспективных ниш	Структурный анализ возможностей углубления традиционной специализации и диверсификации
Суть подхода	Формирование окружения (инфраструктуры, производств), поддерживающего ключевую компетенцию	Создание и развитие в регионе базовых условий, позволяющих использовать внешние возможности	Концентрация цепочек создания стоимости в специализирующих секторах и развитие поддерживающих отраслей

Приоритетные конкурентные стратегии	Стратегия специализации и экспансии на внешние рынки	Стратегия диверсификации и привлечение внешних клиентов	Стратегия специализации и качественного роста в сочетании со стратегией диверсификации
Результат	Ярко выраженная узкая специализация экономики с комплексом поддерживающих видов деятельности	Широкая специализация экономики региона, обусловленная высоким уровнем развития инфраструктуры	Повышение эффективности секторов традиционной специализации региона с внутриотраслевой диверсификацией

Поскольку реализация предложенных подходов к повышению конкурентоспособности региона на практике требует использования различных шагов (алгоритмов) действий, методов исследования, организации и планирования, различных стратегий повышения конкурентоспособности, остановимся на рассмотрении их содержательной стороны и необходимого методического обеспечения более подробно.

1. Подход на основе выявления и углубления ключевой компетенции. Существует достаточно большое число определений термина «компетенция». В толковом словаре Брокгауза и Ефрона под компетенцией понимается «обладание достаточными знаниями о предмете». В ряде экономических словарей данный термин трактуется с двух точек зрения: 1) с юридической точки зрения – «совокупность полномочий, которыми обладают или должны обладать определенные органы, субъекты и лица, согласно законам, нормативным документам, уставам, положениям»; 2) с экономико-управленческой точки зрения – «сфера деятельности, где какое-либо лицо имеет право принимать решения, обсуждать вопросы, в решении которых он имеет влияние; область влияния предприятия, организации, фирмы, какой-либо иной группы лиц...» [Большая экономическая..., 2008].

Из этих трактовок для региона, как объекта исследования, в большей мере подходит последнее определение, поскольку оно рассматривает понятие компетенции в качестве предмета управления. Действительно, исходя из этого определения, можно провести дос-

таточно много аналогий между ним и понятием цепочки добавления стоимости, рассмотренным М. Портером. В данном случае под ключевой компетенцией региона (в экономическом плане) не следует понимать или подразумевать лишь сферу (отрасль) экономической специализации региона. Понятие «компетенция» имеет более широкий содержательный смысл, объединяя помимо сложившихся сфер (отраслей) специализации, обслуживание, поддерживающие и вспомогательные виды деятельности, а также тот ресурсный потенциал и те возможности, которые могут быть использованы регионом для решения задачи повышения конкурентоспособности.¹⁹ Очевидно, что такая компетенция может носить как явный, так и скрытый характер. Более того, внешняя среда со временем может предъявлять новые требования, предоставлять новые возможности для развития тех или иных видов экономической деятельности. Следовательно, и ключевая компетенция региона может меняться со временем.

Таким образом, под **ключевой компетенцией региона** следует понимать *те специализирующие отрасли и виды экономической деятельности, которые способны обеспечить уникальность и привлекательность региона, в которых у региона имеются существенные конкурентные преимущества, а также совокупность необходимых для их развития поддерживающих и вспомогательных видов экономической деятельности, специфического ресурсного потенциала и возможностей.*

Исходя из рассмотренной трактовки понятия «ключевая компетенция региона», суть данного подхода к повышению конкурентоспособности заключается в выявлении такой компетенции и создании среды (комплекса сопутствующих видов деятельности), поддерживающей эту компетенцию, способствующей наиболее полному раскрытию неявных конкурентных преимуществ. Главной стратегией в рамках данного подхода является *стратегия специализации и экспансии на внешние рынки*. Это сфокусированная стратегия, позволяющая наиболее ярко выразить экономическую специализацию региона в какой-то сфере деятельности, обеспечить ее

¹⁹ Сам термин «ключевая компетенция» (core competence) впервые использован Мицуаки Симагути в рамках предложенной им новой маркетинговой парадигмы фирмы, основанной на создании и внедрении системных инноваций, и определяется им как «... все то, что компания делает лучше других».

устойчивость и конкурентоспособность за счет создания комплекса поддерживающих видов деятельности. Другими словами, это *стратегия, направленная на концентрацию в регионе элементов цепочек добавления стоимости в специализирующих секторах экономики.*

Реализация подхода осуществляется в виде следующего *алгоритма*:

1. Анализ внутренней среды региона, оценка его ресурсного потенциала, а также параметров спроса на региональные продукты, имиджа региона во внешней среде.
2. Выявление ключевой компетенции региона или направлений ее актуализации в соответствии с результатами оценки внутренней и внешней среды, ресурсного потенциала региона.
3. Сегментация рынка и позиционирование региона в соответствии с выбранной ключевой компетенцией.
4. Формирование комплекса мероприятий и проектов по развитию секторов и видов экономической деятельности, объектов инфраструктуры, поддерживающих ключевую компетенцию, способствующих ее наиболее полному раскрытию и последующей дифференциации.
5. Разработка критериев эффективности и требований, которые должны предъявляться к секторам и видам деятельности, поддерживающих ключевую компетенцию региона (на практике – разработка региональных, отраслевых и продуктовых стандартов).
6. Формирование региональной стратегии и программы повышения конкурентоспособности региона на основе выявления и углубления его ключевой компетенции, формирования поддерживающей ее среды (инкорпорирование результатов, полученных на шагах 2 и 4 за счет их включения в установленные типовые управленческие документы).
7. Практическая реализация региональной стратегии и программы повышения конкурентоспособности, а также осуществление мониторинга их реализации с целью внесения текущих корректировок.

Реализация подобного алгоритма повышения конкурентоспособности региона позволяет, с одной стороны, встроить цели, задачи и мероприятия по повышению конкурентоспособности в существующую сис-

тему регионального стратегического планирования и программы социально-экономического развития региона, а, во-вторых, эффективно использовать различные методические инструменты, обеспечивающие процесс саморазвития системы и внедрения разного рода организационных и управленческих инноваций. В частности, формирование различных критериев эффективности и требований к секторам и видам деятельности, поддерживающим ключевую компетенцию региона, формирование на их основе и внедрение разного рода стандартов позволяет использовать рассмотренные во второй главе управленческие циклы по внедрению инноваций (улучшений) и их поддержке (циклы PDCA и SDCA, являющиеся элементами стратегии организационных улучшений, более известной как «стратегия Кайзен»).

Выполнение алгоритма будет носить *параллельно-последовательный характер*. Поэтому для большей наглядности этот алгоритм может быть представлен графически в виде следующей пошаговой схемы (рис. 5.4). На данной схеме каждый шаг алгоритма формирует промежуточный результат, являющийся основой для принятия решения о выполнении последующего шага. Порядок шагов – последовательный. При этом каждый шаг включает в себя ряд действий, которые могут выполняться параллельльно.

Выполнение алгоритма реализации данного подхода, приведенного на рис. 5.5., содержательная характеристика последовательных и параллельных шагов и действий, выполняемых в его рамках, представлены в табл. 5.4.

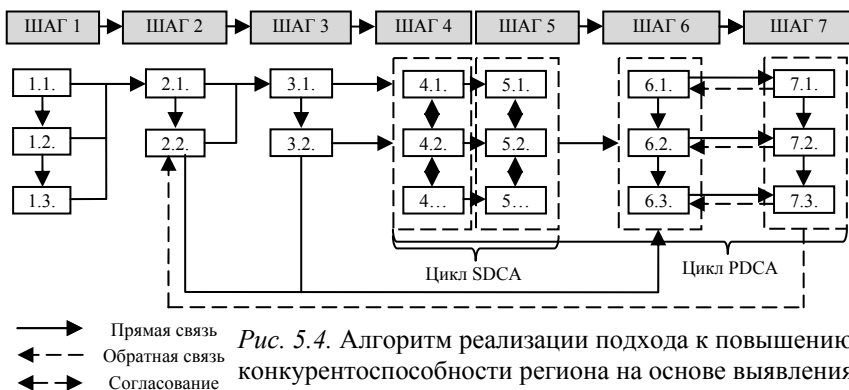

Рис. 5.4. Алгоритм реализации подхода к повышению конкурентоспособности региона на основе выявления и углубления ключевой компетенции

Таблица 5.4

Содержание алгоритма реализации подхода к повышению конкурентоспособности региона на основе выявления и углубления ключевой компетенции

ШАГ 1	
1.1.	Анализ внутренней среды региона
1.2.	Анализ параметров спроса и имиджа региона во внешней среде
1.3.	Оценка ресурсного потенциала и уровня его использования
ШАГ 2	
2.1.	Выявление ключевой компетенции региона
2.2.	Уточнение, актуализация и определение направлений дифференциации ключевой компетенции
ШАГ 3	
3.1.	Сегментация рынка, выбор целевых рынков и рыночных ниш
3.2.	Позиционирование региона (региональных продуктов)
ШАГ 4	
4.1.	Определение комплекса поддерживающих и сопутствующих видов деятельности
4.2.	Определение состава и направлений развития поддерживающей инфраструктуры
4...	Формирование региональных проектов и мероприятий по поддержке ключевой компетенции
ШАГ 5	
5.1.	Разработка критериев эффективности и требований к комплексу поддерживающих видов деятельности, формирование на их основе межотраслевых, отраслевых и региональных стандартов
5.2.	Разработка критериев эффективности и требований к комплексу поддерживающей инфраструктуры, формирование на их основе региональных стандартов
5...	Формирование системы критериев оценки эффективности реализации региональных проектов и мероприятий по поддержке ключевой компетенции
ШАГ 6	
6.1.	Разработка региональной стратегии повышения конкурентоспособности
6.2.	Разработка долгосрочной региональной программы повышения конкурентоспособности
6.3.	Разработка целевых и муниципальных программ и проектов
ШАГ 7	
7.1.	Реализация и мониторинг региональной стратегии повышения конкурентоспособности
7.2.	Реализация и мониторинг региональной программы повышения конкурентоспособности
7.3.	Реализация и мониторинг целевых и муниципальных программ и проектов

Главным преимуществом данного подхода к повышению конкурентоспособности региона является то, что *его использование позволяет сконцентрировать на территории региона экономически ценные виды деятельности (в рамках цепочек добавления стоимости в секторах специализации)*, а, следовательно, существенно повысить доходность, экономическую и бюджетную эффективность этих секторов, создав условия для роста производительности труда и прибыльности.

Таким образом, *главным критерием использования этого подхода является наличие у региона ярко выраженной специализации, четкого места и положения в системе межрегионального и международного разделения труда*. Основываясь на типологии регионов на основе используемых факторов конкурентоспособности и генерируемых ими доходов, предложенной в третьей главе, *данный подход может быть рекомендован для регионов I типа* (регионов с сырьевой и моноотраслевой специализацией экономики). Но при этом надо понимать, что такая узкая экономическая специализация должна основываться на устойчивых и сильных конкурентных преимуществах (в первую очередь, вторичных). Только в этом случае данный подход позволит создать эффективную систему поддержки и продвижения имиджа региона, территориальных и продуктовых брендов на внешних рынках.

2. Подход на основе использования внешних возможностей развития региона. Очевидно, что далеко не все регионы располагают ярко выраженной экономической специализацией, либо какими-то факторами, делающими регион, его объекты, продукцию, произведенную в регионе, или события яркими, привлекательными и узнаваемыми на внешних рынках (в стране и за ее пределами). Нередко регион обладает наличием, казалось бы, рядовых характеристик и факторов внутренней среды, не располагает какими-либо экономически значимыми производствами, которые могли бы выступить в качестве внутренних источников роста. Но, вместе с тем, у каждого региона всегда будут присутствовать в той или иной мере уникальные характеристики, которые можно использовать в качестве предпосылок для привлечения внешних источников доходов для стимулирования экономического роста. В качестве таких предпосылок можно, в

частности, рассматривать разнообразные выгоды географического положения региона, наличие перспективных видов природных ресурсов, развитой пограничной инфраструктуры и соседство с достаточно развитыми в экономическом отношении странами и регионами, какие-либо зарождающиеся новые тенденции и процессы на внешних рынках, в которые удачно может «вписаться» регион, различные внешние факторы и события, которые позволяют увидеть совершенно новые источники доходов и новые направления развития региона и т. д. Для того чтобы эти внешние возможности и предпосылки для повышения конкурентоспособности региона можно было бы использовать, предлагается соответствующий подход – подход на основе использования внешних возможностей развития.

В отличие от первого рассмотренного подхода, данный подход ориентирован не на использование сфокусированной стратегии, а на выявление внешних возможностей развития региона и формирование соответствующих условий (среды, предпосылок, базовой инфраструктуры) на территории региона, которые позволили бы наиболее эффективно воспользоваться этими возможностями. При этом очевидно, что в отличие от первого подхода, данный подход ориентирован не на концентрацию в регионе цепочек добавления стоимости, а на *включение региона во внешние цепочки добавления стоимости с постепенным увеличением роли и значения региональных (резидентных для региона) экономических агентов в этих цепочках.*

Реализация подхода осуществляется в виде следующего *алгоритма*:

1. Структурный анализ экономики и комплексная оценка ресурсного и экономического потенциала региона с целью выяснения «стартовых» условий развития и потребностей в ресурсах.
2. Анализ внешней среды, выявление реальных или потенциальных возможностей развития и привлечения ресурсов, выявление и оценка возможностей встраивания во внешние цепочки добавления стоимости (как правило, на условиях договорной специализации – аутсорсинга).
3. Оценка текущей конкурентоспособности основных секторов экономики региона и региональных (резидентных) компаний (в т. ч. сравнительный анализ конкурентов, выявление и оценка конкурентных преимуществ по сравнению с ними) и

разработка мер по ее повышению, включая комплекс маркетинговых мероприятий.

4. Формирование комплекса мероприятий и проектов по развитию базовой инфраструктуры (транспортной, социальной, энергетической и др.), поиск и привлечение внешних партнеров с целью встраивания местных предприятий и компаний во внешние цепочки добавления стоимости.
5. Формирование комплекса мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности региона, ценности (стоимости) региональных активов, земли и недвижимости (в т.ч. за счет использования «формулы Де Сото»[Де Сото, 2004]).
6. Формирование региональной стратегии и программы повышения конкурентоспособности региона на основе встраивания во внешние цепочки добавления стоимости и развития базовой инфраструктуры в регионе.
7. Практическая реализация региональной стратегии и программы повышения конкурентоспособности, а также осуществление мониторинга их реализации с целью внесения текущих корректировок.

Реализация данного алгоритма позволит не только получить детальную информацию о существующих ресурсах и потенциальных источниках роста в регионе, но выработать эффективные инструменты их использования (в т.ч. за счет привлечения внешних инвесторов и партнеров через повышение привлекательности и стоимости имеющихся активов). Основываясь на анализе возможностей, предоставляемых внешней средой в части встраивания во внешние цепочки добавления стоимости, а также на сравнительной оценке текущей конкурентоспособности региона, его компаний и продуктов по сравнению с регионами, компаниями и продуктами, участвующими в анализируемых цепочках, можно сформулировать цели и задачи региональной экономической политики, которые позволили бы создать в регионе более привлекательные условия для внешних инвесторов и партнеров. Наконец, реализация комплекса мероприятий по развитию базовой инфраструктуры в регионе позволит в средне- и долгосрочной перспективе повысить привлекательность региона не только для проживания и привлечения трудовых мигрантов, но и для организации новых видов бизнеса на его территории.

Также как и в предыдущем подходе, выполнение данного алгоритма будет носить *параллельно-последовательный характер* (рис. 5.5, табл. 5.5).

Данный подход к повышению конкурентоспособности региона позволяет, во-первых, выявить и использовать внешние возможности развития, во-вторых, способствует эффективной интеграции экономики региона в систему межрегионального и международного разделения труда, «встраивая» региональные производства и компании во внешние цепочки добавления стоимости. Кроме этого, в рамках данного подхода возможно постепенное повышение инвестиционной привлекательности региона через создание и развитие базовой инфраструктуры на его территории, а также через повышение стоимости и привлекательности региональных имущественных комплексов за счет использования схем их капитализации («формулы Де Сото»).

Таким образом, *данный подход может быть использован для тех регионов, которые не отличаются уникальностью, не имеют ярко выраженной перспективной специализации экономики, но располагают возможностями включения во внешние цепочки добавления стоимости и способны создать привлекательную среду для внешних партнеров и инвесторов на базе имеющихся первичных конкурентных преимуществ* (например, на базе выгодного географического положения). Принимая во внимание типологию регионов на основе используемых факторов конкурентоспособности и генерируемых ими доходов, предложенную в третьей главе, *данный подход может быть рекомендован для регионов II типа* (сырьевых регионов, обладающих стратегически ресурсами и выгодным географическим положением).

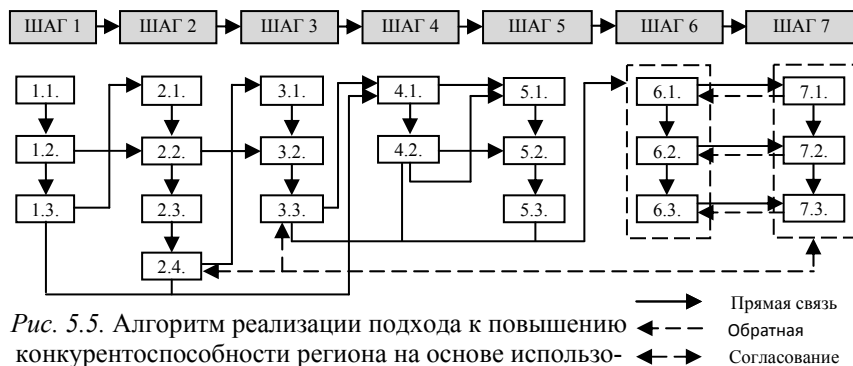

Рис. 5.5. Алгоритм реализации подхода к повышению конкурентоспособности региона на основе использования внешних возможностей

Таблица 5.5

Содержание алгоритма реализации подхода к повышению конкурентоспособности региона на основе использования внешних возможностей

ШАГ 1	
1.1.	Структурный анализ экономики региона (сложившейся структуры, ее эффективности)
1.2.	Оценка ресурсного потенциала региона и уровня его использования
1.3.	Оценка ресурсной обеспеченности и потребности в ресурсах (факторах производства)
ШАГ 2	
2.1.	Анализ внешней среды региона (микро- и макросреды)
2.2.	Выявление реальных или потенциальных возможностей развития и привлечения внешних ресурсов в регион
2.3.	Оценка участия региона (его предприятий) во внешних цепочках добавления стоимости, оценка эффективности участия (доли региональных компаний в конечной добавленной стоимости)
2.4.	Оценка возможностей встраивания во внешние цепочки добавления стоимости, возможностей расширения форм участия региональных компаний в них
ШАГ 3	
3.1.	Оценка текущей конкурентоспособности основных секторов экономики региона и региональных (резидентных) компаний (сравнительный конкурентный анализ конкурентов)
3.2.	Выявление и оценка конкурентных преимуществ (как естественных, так и искусственных) по сравнению с конкурентами
3.3.	Разработка мер по повышению конкурентоспособности региона (отраслей, компаний, продукции), по формированию устойчивых вторичных конкурентных преимуществ на базе первичных преимуществ
ШАГ 4	
4.1.	Формирование комплекса мероприятий и проектов по развитию базовой инфраструктуры в регионе (транспортной, социальной, энергетической и др.)
4.2.	Поиск и привлечение внешних партнеров с целью встраивания местных предприятий и компаний во внешние цепочки добавления стоимости (как на условиях внешнего аутсорсинга, так и организации производств на территории региона)
ШАГ 5	
5.1.	Формирование комплекса мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности региона в целом
5.2.	Выявление наиболее привлекательных региональных активов (земель, площадей, объектов недвижимости, ресурсов), под которые можно привлечь внешних партнеров и инвесторов
5.3.	Формирование комплекса мероприятий по повышению ценности (стоимости) указанных региональных активов (капитализация) и их привлекательности для внешних партнеров, инвесторов

ШАГ 6	
6.1.	Разработка региональной стратегии повышения конкурентоспособности
6.2.	Разработка долгосрочной региональной программы повышения конкурентоспособности
6.3.	Разработка целевых и муниципальных программ и проектов
ШАГ 7	
7.1.	Реализация и мониторинг региональной стратегии повышения конкурентоспособности
7.2.	Реализация и мониторинг региональной программы повышения конкурентоспособности
7.3.	Реализация и мониторинг целевых и муниципальных программ и проектов

Наличие у региона вышеперечисленных возможностей (реальных или потенциальных) следует рассматривать в качестве *главного критерия использования данного подхода*. Надо также заметить, что, в отличие от первого подхода, реализация данного подхода направлена на создание базовых условий и привлекательной среды для формирования достаточно широкой специализации экономики, что в перспективе должно способствовать привлечению в регион факторов производства и создания привлекательных условий для проживания.

3. Комбинированный подход. Данный подход представляет собой комбинацию первых двух рассмотренных подходов и характеризуется системным воздействием на экономику региона. С одной стороны, он направлен на углубление ключевой компетенции региона, наращивание внутренних конкурентных преимуществ и концентрацию элементов цепочек добавления стоимости в специализирующих секторах экономики региона. С другой стороны, направлен на создание базовых условий для использования существующих возможностей, предоставляемых внешней средой, для встраивания во внешние цепочки добавления стоимости и интенсивное развитие технологической специализации (в рамках единичного разделения труда).

Реализация третьего подхода предполагает повышение конкурентоспособности предприятий, компаний и продуктов, относящихся к специализирующим секторам экономики региона и, одно-

временно, развитие поддерживающих секторов как основы для диверсификации экономики. В качестве базовой экономической стратегии рассматривается *комбинированная стратегия, вмещающая в себя элементы стратегии концентрированного роста и стратегии диверсификации*. При этом в рамках данной комбинированной стратегии концентрация цепочки добавления стоимости в специализирующих секторах экономики региона может осуществляться двумя способами. Во-первых, возможно углубление специализации крупных градообразующих предприятий региона за счет расширения и распространения их производственной деятельности на соседние звенья технологической цепочки (например, добавления к основным функциям обогащения сырья стадий производства полуфабрикатов, выпуска на их основе готовой продукции и ее продвижения на рынок, развития побочных производств на основе комплексного использования отходов основного производства и т. д.). Во-вторых, возможно привлечение и размещение на территории региона других предприятий, имеющих аналогичную или схожую специализацию, включая предприятия, связанные единой технологической цепочкой. В любом случае используемая здесь стратегия концентрированного роста будет ориентирована на достижение эффекта от масштаба.

Вместе с тем, взяв на вооружение данный подход, надо понимать, что успех реализации стратегии концентрированного роста относительно специализирующих секторов и предприятий региона во многом будет зависеть и от того, насколько развита базовая инфраструктура региона, созданы ли привлекательные условия для привлечения внешнего капитала и размещения новых производств, насколько развиты поддерживающие и вспомогательные отрасли и виды деятельности. Именно их развитие, в конечном счете, определяет такие параметры, как конкурентоспособность, рентабельность и прибыльность специализирующих предприятий, создает предпосылки для совершенствования структуры экономики региона. Они же могут выступить в будущем и в качестве технологического базиса для диверсификации экономики региона, для формирования региональных производственных кластеров.

В общем виде реализация данного подхода осуществляется в виде следующего *алгоритма*:

1. Структурный анализ экономики региона и внешней среды с целью выявления и оценки перспективных цепочек добавления стоимости.
2. Анализ структуры выявленных цепочек добавления стоимости и степени концентрации их элементов (звеньев) на территории региона (для возможности оценки той части конечной добавленной стоимости, которая остается в регионе).
3. Анализ инфраструктурного и экономического потенциала региона и оценка потребности в развитии базовой инфраструктуры, включая оценку имеющихся ограничений для концентрации в регионе цепочек добавления стоимости, оценку максимально возможного уровня концентрации цепочек при существующем уровне развития базовой инфраструктуры, оценку необходимости развития поддерживающих отраслей и секторов, а также базовой инфраструктуры в регионе (с оценкой необходимых для этого затрат).
4. Формирование региональной стратегии и программы повышения конкурентоспособности региона на основе концентрации цепочек добавления стоимости в специализирующих секторах экономики, развития базовой инфраструктуры на территории региона и моделирования новой территориально-производственной структуры экономики региона.
5. Практическая реализация региональной стратегии и программы повышения конкурентоспособности, а также осуществление мониторинга их реализации с целью внесения текущих корректировок.

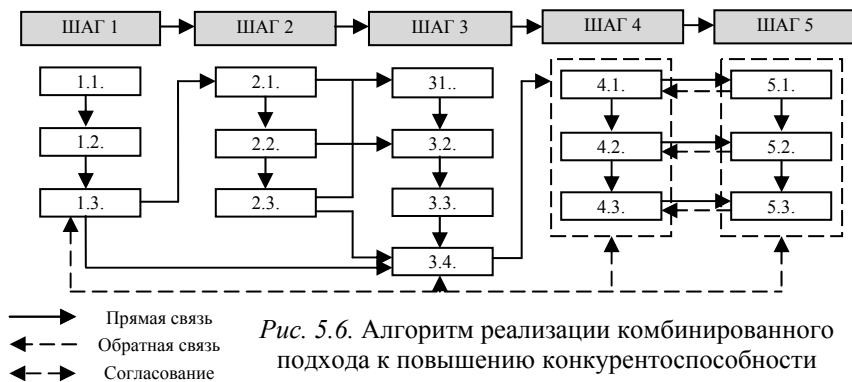

Рис. 5.6. Алгоритм реализации комбинированного подхода к повышению конкурентоспособности региона

Реализация данного алгоритма позволит не только повысить эффективность деятельности традиционных для региона отраслей и сфер специализации, но и сформировать принципиально новую территориально-производственную структуру экономики (новую модель «экономического каркаса» территории), создать условия для формирования и развития региональных производственных кластеров, определить места расположения будущих технологических площадок для них, а также сформулировать потребности в развитии базовой инфраструктуры.

Также как и в рамках двух предыдущих подходов, выполнение алгоритма реализации комбинированного подхода будет носить *параллельно-последовательный характер* (рис. 5.6, табл. 5.6).

Таблица 5.6

Содержание алгоритма реализации комбинированного подхода к повышению конкурентоспособности региона

ШАГ 1	
1.1.	Структурный анализ экономики региона (сложившейся структуры, ее эффективности)
1.2.	Анализ внешней среды региона (микро- и макросреды)
1.3.	Выявление и оценка перспективных цепочек добавления стоимости (реальных и формирующихся) в соответствии с результатами структурного анализа и выявленными возможностями внешней среды (например, возможностями использования благоприятной рыночной конъюнктуры)
ШАГ 2	
2.1.	Анализ структуры выявленных перспективных цепочек добавления стоимости (декомпозиция цепочек с разбивкой на структурные элементы, как, например, показано в табл. 3.11)
2.2.	Оценка степени концентрации структурных элементов (звеньев) цепочек добавления стоимости на территории региона
2.3.	Оценка размера (доли) конечной добавленной стоимости, создаваемой в рамках цепочки, которая остается в регионе, а также размеров оттока добавленной стоимости из региона
ШАГ 3	
3.1.	Анализ инфраструктурного и экономического потенциала региона
3.2.	Оценка имеющихся ограничений по концентрации в регионе цепочек добавления стоимости и разработка мер по их преодолению
3.3.	Оценка максимально возможного уровня концентрации цепочек добавления стоимости при существующем уровне развития базовой инфраструктуры

Окончание табл. 5.6

3.4.	Оценка потребностей в развитии базовой инфраструктуры (с учетом требований, которые необходимо удовлетворить для концентрации выявленных перспективных цепочек добавления стоимости на территории региона)
ШАГ 4	
4.1.	Разработка региональной стратегии повышения конкурентоспособности
4.2.	Разработка долгосрочной региональной программы повышения конкурентоспособности
4.3.	Разработка целевых и муниципальных программ и проектов
ШАГ 5	
5.1.	Реализация и мониторинг региональной стратегии повышения конкурентоспособности
5.2.	Реализация и мониторинг региональной программы повышения конкурентоспособности
5.3.	Реализация и мониторинг целевых и муниципальных программ и проектов

Данный подход может быть использован для депрессивных и старопромышленных регионов, в которых существует необходимость кардинального изменения сложившейся структуры экономики, а также для регионов с моноотраслевой (в т.ч. сырьевой) специализацией (для регионов с низко диверсифицированной структурой экономики). Основываясь на типологии регионов, на основе используемых факторов конкурентоспособности и генерируемых ими доходов, предложенной в третьей главе, данный подход может быть рекомендован для регионов III типа (старопромышленные регионы с неэффективной и затратной структурой экономики), а также для регионов I типа.

Необходимость кардинального изменения структуры экономики региона, использования системного подхода, позволяющего добиться комплексного эффекта следует рассматривать в качестве *главного критерия использования данного подхода*. В данном случае под комплексным эффектом следует понимать достижение, с одной стороны, эффективности и реструктуризации отраслей и секторов специализации с концентрацией элементов цепочек добавления стоимости в них на территории региона, а, с другой стороны, развитие базовой инфраструктуры для привлечения внешних ресурсов.

Таким образом, на основании рассмотренных алгоритмов реализации подходов повышения конкурентоспособности региона видно, что обоснованный выбор конкретного подхода осуществляется на основе целого ряда параметров – результатов структурного анализа экономики, оценки уровня локализации отраслей и производств на его территории, их рентабельности, структуры затрат, конкурентоспособности предприятий и производимой ими продукции, оценки ее рыночного потенциала и факторов внешней среды и др. При анализе экономики региона используется стандартный набор экономических показателей и методов: коэффициенты локализации и душевого производства, показатели рентабельности, методы конкурентного анализа (модели «конкурентного ромба» и пяти факторов конкуренции М. Портера, методы «конкурентного листа» и «полярного профиля»), методы стратегического анализа (методы SWOT-анализа, LOTS-анализа, PEST-анализа, матрица «доля рынка – рост рынка» и др.). Выбор же конкретного подхода должен определяться тем, какие конкурентные преимущества и возможности – эндогенные или экзогенные (либо те и другие) – окажутся наиболее предпочтительными для использования для конкретного региона с учетом его специфики.

Суть каждого из предлагаемых подходов заключается в выборе такой стратегии структурной модернизации экономики региона и повышения ее конкурентоспособности, которая окажется наиболее адаптированной для данного региона. При этом стратегии будут различаться не только целями и задачами, но и выбором конкретных инновационных форм организации производства и размещения факторов производства, позволяющих эффективно использовать имеющиеся конкурентные преимущества и возможности.

Поскольку реализация этих подходов к повышению конкурентоспособности региона связана с проведением структурной региональной экономической политики, носящей долгосрочный и комплексный характер, то независимо от выбранного для конкретного региона подхода, необходимо четко разделять весь комплекс видов управленческой деятельности по времени их реализации (т. е. определять временные приоритеты).

В данном случае следует выделить следующие временные приоритеты:

1. приоритеты долгосрочной (стратегической) деятельности;
2. приоритеты среднесрочной (тактической) деятельности;
3. приоритеты краткосрочной (оперативной) деятельности.

Так, например, к первым (долгосрочным приоритетам) следует отнести такие виды управленческой деятельности, как мероприятия, связанные с инициированием и реализацией изменений и диверсификацией структуры экономики; мероприятия, направленные на переход с управления расходами на управление источниками доходов; мероприятия по формированию и продвижению местных брендов и т. д. Это виды деятельности, реализация которых носит комплексный и долгосрочный характер.

Ко вторым (среднесрочным приоритетам) следует отнести такие виды управленческой деятельности и мероприятия, как маркетинговая деятельность по привлечению стратегических инвесторов и партнеров; меры по стимулированию предпринимательской активности и обучению населения; мероприятия по развитию базовых и вспомогательных инфраструктур и т. д. В отличие от первых, эти виды управленческой деятельности могут дать заметный эффект уже в среднесрочной перспективе.

Наконец, к третьим (краткосрочным приоритетам) следует отнести следующие виды управленческой деятельности и мероприятия: реализация мер в части оптимизации и повышения эффективности бюджетных расходов; выделение «точечных» приоритетов развития и мер, связанных с концентрацией ресурсов на их реализацию; мероприятий, связанных с передачей внешним структурам на аутсорсинг управления непрофильными активами и т. д. Как правило, эти виды деятельности осуществляются руководством региона в оперативном режиме и способны дать эффект в краткосрочной перспективе.

Подобная структуризация видов управленческой деятельности и мероприятий в рамках реализации любого из выбранных подходов позволит правильно распределить ресурсы и в полной мере использовать преимущества проектного подхода в управлении, увязав по времени, ресурсам, технологическим стадиям или иным образом различные проекты регионального развития.

Надо заметить, что рассмотренные выше подходы к повышению конкурентоспособности региона при их наложении на модель «конкурентного ромба» М. Портера отдают предпочтение разным детерминантам конкурентоспособности (рис. 5.7.).

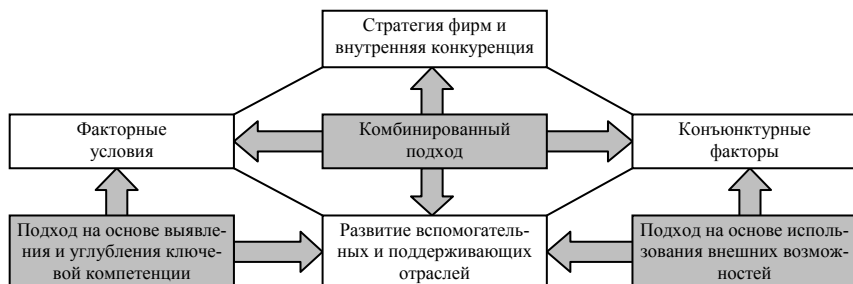

Рис. 5.7. Наложение подходов повышения конкурентоспособности региона на модель «конкурентного ромба» М. Портера

Как видно из рис. 5.7, подход повышения конкурентоспособности региона на основе выявления и углубления его ключевой компетенции предполагает наиболее полное использование таких детерминант конкурентоспособности, как факторные условия (поскольку ключевая компетенция региона, как правило, определяется наличием и уникальностью сочетания факторных условий) и развитию вспомогательных и поддерживающих отраслей (видов деятельности). Такое сочетание детерминант позволяет не только наиболее ярко проявить ключевую компетенцию, но и за счет развития вспомогательных и поддерживающих отраслей и видов деятельности сконцентрировать цепочки добавления стоимости в специализирующих секторах экономики на территории региона. Что касается детерминанты «стратегия фирм и внутренняя конкуренция», то при использовании данного подхода происходит согласование региональной и корпоративных стратегий в секторах специализации посредством выстраивания целостных цепочек добавления стоимости в регионе. Используя подходы к управлению цепочкой добавления стоимости, предложенные Хамфри и Шмитцем, согласование корпоративных стратегий в этом случае может предполагать как развитие сетевых отношений между участниками

цепочки, так и квази-иерархичных и иерархичных отношений, вплоть до установления полного контроля над партнерами и поставщиками и формирования вертикально-интегрированных (холдинговых) корпоративных структур.

Подход повышения конкурентоспособности региона на основе использования внешних возможностей предполагает приоритетное использование таких детерминант конкурентоспособности, как конъюнктурные факторы и развитие вспомогательных и поддерживающих отраслей и видов деятельности. Такое сочетание детерминант позволяет наиболее полно использовать имеющиеся возможности встраивания во внешние цепочки добавления стоимости с одновременным развитием базовой инфраструктуры на территории региона, которая в дальнейшем может стать материальной базой для расширения участия региона в этих цепочках. При реализации данного подхода использование детерминанты «стратегия фирм и внутренняя конкуренция» предполагает согласование и гармонизацию стратегий региональных производителей со стратегиями внешних партнеров и транснациональных компаний, в чьи цепочки добавления стоимости встраиваются региональные производители.

Наконец, комбинированный подход к повышению конкурентоспособности региона в равной степени задействует все четыре детерминанты конкурентоспособности, в силу чего его использование в долгосрочной перспективе способствует формированию в регионе широко диверсифицированной структуры экономики и созданию благоприятных условия для формирования региональных производственных кластеров.

Таким образом, предложенные методические подходы к повышению конкурентоспособности региона достаточно хорошо согласуются с известными теоретико-прикладными разработками и моделями (в частности, моделями М. Портера, концепцией взаимодействия цепочки добавления стоимости и кластера Дж. Хамфри и Х. Шмитца и др.), в некотором роде детализируя их и раскрывая особенности их применения в практике управления региональным развитием. Кроме того, рассмотренные методические подходы характеризуются универсальностью и имеют достаточно широкую сферу практического применения.

5.2. Совершенствование стратегического планирования в муниципальных образованиях

Несмотря на большое количество научных публикаций по вопросам стратегического планирования, в т. ч. и планирования на муниципальном уровне, данная тема не перестает быть актуальной, а разнообразие применяемых сегодня методик и наличие очень разного практического опыта делает эту тему еще более дискуссионной. В данной обзорной статье рассматривается опыт разработки муниципальных стратегий в Республике Карелия в последнее десятилетие.

Начало становления системы стратегического планирования в республике принято связывать с разработкой в 1998 году Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999–2002–2010 гг. «Возрождение Карелии». Это был первый стратегический документ республиканского уровня, разработанный в новых экономических и политических условиях. Подготовка Концепции не только заложила основы для дальнейшей работы в области планирования на региональном уровне, но и стала импульсом для разработки подобных документов на муниципальном уровне. Период с 2000 по 2010 гг. характеризовался повышенным интересом к разработке стратегий и программ со стороны органов государственной и муниципальной власти, бизнеса и общественности. За это время стратегии, стратегические планы или программы социально-экономического развития появились в каждом муниципальном районе и городе республики.

Приступая к анализу опыта разработки муниципальных стратегий, прежде всего, необходимо сказать о тех внешних условиях, которые серьезным образом повлияли на практику стратегического планирования в методическом и организационном аспектах.

Во-первых, это реформа самого местного самоуправления, основными целями которой стали приближение власти к населению, переход на двухуровневую систему, четкое разграничение предметов ведения и полномочий между различными уровнями власти и закрепление доходных источников их реализации. Произошедшие преобразования не могли не отразиться на практике разработки

стратегических и программных документов. Более того, как положительные, так и отрицательные последствия муниципальной реформы очень ярко проявляются и в самом процессе планирования и находят свое отражение в разрабатываемых стратегиях и программах. Становление института местного самоуправления концептуально связано с децентрализацией власти, повышением роли населения в решении социально-экономических проблем местного характера. В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к полномочиям органов местного самоуправления относятся в т. ч. «принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования». Очевидно, что развитие местного самоуправления подразумевает и формирование системы стратегического планирования, т. к. именно в стратегиях и программах местное сообщество определяет желаемый образ будущего и фиксирует свои приоритеты.

В России муниципальная реформа по времени совпала с процессом централизации власти в стране, укреплением государственности. Поэтому регламентация местного самоуправления оказалась слишком жесткой (не учитывающей территориальных особенностей), ограничивающей свободу действий региональных и местных властей. Следствием такой ситуации стала высокая зависимость муниципальных образований от целевой помощи вышестоящих уровней бюджетной системы. В настоящее время значительная часть муниципальных образований в стране являются дотационными. В то же время на муниципальные образования возложена ответственность за социально-экономическое развитие территории, не обеспеченная соответствующими финансовыми ресурсами. При этом до сих пор остаются нерешенными такие проблемы как необходимость структурной перестройки экономики, низкая эффективность жилищно-коммунального хозяйства, высокая степень износа инфраструктуры и т. д.

Однако сегодня мы можем наблюдать ситуацию, когда, несмотря на примерно одинаковые возможности и ограничения, органы местного самоуправления имеют разные результаты своей деятельности. В одних муниципальных образованиях эта деятель-

ность ограничивается «латанием дыр», в других – направлена на реализацию конкурентных преимуществ территории на основе выбранных стратегических приоритетов. Другими словами, несмотря на существующую жесткую регламентацию деятельности, эффективность органов местного самоуправления в значительной мере определяется так называемым «человеческим фактором», т. е. мотивацией и уровнем компетенции кадров, консолидацией политических сил, согласованностью стратегий местного бизнеса и просто пониманием современных условий управления.

Во-вторых, система планирования на муниципальном уровне развивалась одновременно с формированием региональной системы планирования. Так, например, в Республике Карелия Схема территориального планирования до 2025 года была разработана в 2006 году, а Стратегия социального экономического развития Республики Карелия до 2020 года появилась в 2007 году. Зачастую муниципальные стратегии и программы были разработаны без учета приоритетов и направлений развития республиканской экономики, а также их пространственной проекции. С одной стороны, это создавало для разработчиков свободу действий в процессе планирования, но с другой стороны усложняло процесс определения места муниципального образования в системе внутрирегиональных приоритетов, а позже ставило местное самоуправление перед неожиданными фактами.

Кроме того, не всегда муниципальные стратегии и программы были согласованы со схемами территориального планирования районов и генеральными планами поселений, подготовка которых активно началась в последние годы.

Схожая ситуация сложилась и с формированием методической основы муниципального планирования. В условиях отсутствия единой методики наблюдалось большое разнообразие форматов стратегических документов, выбор которых зависел от привлечения внешних консультантов, предпочтений местного сообщества и администрации и других факторов. Тем не менее в стратегиях отражалась специфика муниципального образования. Вполне очевидно, что несмотря на общие принципы организации местного самоуправления даже в одном регионе муниципальные образования очень различаются по своему статусу, ресурсному потенциалу, роли в экономике региона и т. д.

При этом стремление к определенной унификации стратегий и программ проявляется и со стороны региональной власти, и со стороны местных администраций. Это объясняется поиском простых, понятных и сопоставимых форматов. В то же время унификация может привести к тому, что процесс стратегического планирования превратится в бюрократическую рутину, потеряв элементы креативности. Полученные при этом планы не будут отражать специфики территории.

В-третьих, развитие местного самоуправления и формирование системы планирования происходило в условиях меняющихся технологий управления. Поиск таких технологий обусловлен кардинальными изменениями, которые происходят сегодня в экономике. Эти изменения связаны с её структурной перестройкой, фрагментарностью экономических процессов, отсутствием возможности прямого влияния на бизнес, в том числе градообразующие предприятия. Кроме того, как правило, границы бизнеса, осуществляющего экономическую деятельность на территории муниципального образования, гораздо шире муниципальных границ, в которых осуществляется самоуправление. Местные предприятия зачастую включены в цепочки создания стоимости, центры управления которых расположены далеко за пределами муниципального образования. В этих условиях администрациям местного самоуправления приходится как выстраивать конструктивный диалог с местным бизнесом, так и с управляющими компаниями, не являющимися резидентами, что на практике получается далеко не всегда.

Таким образом, процесс формирования системы планирования на муниципальном уровне в Республике Карелия был обусловлен перечисленными выше преобразованиями и тенденциями, происходившими в последнее десятилетие. Изменилась ли ситуация в сфере стратегического планирования в республике на уровне местного самоуправления за эти годы? И если да, то, каким образом? Попытаемся ответить на эти вопросы, проведя анализ тех муниципальных стратегий и программ, которые появились в муниципальных образованиях Карелии за рассматриваемый период.

Первыми разработками в области стратегического планирования на уровне муниципалитетов в республике стали:

- Программа – Основные стратегические направления социально-экономического развития территории города Сортавалы (на 2001–2005 гг.);
- Стратегический план развития города Петрозаводска до 2010 г;
- Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Олонецкий район» до 2012 г;
- Стратегический план социально-экономического развития города Костомукша до 2015 г.

История каждой из перечисленных выше муниципальных стратегий более подробно представлена в соответствующих статьях, которые были подготовлены экспертами, принимавшими непосредственное участие в разработке этих документов. В данной обзорной статье мы только лишь остановимся на наиболее важных, на наш взгляд, вопросах, касающихся организации процесса планирования и содержания самих стратегий.

Начнем с того, что каждый из рассматриваемых стратегических документов по-своему уникален. Несмотря на тот факт, что во всех четырех случаях стратегии разрабатывались по сути на единой методической основе, зачастую с привлечением тех же консультантов, они отличаются и по общей логике, и по структуре, и по содержанию²⁰. Стратегии разные настолько, насколько не похожи друг на друга и сами муниципальные образования. Пожалуй, по этой причине их сложно не только сравнивать по результативности процесса планирования, но и по эффективности реализации самих планов.

Одна из первых муниципальных стратегий в Республике Карелия появилась в г. Сортавала. Несмотря на тот факт, что данный документ, разработанный в 2001 г., назывался программой и имел только пятилетний горизонт планирования, по своему замыслу он, несомненно, являлся стратегией. Удивительным для того времени является то, что инициатором разработки документа стал бизнес, который был заинтересован в создании переговорной площадки для взаимодействия с местной властью. Активное участие в разработке стратегии приняли общественные организации, предприниматели,

²⁰ Все четыре муниципальных стратегии были разработаны с привлечением специалистов Института экономики КарНЦ РАН. В качестве методической базы процесса планирования использовались разработки Леонтьевского центра, сотрудники которого также оказывали консультационную поддержку.

руководители предприятий, местное население. Специалистами Института экономики КарНЦ РАН было организовано анкетирование и интервьюирование, которые позволили выявить ключевые проблемы развития территории и привлечь к их обсуждению наиболее активную часть местного сообщества.

Следующим моментом, на который стоит обратить особое внимание, является определение стратегических приоритетов развития. Выбор приоритетов развития городской экономики происходил в условиях серьезных структурных изменений, в результате которых многие местные предприятия оказались в кризисном положении. Однако, несмотря на остроту сложившейся на тот момент ситуации, сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что выбранные направления действительно получили развитие и в настоящее время составляют основу экономики города. В качестве таких направлений экономического блока были определены: развитие туризма, рациональное и эффективное использование местных ресурсов и использование приграничного положения города. Сегодня Сортавала представляет собой приграничный город с интенсивно развивающимся сектором услуг, прежде всего, связанным с туризмом.

К недостаткам рассматриваемого документа можно отнести отсутствие целевых показателей его реализации и финансового обеспечения из средств городского бюджета, а также отсутствие мониторинга выполнения самой программы. Данные обстоятельства позволяют рассматривать разработанную программу лишь в качестве «документа общественного согласия», в котором были зафиксированы только намерения основных, наиболее активных субъектов местного сообщества. Однако в дальнейшем политическая борьба и смена власти в администрации города не способствовали реализации программных мероприятий. Сложно не согласиться с разработчиками этой стратегии в том, что успешная реализация подобных документов возможна только в условиях развитого гражданского общества, стабильной и эффективной институциональной среды. В тоже время, на наш взгляд, в этом случае мы как раз имеем ситуацию, когда планирование оказалось важнее самого плана. Программа выполнила своё предназначение с точки зрения создания пусть и временного, но достаточно эффективного инструмента консолидации местного сообщества и положила начало диалогу между местной властью, бизнесом и жителями города.

В 2003 году в республике появляется ещё одна муниципальная стратегия. При поддержке гранта программы Института «Открытое общество» «Малые города России» Леонтьевским центром и Институтом экономики КарНЦ РАН разрабатывается Стратегия социально-экономического развития Олонецкого района.

Отличительной особенностью этого документа стало широкое привлечение общественности к обсуждению будущего муниципального образования. Представители общественных организаций, бизнеса, учреждений социальной сферы наряду с работниками местной администрации и консультантами вошли в состав рабочей группы по разработке стратегии. Аналитический этап работы включал также опрос домохозяйств района. Интересно то, что определение стратегических направлений развития района было основано не только на мнении экспертов рабочей группы, но и на представлениях местного населения.

Большая часть населения поддержала вариант диверсификации местной экономики (40% опрошенных), на второй позиции оказалось сельское хозяйство вместе с лесопромышленным сектором (31%), 11% респондентов поддержали в качестве приоритета развитие исключительно сельского хозяйства и только 2% связывали развитие территории с самобытной культурой и туризмом. Такой результат был вполне ожидаемым, учитывая то, что сельское хозяйство и лесная промышленность для района на протяжении многих лет были ведущими отраслями экономики и обеспечивали основную занятость местного населения. Более того, проекты, которые вошли в стратегию, в основном были направлены на модернизацию уже существующих предприятий, многие из которых на данный момент прекратили свое существование.

В результате в документ не был включен ни один принципиально новый для района проект, а существующие только закрепляли сложившуюся структуру местной экономики. В тоже время за последние годы в районе появились новые инвестиционные проекты, которые не были запланированы в стратегии. Опасность возникновения такой ситуации в процессе стратегического планирования существует всегда, когда ставка делается исключительно на местный бизнес, уже имеющиеся ресурсы и существующую конфигурацию политических сил. Как показывает практика, барьером для появления

новых направлений развития может стать и «социальная укорененность» экономической деятельности у населения. Нахождение баланса интересов между всеми стейкхолдерами развития и одновременный поиск принципиально новых проектов, способных кардинально изменить ситуацию в экономике – одна из сложных задач, которую не всегда удается решить в процессе разработки стратегии.

Несмотря на то, что как и в случае с предыдущей стратегией мониторинг её реализации все эти годы не осуществлялся, разработанный документ стал концептуальной основой для всех разработанных позже муниципальных программ. И если в предыдущем случае стратегия оказалась забытой после смены местной власти, то стратегия Олонецкого района все эти годы обновлялась и дополнялась. По мнению её разработчиков, почти все запланированные проекты и мероприятия были выполнены. Однако для того, чтобы более объективно оценить степень реализации стратегии, на наш взгляд, необходимо выяснить мнение жителей района о том, как выполненные мероприятия отразились на социально-экономической ситуации в районе.

Практически одновременно с разработкой предыдущей стратегии началась подготовка Стратегического плана развития г. Петрозаводска. 18 сентября 2003 г. Глава самоуправления Виктор Масляков подписал соответствующее распоряжение. Подробное описание процесса разработки этого документа представлено в статье А.С. Сухорукова. Нам хотелось бы, прежде всего, отметить масштабность и важность этой работы не только для города, но и для всей республики.

Петрозаводск является региональной столицей, здесь проживает более трети всего населения Республики Карелия. Естественно, что подготовка такого важного документа как стратегический план потребовала привлечения широкого круга экспертов, организации встреч, семинаров, обсуждения наиболее важных его положений в средствах массовой информации. В целях координации работ был создан Центр перспективного планирования в Администрации города. Это единственный случай в республике, когда для разработки и реализации стратегии было создано специальное подразделение администрации местного самоуправления. Активное участие в создании стратегического плана развития принимало Правительство Республики Карелия.

Значительная часть из запланированных проектов и программ были в дальнейшем реализованы. Однако хотелось бы отметить две важные задачи, которые так и не удалось решить в рамках подготовки и реализации стратегического плана. Во-первых, город не смог чётко обозначить свои ключевые конкурентные преимущества и сформировать узнаваемый бренд. Дискуссия по этому вопросу продолжается, и данную задачу ещё предстоит решить. Во-вторых, большая часть реализованных проектов были ориентированы на местный потребительский рынок, возможности которого по объективным причинам весьма ограничены. Другими словами, реализация стратегического плана была недостаточно ориентирована на занятия лидерских позиций во внешней среде. Кроме того, она проходила в условиях серьезных разногласий между республиканской властью и администрацией города, которые привели к напряжённому политическому противостоянию.

Опыт разработки Стратегического плана развития Петрозаводска представляет интерес как с методологической, так и с практической точек зрения. Для успешного и сбалансированного развития региональная столица обязательно должна иметь стратегию. При её разработке важно ориентироваться не только на внутренние проблемы, а может в большей степени на возможности внешней среды. Сегодня чаще всего именно региональные столицы являются центрами взаимодействия региона со всем остальным миром и становятся каналом привлечения внешних ресурсов. Надеемся, что приобретенный опыт будет успешно использован при разработке нового стратегического плана, подготовка которого уже началась.

В дальнейшем накопленный опыт стратегического планирования был использован при разработке Стратегического плана социально-экономического развития г. Костомукша до 2015 г. Документ был разработан и утвержден в 2004 году. Научно-методическое обеспечение процесса планирования было возложено на Институт экономики КарНЦ РАН.

Прежде чем перейти к рассмотрению стратегического плана, необходимо сказать о некоторых особенностях самого города. Город расположен на севере республики, на границе с Финляндией. Костомукша – самый молодой город в Карелии. Его строительство

началось в 1970-х гг. и было связано с разработкой нового железорудного месторождения. Костомукша является моногородом с градообразующим предприятием ОАО «Карельский окатыш» (входит в компанию «Северсталь»). Здесь проживает чуть более 4% населения республики, однако доля города в общем объеме производства товаров и услуг региона составляет 35%.

В целом Костомукша является одним из самых благополучных городов Карелии. Тем не менее, администрация города почувствовала потребность в долгосрочной стратегии развития. В работе по подготовке стратегического плана города приняли участие представители администрации, градообразующего предприятия, общественных организаций, малого бизнеса, ученые и эксперты.

Если оценивать в целом документ, который был подготовлен, то необходимо отметить амбициозность поставленных в нем задач. Миссия города была определена следующим образом: *«Развитие городского округа как центра северной Карелии, формирующего новую модель освоения северных территорий в рамках еврорегиона Карелия, являющегося территорией сочленения европейских и российских стандартов и новых форм трансграничного взаимодействия»*. Стратегия города имеет ярко выраженную внешнюю направленность, связанную с его месторасположением. Несмотря на монопрофильность городской экономики и стабильное функционирование градообразующего предприятия, в этой стратегии ставка сделана не на его ресурсы и возможности, а на максимально возможное использование приграничного положения в целях социально-экономического развития.

Практически во всех стратегиях или программах муниципальных образований в списке сильных сторон территории отмечается выгодное географическое положение. Костомукша относится к тем городам, которым действительно удалось реализовать это преимущество. Это относится и к развитию местной экономики, и к социальной сфере. В последние годы город стал инвестиционной площадкой для иностранных компаний. Сегодня здесь работают деревообрабатывающие предприятия шведского концерна IKEA. Построены предприятия, выпускающие комплектующие изделия и электропроводку для автоконцернов Volvo, Scania, Mass. Активно развивается сектор туристских услуг. Город интересен для

иностранных туристов, здесь реализуются международные проекты, проводятся конференции, различные праздники, концерты и фестивали. Костомукша сегодня действительно является «полносом развития» на севере Карелии.

Показательной является ситуация с подготовкой Комплексных инвестиционных планов модернизации моногородов, которая началась в 2009 году. Костомукша стал одним из десяти монопрофильных населенных пунктов республики, которые разрабатывали этот документ. Далеко не все из них, несмотря на наличие подготовленных ранее программ социально-экономического развития, смогли определить направления и конкретные инвестиционные проекты диверсификации местной экономики. Комплексный инвестиционный план г. Костомукша стал не просто «планом спасения», а скорее «планом развития». Это объясняется наличием уже существующих стратегических направлений развития города, а также успешной практикой их реализации. Другими словами, стратегический план социально-экономического развития стал реальным инструментом управления.

Общая оценка результативности муниципальных стратегий, которые были разработаны за рассматриваемый период в Республике Карелия, представлена в табл. 5.7.

Таблица 5.7

Оценка результативности муниципальных стратегий

Итоговая оценка	Петрозаводск	Костомукша	Сортавала	Олонец
Система стратегического планирования не возникла. Мониторинг реализации стратегии не осуществлялся.				
Система стратегического планирования в стадии формирования. На основе прежнего Стратегического плана в настоящее время разрабатывается новый.				
Стратегический план оставался «живым», регулярно обновлялся и дополнялся. На его основе сложилась система планирования				

Анализируя существующий опыт разработки муниципальных стратегий сегодня сложно чётко определить так называемые «факторы успеха» и «причины неудач». Каждая стратегия стала уникальной, у каждой своя история. Остановимся только на наиболее важных, с нашей точки зрения, проблемах стратегического планирования на муниципальном уровне и возможных вариантах их решения.

Неоднозначной тенденцией является процесс унификации стратегических документов, о котором говорилось выше. Рассмотренные в данной статье стратегии разрабатывались на основе различных подходов, максимально учитывая специфику муниципальных образований. Это проявилось и в структуре, и в содержании, и даже в названиях документов. Все разработанные позже программы социально-экономического развития муниципальных районов Карелии были подготовлены в соответствии с методическими рекомендациями Министерства экономического развития Республики Карелия на основе типового макета. Данные рекомендации должны были помочь органам местного самоуправления самостоятельно подготовить планы развития. Однако зачастую в разработанных программах сумма текущих проектов и мероприятий скорее представляется как обязательства «третьего уровня» государственной власти перед вторым. Мониторинг программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований республики также осуществляет Министерство экономического развития Республики Карелия. В результате, на наш взгляд, собственно муниципальная экономика выпадает из фокуса и, соответственно, из объектов управления. Стратегия в таких документах чаще всего отсутствует, а стратегическое управление заменяется оперативным.

Учитывая разные ресурсные возможности муниципальных образований целесообразно говорить о дифференцированном подходе в планировании. При этом дифференциация предполагает не только возможность разработать собственную стратегию развития, но и возможность ограничиться «встраиванием» в стратегию более высокого уровня. Очевидно, что масштабность и амбициозность планов определяется, в том числе и наличием стратегических ресурсов. Однако в условиях, когда эти ресурсы отсутствуют или весьма ограничены, как у многих сельских поселений, полноцен-

ная самостоятельная стратегия развития может отсутствовать. Планирование в таком случае предполагает только разработку программы как перечня проектов, требующих реализации. Другими словами, *если местное сообщество готово самостоятельно определять стратегию своего развития, то у него должна быть такая возможность, но эта возможность не должна становиться обязанностью*. С другой стороны, если речь идет о муниципальном образовании, обладающем значительным ресурсным потенциалом, являющимся или способным стать региональным центром развития, то в этом случае разработка стратегии может быть обязательной, но сама стратегия не должна быть «типовой».

Следует также отметить несколько устаревший подход к оценке ресурсов территории. Чаще всего она ограничивается только природными и производственными ресурсами. При этом недостаточно внимания уделяется нематериальным активам и оценке человеческого капитала. В то же время зачастую именно нематериальные ресурсы, определяющие уникальность территории, могут «оживить» местную экономику, стать основой для появления новых направлений развития. Наличие же квалифицированных кадров сегодня является обязательным условием для прихода инвестиций и размещения предприятий.

Когда речь идет об участии общественности в разработке и обсуждении стратегии развития муниципального образования, то необходимо понимать, что заинтересованность в этом проявляет только самая активная часть местного населения и бизнеса, а также общественных организаций. С одной стороны, вполне очевидно, что стратегия должна, прежде всего, находить поддержку у той части местного сообщества, которая в большей степени влияет на процессы развития. Но с другой стороны, это снижает легитимность стратегического документа.

В то же время большая часть жителей и предпринимателей ведут себя пассивно и уstraняются от участия в этом процессе. Другими словами, проблема низкой активности населения, оппортунистических настроений, нежелания самостоятельно решать свои проблемы, которая так мешает развитию местного самоуправления, также становится серьезным препятствием и в процессе разработки муниципальной стратегии.

Одной из проблем при разработке муниципальных стратегий и программ также является недооценка частно-муниципального партнёрства, которое может позволить синхронизировать действия субъектов и консолидировать различные ресурсы. В этом случае частный сектор может взять на себя рыночные, а администрация муниципалитета политические и институциональные риски. Практика свидетельствует о том, что реализация планов оказывается более успешной в ситуации, когда бизнес и администрация муниципального образования имеют общие интересы и проекты.

Если говорить о реализации муниципальных стратегий, то, как показывает опыт, необходима организация их постоянного мониторинга. Это позволяет и оценивать достижение поставленных целей, и вовремя вносить коррективы. Стратегия остается «живой» пока осуществляется мониторинг её реализации. На практике это происходит далеко не всегда. Без организации мониторинга и корректировки стратегии и программы теряют свою актуальность и быстро «забываются».

Проблемой является и периодичность самого процесса управления, обусловленная временным периодом полномочий органов местного самоуправления. К сожалению, зачастую разработанные стратегии становятся жертвами политического противостояния и уходят в прошлое при смене администрации местного самоуправления. Разработанная ранее стратегия может стать для новой власти изначально «чужой» и ассоциироваться с предшественниками. Часто это приводит к желанию разработать «свою», новую стратегию. В то же время, на наш взгляд, стратегия не должна становиться инструментом политической борьбы и в случае правильной организации процесса её разработки должна оставаться актуальной независимо от смены местной власти.

Подводя общий итог представленному анализу, следует отметить, что прошедшее десятилетие характеризовалось существенными изменениями как в целом в системе местного самоуправления, так и в практике стратегического планирования на муниципальном уровне. Важно, чтобы накопленный опыт разработки муниципальных стратегий был в дальнейшем успешно использован в целях совершенствования системы муниципального планирования.

Из проведенного анализа видно, что постоянные изменения претерпевают подходы и методики осуществления стратегического выбора города (муниципального образования). И это не зря. Ведь в меняющейся экономике и мало предсказуемой внешней среде крайне важно сделать правильный стратегический выбор, который определит логику и стратегию развития муниципального образования на несколько лет вперед. Поэтому далее обратим внимание на процедуры осуществления стратегического выбора на примере конкретного муниципального образования.

5.3. Стратегический выбор экономической специализации периферийного муниципального образования

Как уже было отмечено выше, современное экономическое развитие в пространственном отношении характеризуется возрастающей концентрацией экономической активности, которая формирует предпосылки для возникновения центров, являющихся источниками экономического роста, и периферии, существенно отстающей по многим социально-экономическим показателям [Доклад в мировом..., 2009]. Социально-экономическая дифференциация в современных условиях связана в том числе и со структурной трансформацией экономики, которая приводит к тому, что «дистанция между центром как генератором волн научно-технического прогресса и периферией как имитатором. исполнителем сохраняется довольно устойчиво» [Развитие российских..., 2006]. Эти процессы усиливаются возрастающей ролью знаний, человеческого и социального капитала местных сообществ, а также нематериальных активов территории.

Данные обстоятельства определяют необходимость поиска приоритетных направлений экономической специализации периферийных муниципальных образований, обеспечивающих их конкурентоспособность в сложившейся системе разделения труда. На практике необходимость данного выбора может быть связана с разработкой программы социально-экономического развития муниципального образования.

В настоящее время накоплен значительный опыт в области методического обеспечения разработки стратегических планов и программ социально-экономического развития муниципальных образований, в т. ч. в части обоснования их экономического блока. Однако несмотря на существование широкого спектра инструментов, позволяющих разрабатывать стратегию развития территории, некоторые вопросы остаются дискуссионными как в научной, так и экспертной среде. В частности к ним можно отнести вопрос выбора приоритетных направлений экономической специализации муниципального образования. Данные направления ложатся в основу экономического блока программы социально-экономического развития и, более того, могут определять содержание социального блока.

В рамках существующей практики можно выделить три подхода. Первый основывается на том, что в качестве приоритетных выбираются уже сложившиеся и относительно успешные сектора местной экономики, обеспечивающие занятость населения и бюджетные поступления [Гурова, Шишкин, 2004]. Его основным преимуществом является опора на уже существующие ресурсы и интересы местных предпринимателей. Это позволяет формировать экономический блок программы на основе проектов, которые планируются к реализации местным бизнесом. Прежде всего, это актуально для монопрофильных муниципальных образований, экономика которых зависит от функционирования градообразующих предприятий. Основной недостаток такого подхода связан с закреплением уже сложившейся структуры экономики и ограничением возможностей по ее модернизации.

Второй подход предполагает ориентацию на развитие новых секторов местной экономики, ее структурную перестройку, привлечение внешних инвесторов [Стратегический план..., 2006]. Его реализация актуальна в целях диверсификации экономики или поиска принципиально нового направления экономического развития, обеспечивающего большие конкурентные преимущества. Однако в этом случае могут возникать ограничения, связанные с отсутствием необходимых для структурной перестройки ресурсов, в т. ч. и человеческих. Таковыми ограничениями, например, могут стать узкий спектр компетенций местного сообщества и «социальная укорененность» (social embeddedness) экономической деятельности [Пилясов, 2009].

Представляется предпочтительным третий вариант совмещения двух предыдущих подходов, когда структурная перестройка представляет собой не только появление новых секторов местной экономики, но и модернизацию уже существующих производств. Это смягчает социальные издержки структурной трансформации, позволяет местному сообществу и бизнесу адаптироваться к новым условиям.

Более того, в рамках данного варианта на основе системного подхода может происходить комбинирование «старых» секторов экономики с «новыми», в результате чего стагнирующие производства приобретают новые конкурентные преимущества и ориентируются на более привлекательные рынки. Однако на практике такая комбинация может затрудняться конфликтом интересов бизнеса, а также кризисным состоянием местных предприятий, которые больше не способны выступать в качестве системообразующих для муниципальной экономики. Возможности и ограничения рассмотренных выше подходов представлены в табл. 5.8.

Таблица 5.8

Основные подходы выбора экономической специализации муниципального образования и их характеристики.

Подход	Преимущества	Возможные ограничения
Ориентация на сложившуюся структуру экономики	предсказуемость местного бизнеса и установившиеся связи; простота планирования и прогнозирования; самореализация планов; соответствие существующих компетенций местного сообщества требованиям бизнеса; отсутствие структурной безработицы.	низкая адаптивность местной экономики к внешним изменениям; низкая конкурентоспособность и кризисное состояние местных предприятий; высокий уровень безработицы; недостаточная налогооблагаемая база; низкий уровень доходов населения.
Формирование новой структуры экономики	повышение конкурентоспособности местной экономики; создание новых рабочих мест; рост бюджетных поступлений; предпосылки для формирования новых институтов; возможности для повышения квалификации трудовых ресурсов; рост доходов населения.	отсутствие необходимых факторов производства; низкая инвестиционная привлекательность территории; «социальная укорененность» экономической деятельности; возможность возникновения структурной безработицы; возможность возникновения конфликта интересов.
Комбинированный подход	модернизация «старых» секторов экономики; эволюционная структурная трансформация экономики; невысокие социальные издержки; синергетический эффект.	несовместимость «старых» и «новых» секторов экономики; недостаток трудовых ресурсов; возможность возникновения конфликта интересов.

Рассмотрим процесс выбора стратегически приоритетных направлений экономической специализации территории на примере Лахденпохского муниципального района Республики Карелия. В 2009 году Институт экономики Карельского научного центра РАН выступил в качестве разработчика Программы социально-экономического развития района до 2015 года. Одним из этапов разработки Программы стал стратегический анализ и выбор приоритетных направлений развития экономики района.

Лахденпохский район расположен в юго-западной части Карелии, граничит с Ленинградской областью, на западе административная граница совпадает с российско-финляндской государственной границей (рис. 5.8).

Рис. 5.8. Лахденпохский муниципальный район

На территории района находятся два упрощенных пункта пропуска «Русилахти – Укуниemi» и «Париккала – Сювяоро», в перспективе предполагается создание международных автомобильного и железнодорожного пунктов пропуска.

Район можно отнести к категории периферийных в связи с его географической удаленностью от региональной столицы, отсутствием крупных населенных пунктов и градообразующих предприятий на территории района, и, соответственно, недостаточной налогооблагаемой базой. В общем рейтинге муниципальных образований региона, который осуществляется Министерством экономического развития Республики Карелия, по показателям социально-экономического развития за первое полугодие 2009 года район занимал последнее место.

Экономическая специализация района в настоящее время связана с добычей строительного камня, производством строительных материалов, лесозаготовкой и деревообработкой (рис. 5.9–5.11²¹). Район также имеет традиции сельскохозяйственного производства, т.к. находится в относительно благоприятных агроклиматических условиях [7]. Однако сельское хозяйство достаточно долгое время находится в кризисном состоянии, а многие сельскохозяйственные угодья не используются по назначению. При этом динамично развивается новое направление – форелеводство, для которого в Карелии существуют благоприятные климатические условия и большое количество подходящих водоемов. В данном районе, учитывая его географическое положение и транспортную доступность, к этим факторам добавляется близость к крупному рынку сбыта – Санкт-Петербургу.

Значительная часть занятых в районе сосредоточена в социальной сфере, образовательных и медицинских учреждениях, государственных структурах и органах местного самоуправления. Так, например, наибольшее количество занятых наблюдается в образовании – 702 человека, здравоохранении – 464, структурах государственного управления, военной безопасности и обязательного социального обеспечения – 330 человек, в этих секторах занято более половины работающих в районе. Данное обстоятельство определяет

²¹ Источник: Карелиястат

низкую налогооблагаемую базу муниципального образования, а также зависимость от регионального и федерального бюджетов, в т. ч. и как источников дохода местного населения. Несмотря на то, что количество зарегистрированных предприятий оптовой и розничной торговли превышает количество хозяйствующих субъектов по другим видам деятельности, численность занятых в данном секторе невелика, а оборот этих предприятий значительно ниже, чем в производстве. Данное обстоятельство может объясняться наличием незарегистрированной занятости, а также скрытых от налогообложения доходов предпринимателей. Наибольший оборот, по данным официальной статистики, обеспечивается обрабатывающими производствами и лесозаготовительными предприятиями района.

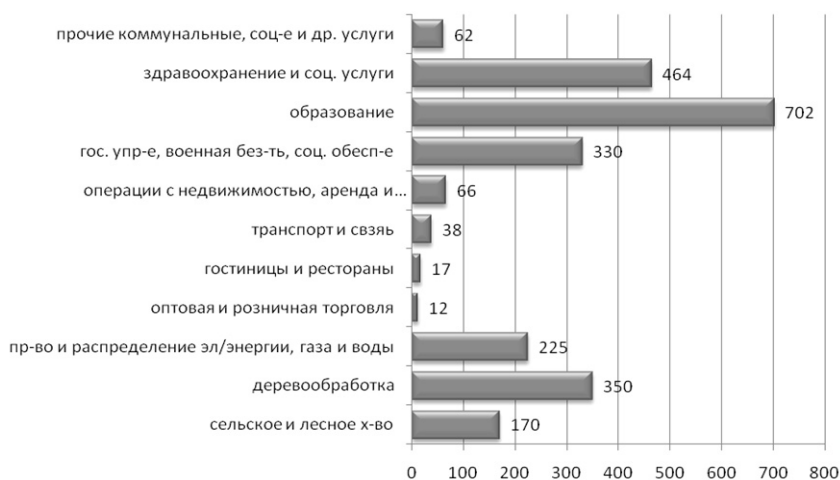

Рис. 5.9. Численность работающих по основным видам экономической деятельности (человек)

В настоящее время в районе активно развивается туризм, что связано с его богатым туристско-рекреационным потенциалом и выгодным расположением. Кроме того, Лахденпохский район уже сегодня можно определить как рекреационную зону Санкт-Петербурга. Это подтверждается и возрастающим с каждым годом интересом его жителей к этой территории как к месту отдыха, а также ростом стоимости земельных участков. Одной из проблем в этом

секторе местной экономики является проблема концентрации доходов от туризма на территории района, т. к. сегодня его туристско-рекреационный потенциал используется турфирмами не зарегистрированными на территории муниципального образования. Соответственно данные фирмы практически не создают рабочие места для местного населения, не обеспечивают поступления в местный бюджет, но ведут предпринимательскую деятельность, используя местные природные ресурсы.

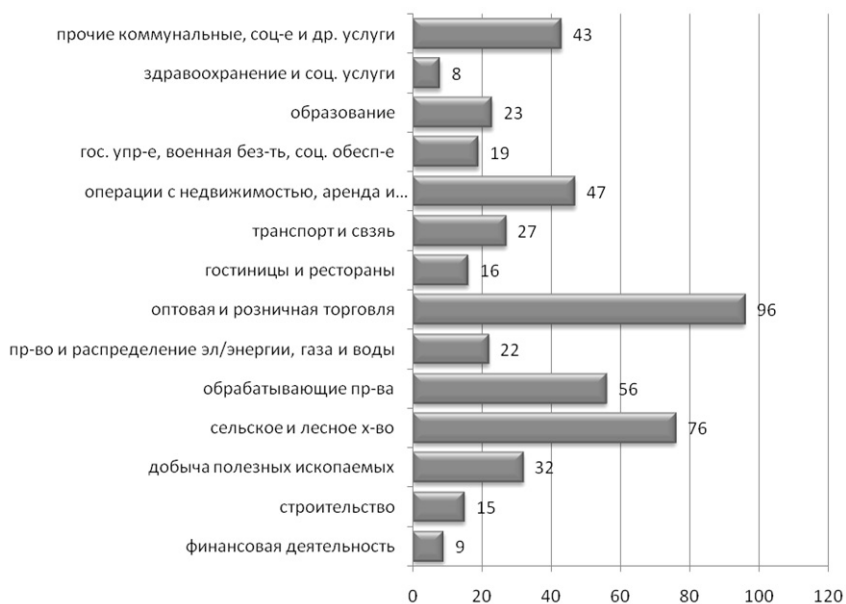

Рис. 5.10. Распределение хозяйствующих субъектов по видам экономической деятельности (единиц)

В последние годы неоднократно промышленная специализация района, прежде всего связанная с разработкой карьеров по добыче щебня, вступала в противоречие с формирующейся рекреационной специализацией территории, что приводило к возникновению конфликтов интересов. Территория района входит в зону, выделенную как перспективная особо охраняемая территория – национальный (природный) парк «Ладожские шхеры».

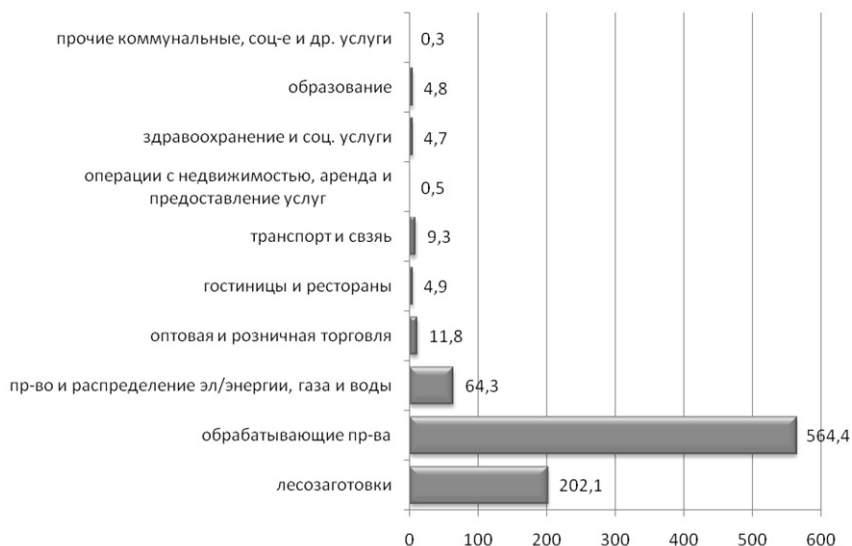

Рис. 5.11. Оборот организаций по видам экономической деятельности (млн. руб.)

Учитывая данное обстоятельство, вопрос выбора приоритетных направлений экономической специализации района при разработке его программы социально-экономического развития стал одним из ключевых. В целях данного выбора был проведен стратегический анализ экономического развития муниципального образования. Методической основой данного анализа являлся широко используемый в практике стратегического планирования SWOT – анализ, а также концепция капитализации территории, разработанная в Институте экономики КарНЦ РАН [Особенности воспроизводства..., 2008]. SWOT – анализ Лахденпохского района проводился на основе результатов семинара, организованного в администрации района при участии специалистов администрации местного самоуправления, представителей бизнеса и населения. Выявленные сильные и слабые стороны района, а также возможности и угрозы представлены в табл. 5.9, в дальнейшем их комбинация произведена в матрице SWOT.

Таблица 5.9

Сильные и слабые стороны, возможности и угрозы

Сильные стороны
Историческое и культурное наследие территории.
Природно-ресурсный потенциал.
Наличие сельскохозяйственных угодий и традиций с/х производства.
Выгодное географическое положение.
Уникальный природный ландшафт.
Наличие условий для создания санаториев (благоприятный микроклимат).
Наличие глубоководного залива и близость к о. Валаам.
Условия для развития малой гидроэнергетики.
Слабые стороны
Недостаток квалифицированных кадров при высокой безработице.
Сложная демографическая ситуация.
Низкий уровень развития социальной инфраструктуры.
Слабое развитие энергетической, коммунальной и транспортной инфраструктуры.
Недостаточная налогооблагаемая база района и отдельных поселений.
Отсутствие крупных предприятий, обеспечивающих занятость.
Возможности
Реализация международных проектов и приграничное сотрудничество.
Привлечение инвестиций в строительство объектов с/х производства.
Создание санаторно-оздоровительных учреждений.
Использование современных технологий малой энергетики.
Улучшение транспортной доступности района.
Открытие МАПП и железнодорожной ветки в Финляндию.
Федеральная и региональная поддержка малого бизнеса.
Привлечение средств для строительства (реконструкции) порта в г. Лахденпохья.
Развитие индивидуального жилищного строительства.
Угрозы
Снижение инвестиционной активности и уменьшение налогооблагаемой базы.
Продолжение и усиление оттока населения (прежде всего молодежи) из района.
Возникновение конфликта интересов при реализации промышленных проектов.
Увеличение теневого сектора в туристском бизнесе.
Невостребованность местных кадров при реализации инвестиционных проектов.
Деградация системы сельского расселения.
Рост количества спекулятивных сделок с землей.

В результате анализа факторов внутренней и внешней среды выявлено, что *наиболее важными сильными сторонами района являются:*

1. *Наличие сельскохозяйственных угодий и традиций сельскохозяйственного производства.* Развитие сельского хозяйства может способствовать решению целого ряда социально-

экономических проблем: безработица, отток населения из малых населенных пунктов, снижение налогооблагаемой базы и т. д. Кроме того, сельское хозяйство выполняет функцию сохранения традиционного уклада жизни сельского населения, сохранения системы расселения, окружающей среды и природных ландшафтов. Однако в настоящее время эта отрасль находится в кризисном состоянии и ее развитие в дальнейшем потребует значительных инвестиций. При этом уже сегодня существуют возможности сочетания сельского хозяйства и туризма (сельский туризм), а также позиционирования сельскохозяйственной продукции как экологически чистой (продукты питания при санаторно-курортном лечении).

2. *Выгодное географическое положение.* Близость района к Санкт-Петербургу и Финляндии положительно влияет на развитие местной экономики и может способствовать привлечению инвестиций практически во все ее сектора (туризм, транспорт, ГПК, ЛПК, сельское хозяйство и др.), при их сбалансированном и комплексном развитии. В настоящее время интерес со стороны инвесторов проявляется как к проектам горнопромышленного комплекса, так и к проектам в сфере туризма, сельского хозяйства.
3. *Наличие условий для создания санаториев (благоприятный микроклимат).* Данные условия позволяют говорить о перспективности крупных инвестиционных проектов в этой сфере, что открывает возможности для комплексного развития туризма и туристской инфраструктуры, а также позволит сократить долю теневого сектора экономики и увеличить занятость местного населения. Этот вариант развития туризма является наиболее привлекательным, т.к. ориентирован на наиболее эффективное использование туристского потенциала района, снижение экологических рисков, комплексность развития туристского сектора.

К внешним возможностям, которые могут серьезно повлиять на изменение ситуации в районе, относятся:

1. *Реализация международных проектов и обмен опытом с финскими партнерами.* Международные проекты, позво-

ляющие перенимать успешный опыт, обмениваться информацией и технологиями (в т. ч. организационными) могут стать серьезным фактором модернизации района и более того, Лахденпохский район в дальнейшем может стать транслятором успешного опыта в различных сферах (предпринимательство, местное самоуправление, социальная сфера и т. д.) для других муниципальных образований республики. Создание трансграничных проектов и организаций может способствовать включению экономики района в международную производственную и торговую сети, вхождению местных предприятий в финские кластеры на условиях аутсорсинга, а также формированию новых институтов.

2. *Улучшение транспортной доступности района.* Использование выгодного географического положения района возможно только лишь в условиях повышения его транспортной доступности, модернизации дорожной сети, развития соответствующей инфраструктуры.
3. *Открытие международного автомобильного пункта пропуска и железнодорожной ветки в Финляндию.* Данный проект позволит повысить туристскую привлекательность района, развивать его транзитную функцию и, соответственно будет способствовать развитию предпринимательства и обеспечивать занятость местного населения.
4. *Развитие индивидуального жилищного строительства.* Дальнейшее улучшение демографической ситуации в районе, решение проблемы оттока высококвалифицированных кадров возможно только при условии решения жилищной проблемы, наиболее оптимальным и привлекательным вариантом решения которой является развитие индивидуального жилищного строительства.

Выявлены следующие наиболее значимые *внешние угрозы*:

1. *Снижение инвестиционной активности и уменьшение налогооблагаемой базы.* В этом случае финансовые возможности района по решению проблем будут снижаться при повышении зависимости от регионального бюджета.

2. *Продолжение и усиление оттока населения (прежде всего молодежи) из района.* Данная проблема может стать одной из самых главных в вопросе привлечения инвестиций, как частных, так и государственных.
3. *Невостребованность местных кадров при реализации инвестиционных проектов.* Возрастающие требования к квалификации работников во всех областях могут сделать местное население невостребованным даже при развитии экономики района (вахтовый метод работы и использование кадров, в т. ч. управленческих, из-за пределов региона). Это приводит к противоречию: высокая безработица и дефицит квалифицированных кадров.

Общий результат стратегического анализа сформулирован следующим образом:

Существующие в настоящее время предпосылки и возможности социально-экономического развития Лахденпохского муниципального района могут быть реализованы только при комплексном развитии местной экономики, основанном на выгодном географическом положении, ориентированном на ресурсы местного сообщества, а также учитывающем интересы населения и экологические риски.

Анализ стратегических альтернатив, связанных с приоритетными направлениями экономической специализации, на основе концепции капитализации территории (рис. 5.12) выявил:

1. Развитие туризма не обеспечивает быстрый эффект для территории, однако для того, чтобы данное направление позволяло генерировать доходы и создавать большое количество рабочих мест требуется привлечение инвестиций в основную и вспомогательную инфраструктуру.
2. Добыча нерудных полезных ископаемых и производство щебня уже сегодня позволяет получать доходы и обеспечить рост количества рабочих мест. Однако, это направление специализации характеризуется высокими экологическими рисками и может привести к ухудшению условий проживания местного населения и снижению туристско-рекреационного потенциала территории.

Стратегически привлекательной является специализация, которая обладает как большим краткосрочным эффектом, так и высокой вероятностью развития в долгосрочной перспективе. В Лахденпохском районе к таким направлениям можно отнести форелеводство, а также добычу, переработку и использование местного топливно-энергетического сырья. Первое направление позволяет получить быстрый эффект в силу высокой конкурентоспособности данной продукции (70% российской форели производится в Карелии) и обладает большим потенциалом развития на перспективу. Второе направление позволяет получить краткосрочный эффект при ориентации на внутренние потребности района в топливно-энергетическом сырье, а долгосрочный эффект при выходе на внешние рынки.

		Вероятность долгосрочного экономического роста	
		<i>Высокая</i>	<i>Низкая</i>
		Краткосрочная эффективность	<i>Высокая</i>
<i>Низкая</i>	<ul style="list-style-type: none"> – Туризм и рекреация. – Деревообработка. – Сбор и переработка недревесных и пищевых лесных ресурсов. 		<ul style="list-style-type: none"> – Сельское хозяйство: животноводство и растениеводство.

Рис. 5.12. Классификация альтернатив специализации района с позиции краткосрочной эффективности и долгосрочного роста

К приоритетным также относятся направления с высоким потенциалом развития в долгосрочной перспективе, но требующие больших капитальных вложений на первоначальных этапах: туризм и рекреация, деревообработка, использование недревесных лесных ресурсов и переработка пищевых лесных ресурсов. Добыча

и обработка минерально-строительного сырья, наряду с лесозаготовкой, для района являются привлекательными, как приоритетные направления специализации, только в краткосрочном периоде. При этом данные направления специализации входят в противоречие с развитием туризма и рекреационными функциями территории.

Сельское хозяйство в районе в силу объективных причин сегодня не является привлекательной сферой для бизнеса, долгосрочные перспективы его также не ясны. Однако данное направление может выступать в качестве вспомогательного при реализации рекреационных функций района (сельский туризм и производство экологически чистой продукции). Такой вариант поддерживается, в том числе и местными фермерами, для которых реализация комбинированного подхода обеспечила бы их дополнительным источником дохода, позволила бы диверсифицировать свой бизнес и сделать его более рентабельным, выйти на уровень неценовой конкуренции при сбыте своей продукции.

Таким образом, выбор приоритетных направлений экономического развития муниципального образования основывается на следующих основных критериях:

1. *Экономико-географическое положение*: представляя собой открытую социально-экономическую систему, муниципальное образование находится в постоянном взаимодействии с другими системами, а также системами более высокого уровня (страна, регион), соответственно характер и интенсивность данного взаимодействия во многом зависят от экономико-географического положения муниципального образования, которое может стать его конкурентным преимуществом.
2. *Наличие необходимых ресурсов, в т.ч. трудовых*: данный критерий сегодня является одним из самых важных, т.к. отсутствие или недостаток кадров необходимого уровня квалификации может стать серьезным препятствием на пути привлечения инвестиций и развития местной экономики. В современной экономике не недостаток финансовых ресурсов, а качество ресурсов трудовых зачастую становится практически непреодолимым препятствием на пути появления новых направлений экономической специализации территории.

3. *Экологическая безопасность и комфортность проживания:* обеспечение этого критерия является приоритетным условием стратегического выбора, т. к. качество жизни населения и экологическая безопасность обеспечивают воспроизводство самой социально-экономической системы, развитие экономики не является в данном случае целью, а только лишь средством для развития местного сообщества.
4. *Краткосрочная эффективность и возможность долгосрочного экономического роста:* данный критерий позволяет оценить стратегические альтернативы с точки зрения как решения существующих сегодня проблем (например безработица или недостаточная налогооблагаемая база), так и с позиции долгосрочных положительных эффектов для территории.
5. *Возможность комбинации различных направлений специализации в целях достижения синергетического эффекта:* учет этого критерия предполагает системный подход к решению социально-экономических проблем, который позволяет на основе совмещения различных направлений экономической специализации (новых и существующих) повышать общую рентабельность инвестиционных проектов и, соответственно, конкурентоспособность муниципального образования в целом.

В заключении следует отметить, что успех реализации выбранных направлений развития экономики муниципального образования в большей степени будет зависеть от институциональной среды, а также консолидации местного сообщества в решении социально-экономических проблем, его желании и стремлении участвовать в определении своего будущего. Как показывает практика, наличие ресурсного и рекреационного потенциала муниципального образования является только предпосылкой, но не достаточным условием успешного развития местной экономики, которое, в свою очередь, уже зависит от местного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной коллективной монографии представлены лишь промежуточные результаты комплексных исследований проблем социально-экономического развития приграничных регионов, проводимых сотрудниками Института экономики КарНЦ РАН. Именно поэтому в материалах данной монографии не только приводятся полученные результаты и даются ответы на некоторые наиболее острые вопросы управления социально-экономическим развитием регионов, но также и ставятся новые вопросы и исследовательские задачи, которые еще только ждут своего решения.

Сложность исследования региональных социально-экономических системы связана с постоянно меняющимися институциональными условиями их развития, которые то расширяют, то сужают возможности регионов в выработке и реализации самостоятельной социально-экономической политики. В связи с этим, а также в результате резких изменений во внешней среде (главным образом, в политико-экономической среде), на первый план выходит масса новых вопросов, без ответа на которые сегодня сложно представить себе выработку эффективной региональной и муниципальной стратегии, а также решение существующих социально-экономических проблем регионов и муниципалитетов.

К таким вопросам относятся, прежде всего, вопросы, связанные с инструментами обеспечения экономической и продовольственной безопасности регионов (особенно эти вопросы касаются приграничных регионов, таких как Республика Карелия). Наиболее остро вопросы экономической безопасности встали в связи с введением внешнеэкономических санкций в отношении России и ответных российских санкций в отношении западных стран в 2014 году.

Крайне актуальными для исследования являются вопросы разработки и реализации структурной региональной экономической политики, и связанные с ними вопросы совершенствования институциональной среды, которая сегодня рассматривается как главный «тормоз» происходящих (или планируемых) структурных

изменений и преобразований. Также важнейшими вопросами модернизации и повышения конкурентоспособности регионов являются вопросы, связанные с улучшением инвестиционного климата, совершенствованием инвестиционной политики на уровне региона и муниципального образования. С точки зрения повышения эффективности использования внутреннего потенциала регионов и муниципальных образований важнейшими объектами для исследования являются проблемы активизации внутреннего инвестиционного потенциала регионов и муниципальных образований, совершенствования инструментов пространственного планирования, обеспечения доступности социальных услуг для населения и повышения его предпринимательской активности.

Именно на этих вопросах предполагается сконцентрировать внимание на следующем этапе исследований. По результатам второго этапа исследований также планируется подготовить и издать коллективную монографию института, которая, как мы надеемся, выступит органичным продолжением данной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). С. 184.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев – М.: Мысль, 1983.
3. Алле М. Экономика как наука / М. Алле. – М., 1995. – 240 с.
4. Алпатов А.А. ОЭЗ в России: первые результаты вселяют оптимизм / А.А. Алпатов // Советник Президента, 2007, № 52.
5. Андреев А. Русский человек (особенности менталитета) /
6. Анищук Н. Платежи по выбору // Финанс. – 2010. – № 42 (373). 15.11-21.11.2010. – С. 67–68.
7. Аран Н. (2005): Российский экспорт морепродуктов в Японию: противоречие официальной статистики и реальной ситуации // Регион: экономика и социология. – № 4. – С. 45–53.
8. Артемова О.В., Абрамкина С.Р. (2010): Развитие регионов Российской Федерации в условиях усиления открытости национальной экономики // Социум и власть. – № 2(26). – С. 96–100.
9. Артоболевский С. Западные регионы в российском социально-экономическом ландшафте / С. Артоболевский // VI World Congress for Central & East European Studies. – Tampere, 2000. – P. 38.
10. Атлас демографического развития России / [под ред. ак. РАН Г.В. Осипова и проф. С.В. Рязанцева]. М.: Экономическое образование, 2009. – 220 с.
11. Аузан А.А., Водовьянова, Е.А., Тамбовцев, В.Л. и др. Личная безопасность как экономическое благо: институциональный анализ и институциональное проектирование / колл. монография. – М.: ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2006. – 52 с.
12. Бажанов В.А. Рефлексия в современном науковедении / В.А. Бажанов // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 2. – С. 73–89.
13. База данных «Здоровье для всех» (БД ЗДВ) / Европейское региональное бюро ВОЗ, Копенгаген. URL: <http://data.euro.who.int/hfad/> (дата обращения 15.05.2012).
14. Барбаков О.М. Регион как объект управления / О.М. Барбаков // Социс. – 2007. – № 7. – С.96-100.
15. Барсукова С. Вынужденное доверие сетевого мира. / С. Барсукова // Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 53.

16. Бекман Й. «Карельский вопрос» и экономические интересы Финляндии / Й. Бекман // Петрозаводск-300: Карелия в процессе перемен. Сб. научных статей по материалам международной научно-практической конференции 25–26 сентября 2003 г. – Петрозаводск: Изд. Карельского научного центра РАН, 2004. – С. 99–105.

17. Белов А.В. Финансовая децентрализация и экономический рост в регионах Российской Федерации / А.В. Белов // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 45–57.

18. Бильчак В.С. Региональная экономика. / В.С. Бильчак, В.Ф. Захаров. – Калининград: Янтарная сказка, 1998. – 316 с.

19. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. [Электронный ресурс] / О.А. Бияков. – Томск: Изд-во Томского университета, 2004. – Режим доступа: <http://vtit.kuzstu.ru/books/shelf/book7/index.html>

20. Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.

21. Большие надежды // Forbes. – 2009. – Февраль, № 2 (59). – С. 66–69.

22. Большой экономический словарь / Азрилиян А.Н. – М.: Изд-во «Институт новой экономики», 2008. – 1472 с.

23. Большой экономический словарь / Борисов А.Б.. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.

24. Бочко В.Р. Территориальная конъюгация и формирование интеллектуально-инновационного пространства // Экономика региона. – 2010. – № 2. – С. 7–16.

25. Бударин, Г. Еврорегионы с участием России: история создания и перспективы развития: [Электронный ресурс]: Доклад на XIV «Мастерской будущего» г. Ахен, Германия. 2009 / Г. Бударин. – Режим доступа: http://4cs.ru/materials/publications/wp-id_620.

26. Будевиль, Ж. Экономические зоны / Ж. Будевиль // Собрание «Что я знаю?». – Париж: изд-во P.U.F. – 1961. – № 950.

27. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. / Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 512 с.

28. Бурдые, Пол Социология политики. / П. Бурдые; пер. с фр. Н.А. Шматко; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993.

29. Валиулин Х.Х., Шакирова Э.Р. (2004): Иностраннные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. – № 3. – С. 53–69.

30. Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России, проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. № 2. С. 133–151

31. Вардомский Л.Б. Проблемы и тенденции регионализации постсоветского пространства / Вопросы глобализации и регионализации на пространстве бывшего СССР. – М.: ИМЭПИ РАН. С. 15–36.

32. Войнаренко В.П. Кластеры как институты и институции рыночной экономики // Европейський вектор економічного розвитку. № 2 (13) 2012 г. С. 173–177.

33. Всемирный банк. URL: <http://www.worldbank.org/eca/russian/> (дата обращения 15.05.2012).

34. Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития [Электронный ресурс] / Ю.А. Гаджиев // Электронный Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – №1, 2008. – Режим доступа: <http://koet.syktso.ru/vestnik>

35. Гаджиев Ю.А. Новые формы территориальной организации производства и другие теории регионального экономического роста и развития [Электронный ресурс] / Ю.А. Гаджиев // Электронный Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008. – №3. – Режим доступа: <http://koet.syktso.ru/vestnik>.

36. Гареев Т., Жданов В., Федоров Г. Новая экономика Калининградской области // Вопросы экономики. – 2005, № 2. – С. 23–39.

37. Гареев Т.Р. Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. Выпуск № 3 (13) 2012 г. С. 7–33.

38. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли / Б. Гейтс. – М.: Эксмо-Пресс, 2001.

39. Гегель Г.В.Ф. Наука логики в трех томах. Т. 1 М. «Мысль», 1970. – 501 с. Стр. 90.

40. Генеральная Схема размещения объектов и инфраструктуры туризма в Республике Карелия в составе Схемы территориального планирования Республики Карелия. Доклад: Руководитель проекта Г.В. Алиева, научный руководитель проекта О.В. Толстогузов. – СПб: ФГУП Российский НИИП Институт урбанистики, 2007. – 173 с.

41. Герун Д.В. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа: анализ эффективности для развития экономики регионов / Д.В. Герун // Социально-экономическое и инновационное развитие Юга России. Материалы конференции. – Сочи: РИО СНИЦ РАН, 2009. С. 18–23.

42. Гладкий Ю.Н. Регионоведение: учебник для студентов вызов / Ю.Н. Гладкий, А.Н. Чистобаев. – М.: Гардарики, 2002. – 382 с.

43. Глазырина И.П., Колесникова А.В., Монич И.П. (2010): Развитие приграничной экономики: динамика в период роста и первые итоги кризиса // Экономика природопользования. – № 1. – С. 20–34.

44. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л. М. (2011): Приграничное сотрудничество в свете инновационных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. – № 9 – С. 51–70.

45. Глазырина И.П. Проблемы, перспективы и риски российско-китайского приграничного сотрудничества / Информационно-аналитическая система для исследования динамики и качества экономического роста приграничных регионов. – Чита: ИПРЭК, 2112. – 17 с.

46. Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 2010 году / Министерство по природопользованию и экологии Республики Карелия; Редакционная коллегия: А.Н. Громцев (главный редактор), Ш.Ш. Байбусинов, О.Л. Кузнецов, Т.Б. Ильмаст. Петрозаводск, 2011. 292 с.

47. Гранберг А.Г. Трансформация экономического пространства России // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики. Под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 1999

48. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / А.Г. Гранберг. – М.: ГУВШЭ, 2000. – С. 495

49. Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Сцилла и Харибда региональной политики // Вопросы экономики. – 2008. – № 2. – С. 83–98.

50. Грицай О.В. Центр и периферия в региональном развитии. / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991.

51. Громцев Н.А. Влияние внешнеэкономических связей и приграничного положения Карелии на развитие экономики / Громцев Н.А., Кухарева Т.В., Дружинин П.В. // Карелия в процессе перемен. – Петрозаводск: изд-во Карельского НЦ РАН, 2004. – С. 22–31.

52. Громцев Н.А., Курило А.Е., Кухарева Т.В., Немкович Е.Г., Савельев Ю.В. (2000): Иностранные инвестиции в экономике приграничного региона. – Петрозаводск: ИЭ КарНЦ РАН, 40 с.

53. Громцев Н.А., Дружинин П.В., Кухарева Т.В. Республика Карелия – экспорториентированный приграничный регион // Север и рынок. 2003. № 2. С. 32–38.

54. Гурова С.А., Шишкин А.И. Процесс формирования стратегий социально-экономического развития муниципальных образований. / Труды Карельского научного центра РАН. Выпуск 6, 2004 г. – С. 17–26

55. Гутман Г.В. Регион в решении задач социального государства / Г.В. Гутман, О.П. Звягинцева, А.А. Мироедов. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 160 с.

56. Гэд Т. 4D брэндинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики / пер. с англ. / Т. Гэд. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 228 с.

57. Данько, Т. П. Свободные экономические зоны в мировом хозяйстве: Учебное пособие / Т. П. Данько, З.М. Округ. – М.: Российская экономическая академия им. Г.В.Плеханова, Инфра-М, 1998. – 168 с.

58. Демографический ежегодник Республики Карелия: ст.сб. / Карелиястат. Петрозаводск. 2012. 110 с.

59. Дергачев В.А. Регионалистика: Научные труды в семи книгах [Электронный ресурс] / В.А. Дергачев // Электронное издание на CD. — Издательский проект профессора Дергачева, 2008. — Режим доступа: <http://www.dergachev.ru/book-7/01-2.html>.

60. Де Сото, Эрнандо Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Эрнандо Де Сото; пер. с англ. – М.: Изд-во «Олимп-Бизнес», 2004. – 272 с.

61. Дмитриева Т. Е. Периферийность: содержание, оценка, экономические следствия / Т.Е Дмитриева // Проблемы приграничных регионов России. – М.: ИГ РАН, 2004.

62. Дмитриева, Т. Е. Северное измерение ресурсопользования / Т.Е Дмитриева // Север как объект комплексных региональных исследований: отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005.

63. Днепроvская С. Инвестиции: региональный проект / С. Днепроvская, С. Дробышевский, О. Изряднова, Д. Левченко, Л. Ледерман, Г. Мальгинов, М. Турунцева, П. Хобсон. – М.: СЕПРА, 2002.

64. Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию: пер. с англ. – М.: Весь Мир, Всемирный Банк, 2009.

65. Доклад рабочей группы Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России «О перспективных направлениях развития международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации с государствами Европейского союза, Советом Европы и его структурами», 14.01.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru>.

66. Доктрина развития Северо-Запада России. – СПб: Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», 2001.

67. Долгов С.И. Глобализация экономики. Новое слово или новое явление. / С.И. Долгов. – М., 1998. – С. 13.

68. Долятовский В.А. Зарубежный опыт комплексного развития регионов / В.А. Долятовский // Регионология. – 1994. – № 2–3. – С. 149–156.

69. Дробышевский С. Факторы экономического роста в регионах РФ / С. Дробышевский, О. Луговой, Е. Астафьева, Д. Полевой, А. Козловская, П. Трунин, Л. Ледерман. – М.: ИЭПП, 2005.

70. Дружинин П.В. (2005): Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 245 с.

71. Дружинин П.В. (2008) Особенности инновационных процессов в приграничной Карелии / Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы. – № 2. – С. 78–84.

72. Дружинин П.В. Сотрудничество приграничных регионов: карельская практика / П.В. Дружинин, Т.В. Кухарева // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 8. С. 2–9.

73. Дружинин П.В., Кухарева Т.В. Развитие приграничных регионов: теория и карельская практика // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 8. – С. 2–9.

74. Друзик Я.С. Свободные экономические зоны в системе мирового хозяйства: учебное пособие / Я.С. Друзик.– Минск: ФУАинформ, 2000. – 368 с.

75. Дуженков В.И. Проблемы организации науки (региональные аспекты) / В.И. Дуженков – М.: Наука, 1978.

76. Емельянов В.Е. (2005): Перспектива трансформации промышленных комплексов в транснациональные кластеры / Поиск. Выпуск X. Серия «Экономические исследования». – Мурманск: МГТУ. С. 50–55.

77. Енюков И.С. Методы, алгоритмы, программы многомерного статистического анализа / И.С. Енюков. – М.: Финансы и статистика, 1986.

78. Жеребин В.М., Романов А.Н. Самостоятельная занятость населения. Основные представления и опыт кризисного периода. С. 41–42, 152.

79. Иванов С.А. Структурная перестройка кадрового обеспечения экономики региона / С.А. Иванов. – СПб.: ГУАП, 2009. – 287 с.

80. Игнатов В.Г. Свободные экономические зоны / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов – М.: Ось-89, 1997. – 192 с.

81. Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах / У. Изард. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.

82. Инвестиции в России. 2011: Стат.сб./ Росстат. – М., 2011. – 303 с.

83. Инвестиции в Республике Карелия : Статистический сборник / Карелиястат. – Петрозаводск, 2012. – 48 с.

84. Институциональная экономика; новая институциональная теория. Под ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА – М., 2005 Ковалев Ю.П. (2007): Теоретические вопросы формирования и развития регионов приграничного сотрудничества // Региональные исследования. – № 1. – С. 40–46.

85. Йохансон Б. Агломерации и сети: эффекты в пространственной экономике / Б. Йохансон, Дж.М. Квигли // Пространственная экономика. – 2008. – № 4 (16).

86. Кадочников П. Анализ перераспределения средств между бюджетами субъектов Российской Федерации в рамках системы межбюджетных отношений. Оценка свойств стабилизационных инструментов российских

федеральных властей / П. Кадочников, С. Синельников, И. Трунин, С. Четвериков. – М.: СЕПРА, 2003.

87. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ (социологические зарисовки). С. 257–258.

88. Карачурина Л.Б. Внутривососсийские миграции: региональный анализ [Электронный ресурс] / Л.Б. Карачурина // Демоскоп weekly. – 2004. – № 177–178 // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit06.php>

89. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе: пер. с англ. / М. Кастельс. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с. («Академический бестселлер»).

90. Касьянов В., Нечипуренко В. Социология права / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/kas/05.php

91. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Москва: ТЕИС, 2000. – 213 с.

92. Кендалл М. Дж. Многомерный статистический анализ и временные ряды.: пер. с англ. М. Дж. Кендалл, А. Стьюарт. – М.: Наука, 1976.

93. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и системный менеджмент / Г.Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. – Том 6, № 3, 2008. – С. 27–50.

94. Клейнер Г.Б. Системное моделирование микроэкономических объектов / Г.Б. Клейнер // Системный анализ в экономике. Материалы II межвузовской конференции с международным участием. – Таганрог: ТРТУ, 2001.

95. Княгинин В. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе / В. Княгинин, Ю. Перельгин // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 1–2 (20). – С. 6–11.

96. Козлов А.А. Проблемы экологии и генезиса экономического «лица» регионов // Вестник ТГУ, 2006, № 3. – С. 359–370.

97. Козлов Ю.К. Развитие и размещение машиностроения и методика его планирования / Ю.К. Козлов. – М.: Экономика, 1964.

98. Козырева Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России / Г.Б. Козырева. М.: МОНФ, 2007. 248 с.

99. Кокорев Е.М. Северная периферия: поиски формы выживания / Е.М. Кокорев, А.Н. Пилясов, Г.Н. Ядрышников // Кольма. – 1994. – № 1. – С. 2–6.

100. Коломийченко О.В. Стратегическое планирование развития регионов России: методология и организация / О.В. Коломийченко, В.Е. Рохчин. – СПб.: Наука, 2003. – 235 с.

101. Кондаков И.В. Культура России, Издательство КДУ, 2007 г.
102. Коновалов А.П. Оценка эффективности технологических процессов лесосечных работ / А.П. Коновалов. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2010. 160 с.
103. Корнейчук Б. Информационная экономика / Б. Корнейчук. – СПб.: Питер, 2006.
104. Костюнина Г.М. Промышленно-производственные зоны в зарубежной практике (на примере Мексики) // Российский внешнеэкономический вестник. – № 9. 2008. – С. 13–21.
105. Коуз Р.Г. Природа фирмы / Р.Г. Коуз // Уроки организации бизнеса. – СПб, Лениздат, 1994. – С. 29–50.
106. Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов н/Д, 1999.
107. Кравцова И.В. Основные факторы и условия повышения эффективности приграничного сотрудничества // Известия ТИНРО. 148 т. 2007. – С. 377–385.
108. Красильников О. Региональная асимметрия структурных сдвигов в экономике / О. Красильников // Общество и экономика. – 2001, № 2.
109. Кругман П.Р. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 121–126.
110. Кругман П.Р. Международная экономика: теория и политика: пер. с англ. / П.Р. Кругман, М. Обстфельд. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004.
111. Кузнецов А. Экономический рост и инвестиции URL:// http://invest.rin.ru/cgi-bin/method/search_method.pl?num=179&action=full&PageIn=7&p_n=64 (дата обращения 11.10.2012).
112. Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 442 с.
113. Культурология: теория и история культуры. – М.: Знание, 1998
114. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования [Текст] / Н.И. Лапин // Социс. – 2006. – № 8. – С. 25–34.
115. Лексин В.Н. Территориальное устройство государства: попытка реализации системной методологии анализа / В.Н. Лексин // Российский экономический журнал. – 2003, №1. – С. 55–74.
116. Лавровский, Б.Л. Российские регионы: сближение или расслоение? [Текст] / Б.Л.Лавровский, Е.А.Шильцин // Экономика и математические методы. – 2009. – Т. 45, № 2. – С. 31–36.
117. Лебедева Т.Н. Определение критериев оценки взаимодействия центра и периферии в экономическом пространстве / Т.Н. Лебедева

// Труды научных сессий МИФИ. – Т.13 «Экономика и управление», 2007. – С. 40–42.

118. Лексин В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.

119. Леса много не бывает // Леспроектформ. 2011. № 2. С. 72–76.

120. Лесной комплекс Республики Карелия: состояние и пути развития / Е.Г. Немкович, А.Н. Громцев, А.Ф. Козлов, А.Е. Курило, Т.В. Кухарева, З.И. Шишулина, О.В. Зданович. Под общ. Ред. Е.Г. Немковича, А.Ф. Козлова. Петрозаводск, 2006. 171 с.

121. Лесной комплекс Республики Карелия: Статистический сборник/ Карелиястат. Петрозаводск, 2011. 92 с.

122. Либман А.Н. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ / А.Н Либман // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 5. – С. 8–73.

123. Лисоволик Я.Д. Конкурентная Россия в мире «конкурентной либерализации» / Я.Д. Лисоволик. – М.: Изд-во «Экономика», 2007. – 446 с.

124. Ломакин В.К. Мировая экономика: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 735 с.

125. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики / Ю.Ф. Лукин. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 400 с.

126. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. // Онлайн-словари. – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin>. Дата обращения: 20.03.2010.

127. Мамчиц, Р. Электронная коммерция в ближнем и дальнем зарубежье / Р. Мамчиц // Politekonom. – 2001. – № 3 (16). – С. 74.

128. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. – СПб.: Гидрометеиздат, 2000. – 160 с.

129. Маршалл, А. Принципы экономической науки. Т. 1: пер. с англ. / А. Маршалл. – М, Издательская группа «Прогресс», 1993. – С. 349.

130. Маршалова А.С. Основы теории регионального воспроизводства: курс лекций. / А.С. Маршалова, А.С. Новоселов. – М.: Экономика, 1998. – 192 с.

131. Международная конвенция об упрощении гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1979 года в редакции Протокола от 26 июня 1999 года // Федеральная таможенная служба – [сайт] – URL: <http://ved.customs.ru/ved/info/acts/8-2008-10-01-11-37-03/3-2008-09-30-18-34-04.html>.

132. Международные рекомендации по статистике туризма, 2008 год – Мадрид и Нью-Йорк: ООН, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Статистический отдел, 2010 г. – 167 с.

133. Межевич Н.М. Региональная экономическая политика Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации. –СПб.: СПбГУ, 2002. – 352 с.
134. Межевич Н.М. Балтийский регион: конструктивистская специфика и политические итоги. / Н.М. Межевич. – 2003. – Режим доступа: – Режим доступа: http://megaregion.narod.ru/articles_text_6.htm.
135. Межевич Н.М. Развитие приграничных российских регионов в свете Концепции Минрегионразвития / Н.М. Межевич // Российское экспертное обозрение «Новый поворот в региональной политике?». – 2005. – № 1 (13). – С. 41–43.
136. Межевич Н.М. Развитие приграничных российских регионов в свете Концепции МРР РФ // Российское экспертное обозрение. 2006. – № 4. – С. 10–15.
137. Межевич Н.М. Основные направления региональной политики Российской Федерации. / Н.М. Межевич. – СПб, 2007.
138. Межевич Н. М. Муниципальная внешнеэкономическая политика // Космополис. 2008. № 2. С. 153–157.
139. Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь / Н.М. Межевич. – СПб.: Изд-во «Левша. Санкт-Петербург», 2009. – 260 с.
140. Менкью Н.Г. Принципы экономики: пер. с англ. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004.
141. Минакир П.А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы. // Регион: экономика и социология. – № 1. 2000. – С. 69–84.
142. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / П.А. Минакир. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – 848 с.
143. Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменение / А.А. Минц, В.С. Преображенский // Известия Академии наук СССР. С графическая. – 1970. – № 6. – С. 118
144. Миркин Б.Г. Группировки в социально-экономических исследованиях. [Текст] / Б.Г. Миркин. – М.: Финансы и статистика, 1985.
145. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М. 1996. С. 106.
146. Морозова Т.В. Сельские сообщества России в период рыночной трансформации. С. 159.
147. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Кулакова Л.М. Институциональные основы и социальные практики сельского предпринимательства. С. 67.
148. Морозова, Т.В. Карельская модель трансграничного сотрудничества и развитие приграничных местных сообществ / Т.В. Моро-

зова // Экономическая наука современной России. – 2006. – № 1. – С. 73–88.

149. Нейсбит, Джон Мегатренды / Джон Нейсбит; пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, Ермак, 2003. – 384 с. – (Серия Philosophy).

150. Неклесса, А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство [Электронный ресурс] / А.И. Неклесса // «Золотой Лев». – 2004. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/41_34.htm

151. Неклесса А. Ordo Quadro – Четвертый порядок: Пришествие постсовременного мира. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.imperativ.net/imp12/neclessa.html>. Дата обращения: 14.05.2010.

152. Некрасов Н.Н. Региональная экономика (теория, проблемы, методы) / Н.Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1975. – 317 с.

153. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика: Теория, проблемы, методы. / Н.Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1978. – 343 с.

154. Немкович Е.Г. и др. Внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия: современное состояние, проблемы, перспективы. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. – 120 с.

155. Нефедова Т.Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» / Т.Г. Нефедова // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 1 (44). – С. 62–76.

156. Новоселов А.С. Региональные рынки. / А.С. Новоселов. – М.: ИНФРА. – 1999.

157. Новый экономический и юридический словарь. – М.: Институт новой экономики, 2003.

158. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ классик, 2007.

159. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

160. О демографической ситуации в Республике Карелия: аналитическая записка / Карелиястат. Петрозаводск. 2012. 17 с.

161. Олейник А.Н. Дефицит Права. К критике политической экономики частной защиты / А.Олейник // Вопросы экономики. – 2002. – № 4.

162. Олейник А. Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. 2002. № 1. – С. 46.

163. Олейник А.Н. Модель сетевого капитализма [Электронный ресурс] / А.Олейник // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С. 132–149. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_366.htm.

164. Олех Л.Г. Регионализм и федерализм / Л.Г. Олех. – Новосибирск, 1998. – С. 124.

165. Орехов А.М. Методы экономических исследований: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 344 с.
166. Основные положения региональной политики в Российской Федерации // Российская газета. – 1996. – 11 июня. – С. 4.
167. Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке методы управления: под общ. ред. Ю.В.Савельева. – Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. – 136 с.
168. От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства: отв. ред. А.Н. Пилясов. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1998.
169. Отчет НИР «Разработка Стратегии развития туризма в Республике Карелия на период до 2020 г.». – Петрозаводск: Институт экономики Карельский научный центр РАН, 2006.
170. Периль Б. Приграничное сотрудничество на Северо-Западе России / Б. Периль // Российское экспертное обозрение. – 2006. – № 4. – С. 20–22.
171. Перцухов В.И. Инвестиционный климат: моделирование инвестиционной ситуации в условиях территориального разделения труда. Монография. Краснодар: Изд-во ООО «Ризограф», 2010. – 212 с.: ил. (с. 16)
172. Перцухов В.И. Мотивационная модель инвестиционного поведения субъектов хозяйствования: основные теоретические положения URL: <http://www.gosbook.ru/system/files...2011/11/03/pertsuhov.pdf> (дата обращения 04.12.2012).
173. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания / А.Н. Пилясов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.
174. Планирование размещения производительных сил СССР: Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 1. Планирование размещения производительных сил в период построения основ, упрочения и развития социализма. – М.: Экономика, 1986. – 304 с.
175. Планирование размещения производительных сил СССР: Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 2 Планирование размещения производительных сил на этапе развитого социализма. – М.: Экономика, 1986. – 384 с.
176. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
177. Полтерович В.М.. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики, №4, 2008. С. 4–24.

178. Польшинев А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования [Текст] / А.О. Польшинев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 208 с.
179. Портер М. Конкуренция: Учебное пособие: пер. с англ. / М. Портер. – М.: Изд-ский дом «Вильямс», 2000. – 495 с.
180. Приграничное сотрудничество Карелии с Финляндией: Стат.сб. / Карелиястат, Петрозаводск, 2006. 18 с.
181. Приграничное сотрудничество Карелии с Финляндией (внешнеэкономические связи): Стат.сб. / Карелиястат, Петрозаводск, 2011. 31 с.
182. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках формирования единого экономического пространства. Под ред. В.А.Вашанова. – Москва, СОПС, 2012. – 232 с.
183. Проблемы и перспективы развития транзитных территорий (2003): – Петрозаводск: КГПУ, 164 с.
184. Пробст А.Е. Размещение социалистической промышленности (Теоретические очерки). / А.Е. Пробст. – М.: Экономиздат, 1962.
185. Пробст А.Е. Вопросы размещения социалистической промышленности. / А.Е. Пробст. – М.: Наука, 1971.
186. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России (2002): / под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. – Волгоград: НОФМО, 573 с.
187. Прокопьев Е.А. Модернизационные тенденции лесного комплекса в регионе (на примере Республики Карелия) / Е.А. Прокопьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3. С. 88–95.
188. Прокопьев Е.А. Проблемы развития лесного комплекса Республики Карелия / Е.А. Прокопьев // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 15. С. 55–60.
189. Промышленное производство в Республике Карелия: Статистический сборник/ Карелиястат, – Петрозаводск, 2012 – 162 с.
190. Птичников А.В. Леса России: независимая сертификация и устойчивое лесопользование. М., 1999. С. 20
191. Пчелинцев О.С. Российский экономический рост 1999–2000 гг. в региональном и глобальном контекстах / О.С. Пчелинцев // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 4. – С. 25–43.
192. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. / О.С. Пчелинцев. – М.: Наука, 2004.
193. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы: отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – 618 с.

194. Регионализация // Википедия: Свободная энциклопедия – [Электронный ресурс] – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Регионализация>.
195. Регионы России. Социально-экономические показатели 2012: стат. сб. / М.: Росстат. 2012. 990 с.
196. Реймер, Л.А. Тенденции и проблематика региональных экономических исследований / Л.А. Реймер // Труды Института системного анализа РАН «Теория и практика системных преобразований». – 2004 г. – Т. 10. – С. 262–278.
197. Республика Карелия в цифрах за 2012 год: ст.сб. / Карелиястат. Петрозаводск. 2012. 345 с.
198. Ренар В. Финансирование развития инфраструктуры, переговорный процесс и циклы рынка недвижимости / В. Ренар // Управление недвижимостью и земельными ресурсами предприятий: под. ред. Л.Э.Лимонова, Т.В. Власовой. – СПб: ГП МЦЭСИ «Леонтьевский центр», 2002. – С. 143–156.
199. Римашевская Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 4 (12). – С. 48 – 61.
200. Розин, В.М. О необходимости различения понятий «схема рефлексии», «рефлексивная работа», «контекст рефлексии» / В.М. Розин // Рефлексивные процессы и управление. – Т. 1, 2001, № 1. С. 55–60.
201. Россейкина, Е.Л. Региональная экономика и управление. Часть 2: учебное пособие / Е.Л. Россейкина. – Воронеж: ВГУ, 2003.
202. Российские регионы как международные акторы. Аналитический доклад: под. ред. А.С. Макарычева. – Нижний Новгород, 2000.
203. Российский Север и федерализм: поиск новой модели: отв. ред. А.Н. Пилясов. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1997.
204. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?– М.: Поматур, Независимый институт социальной политики, 2005.
205. Савельев Ю.В., Шишкин А.И. (2003): Современное территориальное стратегическое планирование: состояние, проблемы и организация (опыт Республики Карелия). – Петрозаводск. 2003. – С. 357.
206. Савельев Ю.В. (2010): Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике. Петрозаводск: КарНЦ РАН.
207. Салимов Л. Н. Сущность инвестиционной активности и её значение в управлении региональной экономикой// Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 9 (147). – Экономика. Вып. 20. – С. 83–88.

208. Самарина В.П. Проблемный регион как объект анализа и управления / В.П. Самарина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – № 5. – С. 46–52.

209. Сбережение народа / [под ред. Н.М. Римашевской]. М.: Наука, 2007. – 326 с.

210. Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. – М.-Апатиты-Сыктывкар. Апатиты: из-во Кольского научного центра РАН, 2010. – 213 с.

211. Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии): ред. А.Н. Пилясов.-Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1996.

212. Селин В.С., Истомина А.В. (2002): Экономическое развитие российской части Баренцева Евро-Арктического региона // Регион: экономика и социология. – № 4. – С. 72–87.

213. Семенов А.И. Логистика. Основы теории: учебник для вузов / А.И. Семенов, В.И. Сергеев. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 544 с.

214. Сигов И.И. Теоретические и понятийные основы региональной экономики (российский опыт) / И.И. Сигов. – М.: Вуз и школа, 2005.

215. Сигов И.И. Региональная экономика (понятийный аппарата) / И.И. Сигов. – СПб, 2002.

216. Сигова, С.В. Бюджетное финансирование науки и образования в субъектах Российской Федерации / С.В. Сигова, В.А. Гуртов. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 688 с.

217. Системный анализ экономики региона. Часть 1. Учебное пособие / Составители и научные редакторы К.В. Павлов, М.И. Шишкин. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 348 с.

218. Скадурва И.В. Проблемы интенсификации лесопользования в Республике Карелия// Лесные ресурсы таежной зоны России: проблемы лесопользования и лесовосстановления: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 17–19.

219. Скотт Дж. Кочующие границы / материалы международного семинара. Нарва. 1998 / под ред. О. Бердниковой, В. Воронкова./ Труды ЦНСИ вып. 7. СПб. 1999

220. Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология, Т. 13, № 4, 2012 г.

221. Современный словарь по общественным наукам / О.Г. Данильян, Н.И. панов. – М.: Эксмо, 2005. – 528 с. – (Образовательный стандарт XXI).

222. Социально-экономическое прогнозирование развития региона: под ред. В. Я. Феодоритова, А. И. Попова. – Л., 1977.

223. Страны и регионы. 2008. Статистический справочник Всемирного банка: пер. с англ. – М.: Весь Мир. – 2009.
224. Стратегический план развития города Петрозаводска до 2010 года / Администрация города Петрозаводска, – Петр-к: Скандинавия, 2005. – 80 с.
225. Стратегические приоритеты регионально развития: от теории к принципам формирования единого социально-экономического пространства: под ред. В.В. Окрепилова. – СПб.: Наука, 2009. – 448 с.
226. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2020 года. – Петрозаводск, 2007. – 140 с.
227. Стрелец И.А. Сетевая экономика: учебник / И.А. Стрелец. – М.: Эксмо, 2006. – 208 с.
228. Татаркин А.И. Поляризованный Урал – сочетание программно-целевых и рыночных механизмов управления / А.И. Татаркин, С. Юрпалов, В. Ятнов // Федерализм. – 2001. – № 2. – С. 89–104.
229. Татаркин А.И. Формирование саморазвивающихся регионов и их функционирование / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин // Проблемы теории и практики управления – 2009. – № 5. – С. 50–55.
230. Толстогузов О.В. Анализ внешних и внутренних источников роста приграничного региона (по материалам Республики Карелия) // Экономика и управление. 2009, № 10. – С. 41-46.
231. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма» (2010): под ред. П.Я. Бакланова и М.Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 276 с.
232. Трапскотт Д. Электронно-цифровое общество / Д. Трапскотт. – Киев: INT-Press; М.: Рефл-бук, 1999.
233. Траут Дж., Ривкин С. Дифференцируйся или умирай! Выживание в эпоху убийственной конкуренции. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2007. – 288 с. – (Деловой бестселлер).
234. Траут Дж., Ривкин С. Новое позиционирование. Все о бизнес-стратегии № 1 в мире. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2007. – 224 с. – (Деловой бестселлер).
235. Траут Дж., Райс Э. Маркетинговые войны. Юбилейное издание: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2010. – 304 с.
236. Тьюр К. Базовые понятия Трансграничного Сотрудничества / К. Тьюр // Справочник по трансграничному сотрудничеству.– Таллинн, 2004.– С. 9.
237. Удалов, Д.В. Сетевые и несетевые фирмы / Д.В. Удалов // Экономика и управление. – 2009. – № 1 (39). – С. 40–44.
238. Удальцова М.В., Воловская Н.М., Плюснина Л.К. Социально-трудовые ожидания незанятых людей и их отношение к самостоятельной занятости // Социс.2009, № 7. С. 24.

239. Уильямсон, О.И. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации / О.И. Уильямсон // Уроки организации бизнеса. – СПб, Лениздат, 1994. – С. 51–63.

240. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: пер. с англ. – СПб.: Лениздат, СЕУ Пресс, 1996.

241. Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелия: под общ. ред. Ю.В. Савельева и О.В. Толстогузова. – Петрозаводск: Изд. Карельского НЦ центра РАН, 2008. – 227 с.

242. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. [Текст] / Т.В. Ускова, Т.В. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

243. Фатхутдинов Р.А. Стратегическая конкурентоспособность: учебник / Р.А. Фатхутдинов. – М.: Изд-во «Экономика», 2005. – 504 с

244. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: учебник / Р.А. Фатхутдинов; 5-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 368 с

245. Философские взгляды Н. Бердяева. Н. Бердяев о «русской душе» / <http://www.vehi.net/berdyayev/>

246. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998.

247. Федоров Д.Г. (2007): Типология регионов в едином экономическом пространстве // Вестник РГГУ им. Канта И. Вып. 5. Экономика. С. 55–62.

248. Флоринская Ю.Ф. (2005): Нужен ли России тотальный пограничный контроль // Проблемы прогнозирования. – № 4. – С. 129–135.

249. Хузиятов Т.Д. (2005): Региональная экономическая политика Китая: стратегия возрождения Северо-восточных районов // Регион: экономика и социология. – № 4. – С. 200–207.

250. Чекмарев, В.В. Экономическое пространство как объект и предмет экономической науки [Электронный ресурс] / В.В. Чекмарев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. – 2000. – № 3. – Режим доступа: <http://forum.barrel.ru/filhoz09/statia14.htm>.

251. Челноков, И.В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона / И.В. Челноков, Б.И Герасимов, В.В. Быковский. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 112 с.

252. Черная И. Приграничное сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // Вопросы экономики. – 2005, № 5. – С. 132–135.

253. Черная И.П., Шинковский М.Ю. Приграничный регион в условиях глобализации: теоретико-концептуальные подходы // Пространственная экономика. – 2005, № 2. – С. 46–60.

254. Шарыгин, М.Д. Теоретические основы размещения производительных сил и экономика районов: учебное пособие / М.Д. Шарыгин, М.Д. Гагарский. – Пермь: РИО Пермского университета, 2005. – 226 с.
255. Шинковский М.Ю. (2004): Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // Полис. – № 5. – С. 62–70.
256. Шнипер, Р.И. Региональные предплановые исследования: Экономический аспект / Р.И. Шнипер. – Новосибирск: Наука, 1979.
257. Шнипер, Р.И. Экономические методы управления / Р.И. Шнипер. – Новосибирск: Наука, 1991.
258. Щедровицкий, Г.П. Рефлексия и ее проблемы / Г.П. Щедровицкий // Рефлексивные процессы и управление. – 2001. – Т. 1. № 1. – С. 47–54.
259. Шлямин, В.А. Россия в «Северном измерении» / В.А. Шлямин. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 2002. – 192 с.
260. Шлямин В.А. Российско-финляндские экономические отношения. Проблемы и перспективы. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политехнического университета, 2007. – 292 с.
261. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
262. Челноков, И.В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона [Текст] / И.В. Челноков, Б.И. Герасимов. В.В. Быковский. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 112с.
263. Чемберлин, Э.Х. Теория монополистической конкуренции: реориентация теории стоимости / пер. с англ. / Э.Х. Чемберлин. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.
264. Чубиева И. В. Роль региональных институтов развития в формировании инвестиционной политики моногородов Республики Карелия / И. В. Чубиева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал, 2011. № 3. Электрон. ст. URL: <http://region.mcnip.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=210> (дата обращения: 12.04.2012).
265. Экономика: учебник / под ред. А.И. Архипова, А.К. Большакова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
266. Azavedo A. The fall of Brazilian national borders after Mercosur's formation and its impact on apparent consumption in the nineties // Journal of Borderlands Studies. 2009. № 3. P. 69–82.
267. Barro R. Economic growth and convergence across the United States / R. Barro, X. Sala-i-Martin. – NBER Working paper, 1990.
268. Barro, R. Economic Growth / 2nd ed. / R. Barro, X. Sala-i-Martin. – The MIT Press, 2004.

269. Bernard A.B. Interpreting tests of the convergence hypothesis / A.B. Bernard, S.N. Durlauf // *Journal of Econometrics*. – 1998. – № 71. – P. 161–173.

270. Boari K., Lipparini, A. Networks within Industrial Districts: Organising Knowledge Creation and Transfer by Means of Moderate Hierarchies // *Journal of Management and Governance* 3: 339–360, 1999.

271. Breslin, Shaun and Hook, Glenn D. *Microregionalism and world order: concepts, approaches and implications*. – London: Palgrave Macmillan, 2003. – 272 p.

272. Brühlhart M., Crozet M. and Koenig P. (2004) *Enlargement and the EU Periphery: The Impact of Changing Market Potential* // Hamburg Institute of International Economics, Discussion Paper 270.

273. *Business Clusters: Promoting Enterprise in Central and Eastern Europe* – OECD 2005.

274. Christaller W. (1933) *Die zentralen Orte in Suddeutschland // Eine ökonomischgeographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verteilung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktionen*, 1933.

275. Cohen, S.B. *Geography and Politics in a Divided World*. [Текст] / S.B. Cohen. – London: Methuen, 1964.

276. Combes, Pierre-Philippe & Miren Lafourcade & Jacques-François Thisse & JeanClaude Toutain, (2008). *The rise and fall of spatial inequalities in France: A long-run perspective*. PSE Working Papers 2008/54. PSE (Ecole normale su-périeure).

277. *Cooperation, Environment, and Sustainability in Border Regions*. San Diego: San Diego State University Press and Institute for Regional Studies of the Californias, 2001. 422 p.

278. *Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction*. – Aldershot: Ashgate, 1999. – 394 p.

279. Damijan J. and Kostevc C. (2002) *The Impact of European Integration on Adjustment Pattern of Regional Wages in Transition Countries: Testing Competitive Economic Geography Models* // Center for Transition Economics, Discussion Paper 118.

280. Dimitrov M., Petrakos G., Totev S., and Tsiapa M. (2003) *Cross-Border Cooperation in Southeastern Europe: The enterprise's Point of View* // *Eastern European Economies*, Vol. 41 (6). P. 5–25.

281. Den Hertog. Chapter 5. *Approach to cluster analyses and its rationale as a basis of policy* / Den Hertog et al. // *RISE literature review*. – 2001.

282. Enright M. *Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results* / M. Enright et al. // Working Paper, Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program, University of Hong Kong, 2000.

283. Egidi M., Rizzello, S. Cognitive Economics: Foundations and Historical Evolution. Dipartimento di Economia “S. Cognetti de Martiis: Working paper No. 04/2003.

284. Esteban J.M. On the measurement of polarization / J.M. Esteban, D. Ray // *Econometrica*. 4. 1994. P. 819–851

285. Greenacre M.J. Correspondence analysis in practice. London: Academic Press. 1993.

286. Franc A.G. Sociology of Underdevelopment and the Underdevelopment of Sociology / A.G. Franc // *Catalist*, 1967. № 3. P. 20–73.

287. Friedmann J. Regional Development as a Policy Issue / J. Friedmann, W. Alonso // *Regional Development and Planning*. – Cambridge (Mass.), 1964.

288. Friedmann J. Regional Development Policy / J. Friedmann. – Boston, 1966.

289. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. – The MIT Press, 2001. – 384 p.

290. Gatzweiler, H.-P. Regionale Disparitäten in Deutschland – Grund genug für eine ausgleichsorientierte Raumentwicklungspolitik? / H.-P. Gatzweiler // *Материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика пространственного развития: опыт Северо-Запада России и федеральных земель Германии (Региональная дифференциация и пространственное развитие)*. 14 мая 2010 года. Санкт-Петербург.

291. Gilbert, A. Cities, Poverty and Development: Urbanization in the third world. [Текст] / A. Gilbert, J. Gugler. – Oxford: Oxford University Press, 1982.

292. Hansen N. The Economic Development of Border Regions // *Growth and Change*, 1977, Vol. 8, pp. 2-8.

293. Hansen N. Regional Policy in a Changing World. [Текст] / N. Hansen, B. Higgins, D. Savoie. – N.Y., L., 1990.

294. Hanson G. Economic Integration, intra-industry trade, and frontier regions // *European Economic Review*, 1996, Vol. 40, pp. 941-949.

295. Hanson G. Regional adjustment to trade liberalization // *Regional Science and Urban Economics*, 1998, Vol. 28, pp. 419-444.

296. Heckman J.J. Longitudinal Analyses of Labor Market Data. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

297. Hoover E. The Location of Economic Activity. – Berkshire: McGraw-Hill, 1963.

298. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics / A. Hurrell // *Review of International Studies*. – 1995. – October. – Vol. 21. – P. 333.

299. Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies / R. Inglehart. – Princeton, New Jersey. Princeton University Press, 1997.

300. Joenniemi P. Karelia as a Meeting-place // *Kosmopolis*. – 1996. – N 1. – P. 85–96.
301. Joenniemi P., Sergunin A. When Two Aspire to Become One: City – Twinning in Northern Europe // *Journal of Borderlands Studies*. 2011. V. 26. N 2. P. 231–242.
302. Kinoshita Y., Campos N. (2003), Why does FDI go where it goes? New evidence from the transition economies // Discussion Paper 3984. – London: Centre for Economic Policy Research, 2003.
303. Krugman P.R. *Geography and Trade* / P.R. Krugman. – Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 1991.
304. Krugman P.R. Complex landscapes in economic geography // *American Economic Association, Papers and Proceedings*. – 1994. – № 84.
305. Krugman P.R. *Development, Geography and Economy Theory*. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1995.
306. Labrianids L., Vogiatzis N. Local Delocalization Across Borders: the Case of Garment Quasi – Cluster in the Balkans // *Journal of Borderlands Studies*. 2011. V. 26. N 1. P. 35–51.
307. Lancaster K.J. *Consumer Demand: A New Approach*. – New York: Columbia University Press, 1971.
308. Mäntysalo, R., Land-use planning as inter-organizational learning. University of Oulu, Finland, 2000 – 385 p.
309. McCallum J. (1995) National Borders Matter: Canada–US Regional Trade Patterns // *American Economic Review*, Vol. 85 (3), pp. 615–623.
310. McFadden D. Conditional Logit Analyses of Qualitative Choice Behavior / D. McFadden // in: *Frontiers in Econometrica* / ed. P. Zarembka. – New York, London: Academic Press, 1974. – P. 105–142.
311. Melachroinos K. (2002) European Integration and The Spatial Dynamics of Manufacturing-Employment Change // *Environment and Planning*, Vol. 34. P. 2017–2036.
312. Menard C. Maladaptation of Regulation to Hybrid Organizational Forms / C. Menard. – *International Review of Law and Economics*. – 1998. – Vol. 18. – N 4. – P. 410.
313. Molle W. Region Policy / W. Molle // *Main Economy Policy Areas of the EC after 1992* / Ed. by Coffey P. – 1993. – P. 149–178.
314. Murray T. Benander, L. Technology for Collaborative Decision-making in People-Centered Multiple-Bottom-Line Organizations. DRAFT v. 3.1.05. <http://perspegrity.com/papers/CollabDecisionMaking.pdf>
315. Myrda G. *Economic Theory and Under-developed Regions* / G. Myrdal. – London, 1957.
316. Northwest Russia: current economic trends and future prospects. – Joensuu: University of Joensuu, 2004. – 86 p.

317. Ohmae K. *The Borderless World*. – London: Collins, 1990.
318. Patrucco, P.P. *The Production of Collective Knowledge: Some Evidence from European Metropolitan Areas* // Università di Torino Working paper No. 01/2004.
319. Perroux F. *Economic space: theory and applications* / F. Perroux // *Quarterly Journal of Economics*. – 1950. – V. 64.
320. Petrakos G., Topaloglou L. (2006) *Economic Geography and European Integration: The Effects on the EU External Border Regions* // Discussion Paper Series, 12(8): 153-174 http://www.prd.uth.gr/research/DP/2005/uth-prd-dp-2006-8_en.pdf
321. Perroux F. *Economic space: theory and applications* / F. Perroux // *Quarterly Journal of Economics*. – 1950. – V. 64.
322. Rauch J.E. (1991) *Comparative Advantage, Geographic Advantage and the volume of trade* // *The Economic Journal*, Vol. 101, pp. 1230-1244.
323. Resmini L. (2003) *Economic integration and regional patterns of industry location in transition countries* // 43rd ERSA European Conference, Jyväskylä, Finland.
324. Scott J. *Transnational Regionalization as Paradigm and Political Reality: Consequences for Comparative research and Co-operation Praxis* / *The NEBI Yearbook 2001/2002*. – Springer, 2002. – P. 197–212.
325. Stein, R. *Introduction: Centers and Peripheries in Western Europe* / R. Stein, U.W. Derek // *The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism* / ed. by Stein Rokkan & Derek W. Urwin. – London, Beverly Hills, New Delhi: SAGE publications, 1982.
326. Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P. and Petrakos G. (2006) *A Border Regions Typology in the Enlarged European Union* // *Journal of Borderlands Studies*, Vol. 20 (2). P. 67–89.
327. Wallerstein, I. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16-th Century* / I. Wallerstein. – N.Y.: Academic Press, 1974.
328. Wallerstein, I. *The Politics of the World-Economy* / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
329. Walliser B. *Cognitive Economics*. Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, 2008. 185 p.
330. *World Development Report – 2009. Reshaping Economic Geography*. – Washington, DC: The World Bank, 2009
331. Zimmerbauer K. *Conceptualizing Borders in Cross-Border regions: Case of the Barents and Ireland-Wales Supranational Regions* // *Journal of Borderlands Studies*. 2011. V. 26. № 2. P. 211–229.

Научное издание

**ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

*Печатается по решению
ученого совета Института экономики КарНЦ РАН*

Издание опубликовано в авторской редакции

Сдано в печать 04.05.2015 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 23,4. Усл.-печ. л. 28,5.

Тираж 300. Заказ 276.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50